

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А. М. Анфимов

КРУПНОЕ
ПОМЕЩИЧЬЕ
ХОЗЯЙСТВО
ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССИИ

(Конец XIX — начало XX века)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

Книга представляет собой первый в советской исторической литературе опыт комплексного исследования крупного помещичьего хозяйства России. В работе прослеживается крайне медленная эволюция помещичьих хозяйств, тесное переплетение в них капиталистических и полукрепостнических черт. Автор на большом конкретном материале вскрывает консерватизм, косность, хозяйственный паразитизм, расточительность крупных землевладельцев, реакционную роль помещичьих латифундий, являвшихся сильнейшим тормозом всего общественного прогресса в стране.

Монография содержит ценные сведения для изучения предпосылок демократической и социалистической революций в России.

ВВЕДЕНИЕ

Животрепещущие вопросы сегодняшнего дня в области изучения аграрной истории России периода империализма сделали неизбежной специальную разработку истории помещичьего землевладения и хозяйства. Без изучения указанной темы, как показали последние дискуссии, оказалось невозможным ответить на такие вопросы первостепенного научно-исторического и общественно-политического значения, как характер аграрного строя дореволюционной России, особенности ее аграрно-капиталистической эволюции, уровень развития капитализма в сельском хозяйстве, соотношение и взаимовлияние различных общественно-экономических укладов и др.

Такое положение со всей очевидностью выявилось, в частности, на проведенной в мае 1960 г. Научным советом по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» сессии об основных особенностях аграрного строя России в период империализма. Подводя итоги состоявшейся дискуссии, в которой наиболее важные вопросы решены не были, но были поставлены как научные задачи конкретно-исторического исследования, председатель Научного совета А. Л. Сидоров указывал на необходимость первоочередного изучения кардинальных, узловых проблем, без чего невозможно дальнейшее успешное изучение аграрной истории России империалистической эпохи. К числу таких узловых проблем он относил изучение мелкотоварного крестьянского производства, а также эволюцию помещичьего хозяйства. «В экономике,— сказал А. Л. Сидоров,— воплощением отсталости и дикости являлось полукрепостническое помещичье землевладение, помещичьи латифундии. В связи с этим наиболее важный вопрос — это вопрос о харак-

тере развития помещичьего и крестьянского хозяйства, о системе отношений, складывавшихся между ними»¹.

Дискуссия 1960 г. явилась сильным импульсом для интенсивной разработки проблем аграрной истории дореволюционной России, в том числе и помещичьего хозяйства.

Методологически характер разработки темы вытекает из марксистского определения классов. Это определение, как известно, включает в себя в качестве основных черт класса его место в системе общественного производства данной эпохи, отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда и, как следствие, способы получения «своей» доли продукта общественного производства. Поэтому в центре внимания данного исследования будут находиться наиболее важные вопросы из области отношений собственности и экономики помещичьего хозяйства: землевладение, материально-производственная база, землепользование и системы ведения хозяйства, деятельность помещиков в сфере промышленности и торговли, связь помещичьего землевладения и хозяйства с кредитно-финансовыми учреждениями и со всей системой российского монополистического капитализма. За пределами исследования, из-за необходимости ограничения темы, остаются вопросы, характеризующие место и роль помещичьего класса в общественно-политической жизни страны. Вместе с тем рассмотренные в работе проблемы как раз и имеют целью раскрыть экономические основы политического господства помещиков, показать материальные предпосылки наметившейся социально-политической дифференциации помещичьего класса и исторические причины его крушения. Понятно, однако, что предлагаемой работой данная задача не может быть решена в сколько-нибудь полном объеме, тем более что конкретное изучение помещичьего хозяйства находится еще в самом начале.

Если в исследовании крестьянского землевладения и хозяйства России начала XX в. имеются известные успехи, то этого никак нельзя сказать об изучении помещичьего «сектора». В работах, где необходимо экономическое обоснование разворачивающихся в деревне процессов, обычно проводится арифметическое сопоставление размеров помещичьих латифундий или всего частного землевладения с размерами крестьянских наделных земель. Землевладение помещиков выступает в виде некой цифровой абстракции, как сила, действующая одними своими размерами. Не раскрывается механизм, при помощи которого латифундия подавляла и эксплуатировала окрестное население.

Специальный интерес представляет исследование помещичье-

¹ «Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии Научного совета по проблеме „Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции“. Май 1960 г.». М., 1962, стр. 343.

го хозяйства с точки зрения развития капиталистических форм его ведения и степени этого развития, особенно в плане взаимоотношения помещичьего и крестьянского хозяйств, их взаимного влияния друг на друга. Без конкретно-исторического анализа указанных вопросов нельзя считать вполне выясненными и те глубинные явления, которые способствовали грандиозному крушению многовекового господства крепостников в 1917 г. Ближайшее рассмотрение экономики помещичьего хозяйства показывает, что в нем самом протекали такие процессы, которые если и не стали непосредственной причиной его гибели, то во всяком случае сильно облегчили ликвидацию помещичьего землевладения.

Дореволюционная литература, посвященная описанию отдельных помещичьих экономий, имела дело с теми относительно немногими объектами, которые действительно отличались передовой организацией и лучшими результатами ведения хозяйства. К тому же описания, как правило, замалчивали отрицательные явления, показывали лишь положительные, прогрессивные стороны, создавая крайне преувеличенное представление об уровне развития помещичьего хозяйства, о его «культурно-прогрессивной роли» в сельском производстве; здесь помещик предстает перед нами рачительным, предприимчивым, культурным хозяином.

Выяснение истинного облика правящего сословия и «культурно-хозяйственного» влияния помещичьих имений представляется поэтому немаловажной задачей.

К концу XIX — началу XX в. аграрный вопрос в России чрезвычайно обострился. Как указывал В. И. Ленин, революционное движение начала века «исторически характеризуется именно тем, что громадное большинство населения России, именно крестьянство, выдвинуло земельный вопрос на самое первое место»². В 1905—1906 гг. это движение вылилось в крестьянскую аграрную революцию.

Аграрный вопрос к этому времени стал главной темой экономической и политической литературы. Появилось огромное количество книг, брошюр, статей, написанных с разных классово-партийных позиций.

Представители дворянско-апологетического направления выдвигали самые различные доводы в пользу сохранения и укрепления помещичьего землевладения, вплоть до запугивания, что Россия как великая держава погибнет, если будет обезземелено,

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 238.

а, следовательно, и уничтожено «первое сословие» страны — дворянство. Многие из них упорно пытались доказать, что никакого малоземелья крестьяне в России вообще не испытывают, а потому не может быть и речи о дополнительном наделении их за счет помещиков. Среди дворянских идеологов были и такие, кто, подобно графу А. А. Салтыкову, считал крестьянское малоземелье положительным явлением, благодаря которому «обеспечивается тот минимум потребности частновладельческого хозяйства и сельской промышленности в рабочей силе, без удовлетворения которого... русский народ умер бы с голоду»³. По убеждению Салтыкова, единственным способом дать приложение вакантным ныне рабочим силам населения должно быть улучшение помещичьего хозяйства, создание для него таких условий, при которых явился бы расчет его развивать и расширять, что даст заработок свободным рабочим силам крестьян⁴.

Точка зрения «умеренных» защитников частного землевладения принципиально не отличалась от взглядов Салтыкова. Признавая факт малоземелья в отношении лишь незначительной части крестьян (например, дарственников), они не возражали против дополнительного наделения из казенных, удельных, монастырских земель, но не за счет частновладельческих. Для улучшения крестьянского хозяйства «умеренные» предлагали все что угодно — замену общинного владения личной собственностью, переход к отрубному и хуторскому хозяйствам, уничтожение чересполосности земель, распространение сельскохозяйственных знаний, повышение агротехники, улучшение пород скота, введение травосеяния и технических культур, огнестойкое строительство и т. д. и т. п., но, главное, требовали, чтобы частновладельческая земля оставалась неприкосновенной.

Основной аргумент «умеренных» в защиту помещичьего землевладения, выдвинутый наиболее видным представителем этой группы бывшим министром земледелия А. С. Ермоловым, состоял в том, что доход, получаемый крестьянами с наделных и арендованных земель, якобы значительно меньше того, что они зарабатывают в качестве работников помещичьей экономики. Ермолов вычислил, что с 37 млн. дес. земли, которая находилась в собственном пользовании помещиков, крестьяне получали в виде заработков 705 млн. руб. в год, тогда как со своих наделных и арендованных земель, за вычетом издержек производства, — лишь 466 млн. руб. В случае перехода указанных 37 млн. дес. в руки крестьян за выкуп, например по 4 руб. в год за десятину, крестьяне из валового дохода в 346 млн. руб. должны будут ежегодно уплачивать 148 млн. руб. выкупных взно-

³ А. А. Салтыков. Голодная смерть под формой дополнительного надела. (К критике аграрного вопроса). СПб., 1906, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 30.

сов, за вычетом которых вся их выручка составит только 198 млн. руб. Правда, освободившись от арендной платы, они выиграют еще 48 млн. руб., но это лишь уменьшит общую сумму потери, которая составит в итоге 459 млн. руб. Если же земли перейдут к крестьянам без выкупа, рассуждал Ермолов, они сэкономят на этом 276 млн. руб., но зато от собственного хозяйства на полученных землях будут иметь чистого годового дохода только 231 млн. руб. вместо 705 млн. руб. прежнего заработка. По расчетам Ермолова, крестьяне на этой земле смогут применить рабочую силу на 302 млн. руб.; в итоге у них останется неиспользованного труда на 403 млн. руб., которому они не найдут применения⁵.

Расчеты Ермолова были явно фальсифицированными. Пытавшийся опереться на них в I Государственной думе главноуправляющий землеустройством и земледелением А. С. Стишинский потерпел позорный провал. Кадет Петрункевич тогда же поймал их автора с поличным⁶. Выступивший тут же трудовик С. В. Анискин сказал: «Все эти опасения о том, что крестьяне останутся без работы, без заработка, напрасны. Да, конечно, если упразднить крупные имения и отдать землю мужику, кто-то останется без заработка, особенно если считать заработком казачью службу, полицейскую, получение аренды, штрафов и пр. и пр. Только без заработка останутся не люди труда»⁷.

Позднее буржуазный экономист С. Н. Прокопович подробно разобрал расчеты Ермолова. Прокопович показал, что если бы вся частновладельческая земля перешла к крестьянам, они получили бы полностью с обрабатываемых земель дохода на 164 млн. больше, чем зарабатывали на ней у помещиков. Доведя распахку на этих землях с 24%, как было у помещиков, до нормы крестьянских земель (43% распахки), они получили бы дополнительно еще 169 млн. руб.⁸

Прокопович верно указал, что для Ермолова не существует различий между землями, обрабатываемыми собственным (владельческим) и крестьянским инвентарем, ему дорого все поме-

⁵ А. С. Ермолов. Наш земельный вопрос. СПб., 1906, стр. 49—58.

⁶ Крестьянин, сказал, в частности, Петрункевич, имеет 15 руб. дохода с десятины, обрабатывая ее в качестве батрака, и получит всего 5 руб., когда земля сделается собственностью этого крестьянина. Но «ведь к этому чистому доходу надо причислить и ту заработную плату, которую крестьянин сам себе заплатит, и я полагаю, что он заплатит себе эту заработную плату более щедро, чем получает в экономии помещика». Однако буржуазному либералу Петрункевичу эти доводы были нужны, конечно, отнюдь не для защиты интересов крестьянства («Работы Первой Государственной думы» СПб., 1906, стр. 244).

⁷ Там же, стр. 263.

⁸ С. Прокопович. Крестьянское малоземелье.— «Товарищ», 13 марта 1907 г.; он же. Доходность крестьянского хозяйства.— «Товарищ», 10 апреля 1907 г.

щичье землевладение, а потому и расчет строится в целом по средним цифрам. Но «уши либерала» видны и в расчетах Прокоповича. Ему не могло быть не известно, что за переходом к крестьянам помещичьей земли, обрабатываемой крестьянским инвентарем путем отработок, непременно последовало бы повышение ее доходности. Между тем этого Прокопович не учитывает, и его расчет доходности крестьянского хозяйства после присоединения помещичьей земли следует считать заниженным. Главное же состоит в том, что нагромождением цифр Прокопович смазывал необходимость полного отчуждения частновладельческих земель.

Либеральное лукавство Прокоповича разоблачил Ленин в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов». Он писал, что этот меньшевистствующий кадет или кадетствующий меньшевик прекрасно выразил дух и смысл либеральной аграрной программы. «Вопрос о собственно крепостнических латифундиях и о латифундиях вообще совершенно смазан»⁹, — замечает В. И. Ленин.

Своеобразной разновидностью апологетики помещичьего землевладения была позиция партии либеральной буржуазии — кадетов. В литературе она отчетливее всего представлена в работах А. А. Кауфмана — одного из авторов столыпинского аграрного законодательства. А. А. Кауфман не объединял в одно целое, как это делал Ермолов, капиталистические и крепостнические помещичьи имения. Более того, он соглашался, что земли крепостнических латифундий, сдаваемые крестьянам в кабальную аренду или обрабатываемые крестьянским инвентарем, должны быть изъяты у их владельцев. «Крупное землевладение при арендном хозяйстве, — писал А. А. Кауфман, — не имеет за себя никакого оправдания... То же самое приходится сказать и о тех владельческих землях, на которых практикуются разнообразнейшие формы издольной обработки, — которые обрабатываются крестьянами из части обработанной земли или из части получаемого продукта...»¹⁰ Такого рода землевладение кадеты были согласны подвергнуть «принудительному отчуждению», конечно, по «справедливой оценке», дабы не обидеть помещиков. Из отчужденных помещичьих, а также казенных, удельных и церковных земель они предлагали образовать государственный фонд для наделения безземельных и малоземельных крестьян.

Но среди помещичьих имений, продолжал Кауфман, есть еще «та категория хозяйств, которые можно назвать хозяйствами *культурно-капиталистического типа*». Ликвидировать их «значило бы существенным образом сократить производительные силы страны...»¹¹ Защите этого типа хозяйств, сохранению под видом

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 210.

¹⁰ А. А. Кауфман. Аграрный вопрос в России. Изд. 2. М., 1918, стр. 220.

¹¹ Там же, стр. 222, 225.

их возможно большего количества земли в руках помещиков кадетские ораторы в Думе посвятили немало речей. Однако им не удалось обмануть крестьянских депутатов, большинство которых отвергло лицемерный кадетский проект с его «справедливой оценкой», с его симпатиями к «культурно-капиталистическим» помещичьим экономиям. «Нет, господа», — говорил в I Государственной думе депутат от крестьян трудовик Онинко (Ставропольская губ.), — не о сохранении культурных хозяйств вы должны заботиться, а о том, чтобы крестьяне действительно перестали голодать. Дайте крестьянству всю землю и, когда оно вздохнет, наконец, когда заживет по-человечески, тогда и идите насаждать ему сельскохозяйственную культуру, тогда эта культура действительно привьется на протяжении всего нашего отечества»¹².

Защите «культурно-капиталистического хозяйства» А. А. Кауфман посвятил специальную работу, которая была опубликована в 1907 г. в кадетском двухтомнике «Аграрный вопрос»¹³.

В интересах «объективности» автор не навязывает читателю каких-либо выводов, читатель должен сделать их сам, осмысливая материал статьи. Но что это за материал? Работа Кауфмана построена в основном на данных описаний нескольких десятков лучших помещичьих имений (1895—1897 гг.)¹⁴. Другой источник — четырехтомное издание «Краткие сведения о некоторых русских хозяйствах» (1900—1904 гг.) — также содержал данные о «выдающихся» экономиях, доставленные самими помещиками в целях саморекламы.

Ради «объективности» автор приводит несколько примеров нерациональной постановки производства, но общая тенденция работы совершенно ясна. По его мнению, значительная доля помещичьих имений представляет собой культурные, прогрессирующие экономии, которые надо ограждать от конфискации и ликвидации.

Работа Кауфмана имела целью подвести «научный» базис под кадетскую аграрную программу — программу, которая шла, по словам В. И. Ленина, «по линии столыпинского, т. е. помещичьего буржуазного прогресса»¹⁵. В решении кардинального вопроса — о судьбах помещичьего землевладения — кадеты, называвшие себя «партией народной свободы», оказались в одном лагере с октябристско-черносотенными защитниками дворянской собственности.

Линия, разграничивающая диаметрально противоположные взгляды на решение аграрного вопроса, отделяла от либералов лагерь народнической, мелкобуржуазной демократии (эсеры,

¹² «Работы Первой Государственной думы», стр. 255.

¹³ А. А. Кауфман. К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения. — «Аграрный вопрос», т. II. М., 1907.

¹⁴ «Описания отдельных русских хозяйств», вып. 1—13. СПб., 1895—1897.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 222.

трудовики, «народные социалисты»), выступивший решительным противником помещичьего землевладения и в этом смысле вместе с рабочим классом и его партией составивший один антипомещичий лагерь. Среди народнических партий существовали различия во взглядах и колебания по вопросу о способах ликвидации и последующего распределения помещичьей земли. Так, трудовическая программа (законопроект 104-х) допускала частичный выкуп, эсеры требовали строгой уравнительности и «социализации» земли, «народные социалисты», предполагая выкуп, смыкались в этом вопросе с кадетами. Тем не менее все народнические партии исходили из необходимости ликвидации частного землевладения и в этом проявлялся их революционный демократизм.

Главным пунктом теоретических построений, исходя из которых идеологи народничества подвергали критике частную земельную собственность вообще и крупное землевладение в особенности, служил тот факт, что существует определенная и очень существенная разница в условиях приложения капитала к земле крупным предпринимателем и мелким крестьянином: последний «не гонится за рентой и за процентом», тогда как первый не будет вкладывать капитал в землю, если он не принесет ему средней прибыли. Как известно, на это различие указывал еще К. Маркс, добавляя, что и при этих условиях преимущество в конечном счете остается за крупным хозяйством. Народники же, вслед за ревизионистами из европейской социал-демократии (Давид, Герц), опираясь на данный факт, говорили о преимуществах мелкого хозяйства перед крупным, предпринимательским. Из того, что в стоимость продукта крестьянского хозяйства прибыль и рента могут и не входить, делался в конце концов вывод о больших возможностях для развития производительных сил в мелком «трудовом», чем в капиталистическом хозяйстве. «Крупное хозяйство,— писал экономист-народник В. А. Косинский,— в технико-экономическом отношении отнюдь не выше крестьянского»; более того, «интенсивность крестьянского хозяйства должна расти и притом даже до высшего предела, чем тот, который доступен капиталистическому хозяйству»¹⁶.

Вольные или невольные заблуждения большого числа русских экономистов-народников объясняются условиями пореформенного развития страны и прежде всего русской деревни. Помещичье хозяйство далеко не безболезненно перестраивалось на капиталистический лад, многие дворяне после 1861 г. разорились. Напротив, освобожденное от крепостной зависимости крестьянство в первые десятилетия после реформы достигло некоторых успехов, оттеснив на хлебном рынке помещичье хозяйство. Аграрный кризис конца XIX в. привел к разорению части капи-

¹⁶ В. А. Косинский. К аграрному вопросу, вып. 1. Одесса, 1906, стр. 478.

талистических хозяйств или к возрождению в некоторых из них отработков и испольщины. Страдавшее от помещичьей эксплуатации, податного и полицейского гнета, давления аграрного кризиса крестьянство беднело и разорялось, выделяя в то же время небольшой слой кулаков. Выход из создавшегося положения рисовался народникам во всемерном развитии мелкого хозяйства. Одним представлялось возможным достигнуть этого в рамках существующего строя с содействием правительства и «общества» (либеральные народники). Другие требовали уничтожения помещичьего землевладения, уничтожения частной собственности на землю, уравнительного землепользования (революционные народники). Последние, несмотря на утопичность их социальных прогнозов, объективно были выразителями стремления российского крестьянства к решительной ломке сложившихся аграрных отношений, к расчистке пути для свободного капиталистического развития.

Здесь нет нужды в полемике с экономической теорией народничества. Ее до конца разгромил В. И. Ленин в своих трудах еще в 90-х — начале 900-х годов. Укажем лишь, что идеологи народничества объединяли в одну экономическую категорию помещичье землевладение и помещичье хозяйство и смешивали разные экономические типы помещичьего (отработочные, капиталистические) и крестьянского хозяйства (натуральные, простые товарные, капиталистические). В сочетании с «методом» средних цифр и общих рассуждений все это приводило к явно ненаучной, путаной критике народниками помещичьего хозяйства и частного землевладения.

Вот как сопоставлял, например, технико-экономические показатели у крестьян и помещиков представитель позднего народничества, один из экономистов так называемой организационно-производственной школы¹⁷ А. Н. Челинцев¹⁸:

Процент интенсивных культур в посеве	У помещиков	У крестьян	Голов скота на 100 дес. посева	У помещиков	У крестьян
Картофель	2,4	3,4	Крупного рогатого скота	28,8	55,9
Сахарная свекла	5,1	4,2	Свиней	10,9	24,2
Овощи	0,2	0,7	Овец	44,2	90,0
Лен	0,5	2,0			
Конопля	0,1	0,7			

Соединяя воедино помещичьи капиталистические экономии и хозяйства, обрабатываемые крестьянским скотом и инвента-

¹⁷ Организационно-производственная теория представляла крестьянский двор как замкнутую хозяйственную единицу, по сути дела игнорируя ее связи с окружающей средой.

¹⁸ А. Челинцев. Помещичье хозяйство в России перед революцией.— «Записки института изучения России», т. II. Прага, 1925, стр. 52, 54.

рем, автор получает для сопоставления средние цифры, которые в сравнении с крестьянским хозяйством (тоже в целом) дают невыгодную для помещиков картину. Автор игнорирует такой важный момент, как потребительский характер значительной доли посевов картофеля, льна, конопли, овощей у крестьян, как и тот факт, что при крестьянском малоземелье количество скота на единицу посева далеко не является показателем интенсивности хозяйства.

Немало путаницы в понимание экономического значения помещичьего землевладения и хозяйства внесли меньшевики и прежде всего «главный теоретик» меньшевизма по аграрному вопросу П. П. Маслов. Его пресловутая теория отрицания абсолютной ренты сводила на нет роль монополии частной собственности на землю, смазывала тормозящее всякий прогресс влияние крепостнических латифундий, фактически вела к отказу от необходимости решительной борьбы против помещичьего землевладения.

В. И. Ленин, как известно, подверг масловскую «теорию» резкой критике. Он писал: «Тот, кто отвергает абсолютную ренту, отвергает всякое экономическое значение частного землевладения, как *препятствия* для развития капитализма»¹⁹.

Действительно, даже крепостнические латифундии русских помещиков Маслов не рассматривал с этой точки зрения. Весь свой анализ экономической жизни пореформенной деревни и революционной борьбы крестьянства против помещиков он свел к борьбе крупного и мелкого, капиталистического и продовольственного хозяйства²⁰.

Ленину пришлось также выступить против части большевиков, которые не поддерживали программу национализации земли и требовали раздела конфискуемых помещичьих и т. п. земель в частную собственность крестьян. Критикуя разделистов, Ленин указывал, что они теряют из виду историческую перспективу, перескакивают через целый этап развития. Разделисты, писал Ленин, «повторяют ошибку нашей „отрезочной“ программы 1903 года. Источником этой последней ошибки было то, что, верно определяя *направление* развития, мы неверно определили *момент* развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве (минус кабальные „отрезки“ — отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию и неспособным поэтому к „крестьянской аграрной революции“. Не „боязнь“ крестьянской аграрной революции породила ошибочную программу, а *переоценка степени* капиталистическо-

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 161.

²⁰ П. Маслов. Аграрный вопрос в России, т. II. СПб., 1908, стр. 138—140.

го развития в русском земледелии. Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью,— капиталистическое хозяйство на надельной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением.

Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила. Марксистский анализ классов русского общества так блестяще подтвержден всем ходом событий вообще и первыми двумя Думами в частности, что немарксистский социализм подорван окончательно. Но остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали, они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из *этого* движения оселок всей буржуазной революции... Исправление ошибки состояло в том, что вместо частной задачи борьбы *с остатками старого* в земледельческом строе мы должны были поставить задачи борьбы *со всем старым земледельческим строем*. Вместо очистки помещичьего хозяйства поставили *уничтожение* его».

И далее Ленин пояснял, почему партия решила поддержать крестьянство в его борьбе за полное уничтожение помещичьего хозяйства: «Если требование конфискации всех помещичьих земель оказалось исторически правильным... то это означало, что широкое развитие капитализма требует новых отношений землеустройства, что зачатки капитализма в помещичьем хозяйстве могут и должны быть принесены в жертву широкому и свободному развитию капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства»²¹.

Мы позволили себе почти полностью привести это замечательное суждение В. И. Ленина по двум обстоятельствам. Во-первых, именно в нем, как нам представляется, отчетливее, чем где-либо, дано объяснение того, почему русские марксисты не выдвигали конфискации помещичьих и национализации всех земель в стране до первой революции в качестве программного требования и выдвинули лишь в ходе революции.

Во-вторых, здесь содержится определение места и значения помещичьего хозяйства в земледельческом строе и самого земледельческого строя, вытекающее из опыта революции.

Известные успехи капиталистического развития сельского хозяйства в годы столыпинской реформы дали пищу для новых отклонений от ленинского учения об аграрном вопросе в России, нашедшие наиболее откровенное выражение в работах меньшевиков-ликвидаторов — Ю. Ларина, Н. А. Рожкова и др. Искажением действительности было утверждение Н. А. Рожкова, будто в России уже «совершилось перерождение помещичьего крепостнического хозяйства в буржуазное, капиталистическое», причем «дворяне приняли буржуазный облик, стали настоящи-

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 268—270.

ми капиталистами-предпринимателями. Исключение — хозяйства старого типа, — конечно, все еще есть, но число их быстро идет на убыль»²².

Разоблачая эти и подобные им домыслы, В. И. Ленин писал, что Рожков «до смешного преувеличил „перерождение“ крепостнического хозяйства в буржуазное»²³ и что, вопреки утверждениям Рожкова, на деле кучка господствующих в стране крепостников-помещиков не бессильна, а всеильна²⁴.

Определяя марксистские программно-тактические перспективы большевистской партии и борясь против всякого рода уклонов, В. И. Ленин глубоко изучал экономическую и социальную роль помещичьего землевладения и хозяйства. Он первым из марксистов показал природу помещичьего землевладения в России — основы полукрепостнической эксплуатации крестьян и политического господства крепостников-помещиков, определив роль этого землевладения как главного тормоза всего общественного развития страны. Сделав научное определение барщинного хозяйства, Ленин вскрыл его пережитки в земледельческом строе послереформенной России. Ленин первым ввел в научный оборот понятие «системы хозяйства» и исследовал ее особенности и развитие применительно к России. Ленину принадлежит и разработка программных установок марксистской партии по отношению к частному землевладению и помещичьему хозяйству на разных этапах капиталистической эволюции.

Этим, конечно, не исчерпывается все значение ленинских трудов для решения проблем, связанных с историей помещичьего землевладения и хозяйства. Но из сказанного ясно, что Ленин дал все главное, что необходимо для плодотворной работы в этом направлении.

И тем не менее советские историки еще очень мало сделали в области изучения помещичьего хозяйства.

Первые общие характеристики помещичьего землевладения и хозяйства, высказанные не как результат специальных исследований, а попутно с другими вопросами, мы встречаем в трудах крупнейших представителей советской марксистской исторической науки периода ее становления — М. Н. Покровского и А. В. Шестакова. М. Н. Покровский, в частности, указывал, что в ходе развития капитализма разорялись только мелкие землевладельцы — дворяне, тогда как крупное землевладение оказывалось и более прогрессивным и наиболее устойчивым²⁵. Он считал, что земельная знать держала власть в своих руках потому,

²² Н. Рожков. Современное положение аграрного вопроса в России. — «Наша заря», 1913, № 6, стр. 42.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 401.

²⁴ См. там же.

²⁵ М. Н. Покровский. История России с древнейших времен, т. V. изд. 2. М., 1918, стр. 95—96.

что «крупное землевладение в черноземной полосе оказывалось наиболее буржуазным»²⁶. А. В. Шестаков выдвинул тезис о ведущей, прогрессивной роли помещичьего хозяйства: «Всюду дело начиналось частными владельцами, за которыми тянулась богатая часть деревни»²⁷.

Не без влияния приведенных высказываний, а главным образом вследствие неизученности предмета в исторической литературе утвердились некоторые априорные положения, или целиком неправильные, или характеризующие какую-либо одну сторону сложного явления. К числу таких априорных положений, в той или иной мере разделявшихся прежде и автором данной работы, относятся, в частности, положения о том, что крупные латифундии дробились и сокращались в ходе развития капитализма, в результате чего сила их крепостнического гнета ослабевала; что империализм воздействовал на их развитие в том же направлении; что аграрная революция 1917 г. носила социалистический характер; что капиталистически организованные помещичьи хозяйства стали основной базой для создания крупного социалистического производства в виде первых совхозов, коммун, артелей. Приведенные положения встречались и в работах других авторов — отсылаем читателя к специальному историографическому исследованию К. Н. Тарновского, давшего обстоятельный разбор перечисленных выше воззрений²⁸.

В течение целых десятилетий советские историки практически не изучали помещичье хозяйство, и лишь сравнительно недавно появились первые работы.

Начало конкретному исследованию помещичьего землевладения было положено Л. М. Ивановым, изучившим распределение земельных владений на Украине в 1877 и 1905 гг. в сравнении с Европейской Россией²⁹. Автор убедительно показал, что, несмотря на интенсивную мобилизацию помещичьего землевладения, оно к началу первой русской революции сохраняло латифундиальный крепостнический характер и что при значительных различиях остатки крепостничества отчетливо сохранялись в землевладении всех губерний Украины. Серию последующих работ по изучению эволюции помещичьего хозяйства открыл М. И. Козин докладом о помещичьем хозяйстве Латвии на второй (Московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1959 г.)³⁰.

²⁶ Там же, стр. 93—94.

²⁷ А. В. Шестаков. Капитализация сельского хозяйства России. М., 1925, стр. 69.

²⁸ К. Н. Тарновский. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 — начало 1930-х гг.). — «Исторические записки», 78.

²⁹ Л. М. Иванов. Распределение землевладения на Украине накануне революции 1905—1907 гг. — «Исторические записки», т. 60.

³⁰ М. И. Козин. Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства Лиф-

Стимулирующим фактором и определенным переломным моментом в изучении помещичьего землевладения и хозяйства явилась постановка ряда актуальных вопросов аграрной истории России периода империализма на последующих симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы. В докладах и выступлениях по этим вопросам выявились различные точки зрения на аграрный строй России, в том числе на характер помещичьего хозяйства, и подготовлена почва для более широкой постановки на обсуждение научной общественности вопроса об особенностях аграрного строя России в период империализма. Как уже указывалось, прошедшая в мае 1960 г. дискуссия помогла более четко выявить различия во взглядах историков на характер аграрного строя и послужила своего рода толчком к интенсивной разработке аграрной тематики, выдвинув в числе самостоятельных и первоочередных тем исследование эволюции помещичьего хозяйства.

Новым явлением на этом этапе было расширение аспектов изучения темы и круга привлекаемых источников. Л. М. Ивановым была сделана удачная попытка подойти к решению одного из важнейших и труднейших вопросов — соотношению капиталистической и отработочной систем ведения помещичьего хозяйства, для чего автором впервые были привлечены материалы земской оценочной статистики по украинским губерниям. Автор показал исключительную пестроту систем хозяйства, самое причудливое переплетение капиталистических и полукрепостнических отношений на Украине в конце XIX в.³¹

Интересное исследование провел Э. М. Шагин по помещичьему хозяйству Рязанской губернии, разработав бланки похозяйственных описаний и показав засилье кабально-крепостнических форм хозяйства³².

Л. П. Минарик провела значительную работу по конкретному изучению многих помещичьих имений и групп владений. Ею восстановлена история образования земельных состояний крупнейших собственников, а для самых крупных сделана удачная попытка определить преобладающие системы ведения хозяйства. Л. П. Минарик выявила владельцев почти всех латифундий, учтенных статистикой землевладения 1905 г. и предприняла крити-

ляндской губернии во второй половине XIX в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 год». М., 1961.

³¹ Л. М. Иванов. О капиталистической и отработочной системах в сельском хозяйстве помещиков на Украине в конце XIX в.— «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М., 1961.

³² Э. М. Шагин. К вопросу об уровне развития капитализма в деревне среднечерноземной полосы России в конце XIX — начале XX в. (По неопубликованным материалам рязанской статистики).— «Ученые записки Хабаровского гос. пед. ин-та», т. IX, 1961.

ческую проверку этой статистики по крупным владениям³³. Исследуя историю Ракитянского имения Юсуповых, Л. П. Минарик показала, что даже в этом образцовом для своего времени имении Черноземного центра преобладающей оставалась отработочная система и другие кабальные формы хозяйствования³⁴.

Некоторые важные вопросы развития помещичьего хозяйства в отдельных районах рассмотрены в появившихся в последнее время статьях Д. И. Будаева, Е. Н. Гуменюка, Э. М. Савицкого³⁵. Несколько статей было ранее опубликовано автором данной работы в ходе ее подготовки³⁶.

Крупным событием в литературе по истории аграрных отношений в России явился выход в свет двухтомного исследования П. Н. Першина³⁷. На основе самого разнообразного материала автор дал широкую обобщающую картину эволюции сельского хозяйства страны и крестьянского революционного движения от реформы 1861 г. до 1917 г., а также хода и результатов аграрных преобразований Великой Октябрьской социалистической революции. В монографии четко показан процесс разложения феодальных форм ведения помещичьего хозяйства и смены

³³ Л. П. Минарик. Состав и история землевладения крупнейших помещиков России.— «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. 7. М., 1966; она же. «Статистика землевладения 1905 года» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения России в начале XX века.— «Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв.» М., 1964.

³⁴ Л. П. Минарик. Помещичье хозяйство Ракитянского имения Юсуповых в 1907—1913 гг.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1960, № 4; она же. Система помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых (1900—1913 гг.)— «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. 5. М., 1962; она же. Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России конца XIX—начала XX в.— «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. 6. М., 1965; она же. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX—начала XX в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год». Кишинев, 1966.

³⁵ Д. И. Будаев. Соотношение капиталистической и отработочной системы в земельном хозяйстве помещика Барышникова Дорогобужского уезда Смоленской губернии во второй половине XIX—начале XX в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 год»; Е. Н. Гуменюк. Магнатское поместье в Галиции в период капитализма (1871—1910 гг.) (По материалам архива Потоцких).— Там же; Э. М. Савицкий. Помещичье землевладение и землепользование в Белоруссии в начале XX в. (1905—1917 гг.)— Там же.

³⁶ А. М. Анфимов. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX—начале XX в.— «Исторические записки», т. 63; он же. Хозяйство крупного помещика в XX в.— «Исторические записки», т. 71; он же. Карловское имение Мекленбург-Стрелицких в конце XIX—начале XX в.— «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. 5; он же. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России.— «Вопросы истории», 1965, № 7.

³⁷ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, кн. I и II. М., 1966.

их капиталистическими, превращения значительной части крепостнического землевладения в буржуазную земельную собственность. Несмотря на интенсивность этих процессов, автор приходит к выводу, что продажа дворянских имений владельцам других сословий не меняла существенно общей картины распределения земли и что «разоренные массы деревни, придавленные крепостнической эксплуатацией, были вынуждены вести полуголодное существование»³⁸. Несмотря на то, что исследование помещичьего хозяйства не составляет специального предмета в работе П. Н. Першина, многочисленные материалы монографии показывают исключительное обострение противоречий между помещиками и крестьянством, неизбежность решительной войны между ними.

Из краткого обзора литературы по теме очевидно, что имеющиеся работы не могут пока еще составить основу для широких обобщений. В силу этого приходится почти все главные вопросы решать на первичном материале источников. Между тем положение с источниками таково, что его мало назвать трудным.

Как известно, земская статистика накопила огромный, до сих пор еще не освоенный историками материал по экономике крестьянского хозяйства, в том числе на ценнейшей основе подворных описей. Помещичьи же хозяйства сплошному похозяйственному обследованию впервые были подвергнуты только в 1916 г., и полученные таким образом данные не с чем сравнить. Да и сами материалы переписи 1916 г. (как и последующей переписи 1917 г.) опубликованы в виде поуездных итогов, не позволяющих выделить типы хозяйств. Имеется весьма ценная разработка итогов переписи 1916 г. по помещичьим хозяйствам, сгруппированным по размерам посева, использованная нами для характеристики их в годы первой мировой войны³⁹. Частично эта сводка, именуемая далее «Сводом по России», используется и в настоящей работе, но она представляет свод по всей стране, без выделения районов, и не содержит данных о землевладении той или иной посевной группы, что опять-таки не дает возможности выделить типы хозяйств.

В работе используются материалы проводившихся некоторыми земствами оценочных обследований частновладельческих хозяйств. К сожалению, таких переписей очень мало, по изучаемой территории они распределены весьма неравномерно и проводились в разное время, по разным программам. В частности, обследования частновладельческих хозяйств были проведены в разное время и по отдельным уездам Вологодской, Псковской,

³⁸ П. Н. Першин. Аграрная революция в России, кн. I, стр. 82—83.

³⁹ А. М. Анфимов. «Свод по России» как источник для изучения помещичьего хозяйства XX века.— «Проблемы источниковедения», т. VIII. М., 1959.

Калужской, Харьковской, Казанской, Петербургской, Новгородской, Тульской, Херсонской губерний и тем не менее это все-таки самые ценные источники.

Другой вид источников составляют изданные описания имений. Среди них есть описания, проводившиеся правительственными органами; сборники сведений, сообщаемых по анкетам самими частными владельцами; описания, составлявшиеся по заказам владельцев для всемирных и всероссийских выставок.

При решении целого ряда вопросов привлекаются разнообразные документальные публикации: «Материалы по статистике движения землевладения в России»⁴⁰, «Статистика землевладения 1905 года»⁴¹, отчеты Государственных Дворянского⁴² и Крестьянского банков⁴³, итоги Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916⁴⁴ и 1917 гг.⁴⁵, материалы по долгосрочному кредиту⁴⁶ и т. д. Пороки официальной царской статистики, о которых писал В. И. Ленин, чрезвычайно затрудняют исследование и заставляют иногда пользоваться теми усредненными показателями, какие в ней есть.

Определенное количество сведений о помещичьем хозяйстве содержится в специальной сельскохозяйственной литературе, а также в периодической сельскохозяйственной печати, представленной многочисленными центральными и местными сельскохозяйственными журналами, бюллетенями, листками и т. п. Из столичных (петербургских и московских) журналов наибольшее значение имели «Земледельческая газета», «Вестник Московского общества сельского хозяйства», «Хозяин» (с 1906 г.— «Нужды деревни») и др. Большое распространение получили региональные органы: «Юго-восточный хозяин», полтавский «Хлебороб» и др.

В работе использованы архивные фонды. Это прежде всего многочисленные личные архивы владельцев имений, фонды центральных государственных учреждений (Совета министров, министерства внутренних дел, Главного управления землеустройства и земледелия и др.), Государственного Дворянского земельного банка, ряда земельных банков, сельскохозяйствен-

⁴⁰ «Материалы по статистике движения землевладения в России», вып. XIII. СПб., 1907; вып. XXV. Пг., 1917.

⁴¹ «Статистика землевладения 1905 года». СПб., 1907.

⁴² «Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1887—1916 гг. СПб.—Пг., 1889—1918.

⁴³ «Отчет Крестьянского поземельного банка» за 1883—1913 гг. СПб.—Пг., 1885—1915.

⁴⁴ «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями)», вып. 1. «Европейская Россия». Пг., 1916.

⁴⁵ «Поездные итоги Всероссийской и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям». — «Труды ЦСУ», т. V, вып. 2. М., 1923.

⁴⁶ «Статистика долгосрочного кредита в России. 1915 г.». Пг., 1915.

ных обществ и т. д. Особенно ценным представляется собрание дел Дворянского банка, содержащих однотипные подробные описания заложенных имений, нередко с поверочными, а иногда и с повторными (при перезалогах). Учитывая, что в этом банке и его Особом отделе было принято в залог свыше 33 тыс. имений и многие перезакладывались (всего дел по имениям свыше 64 тыс.), разработка этого документального массива, несомненно, дала бы ценнейшие результаты. А главное, появилась бы твердая основа для строго обоснованного, научного решения важного вопроса о преобладающих системах ведения помещичьего хозяйства как по отдельным районам, так и по стране в целом.

Автор, естественно, не мог ставить перед собой столь грандиозную задачу, а потому и не связывает себя обязательством решать этот вопрос в какой-либо категорической форме, оставляя за собой право на гипотетические суждения, ограниченные пределами изученного материала. В целом источники исследования представлены массой разнообразных, разнохарактерных и противоречивых материалов, сведение и анализ которых представляют большие трудности.

Наличие и качество источников и имеющаяся литература диктуют определенные ограничения работы. Об одном из сюжетных ограничений уже было сказано — это отказ от попытки определения преобладающей системы ведения собственного помещичьего хозяйства. Некоторые другие вопросы, такие, например, как торгово-ростовщическая деятельность помещиков, частный кредит и др., рассматриваются из-за недостатка источников не в полном объеме.

Источники же подсказывают и введение некоторых формальных моментов в само определение помещичьего хозяйства. Дело в том, что статистика, как правительственная, так и земская, оперировала, как правило, двумя категориями хозяйств: крестьянские и частновладельческие. К числу последних относились все, независимо от размеров, хозяйства «некрестьянского» типа, в том числе и такие, которые в экономическом отношении были ближе к крестьянским. Стремясь по возможности исключить их из рассмотрения, мы даем следующее приблизительное определение помещичьего хозяйства: достаточно крупные размеры землевладения или землепользования (на собственной или арендованной земле) не менее 50 дес. или, при меньшей площади, достаточно крупные размеры капитала, вложенного в те или иные отрасли сельского хозяйства, независимо от сословной принадлежности владельца.

Исключаемая этим определением доля частновладельческих хозяйств довольно велика, но удельный вес ее в землевладении незначителен (не более 15%). Поэтому, когда нет возможности выделить собственно помещичье хозяйство, рассматривается частновладельческое хозяйство в целом. При столь большом удель-

ном весе (85%) все существенные признаки помещичьего хозяйства сохраняют свое значение и в случае указанного суммарного изучения.

Так как главным объектом исследования предполагается крупное землевладение и хозяйство, установлены следующие границы групп (дес.):

	По землевла- дению	По посевной площади
Мелкое	50—100	до 50
Среднее	100—500	50—250
Крупное	свыше 500	свыше 250

Грани эти очень условны, в разных районах значение размеров групп имело неравный экономический смысл, но они необходимы как средний определитель, облегчающий группировку и анализ конкретных данных. В тех случаях, когда источник не позволяет выделить высшие группы по размерам землевладения или хозяйства, для рассмотрения берется все помещичье хозяйство. Это допущение становится возможным потому, что удельный вес крупного землевладения достаточно велик (72%); таким образом, именно эта группа определяла все существенные признаки всей категории в целом. Другим выходом из положения является рассмотрение данных по дворянскому сословию, так как именно дворяне концентрировали в своих руках львиную долю крупного землевладения (в 1905 г. — 72%) и составляли основную массу помещиков. Другие ограничения и допуски, вызываемые состоянием источников, оговариваются по ходу изложения.

Наконец, ограничения в области обобщений и выводов. Относительность, неокончательный характер научных выводов не лишают их права на существование. В ряде случаев мы ограничиваемся либо указанием на преобладающую тенденцию, либо постановкой вопроса в виде предмета для дальнейших исследований.

Появлением в свет данной монографии автор обязан большому числу товарищей по работе в Институте истории АН СССР, многим историкам других научных учреждений и вузов. С особой признательностью автор отмечает неоценимую помощь своих покойных учителей — доктора исторических наук профессора А. Л. Сидорова и доктора исторических наук профессора В. К. Яцунского. Их памяти и посвящается эта книга.

ПОМЕЩИЧЬЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РОССИИ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА

ЗЕМЛИ КРЕСТЬЯН И ЧАСТНЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Вопрос о земле, всегда игравший первостепенную роль в борьбе классов, стал поистине великим вопросом для России начала XX в. Подобно тому, как перед реформой 1861 г. все общественные вопросы сводились к отмене крепостного права, так к кануну первой буржуазно-демократической революции и после нее главный узел классовой борьбы завязывался в конечном счете вокруг необходимости буржуазной ломки сложившихся после реформы 1861 г. поземельных отношений. Аграрно-крестьянский вопрос приобрел общенациональное значение, стал стержнем, «гвоздем» назревшей революции.

Этот факт на первый взгляд представляется историческим парадоксом — Россия имела огромные размеры неиспользуемой земли. Плотность населения к 1915 г. составляла всего лишь 9,5 человека на 1 кв. версту, тогда как, например, в Бельгии равнялась 295 человекам, в Великобритании — 208, в Германии — 143, во Франции — 84 человекам и т. д. Даже в Европейской России плотность населения составляла всего лишь 31 человек на 1 кв. версту, а между тем именно здесь, особенно во внутренних губерниях, крестьяне испытывали острое малоземелье и вели решительную борьбу за превращение всей земли в общенародную собственность и прежде всего за ликвидацию помещичьих латифундий.

Аграрный строй России имел такие особенности, которые делали эту борьбу неизбежной прежде всего из-за специфики крупного помещичьего землевладения.

Место помещичьего землевладения в общей массе земель Европейской России, пригодных для утилизации в целях сельскохозяйственного производства, определяется из следующих дан-

ных, вычисленных В. И. Лениным по «Статистике землевладения 1905 года» (в млн. десятин)¹:

	Земли, распределенные по размерам владений	Земли, не распределенные по размерам владений	Всего
Частновладельческие	89,5	12,2	101,7
Надельные	136,9	1,9	138,8
Казенные и учреждений . . .	5,1	34,4	39,5
Итого . . .	231,5	48,5	280,0

В числе 89,5 млн. дес. земли, распределенной по размерам владения, лишь 3,6 млн. дес. принадлежали 272 крупнейшим (свыше 1000 дес.) торгово-промышленным товариществам. Из остальных 85,9 млн. дес. земли, находившейся в личной собственности у 752 881 владельца, 618 983 владения (82,3%) были размером менее 50 дес. Земли у этих владельцев было 6,6 млн. десятин — всего лишь 7,6%. Остальная земля (79,3 млн. дес.) находилась в руках 133 898 собственников. Другими словами, у 17,7% собственников было сконцентрировано 92,4% частновладельческой земли.

Как помещичье хозяйство, так и помещичье землевладение должны интересовать нас не сами по себе, а прежде всего в связи с крестьянским хозяйством. Вычислим поэтому размеры крестьянского землевладения и сопоставим его с помещичьим.

Ошибка многих наших историков состоит в том, что они, по примеру статистиков 900-х годов, при сопоставлении размеров крестьянского и помещичьего землевладения сравнивают площадь наделных земель со всей площадью частновладельческой земли, не учитывая, что к последней, как показано выше, относилась масса владений размером до 50 дес., из которых лишь очень немногие могли бы считаться помещичьими. Более того, из 618 983 владений этого размера 446 331 владение принадлежало крестьянам, которые имели 4253,8 тыс. десятин купчей земли; эту землю, следовательно, нужно прибавить к наделной. Надельной же земли, распределенной по владениям, у 11 998 705 крестьянских дворов насчитывалось 124 078 тыс. дес. Кроме того, в число частновладельческих земель вошли 3729,4 тыс. дес., принадлежавшие 17 665 сельским обществам и 7654 тыс. дес., бывшие в собственности 53 016 крестьянских товариществ; и эти земли, без сомнения, нужно причислить целиком к крестьянским. Таким образом, из общей площади крестьянских и помещичьих земель в 219,0 млн. дес. помещикам принадлежало 79,3 млн. дес., или 36,2%. Другими словами, более

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 197.

Таблица 1

**Крестьянские и помещичьи земли в Европейской России в 1905 г.
по районам (тыс. дес.) ***

Районы **	Надельные земли крестьян		Купчие земли крестьян	Всего земли у крестьян	Всего земли у крестьян и част- ных владельцев	Частовладельческие земли (свыше 50 дес.)		
	Число владений	Площадь				Число владений	Площадь	% ко всей площади
Северный	352 511	7 894	533	8 427	9 666	2 659	1 239	12,8
Северо-западный . . .	479 604	5 378	1 614	6 992	13 651	13 057	6 659	48,8
Прибалтийский . . .	62 384	2 484	1	2 485	6 114	2 218	3 629	59,4
Западный	847 285	9 565	1 509	11 074	23 050	20 055	11 976	52,0
Средневожский с Заволжьем	1 507 434	20 162	957	21 119	32 575	6 544	11 456	35,2
Центрально-промыш- ленный	1 343 033	11 137	2 483	13 620	19 990	18 795	6 370	31,9
Северо-черноземный	2 131 688	14 691	2 053	16 744	25 005	21 402	8 261	33,0
Южно-черноземный	1 199 546	8 605	974	9 579	13 427	9 422	3 848	28,7
Юго-западный . . .	1 114 104	6 160	655	6 815	12 346	7 150	5 531	44,8
Южный степной . . .	1 113 349	9 222	2 081	11 303	21 662	20 994	10 359	47,8
Нижевожский с Заволжьем	1 847 767	28 780	2 777	31 557	41 547	11 622	9 990	24,0
Итого	11 998 705	124 078	15 637	139 715	219 033	133 918	79 318	36,2

* «Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской Рос-
сии». СПб., 1907.

** Губернии сгруппированы по районам так, как они группировались статистиками 80—90-х годов XIX в. («Историко-статистический обзор промышленности в России», т. I и II. СПб., 1883 и 1886). Северный район — губернии Архангельская, Олонецкая, Вологод-
ская; Северо-западный — Петербургская, Новгородская, Псковская; Средневожский
с Заволжьем — Костромская, Нижегородская, Вятская, Пермская; Промышленный —
Тверская, Московская, Смоленская, Калужская, Владимирская, Ярославская; Запад-
ный — Витебская, Виленская, Минская, Могилевская, Гродненская, Ковенская; Прибал-
тийский — Эстляндская, Лифляндская, Курляндская; Юго-западный — Киевская, Под-
ольская, Волынская; Южный степной — Бессарабская, Херсонская, Екатеринослав-
ская, Таврическая, Донская; Средне-черноземный — Тульская, Рязанская, Орловская,
Курская, Тамбовская, Пензенская, Черниговская; Южно-черноземный — Воронежская,
Харьковская, Полтавская; Нижевожский с Заволжьем — Казанская, Симбирская,
Самарская, Уфимская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская. Эта система район-
ирования принималась В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» без
каких-либо перегруппировок и пересчетов, но с оговоркой, что «район „нижевожский
и заволжский“ составлен неудачно, ибо к степным губерниям с громадным производ-
ством зерна присоединена Астраханская (в ней недостает хлеба на продовольствие) и
Казанская с Симбирской, более подходящие к среднечерноземной полосе»
(В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 252, прим.). Учитывая это замечание
В. И. Ленина, нам придется в некоторых случаях рассматривать отдельно части Ниже-
вожского района с Заволжьем. Статистики 800-х годов не только не улучшили пре-
жнюю систему экономического районирования, но немного ухудшили ее, отойдя от
хозяйственно-экономических принципов в сторону административного и национально-
этнического признаков (Новороссия, Малороссия, Белоруссия и т. п.).

Таблица 2

Крестьянская наделная земля и помещичьи латифундии в России в 1905 г. по районам *

Районы	Количество земли, дес.		
	Крестьянской наделной	Помещичьей (свыше 500 дес.)	
		дес.	%
Северный	7 894 142	948 483	12,0
Северо-западный	5 378 435	5 074 225	94,3
Западный	9 564 711	9 523 538	99,6
Прибалтийский	2 483 807	3 501 898	141,0
Центрально-промышленный	11 137 044	1 069 458	9,6
Средневолжский с Заволжьем	20 162 036	10 638 254	52,8
Северо-черноземный	14 691 238	5 335 063	36,3
Южно-черноземный	8 605 042	2 638 780	30,7
Юго-западный	6 159 829	4 693 159	76,2
Южный степной	9 221 636	7 363 676	79,9
Нижеволжский с Заволжьем	28 780 170	8 411 565	29,2
Итого	124 078 090	59 198 099	47,7

* «Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России».

трети земли находилось в руках собственников, доля которых в числе всех владельцев земли едва превышала 1%.

Из 79,3 млн. дес. 59,2 млн., т. е. почти $\frac{4}{5}$ всей площади приходилось на долю латифундий размером свыше 500 дес. Дворянам принадлежало 52,4 млн. дес. (около $\frac{3}{4}$ всей земли), из которых 44,5 млн. дес. составляли латифундии (свыше 500 дес.). Размеры владений дворян были, как правило, выше среднего.

Пойдем далее и рассмотрим, в каком отношении, прежде всего количественном, к крестьянскому землевладению находились частновладельческие земли по разным губерниям и районам страны. Как видно из табл. 1, наибольшую долю в общей площади частновладельческие земли занимали в Прибалтике (59,4%). За ней следовали Западный район (52%), Северо-западный (48,8%), Южный степной (47,8%) и Юго-западный (44,8%). Значительна она была в Северо-черноземном районе и в Поволжье.

Обратимся к соотношению крестьянских наделных земель и крупных помещичьих латифундий по тем же районам (табл. 2).

Оказывается, что площадь латифундий составляла в Прибалтике 141% к наделной крестьянской земле, в западных и се-

веро-западных губерниях — почти равнялась ей, на Правобережной Украине составляла 76,2%, в Поволжье превышала половину, в земледельческом центре составляла почти треть, а в целом — около половины (47,7%).

Таким образом, крестьянское малоземелье было обратной стороной многоземелья помещиков.

ЛАТИФУНДИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОМЕЩИЧЬЕГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Таблица 2 убеждает, что вопрос о гнете латифундий над местными крестьянами и о гнете владельцев этих латифундий над всем крестьянством, как и над всем поработанным народом, совсем не прост и отнюдь не может быть сведен к одним крупным размерам имений в том или ином районе, хотя сами эти размеры имели огромное значение. Если исходить из столь упрощенного понимания историко-экономических явлений, мы должны бы ожидать наибольшего развития кабально-крепостнической эксплуатации в районах наибольшего скопления крупных владений (Прибалтика, Белоруссия, Юго-запад), между тем главным районом крепостничества в сельском хозяйстве и осиным гнездом наиболее закоснелой массы помещиков, чьи идеалы выражала пуришкевичевщина, были как раз внутренние губернии, где латифундий насчитывалось сравнительно мало, землевладение ближе было к средним размерам. Дело, очевидно, заключалось в исторических, географических и иных условиях складывания всего аграрного строя страны, в котором комплекс крупного землевладения, служившего материальной основой экономического господства аграриев в деревне и политического всевластия в стране, определял характер этого аграрного строя, независимо от местных различий в размерах и доле латифундий.

Данные официальной статистики землевладения 1905 г. вскрывают главную особенность частного землевладения в России — исключительно высокую концентрацию земельных богатств в руках немногочисленной группы владельцев, засилие крупных помещичьих латифундий.

Чтобы отчетливее представить значение крупного латифундного землевладения, рассмотрим таблицу 3, в которой показано частное землевладение Европейской России и Германии по сопоставимым группам².

Как показывает таблица 3, в России на латифундии размером свыше 1000 дес. приходилось две трети помещичьей земли,

² «Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России». СПб., 1907, стр. 78; «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1909». Berlin, 1909, p. 55.

в Германии же владения подобных размеров составляли всего лишь 5,2% площади, а преобладали имения в 200—500 га (31,4%). В России средний размер имений составлял 592 дес., а в высшей группе (св. 1000 дес.) — 3767 дес.; в Германии соответствующие цифры — 159 и 1350 га. Разница, таким образом, громадная: латифундии в России были в 2,8 раза, а все имения — в 3,7 раза крупнее, чем в Германии.

Таблица 3

Частное землевладение в Европейской России и в Германии

Россия, 1905 г.				Германия, 1907 г.			
Размеры имений, дес.	Число имений	Площадь, тыс. дес.	% к итогу	Размер имений, га	Число имений	Площадь, тыс. га	% к итогу
50—100	44 877	3 230	4,1	50—100	36 494	2 501	26,2
100—200	31 388	4 577	5,8	100—200	10 679	1 499	15,7
200—500	29 800	9 520	12,0	200—500	9 389	3 004	31,4
500—1000	13 982	9 816	12,4	500—1000	3 129	2 054	21,5
св. 1000	13 851	52 175	65,7	св. 1000	369	498	5,2
Итого:	133 898	79 318	100,0		60 060	9 556	100,0

Рассматривая данные по Германии за 1907 г. и Венгрии за 1895 г., В. И. Ленин писал: «В Германии, например, хозяйств, имеющих свыше 100 гектаров земли, 23 тысячи из 5½ миллионов, и у них меньше $\frac{1}{4}$ доли всей земли, а в Венгрии таких хозяйств 24 тысячи из 2,8 миллионов, и земли у них 45% всего количества земли в стране!! Четыре тысячи венгерских магнатов имеют свыше 1000 десятин каждый, а все — почти *треть* земли. Как видите, это уже недалеко до „матушки России“»³.

Оценивая степень концентрации частной земельной собственности в Европейской России по статистике 1905 г., В. И. Ленин писал: «Нелегко найти в Европе и даже во всем мире страну, где сохранилось в таких чудовищных размерах крупное крепостническое землевладение»⁴. Отмечая этот факт, Ленин был тем более прав, что перед ним была не полная, а фактически фальсифицированная картина, namного занижающая степень концентрации земельных богатств в стране. Все крупнейшие владения царские статистики объединили в одну группу «свыше 10 тыс.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 378.

⁴ Там же, стр. 275.

дес.», скрыв тем самым действительные размеры крупных владений.

Параллельная и в значительной части совместная работа автора и известной исследовательницы поместного землевладения Л. П. Минарик⁵ дала возможность восстановить истинное положение дела. Сведения разысканы по 616 владениям (88,1%) из 629 владений площадью свыше 10 тыс. дес. Получилось следующее⁶:

Размеры имений, тыс. дес.	Количество имений	Размеры имений, тыс. дес.	Количество имений
10—25 . . .	411	100—250 . . .	28
25—50 . . .	125	250—500 . . .	4
50—75 . . .	37	500—650 . . .	2
75—100 . . .	9		

Итого имений

Итак, статистики объединили в одной общей группе свыше 10 тыс. дес. громадные латифундии, многие из которых достигали размеров по 100 тыс. и более десятин земли.

Такова картина поистине грандиозной концентрации земли в отдельных владениях.

В нашем распоряжении имеются, кроме того, данные по 476 имениям названной группы с точно установленными размерами владений. Из них видно, что 48,7% земли этой группы приходилось на латифундии-гиганты размером свыше 50 тыс. дес. каждая. Располагаем мы также сведениями по 518 дворянским латифундиям из 527 всех дворянских имений размером свыше 10 тыс. дес., разграниченным на более мелкие группы (до 100 тыс. дес. — с интервалами в 10 тыс. дес., а свыше 100 тыс. дес. — с интервалами в 100 тыс. дес.). Размеры крупнейших имений, как правило, известны, так как по ним легче было обнаружить необходимые сведения. Это дает нам возможность сконструировать вариационный ряд не только с указанием интервалов, но и с количеством земли, приходящейся на ту или иную группу. В наших расчетах мы сделаем только одно в известной мере произвольное, но не лишенное логических оснований допущение. Оно состоит в том, что имения, по которым сведений разыскать не удалось, относятся нами к группе 10—25 тыс. дес. Сделав указанное допущение и исчислив для небольшого числа имений размеры по средним значениям имеющихся у нас более мелких интервалов (т. е. переходя к дискретному распределению), полу-

⁵ Пользуюсь случаем выразить Л. П. Минарик искреннюю благодарность за оказанную мне помощь и любезное согласие на публикацию здесь данных о крупном землевладении.

⁶ Вследствие обилия источников, по которым устанавливался размер владений, перечень их здесь привести невозможно.

чим таблицу, которая, если и содержит некоторые отклонения от истинного положения, то отнюдь не в сторону преувеличения земельной концентрации (табл. 4).

Таблица 4

**Частная земельная собственность Европейской России
в 1905 г.**

Размеры владений, дес.	Количество владений	Количество земли, тыс. дес.
до 10	409 864	1625,2
10—50	209 119	4891,0
50—200	76 265	7806,8
200—500	29 800	9519,7
500—1000	13 982	9816,3
1000—5000	12 054	23771,8
5000—10 000	1 098	7604,8
10 000—25 000	494	7240,8
25 000—50 000	125	4687,5
50 000—75 000	37	2312,5
75 000—100 000	9	787,5
100 000—250 000	28	3098,0
250 000—500 000	4	1416,7
500 000—650 000	2	1255,5
Итого	752 881	85834,1

Данные статистики 1905 г. собирались не по владельцам, а отдельно по каждому владению. Поэтому в сводных данных показано не число владельцев, а количество владений. Иными словами, каждый владелец фигурирует в «Статистике землевладения 1905 года» столько раз, сколько у него зарегистрировано имений. В какой мере затушевывается таким образом концентрация земли, увидим из следующих данных, сведенных в табл.5.

Таким образом, из 124 имений семи владельцев в высшую группу (свыше 10 тыс. дес.) могли попасть лишь 32 имения. Остальные же 92 имения разбивались по соответствующим низшим группам. Статистика отражала 112 латифундий свыше 500 дес., между тем все они, включавшие в себя 1 млн. дес., принадлежали всего лишь семи владельцам. Характерно, что владения В. П. Кочубея, в общей сложности составлявшие огромное земельное состояние в 32,5 тыс. дес., не попадали в высшую группу, так как ни одно из них не достигало 10 тыс. дес.

Таблица 5

Число имений у некоторых крупных владельцев

Владельцы	Число имений размером, дес.							Всего имений	Всего земли, тыс. дес.
	до 50	50—200	200—500	500—1000	1000—5000	5000—10 000	Свыше 10 тыс.		
И. И. и Е. А. Воронцовы-Дашковы	1			1	4	8	7	21	240,8
З. Н. Юсупова		1	3		7	4	6	21	215,9
А. А. и В. А. Орловы-Давыдовы				1	1	6	8	16	242,0
С. Д. Шереметев				6	13	3	4	26	151,2
Н. А. Бяратинская				2	2		4	8	69,4
С. В. Орлов-Давыдов			2	3	3	2	3	13	86,0
В. П. Кочубей	3		2	1	12	1		19	32,5
Итого	4	1	7	14	42	24	32	124	1037,8

Статс-секретарь А. М. Безобразов родовых поместий в собственности не имел, ожидая лишь наследства из имения матери в 4000 дес. в Киевской губернии; зато жена его имела в пяти губерниях 17 820 дес. земли, из них 520 дес. высоко доходных городских земель в Петербурге⁷. Директор Эрмитажа и Русского музея гр. Д. И. Толстой, имевший в Воронежской губернии 1900 дес., должен числиться в группе владельцев до 5000 дес., но так как его жена имела в Киевской губернии 4000 дес., то его земли следует считать по группе свыше 5000 дес.⁸

Браки в ряде случаев сильно увеличивали концентрацию землевладения. Из таблицы мы видели, какое приданое принесла кн. Юсупова своему мужу гр. Ф. Ф. Сумарокову-Эльстон, который сам был крупным землевладельцем (31,2 тыс. дес.). К общему владению И. П. и Н. П. Балашовых в 346 тыс. дес. в результате брака второго из братьев с гр. Е. А. Шуваловой прибавилось еще 100 тыс. дес. в 12 имениях.

Путем сложения площадей имений, расположенных в разных

⁷ «Список гражданским чинам первых четырех классов. Чины четвертого класса». Испр. по 1 марта 1914 г., ч. 1. СПб., 1914, стр. 234.

⁸ «Список гражданским чинам первых четырех классов. Чины первых трех классов». Испр. по 1 марта 1914 г. СПб., 1914, стр. 754.

местах, установлены действительные размеры сосредоточения земельных богатств в руках крупных помещиков (см. приложение).

Укажем, что приведенные в списке размеры владений далеко не полностью раскрывают степень концентрации земельной собственности в руках крупнейших земельных магнатов. В нем показаны лишь площади имений, лично принадлежавших данному владельцу, без учета земли, числившейся собственностью других членов семьи; если площадь земли членов семьи не превышала 30 тыс. дес., она, естественно, в списке не отражается. Между тем сплошь и рядом мы встречаем случаи, когда фактическая площадь землевладения одной помещичьей семьи состоит из владения двух или даже нескольких ее членов. Если, например, размеры землевладения Балашовых видны из списка полностью, так как в собственности обоих братьев и Е. А. Балашовой было более чем по 30 тыс. дес. у каждого, то во множестве других случаев дело обстоит иначе.

Еще чаще бывало так, что владения отдельных членов семьи не превышают 30 тыс. дес. и потому не учтены в списке; но если суммировать их площади вместе, то получим в итоге владения крупнейших размеров. Например, у М. М. и К. Н. Кочубей было земли 25 972 дес.; так как из них 17 756 дес. было в нераздельном владении, можно думать, что оба имения представляли собой единый хозяйственно-административный комплекс. Добавляя два имения жены М. М. Кочубея — Д. Е. Кочубей (урожд. Богарнэ) общей площадью 5577 дес., получим крупнейшее владение свыше 30 тыс. дес. Наследственные владения В. П. Кочубея с имениями его матери (урожд. Кушелевой-Безбородко) составляли вместе 26 057 дес. Прибавляя к ним площадь трех имений его жены (урожд. Кочубей), равную 4807 дес., опять-таки получаем владение свыше 30 тыс. дес.

155 земельных магнатов с площадью свыше 50 тыс. дес. земли на каждого владели в совокупности 16,1 млн. дес. — более одной пятой всего частного землевладения страны в 1905 г.

Еще рельефнее выглядит концентрация земли, если учесть, что крупные собственники были, как правило, связаны самыми тесными родственными узами. Так, крупнейшая группа с близкой родственной принадлежностью к фамилии Шуваловых (представители 32 фамилий, в том числе Бобринские, Шереметевы, Нарышкины, Воронцовы, С. М. Голицын и др.) владела землей площадью 7,2 млн. дес., а 13 собственников, состоявшие в родстве с Мещерскими, были обладателями 2,7 млн. дес. Группа родственников польского происхождения (9 семей, в том числе Потоцкие, Браницкие, Сангушко и др.) имела 800 тыс. дес.

Мы рассмотрели одну из важнейших характерных черт частного землевладения в России, насколько это было возможно на данном этапе исследования.

Однако не только размерами и географическим размещением помещичьих латифундий определялась природа и сила гнета помещичьего землевладения. Имелись и другие характерные черты, которые предстоит рассмотреть.

Одна из них — разница между помещичьим и крестьянским землевладением по составу угодий. Такой не первостепенный, на первый взгляд, момент оказывал немалое влияние на организацию хозяйства тех и других владельцев и на отношения между ними.

Рассмотрим соотношение угодий на крестьянских наделных и на частновладельческих землях, установленное Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписью 1917 г. по 20 губерниям (табл. 6).

Сопоставление данных показывает, что в составе помещичьих земель значительно большую чем в крестьянских долю занимал лес, тогда как пашня в составе крестьянских земель составляла чуть не вдвое большую часть, чем у помещиков. Это обстоятельство, между прочим, давало апологетам помещичьего хозяйства повод говорить о некой гуманности помещиков, наделивших в свое время крестьян наиболее ценными угодьями, прежде всего пашней, и сетовать на то, что у обездоленных реформой 1861 г. помещиков остались в собственности менее доходные земли.

Между тем цель помещиков состояла не столько в том, чтобы оставить себе лес, а в том, чтобы лишить крестьян лесных угодий. То же самое можно повторить относительно сенокосов, пастбищ, выгонов. Сравним цифры. Помещичьи хозяйства, составлявшие мизерную долю всех хозяйств, владели двумя пятыми всех сенокосов (39,4%) и почти третью всех выгонов (29,6%), не считая сенокосов и пастбищ по лесам и кустарникам, площади которых были огромны. Значение этого факта более наглядно будет раскрыто при рассмотрении землепользования помещиков. Пока же остановимся на более частных сопоставлениях.

Лишь в северных местностях в составе крестьянского надела можно было встретить более или менее значительную долю сенокосов и леса. Так, в Вологодском уезде на сенокос у крестьян приходилось 26,4% всей земли, у дворян — 19,5%, леса соответственно 48,9 и 57,8%, выгона — 7,8 и 8,0%, пашни — 11,5 и 12,4%. Что касается всей черноземной и большей части нечерноземной полосы, то здесь картина была иная. Мы едва ли ошибемся, приняв Старобельский уезд Харьковской губернии за типичный. Здесь у помещиков и крестьян в составе угодий

Таблица 6

Состав угодий в 20 губерниях России в 1917 г. *

Угодья	Частновладельческие земли		Надельные крестьянские земли	
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
Усадьба	339	0,9	1 927	3,7
Пашня	13 598	36,6	31 257	60,2
Сенокос	4 037	10,9	6 197	11,9
Лес	10 623	28,6	3 317	6,4
Кустарник	396	1,1	1 104	2,1
Лес и кустарники нераспределенные	4 176	11,2	1 783	3,4
Выгоны	1 243	3,4	2 962	5,7
Итого удобной земли	34 412	92,7	48 547	93,4
Нераспределенные по угодьям и неудобные земли	2 715	7,3	3 407	6,6
Всего	37 127	100,0	51 954	100,0

* «Статистический сборник за 1913—1917 гг.» — «Труды ЦСУ», т. V, вып. 1. М., 1921, стр. 78—179.

соответственно было (в процентах): усадьбы — 0,9 и 5,7; пашни — 68,6 и 80,5; сенокоса — 4,8 и 1,3; леса — 13,2 и 3,0; кустарника — 4,5 и 2,5; выгона — 8,0 и 7,0⁹.

Помещичьи земли были в меньшей степени распаханы, чем крестьянские. В составе первых в Старобельском уезде сенокосов было в 3 раза, а леса в 4,5 раза больше, чем у крестьян. Насколько несправедливым было такое распределение угодий, становится особенно ясным при сопоставлении количества скота. По данным переписи 1916 г., у крестьян Старобельского уезда коров было 56,4 тыс., а у частных владельцев — всего лишь 1,2 тыс.¹⁰ Однако на каждые 100 дес. крестьянской земли сенокосов и пастбищ, включая и кустарник, приходилось 11,3 дес., а у частных владельцев — 17,3 дес., не считая сенокосов и пастбищ в сравнительно обширных частновладельческих лесах.

Немалый интерес представляет и вопрос о том, в каких группах частновладельческих хозяйств (по их размерам) было больше леса, сенокосов и пастбищ (см. табл. 7). Массовыми данны-

⁹ «Материалы для оценки земель Харьковской губернии. Старобельский уезд», вып. IV. «Частновладельческое хозяйство». Харьков, 1908, стр. 32.

¹⁰ «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года», вып. 1. «Европейская Россия». Пг., 1916.

ми по стране или районам мы не располагаем и ограничиваемся тем, что можно извлечь из земских материалов.

В общем, чем крупнее имения, тем больше в составе их землевладения сенокосов, лесов, выгонов и пастбищ. Этот факт имел исключительное значение в экономической жизни российской деревни, в складывании и развитии отношений между помещиками и крестьянами.

Таблица 7

Распределение угодий в частновладельческих хозяйствах Старобельского уезда.
(Обследование 1905 г. в %) *

	Группы хозяйств		
	до 100 дес.	100—600 дес.	свыше 600 дес.
Усадьба	1,8	1,1	0,6
Пашня	79,3	76,9	66,2
Сенокос	4,0	4,5	5,0
Лес	9,0	12,6	12,9
Кустарник	1,2	1,2	5,9
Выгон	4,7	3,7	9,4
Итого	100,0	100,0	100,0

* «Материалы для оценки земель Харьковской губернии. Старобельский уезд», вып. IV. «Частновладельческое хозяйство», стр. 43.

Характерной чертой всего землевладения страны, как помещичьего, так и надельного крестьянского, было наличие общих владений крестьян и помещиков. Это явление несло в себе явные следы землепользования крепостной эпохи и особенно проведенной крепостниками крестьянской реформы 1861 г. Дело в том, что сама идея реформы состояла в стремлении затруднить отделение крестьянского хозяйства от помещичьего, экономическое привязать крестьянина к помещику.

В целом по стране, по официальным данным Главного управления землеустройства и земледелия, к 1894 г., т. е. через 30 с лишним лет после отмены крепостного права формальное отграничение наделов от помещичьих земель было произведено на площади всего лишь 5 млн. дес. (16%) из 33 млн. дес. земель бывших помещичьих крестьян ¹¹.

¹¹ «Объяснительная записка к проекту „Положения о землеустройстве“, б/м. и г., стр. 15.

Межевание при отводе земли крестьянам, когда оно имело место, было проведено технически из рук вон плохо. Мировые посредники в большинстве случаев просто показали крестьянам границы их наделов, не закрепив их в натуре. К началу XX в. эти границы совершенно потеряли юридическое значение, и из-за них велись бесконечные споры и разорительные судебные разбирательства между крестьянами и помещиками, а нередко и между сельскими обществами. «В нашей уездной жизни,— жаловались помещики Московской губернии,— царит полная неопределенность земельных прав. Без преувеличения можно сказать, что весьма мало таких земельных владений, в которых не было бы спора с соседями относительно той или другой межи»¹². «Владений, отграниченных собственниками полюбовно или путем судебного-межевого процесса,— говорили псковские помещики,— очень мало, больше всего проведено так называемых частных меж при содействии частных землемеров», а эти межи вызывают «бесконечные споры и судебные процессы, убыточные для обеих сторон»¹³. Частные и казенные землемеры, адвокаты и чиновники подогревали эти споры, втягивая стороны в судебные процессы обещаниями выиграть дело. По сообщению из Волынской губернии, крестьяне «буквально обираются различными межевщиками»¹⁴.

Сделав поворот своей аграрной политики в сторону разрушения общины и разверстания общинной земли на хутора и отруба, правительство очень скоро столкнулось с препятствием, которое не было заранее достаточно учтено,— с фактической невозможностью разверстания неразмежеванных и спорных земель. Управляющий межевой частью Министерства юстиции сенатор Н. Д. Чанлин, объехавший в 1909 г. 11 губерний, писал в отчете о поездке: «Из ряда обстоятельств, препятствующих успешному развитию землеустройства, должно указать на многочисленность тяжёбных дел о размежевании земель по правилам судебного-межевого разбирательства... Почти во всех посещенных губерниях площади спорных крестьянских земель исчисляются сотнями тысяч десятин, а в Казанской губернии площадь земли, вовлеченной в судебном-межевой процесс, достигает огромной цифры в один миллион десятин»¹⁵. Судебно-межевой процесс, продолжал он, «является процедурой сложной, дорогой и длительной до такой степени, что средняя продолжительность судебного-межевого дела (во всех стадиях) обычно исчисляется де-

¹² С. И. Шидловский. Земельные захваты и межевое дело. СПб., 1904, стр. 5.

¹³ Там же, стр. 4.

¹⁴ Там же, стр. 7.

¹⁵ «Отчет управляющего межевой частью по поездке для осмотра землеустроительных работ в некоторых губерниях. Июль — август 1909 г.» СПб., 1910, стр. 5—6.

сятками лет, — даже при благоприятных условиях его течения»¹⁶. Сенатор подтверждал, что «не только удержанию крестьян в судебных спорах, но и вовлечению их в межевые процессы, к сожалению, много способствуют на местах некоторые представители адвокатского сословия, извлекающие из ведения длительных дел в судах весьма значительные материальные выгоды»¹⁷.

Дело о размежевании земель 69 обществ бывших государственных крестьян Балашовского уезда Саратовской губернии с 253 частными совладельцами-дворянами тянулось 108 лет. В 1912 г. слушание дела возобновилось вновь, причем владельцев представляли сыновья, а чаще внуки и правнуки. Документация оказалась частью утраченной, а само дело запутано настолько, что к процессу пришлось привлечь до полутора десятков адвокатов¹⁸. Более 70 лет велось дело о размежевании земель с. Большой Ярославль Данковского уезда Рязанской губернии с наследниками графа Зубова и князя Барятинского, захвативших у крестьян во время реформы 1861 г. 2300 дес. земли¹⁹. В 1909 г. крестьяне сделали попытку отобрать землю силой. Десятки «злоумышленников» поплатились заключением и ссылкой. Лишь после этого судебное делопроизводство было возобновлено, но срок его окончания никто не мог предвидеть.

Добавим к сказанному, что в Курской губернии к 1909 г. оставались неразмежеванными между крестьянами и помещиками, а также между селами 439 земельных дач общей площадью 600 тыс. дес., т. е. около одной пятой всей территории губернии²⁰. В Юго-западном крае, по свидетельству местного агронома (1907 г.), «в огромном большинстве хозяйств крестьянские и помещичьи земли не разверстаны между собой, а крестьянские, одни от других, нигде»²¹.

Существовал еще один вид владения, для которого характерно действительно общее пользование землей. Мы имеем в виду так называемые сервитуты, т. е. право крестьян пользоваться принадлежащей помещику землей для выпаса скота по пастбищу, жнивью или сенокосу после уборки хлебов и трав, по лесам, а в некоторых случаях право на валежник и хворост, на сбор грибов и ягод в помещичьем лесу. Эти права крестьян фиксировались в межевых документах преимущественно по Белоруссии и Правобережной Украине.

¹⁶ «Отчет управляющего межевой частью по поездке для осмотра землеустроительных работ в некоторых губерниях. Июль — август 1909 г.», стр. 6.

¹⁷ Там же, стр. 7.

¹⁸ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 1291 (Земского отдела МВД), оп. 74, д. 673, л. 247.

¹⁹ Там же, л. 46.

²⁰ Там же, л. 267.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 408 (Комитета по землеустроительным делам ГУЗиЗ), оп. 1, д. 37, л. 166 об.

Неудобства такого совместного пользования угодьями отмечались в официальных документах властей. В представлении министерства внутренних дел в Совет министров от 22 февраля 1910 г. «Об упразднении пастбищных и лесных сервитутов в губерниях Западных и Белорусских» указывалось, что сервитуты и чересполосность, «с одной стороны, крайне обостряют взаимные поземельные отношения между крестьянами и частными владельцами, а с другой — затрудняют правильное ведение сельского хозяйства как на крестьянских, так и на владельческих землях»²². Далее указывалось, что помещики всячески старались, во-первых, уменьшить площади пастбищ путем расширения собственной запашки, а во-вторых, уменьшали период пастбы ранней вспашкой полей и поздней уборкой сена с лугов. Лесные сервитуты владельцы сокращали, а то и уничтожали вовсе путем сплошной вырубki лесных площадей и обращения их в другой вид угодий. Чтобы затруднить пастбу скота по лесам, практиковалось и «закультивирование мест рубок чрезмерно густыми посадками и проч.»²³.

Из 3313 имений Юго-западного края, обремененных пастбищными сервитутами, в 743 имениях толока фактически не предоставлялась крестьянам, так как помещики завели многопольное хозяйство. Там же, где пар еще оставался, он оказывался со всех сторон окруженным посевами владельца²⁴.

Попытки произвести разверстание угодий и уничтожить сервитуты мало к чему приводили, так как помещики не шли на достаточное возмещение крестьянам потерь в связи с ликвидацией сервитутных прав. По трем губерниям (Киевская, Волынская и Подольская) в ходе выкупной операции было разверстано 471 имение. За последующие 50 лет с обоюдного согласия помещиков и крестьян разверстание было произведено в 454 имениях, с сервитутами же осталось 3728 имений²⁵. Попытка земского отдела МВД добиться законодательной отмены сервитутов, предпринятая в 1910 г. в виде упомянутого представления, ни к чему не привела. В 1913 г. такую же попытку сделало Главное управление землеустройства и земледелия, но и она не достигла цели. Из законопроекта узнаем, что сервитуты продолжали существовать, по данным 1911 г., в следующих размерах (см. табл. 8).

Следовательно, к 1911 г. в 8 западных губерниях сервитуты сохранились в 37,8% помещичьих имений. По приблизительному расчету, не менее 9 тыс. сельских обществ стояли против 5600 помещиков, защищая свои сервитуты, борьба из-за которых все более и более обострялась.

²² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 6, д. 354, л. 4.

²³ Там же, лл. 4—5.

²⁴ Там же, л. 13 об.

²⁵ Там же, л. 4.

Таблица 8

Распространение сервитутов в 1911 г.*

Губернии	Всего имений	Из них с сервиту- тами	Сельские общест- ва с сервитутными правами
Киевская	1 209	603	768
Подольская	2 154	605	665
Волынская	3 585	2065	Нет свед.
Виленская	2 088	608	1810
Гродненская	1 432	413	729
Ковенская	1 657	207	1007
Минская	2 365	969	1540
Витебская	393	157	142
Итого	14 883	5627	6661

* ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 612, лл. 2 об. — 3.

В рассматриваемом районе пережитки крепостнических форм землевладения сохранились также в виде остатков чиншевого права (вечнонаследственная аренда с фиксированной арендной платой). Не касаясь подробно этой формы землевладения, укажем, что там, где сохранились еще отношения крестьян с помещиками на чиншевом праве, помещики стремились всеми мерами вытеснить чиншевиков или предельно затруднить им пользование этими правами.

Огромное значение имело и еще одно вредное наследие до-реформенных межеваний и особенно реформы 1861 г.—чересполосность помещичьих и крестьянских земель.

В нашем распоряжении нет сводных данных о том, какова была степень чересполосности помещичьих и крестьянских земель, а также площадь в общем владении. Но что указанные пережитки крепостничества были широко распространены, показывает большое число ходатайств о размежевании, поступивших в столыпинские землеустроительные комиссии, в Государственную думу и т. д. Сведения тех же комиссий дают представление и о том, как были удовлетворены эти ходатайства.

По 451 уезду Европейской России за 1907—1915 гг. поступило 9941 ходатайство об уничтожении чересполосности, а землеустроительных проектов по ним утверждено 2715, или 27,3%. О

разделе угодий общего пользования по 1670 прошениям утверждены 291 проект, или 17,4% ²⁶.

Казалось бы, что разверстание должно было в первую очередь коснуться юго-западных и западных губерний, где общих с помещиками владений было больше всего. Однако вышло наоборот: в Гродненской губернии из 130 ходатайств было удовлетворено 28, в Минской — 1 из 116, в Киевской — 7 из 104, в Воыньской — 8 из 67, в Подольской — 27 из 182.

Любопытно, что в Курской губернии, где земство 40 лет ратовало за разверстание земель и уничтожение чересполосности, за 8 лет поступило 398 ходатайств, а землеустроительных проектов утверждено было всего 10; о разделе земель общего пользования поступило ходатайств 39, утверждено всего 5 проектов ²⁷.

Рассматривая приведенные данные, нельзя забывать, что ходатайство о разверстании могло быть принято землеустроительной комиссией только при наличии соглашения крестьян с помещиком. Нам не известно, какую долю составляли достигнутые соглашения к числу всех чересполосных владений. Тем не менее мы вправе заключить, что уничтожение чересполосности и раздел общих владений к 1916 г. были произведены в ничтожно малой части помещичьих имений. Огромное большинство их оставалось чересполосным; таким образом сохранялось широкое поле для полукрепостнической эксплуатации крестьян при помощи отрезков и, следовательно, для упорной борьбы крестьян против помещиков. Столыпинская реформа и в деле упорядочения землевладения крестьян и помещиков потерпела полный крах.

Чересполосности крестьянских и помещичьих земель сопутствовало так называемое дальноземелье, особенно тяжело отражавшееся на организации и доходности крестьянского хозяйства. Не касаясь подробно этого явления, укажем, что расположение отдельных кусков крестьянского надела за 10, 20 и даже за 30 верст от селения не было редкостью. Часто можно было встретить и термин «длинноземелье», что означало чрезвычайную растянутость крестьянского надела, длинную узкую полосу («кишку») наделной земли, зажатой с обеих сторон землей помещика. Нарушения границ владений и потравы были в этих случаях столь же неизбежны, как и при обычной чересполосице.

ПЕРЕЖИТКИ СОСЛОВНОСТИ В ПОМЕЩИЧЬЕМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ

Перейдем к одной из важнейших черт помещичьего землевладения России — его сословности в экономическом и социальном аспектах.

²⁶ «Итоговые сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г.» Пг., 1916, стр. 4—5.

²⁷ Там же, стр. 34—35.

Сословную принадлежность частновладельческих земель и происходившие в ней изменения можно проследить по данным таблицы 9.

Т а б л и ц а 9

Частное землевладение по 47 губерниям Европейской России (млн. дес.) *

Сословия	1887 г.	1905 г.	1911 г.
Дворяне, чиновники, офицеры и духовенство	61,8	50,1	43,5
Купцы, почетные граждане, торгово-промышленные предприятия и юридические лица	12,8	16,9	18,0
Мещане, цеховые и городские рабочие, мещанские товарищества	2,6	3,8	3,8
Профессиональные звания, иностранные подданные и проч.	2,2	2,1	2,0
Крестьяне, казаки и колонисты . . .	12,6	24,8	30,4
И т о г о	92,0	97,7	97,7

* «Статистический справочник». Сост. А. Дядиченко и Л. Чермак, вып. 1. СПб., 1906, стр. 36—37; «Статистический справочник по аграрному вопросу», под ред. Н. П. Огановского и А. В. Чаянова, вып. 1. М., 1917, стр. 22—23.

Нет необходимости подробно анализировать приведенную таблицу. Аналогичные данные за 1877 и 1905 гг. были тщательно разобраны В. И. Лениным, и наша таблица служит лишь иллюстрацией, подтверждающей сделанные Лениным выводы. Установив, что «развитие частной поземельной собственности в России состоит в переходе от сословности к бессословности», Ленин указывал далее: «Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег» ²⁸.

Тот же процесс сокращения наследственных и увеличения доли купленных земель можно видеть по данным табл. 10 о распределении частновладельческих пахотных земель семи губерний (Воронежская, Костромская, Курская, Орловская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская), по которым есть сравнимые данные за 1907 и 1911 гг.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 61.

Таблица 10

Распределение частновладельческих пахотных земель семи губерний по способам приобретения *

Способ приобретения	1907 г.		1911 г.	
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
Наследственная	4222	72,2	3682	63,2
Прикупленная	648	11,1	1211	20,8
Арендванная	980	16,7	935	16,0
Итого	5850	100,0	5828	100,0

* ЦГИА СССР, ф. 1290 (Центр. статист. комитет МВД), оп. 6, д. 372, лл. 1 об. — 68; д. 373, ч. II, лл. 16 об. — 109; д. 529.

Как видно из таблицы, количество купленной пашни за четыре года удвоилось и доля ее возросла с 11,1 до 20,8% всей частновладельческой пашни. И эти данные, таким образом, указывают на определенную и устойчивую тенденцию перехода частной земельной собственности от сословности к бессословности.

Однако одного лишь указания на существовавшую тенденцию недостаточно. Задача состоит в том, чтобы оценить степень изживания сословности в частном землевладении, меру сохранения остатков этой сословности и связанных с ней особенностей землевладения, попытаться выяснить характер землевладения у разных сословий.

Землевладение русских помещиков складывалось исторически, являлось наследием крепостной эпохи и реформы 1861 г. и поэтому само являлось носителем традиций и пороков крепостничества. Многие и многие поместья начала XX в. перешли к их владельцам от крепостной эпохи. Это характерно прежде всего для самой крупной земельной знати, стоявшей у кормила власти.

По исчислениям Л. П. Минарик, из 16,2 млн. дес. земли, которой владели 155 крупнейших собственников (свыше 50 тыс. дес. каждый), они получили в наследство 4,4 млн. дес. земель, пожалованных их предкам еще в XV—XVIII вв.; тогда же к ним перешли 2,4 млн. дес., полученные в качестве приданого богатых жен их предков; в первой и второй половине XIX в. их родители или они сами получили тем же путем соответственно 1,2 и 0,6 млн. дес. По наследству же ими были получены 6 млн. дес. земли, купленные их предками или родителями. Сами же вла-

дельцы приобрели покупкой после реформы 1861 г. всего лишь 1,6 млн. дес., или 10% всей принадлежавшей им земли²⁹. Таким образом, в руках крупнейших земельных магнатов к концу XIX в. сохранялось $\frac{3}{4}$ земли (12,2 млн. дес.), перешедшей к ним по наследству еще от дореформенных времен.

Насколько прочные нити тянулись к этому землевладению от седой старины, видно из того, что частным владельцам даже в начале XX в., как и в средние века, принадлежали целые города. Так, г. Бердичев, подаренный в 1320 г. князем Гедимином Тышкевичу, наполовину принадлежал его потомку гр. М. Н. Тышкевичу, а второй половиной завладели купцы Рукавишниковы и Иени³⁰. Графине Е. В. Шуваловой принадлежал г. Дубно³¹. Графы Шереметевы продолжали владеть землей г. Иваново-Вознесенска, а также Марьиной Рощей и Останкином в Москве. Большой частью г. Бельцы владела О. Н. Катарджин. В связи с ее просьбой о выкупе города казной министр внутренних дел Макаров писал в 1911 г., что «в одинаковом положении с г. Бельцы находится целый ряд других частновладельческих городов Юго-западного края» и что «для выкупа этих городов на средства казны потребовались бы такие крупные суммы, которыми едва ли располагает государственное казначейство»³².

Пережитком седой старины были остатки феодального ленного права в виде майоратов в Царстве Польском и у некоторых помещиков польского происхождения в западных губерниях. Данными о них мы не располагаем. Известно, однако, что в числе имений, отобранных у польских помещиков — участников национально-освободительной борьбы и розданных русским помещикам, на 1 января 1909 г. числилось майоратных владений в виде целых имений 233 и в виде отдельных участков — 69 с общей площадью 341,2 тыс. дес.³³

Краткие сведения имеются о фидеикомиссах прибалтийских немцев. К 1909 г. в Лифляндской губернии было 82 фидеикомисса с площадью 284,8 тыс. дес., в Эстляндской — 49 с площадью 205,2 тыс. дес., в Курляндской — 133 с 424,6 тыс. дес., на о. Эзеле — 2 с 6,4 тыс. дес., а всего в Прибалтике — 266 фидеикомиссов с 991,1 тыс. дес., из которых было около 100 тыс. дес. так на-

²⁹ Л. П. Минарик. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. Рукопись канд. дисс. М., 1964, стр. 212.

³⁰ А. И. Косич. Гор. Бердичев и Бердичевский уезд. Статистический очерк, Киев, 1901, стр. 3, 12.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1092 (Шуваловых), оп. 1, д. 1227, л. 1.

³² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 7, д. 344, лл. 1, 2, 6.

³³ ЦГИА СССР, ф. 396 (Департамента государственных земельных имуществ), оп. 4, д. 1302.

зываемой крестьянской земли, которую помещики должны были продать крестьянам, но так и не продали³⁴.

Майоратная форма землевладения в России появилась в XVIII в., т. е. довольно поздно по сравнению с Западной Европой. Хорошо известна попытка Петра I создать такую форму землевладения изданием известного указа от 23 марта 1717 г. о единонаследии, отмененного вскоре после его смерти. Возникновение русских майоратов обязано частной инициативе крупных дворян. Первый майорат был учрежден указом Екатерины II от 5 февраля 1774 г. по просьбе генерал-фельдмаршала графа Захара Чернышева³⁵. В него вошли Чечерское староство (Могилевская губерния) и имение Ярополец в Волоколамском уезде. За исключением земель, отведенных крестьянам в надел в 1861 г., оба имения вследствие заповедности сохранились в полном составе до начала XX в. и принадлежали в это время С.И. Чернышевой-Безобразовой³⁶. В последней четверти XVIII в. были учреждены майораты графов И. А. и Ф. А. Остерман и некоторые другие³⁷.

В 1817 г. граф Строганов пожелал превратить свое Пермское имение в майорат, что и было оформлено указом 11 августа 1817 г.³⁸ С последующими присоединениями к этому майорату других земель огромная лесная и горнопромышленная империя Строгановых сохранилась до Октябрьской революции в своих прежних размерах — до 1,5 млн. дес. — и раскинулась на территории большей части Пермской губернии (7 уездов) и Слободского уезда Вятской губернии³⁹.

В 30 и 40-е годы XIX в. феодально-крепостническая система в России вступила в полосу тяжелого кризиса, стремительно двигаясь к неминуемому крушению. Как раз в этот период происходит превращение в майораты имений многих крупнейших помещиков. В эти годы заповедными стали имения кн. С. Голицына, С. Строгановой (урожденной Голицыной), гр. М. Воронцова, гр. А. Бенкендорфа, Е. Воронцовой и др.

В начале 40-х гг. Николай I принял решение законодательно оформить майоратное землевладение в России, предоставив владельцам майоратов ряд льгот и преимуществ. 16 июля 1845 г.

³⁴ Там же, ф. 592 (Крестьянского поземельного банка), оп. 1, д. 598, л. 5. Фидеикомиссы — заповедные имения, подлежащие единоличному наследованию, с ограничениями в части залога и отчуждения, но менее строгими, чем для майоратов (см. ниже).

³⁵ ПСЗ I, т. XIX, 1774 г., № 14117, стр. 906—908.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 4, д. 725, л. 3. Государственный исторический архив Московской области (далее — ГИАМО), ф. 210 (Губернской чертежной), оп. 13, д. 1931, л. 6.

³⁷ «Списки титулованным родам и лицам Российской империи». СПб., 1892.

³⁸ ПСЗ I, т. XXXIV, 1817 г., № 26995.

³⁹ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. Строгановых, оп. 12, д. 6899, л. 1.

было утверждено «Положение о заповедных наследственных владениях»⁴⁰.

Главной целью его являлось сохранение крупнейшего землевладения: майорат должен составлять не менее 10 тыс. и не более 100 тыс. дес. удобной земли или давать в среднем дохода не менее 12 тыс. и не более 200 тыс. руб. в год. Заповедное имение признавалось собственностью не одного настоящего владельца, а всего рода, для которого оно учреждено, как живущих, так и будущих поколений, а поэтому не могло ни полностью, ни частично отчуждаться даже при полном согласии всех живых потомков учредителя майората. Владелец не имел права отдавать имение в залог «и вообще обременять долгами».

Майоратное имение, как следует из самого понятия майората, после смерти владельца переходило к старшему сыну, а за неимением сыновей — к старшей дочери или, в случае бездетности, во владение ближайшего старшего родственника. Майораты, хотя и облагались налогами наравне с другими имениями, но за недоимки не могли назначаться в продажу. Любопытно, что недоимки и долги владельца «обращаются на доходы заповедного имения; но со смертью его всякие сего рода взыскания с сих доходов прекращаются и наследник его... не обязан за них отвечать». Долги в этом случае принимала на себя казна. Таким образом, Положение 16 июля 1845 г. явилось весьма важным средством для удержания крупнейших земельных владений в руках привилегированного дворянства.

С изданием Положения 1845 г. случаи учреждения майоратов значительно участились. На 50-е годы падает большое число учрежденных крупных майоратов (графов Д. Н. и П. Толстых, О. Нарышкиной, кн. А. Бярятинского и др.).

Новый этап в процессе ограждения дворянской земельной собственности посредством майоратного права начался с реформы 1861 г. С отменой крепостного права, расчитившей дорогу для быстрого развития капитализма в России, земля с некоторыми ограничениями, касавшимися прежде всего крестьянских наделов, стала таким же предметом купли-продажи, как и всякий другой товар. Капитал получил возможность свободно воплощаться в виде земельной собственности. Перед дворянством стала явная угроза потери земельных имуществ, так как начался массовый процесс перехода земель в руки других сословий.

В этих условиях крупные земельные магнаты не преминули воспользоваться выгодами, которые представлялись им майоратным законодательством. 60-е годы ознаменовались новым потоком ходатайств об учреждении майоратов. Заповедными стали имения князя А. Меншикова, гр. И. М. Тышкевича,

⁴⁰ ПСЗ II, т. XX, отд. 1, 1845 г., № 19202, стр. 528—538.

гр. П. Лопухина, трех сыновей гр. А. В. Орлова-Давыдова, кн. Н. Д. Мингрельского, кн. Ф. И. Паскевича-Эриванского и др. Все последующие пореформенные годы безостановочно и равномерно шел процесс ограждения землевладения крупнейшей знати майоратным законодательством.

Майоратное законодательство являлось явно реакционной мерой по укреплению помещичьего крепостнического землевладения и находилось в вопиющем противоречии с потребностями капиталистического развития страны. Оно встречало все больше противников, в числе которых были прежде всего соседние с майоратами крестьяне, лишавшиеся возможности покупать у владельцев заповедных имений крайне необходимые им угодья, чересполосные клинья, скотопрогоны и т. п. В подавляющем большинстве майоратные имения носили в себе черты старых рутинных феодальных поместий, и лишь немногие из них эволюционировали в капиталистические экономии.

С течением времени все большее число видных представителей господствующего класса приходило к убеждению, что майоратная собственность не достигает своей цели. Так, кн. А. В. Мещерский в своем историческом очерке майоратного землевладения писал в 1894 г.: «Действующие у нас законы о заповедных имениях и майоратах, с наследованием старшего, создадут только десяток-другой людей, которым обеспечен очень крупный доход и которые могут жить в свое удовольствие, сорить деньгами и более ничего»⁴¹.

Следующий этап в развитии майоратного землевладения в России начался во время революции 1905—1907 гг. Мощный натиск крестьянства на помещиков вынудил царское правительство разрешить отдельным владельцам майоратов продать крестьянам часть своих заповедных земель. Но после подавления революции некоторые крупные помещики, напуганные угрозой принудительного отчуждения земли, снова обращаются к защите майоратного законодательства. В 1906—1913 гг. в майораты превратили свои имения гр. С. Потоцкий (8496 дес.), кн. Р. Сангушко (61 838 дес.), М. Устинов (10 665 дес.), кн. С. С. Абамелек-Лазарев (6911 дес.), гр. И. А. Потоцкий (44 462 дес.) и др. Сумма площадей вновь учрежденных майоратов намного превысила количество земли, которое вынуждены были продать владельцы старых майоратов после революции 1905—1907 гг.

Приблизительные подсчеты показывают, что майоратным законодательством к началу первой мировой войны была ограждена от раздробления и отчуждения огромная земельная пло-

⁴¹ А. В. Мещерский. О заповедных имениях. Исторический очерк. М., 1894, стр. 13.

щадь, составляющая свыше 3,5 млн. дес. дворянской земли. Это были по преимуществу крупнейшие владения крепостников-помещиков. Отметим, что в подсчет не вошли майораты польских и ряда русских помещиков в западных губерниях и в Польше, а также многочисленные фидеикомиссы и майораты немецких баронов в Прибалтике.

Таким образом, наряду с владениями на основе капиталистически свободного частного права существовали разряды землевладения, носившие по существу феодальный правовой характер. Майоратами и фидеикомиссами число этих разрядов не ограничивалось. Огромные площади составляли войсковые казачьи земли, значительной частью которых пользовались помещики из казачьего офицерства, казачья старшина.

В губерниях Гродненской, Ковенской и Минской от далеких феодальных времен сохранялось небольшое число ленных имений. К 1 января 1910 г. их было 24 с площадью земли 35 647 дес., в том числе в Минской губернии 12 с площадью 26 020 дес.⁴²

В западных же губерниях (Виленской, Гродненской, Ковенской и Подольской) имелся еще небольшой разряд не выкупленных поиезуитских имений, за которые держатели их продолжали вносить по сути дела грошовые платежи. К 1 января 1910 г. таких имений было 24 с площадью 27 273 дес. и годовым платежом за нее 6638 руб.⁴³

На Урале сохранялся разряд крупнейших посессионных владений. Посессионными были заводские горные округа: Невьянский наследников П. С. Яковлева, Верх-Исетский — графини Н. А. Стенбок-Фермор, Алапаевский — наследников С. С. Яковлева, Нижне-Тагильский — наследников П. П. Демидова князя Сан-Донато, Омутнинский — Пастуховых, а также округа Кажимский, Шайтанский и Сысертский. Посессионные округа к изучаемому времени мало чем отличались в смысле эксплуатации от частных, однако порядок управления первыми определялся положениями, утверждаемыми царем⁴⁴, что означало известное ограничение права собственности.

И еще один любопытный разряд — так называемые инструкционные имения. К ним относились имения, отобранные у поляков — участников восстания 1863 г. и распродававшиеся русским помещикам, крупным чиновникам и офицерам в порядке, установленном инструкцией от 23 июля 1865 г. К 1 января 1910 г. в шести западных губерниях таких имений было 558 с

⁴² ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 4, д. 1302, лл. 21, 26, 30.

⁴³ Там же, д. 304, лл. 2, 5, 8, 10.

⁴⁴ См., например, «Положение об управлении имением наследников графини Н. А. Стенбок-Фермор». СПб., 1908; «Положение об управлении имением наследников д. с. с. П. П. Демидова князя Сан-Донато». СПб., 1906, и др.

площадью земли 254 558 дес. Общая сумма, за которую была продана земля, составила 2 377 814 руб.⁴⁵

Царское правительство указанной инструкцией сделало еще один, причем очень дорогой, подарок крупным дворянам. Свыше пятисот счастливых получили в среднем по 456 дес. земли по цене 9 руб. 34 коп. за десятину, т. е. по существу даром. По ценам 1910 г. (средняя специальная оценка Дворянского банка за 1910 г.—142 руб. за десятину) «купленная» таким образом земля стоила около 36 млн. руб. Следовательно, дворяне положили в карман без хлопот, по царской милости свыше 33 млн. руб. Инструкционные имения разрешалось продавать лицам православного вероисповедания, т. е. прежде всего не полякам и не евреям, что многие и сделали с крупными барышами.

Особыми разрядами помещичьего землевладения были имения с крестьянскими сервитутами, о которых говорилось выше, и имения с арендаторами на чиншевом праве. Наличие этих разрядов в той или иной мере связывало свободу мобилизации земли — одно из основных условий развития аграрного капитализма.

Из рассмотренного отметим главное:

1. Помещичье землевладение в России составляло значительную часть всей земельной площади и отличалось концентрацией огромных площадей в руках немногих земельных магнатов — латифундистов. Обратной стороной этого явления было острое малоземелье миллионов крестьян.

2. Будучи феодальным по своему происхождению, оно и в рассматриваемое время оставалось в массе сословно-дворянским, сохраняя свою полукрепостническую природу. Крупнейшие владения были ограждены от ликвидации системой заповедности и другими искусственными мерами.

3. Наследием эпохи крепостного права являлись такие признаки, как концентрация в руках помещиков лучших земель с более удобным, чем у крестьян, составом угодий, наличие отрезков, чересполосность с наделными землями, сильно затруднявшими ведение крестьянского хозяйства.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 4, д. 1304, лл. 11, 13, 15, 24, 29, 31. (Именей всего было: в Виленской губернии — 140, Гродненской — 178, Ковенской — 84, Минской — 153, Могилевской — 2, Подольской губернии — 1).

МАТЕРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ БАЗА ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

РАБОЧАЯ СИЛА

Особенностью российского сельского хозяйства, отличавшей его от стран развитого земледельческого капитализма, было наличие огромного аграрного перенаселения.

Приведенные ниже подсчеты официальных статистических данных о естественном приросте и расчет излишка рабочей силы в деревне охватывают всю Европейскую Россию в целом. Как всякие средние величины, они, конечно, скрадывают местные различия. А именно эти различия, на наш взгляд, и составляют одну из самых любопытных и в должной мере не оцененных особенностей развития капитализма в российской деревне.

✓ Сельское население России размещалось относительно обрабатываемых земельных площадей весьма неравномерно. В одних районах был большой избыток рабочей силы, в других, наоборот, в ней ощущался недостаток. В связи с этим имели место ежегодные передвижения огромных масс людей из одних районов в другие на летние полевые работы, а также на сезонные неземледельческие заработки. Временный отход крестьян на заработки был, таким образом, одной из характерных особенностей рынка рабочей силы в сельском хозяйстве России. Главными потребителями рабочей силы пришлых сезонников, как известно, были капиталистические экономии помещиков и кулаков юга Украины, Северного Кавказа и Степного Заволжья. Много рабочих уходило на лето в Германию.

Известно прогрессивное значение отхода крестьян на заработки, расширявшего их кругозор, сближавшего с положением кадровых рабочих, вовлекавшего их в общепролетарскую борьбу. Но нельзя не видеть и другой стороны дела — незавершенности процесса пролетаризации отходников. В большинстве слу-

чаев отходники не имели возможности обосноваться в районах отхода в качестве постоянных сельских рабочих и вынуждены были осенью возвращаться домой часто с мизерным заработком или вовсе без денег. Не будь у них собственного хозяйства, каким бы оно ни было мелким, их существование было бы невозможным.

Отходничество с периодическим возвращением на собственный надел объяснялось рядом причин и прежде всего слабым развитием промышленности, еще более слабым развитием капиталистического земледелия, а также сезонностью работ — следствие однобокой специализации сельского хозяйства на производстве главным образом зерна в местах прихода рабочей силы.

Обычно из крестьянской семьи уходил в отход один работник, заработок которого служил подспорьем для собственного хозяйства. Только в самых низших группах дворов доходы от своего карликового хозяйства являлись дополнением к ставшему основным заработку на стороне. Громадные массы сельских жителей, не имея возможности прожить с своего надела, вынуждены были искать дополнительный заработок, в частности в помещичьих экономиках. Занятую в них рабочую силу с известной долей условности можно разделить на три вида:

1) Крестьяне, работающие на помещика со своим скотом и инвентарем (отработки первого вида);

2) Рабочие, закабаленные зимой наемкой, натуральными или денежными ссудами и т. п., работающие инвентарем владельца (отработки второго вида);

3) Рабочие, нанятые по свободным соглашениям без кабальных условий.

Отношения хозяина и рабочего любой из этих категорий регулировались насквозь пропитанным крепостническим духом «Положением о найме на сельские работы» от 12 июня 1886 г. с целым рядом позднейших сенатских дополнений и разъяснений¹. Договоры найма могли быть письменные и словесные как на определенный, так и на неусловленный срок, но не свыше 5 лет (ст. 22). Наниматель должен обходиться с рабочим «справедливо и кротко», требовать лишь работу, для которой рабочий нанят (ст. 28), вовремя расплачиваться (ст. 29), не принуждать к получению товаров вместо денег (ст. 30), кормить обычной крестьянской пищей, оказывать помощь заболевшим (ст. 32). Вот и все обязанности нанимателя. Они не подкреплялись никакими санкциями и поэтому не имели для хозяина никакой обязательной силы.

Совсем иным языком закон говорит с нанимающимся. Рабочий обязан повиноваться хозяину, беспрекословно и усердно

¹ ПСЗ III, т. VI, 1886 г., № 3803.

выполнять его требования (ст. 34). Кроме выполнения условий по найму рабочий обязывался «охранять хозяина и его домашних» в случае какой-либо опасности; «вести себя благопристойно, трезво и почтительно» к хозяину, его домашним и служащим (ст. 36), «не вправе отлучаться без позволения хозяина и принимать на себя без его согласия чужую работу» (ст. 37). В случае неявки на работу или самовольного ухода рабочего наниматель имел право взыскать с него сумму в пределах до трехмесячного заработка (ст. 56). Особенно важно, что наниматель имел право «подвергать рабочих вычетам из их заработной платы за прогул, за небрежную работу, за грубость и неповиновение хозяину и за причинение вреда хозяйскому имуществу» (ст. 49). Прав был А. Казаков, заметивший, что, судя по этим обязанностям, «рабочий продавал не только свою рабочую силу, но и свою личную свободу»².

Прогул карался штрафом в размере заработка, который причитался бы рабочему за прогульное время, остальные штрафы не должны были превышать двойной поденной платы. Правда, рабочий имел право пожаловаться на хозяина в суд, но закон определял, что если причина не будет признана уважительной, то потраченное на ведение дела время признается прогулом (ст. 55). Рабочего, бежавшего от нанимателя, могли вернуть обратно через полицию (ст. 100). За невозвращение к нанимателю полагался арест до 1 месяца, за грубость к хозяину или членам его семьи — 1 месяц тюрьмы, за порчу имущества — 3 месяца и т. д.

Таковы были условия, в которые ставил рабочего каторжный закон 1886 г. Как видим, даже по закону ни о какой свободе договора между рабочими и нанимателем не могло быть и речи. Закон ставил рабочего в кабальную, полукрепостную зависимость от нанимателя, а органы государственной власти всячески охраняли интересы нанимателей. Как увидим ниже, практика найма, эксплуатации и обращения с рабочими далеко превосходила самые свирепые постановления крепостнического закона.

О числе сельскохозяйственных рабочих и служащих (без прислуги), занятых в частновладельческих имениях, и распределении их по группам хозяйств можно судить по данным упоминавшегося выше «Свода по России» (табл. 11).

Даже во время мировой войны, когда наем рабочей силы был затруднен, частновладельческое хозяйство занимало до полутора миллионов рабочих и служащих. Около половины их (47,3%) было сосредоточено в крупных экономиях с посевной площадью свыше 250 дес. Это показывает, что крупные лати-

² А. Казаков. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М.—Л., 1930, стр. 73.

фонд наряду с эксплуатацией крестьян путем отработок и т. д. были по существу основным потребителем труда наемных сельскохозяйственных рабочих. Следует иметь в виду, что источник охватывает лишь немногим более $\frac{4}{5}$ всех частновладельческих хозяйств, учтенных переписью 1916 г., и в нем, очевидно, не

Таблица 11

Наемные рабочие и служащие в частновладельческих хозяйствах России в 1916 г.

Группы хозяйств по посевной площади	Всего хозяйств	Наемные рабочие	Служащие	Итого	% к итогу	Рабочих и служащих на одно хозяйство	% служащих к числу рабочих	Рабочих на 100 дес. посева
Без посева	7 970	35 785	23 352	59 137	4,1	7	65,3	—
до 10 дес.	16 463	38 394	22 429	60 823	4,2	4	58,4	92
10—50 дес	28 275	125 410	47 370	172 780	12,0	6	37,8	24
50—100 »	14 065	126 997	33 349	160 346	11,1	11	26,3	18
100—250 »	10 286	236 269	72 002	308 271	21,3	30	30,5	21
250—500 »	4 411	195 275	68 371	263 646	18,3	60	35,0	17
500—1000 »	2 020	168 609	41 410	210 019	14,5	104	24,6	16
1000—5000 »	682	151 063	46 035	197 098	13,7	289	30,5	19
св. 5000 »	11	11 030	220	11 250	0,8	1023	2,0	16
Итого	84 183	1 088 832	354 538	1 443 370	100,0	17	32,6	20

учитываются поденщики. Думается, будет близко к действительности, если мы допустим, что в целом частновладельческое хозяйство России использовало труд приблизительно 2 млн. наемных рабочих. Это количество невелико по сравнению со всей массой занятых в сельском хозяйстве рабочих рук, но оно свидетельствует о значительном развитии (в абсолютных размерах) капиталистического земледелия в частновладельческом хозяйстве.

Обращает на себя внимание большой удельный вес числа служащих. В отчетах и описаниях имений в число служащих обычно зачисляли не только управляющих, конторщиков, табельщиков и т. д., но и садовников, кузнецов, машинистов, иногда постоянных рабочих по двору и др. Ввиду полного разноречия в учете, графа, показывающая процент служащих к числу рабочих, не дает правильного ряда. Но все же можно заметить, что с увеличением размеров хозяйства относительное число администрации и служащих становится меньше. В этом проявля-

ются преимущества крупного хозяйства, хотя они затушеваны рядом не учтенных факторов.

При всем значении абсолютных данных о найме рабочей силы в помещичьем хозяйстве следует отметить, что оно могло занять с учетом поденщиков не более $\frac{1}{10}$ избыточного сельского населения, и то в самую страдную пору³.

На вопрос о составе рабочих по полу и возрасту «Свод по России» полностью не отвечает. Обратимся к другой сводке, составленной ЦСУ по данным переписи 1916 г. Она охватывает значительно меньше частновладельческих хозяйств (24 292), но содержит более детальные данные. В сводке учтено 245,2 тыс. наемных рабочих, из них в рабочем возрасте мужчин 112,6 тыс., женщин 78,8 тыс., подростков и детей 53,8 тыс. человек⁴. Таким образом, доля взрослых мужчин была менее половины общего количества наемных рабочих.

Массовых сопоставимых данных об изменении доли женского и детского труда за рассматриваемый период не имеется. Некоторые материалы прямо указывают на рост применения женского и детского труда, особенно в хозяйствах с посевами свекловицы.

Так, в имении Гуты (Харьковская губерния) состав рабочих был (в %) ⁵:

Годы	Мужчины	Женщины	Подростки
1896	39,0	37,0	24,0
1905—1907	30,2	38,0	31,8
1910—1912	31,4	43,6	25,0

Условия найма сельскохозяйственных рабочих были различными. Имелась категория крестьян-рабочих, которые нанимались на обработку кругов или обрабатывали своим инвентарем помещичью землю в виде отработок за арендованную. Но за нее отработывали и пешие рабочие инвентарем владельца или своими примитивными орудиями — косой, серпом, цепами (отработки второго рода). Приведем конкретный факт. Надежда Эмме, арендатор части имения В. И. Гурко (Сухие Гаи Воронежского уезда), принимая на себя хлопоты по сдаче в аренду земли крестьянам из другой части имения, писала в 1913 г. владельцу, что «крестьяне, берущие землю в аренду, охотно идут работать

³ По расчетам С. Г. Струмилина, в 1917 г. в 53 губерниях у крестьян было 630 тыс. рабочих и у помещиков 42 губерний — 585,6 тыс. («Наемный труд в сельском хозяйстве». Статистико-экономический сборник под ред. С. Г. Струмилина. М., 1926, стр. 9).

⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 1562 (ЦСУ), оп. 2, д. 80, 1937 г., л. 7.

⁵ «Имение „Гуты“ Л. Е. Кениг — и-ки». Харьков, 1913, стр. 101.

у меня на участке, чтобы отдать плату работой, а не деньгами. Я, не имея достаточно инвентаря, буду обеспечена рабочими руками, которых в последнее время все больше и больше нехватает. Вот это и будет плата за мои хлопоты и труды по раздаче земли»⁶.

Отмеченное явление было в массовом виде зафиксировано земским статистическим обследованием 1897 г. (табл. 12).

Таблица 12

Наем на сельскохозяйственные работы в чужие хозяйства
по Перемышльскому уезду Калужской губернии *

	Без посева	С посевом					Итого
		до 3 дес.	3—6 дес.	6—9 дес.	9—12 дес.	свыше 12 дес.	
Всего описано хозяйств	2	66	200	119	53	30	470
Хозяйства, отпуславшие рабочих	2	38	135	72	40	11	298
работать за угодья	1	19	90	50	30	7	197
срочных	—	4	17	11	9	1	42
поденных и сдельных	1	15	28	11	1	3	59
За угодья отпущено дней:							
конных	—	25	275	233	190	57	780
пеших рабочих	20	86	408	260	196	62	1032
полурабочих			1				1

* «Статистическое описание Калужской губернии», т. III. «Перемышльский уезд. Основные таблицы». Калуга, 1899, стр. 262—263.

Данные таблицы 12 говорят о том, что крестьяне, особенно низших групп, дошли до такой степени разорения и пролетаризации, что больше половины из них не могут прожить на доходы со своего хозяйства и вынуждены искать дополнительную работу. Дальнейший анализ показывает, что те же самые крестьяне, в том числе низших групп, теснейшим образом привязаны к своим наделам. Не имея возможности вести хозяйство без аренды угодий у помещиков, они вынуждены отрабатывать за эти угодья. Даже беспосевные «хозяева» не превратились в чистых пролетариев и, чтобы прокормить корову, отрабатывали за

⁶ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ), ф. 229 (Гурко), оп. 1, д. 161, л. 22 об.

сенокос (197 хозяйств из 298), отпуская рабочих на отработку. Число пеших дней превысило число конных, что указывает на широкое развитие в уезде отработок второго вида с применением инвентаря владельца.

Исключительное аграрное перенаселение, малоземелье, нужда и голод толкали крестьянина и сельскохозяйственного рабочего в кабалу к помещику и кулаку. На этой почве развивались разнообразные кабальные формы найма рабочих. Среди них едва ли не на первое место надо поставить заблаговременный наем; он получил название «зимней наемки», хотя происходил не всегда зимой, но и осенью, а иногда даже за год — два до начала предполагаемой работы.

В. В. Хижняков, хорошо изучивший положение сельскохозяйственных рабочих, с негодованием писал о «возмутительном явлении нашей деревни, каким является досрочная наемка. Задешево, под задатки, выдаваемые зимою, в период острой крестьянской нужды — эта форма грубого ростовщичества распространена у нас, как известно, повсеместно; по словам участника Мценского комитета г. Хвостова, ее придерживаются „все наниматели, выдавая деньги вперед чуть ли не за два года“. В записке, представленной Кирсановскому комитету, гг. Журавлев и Ерофеев писали следующее: „Подгоняемый нуждой, потерявший всякую способность здраво рассуждать, крестьянин закабаляет себя сразу несколькими землевладельцам, нисколько не заботясь о том, как он оправдается перед ними, когда настанет время отработки, у него одна мысль, одна цель: взять побольше задатков и как-нибудь частью из них заткнуть хоть одну — две из своих бесчисленных нужд. Но самый трагизм положения начинается, когда настает время отработки взятых задатков: все лица, у которых он таковые взял, требуют его сразу, и вот он мечется от одного к другому, от другого к третьему и пока, таким образом, как говорится, всеми правдами и неправдами не удовлетворит всех, у него не остается уже времени для нужной обработки своего жалкого клочка, но хотя бы как-нибудь всковырять его“⁷.

Обычно в подобных описаниях не делается разницы между наймом с инвентарем и без инвентаря, т. е. собственно рабочих. Но в отдельных случаях прямо говорится о зимней наемке пеших рабочих. Так, в описании имения Соколова (с. Тишково Коломенского уезда Московской губернии) читаем: «Поденные нанимаются в соседних деревнях. Чувствуется сильный недостаток. Не было бы ни одной (поденной работницы. — А. А.), если бы владелец не обязывал их выдачей в виде займа раз-

⁷ В. В. Х и ж н я к о в. Об условиях найма на сельские работы. — «Труды ВЭО», 1904, т. II, кн. 4—5, стр. 7—8.

личных продуктов, денег и т. д. за отработки... Сдельные — наем с осени за заборы»⁸.

Зимняя наемка пешего рабочего по форме не отличалась от найма крестьянина на обработку кругов или сдельные работы: в обоих случаях налицо закабаление ссудой (земля, деньги, хлеб и т. п.). Но зимняя наемка рабочего, лишенного своего инвентаря, все более перерастала из кабалы крепостнической в кабалу капиталистическую. В первом случае хозяйство на земле помещика ведет крестьянин, во втором случае сам помещик ведет хозяйство своим инвентарем, пользуясь кабальным трудом рабочего.

Зимняя наемка служила для помещиков одним из самых сильных средств понижения цен на труд. В Тамбовской губернии в 1913 г. разница в обработке одной десятины ржи при зимнем и летнем найме выглядела следующим образом (в руб.)⁹:

	При зимнем найме	При летнем найме
Взметать пар, передвоить, посе- ять рожь	5,42	7,05
Скосить, связать	3,42	4,57
Свезти снопы	2,36	3,05
Итого:	11,20	14,67

Таким образом, при летнем найме стоимость обработки и уборки десятины ржи обходилась дороже почти на треть (31%).

Главным районом зимней наемки был Центрально-черноземный центр. Однако и в других местах она имела широкое распространение. Так, капиталистические экономии Юго-западного района пользовались этой формой найма, вероятно, не в меньших размерах. Корреспондент ВЭО сообщал, например, что в Смелянщине (Черкасский и Чигиринский уезды Киевской губернии, район хозяйничания гр. Бобринских) летом 1905 г. работали срочные рабочие из Полтавской губернии, «которые нанимались местными помещиками из Полтавщины зимою, в пору нужды и по пониженной цене»¹⁰.

На широкое применение зимнего найма указывал Я. Яковлевич в статье «„Обязанное“ хозяйство» в правокadetском журнале «Русская мысль». «По местным сведениям,— писал он,— в Юго-западном районе по некоторым деревням „обязанных“ дворов насчитывалось к весне 1913 г. до 48%, по Могилевской губернии — до 52%, по Черниговской — до 56%»¹¹.

⁸ ГИАМО, ф. 184 (Московской губ. земской управы), оп. 10, д. 2518, л. 196.

⁹ «Краткий сельскохозяйственный обзор Тамбовской губернии за 1913 год». Тамбов, 1913, стр. 28.

¹⁰ «Аграрное движение в России в 1905—1906 годах», т. 2. М., 1908, стр. 117.

¹¹ «Русская мысль», 1914, № 3, стр. 11.

Анализируя эти данные, В. И. Ленин писал: «Перед нами чисто крепостническая кабала и безысходная нищета крестьян...», причем помещичье землевладение превращает «массу крестьян в задавленных и привязанных к „барину“ нищих»¹². Ленин указывал, что никакие реформы «не помогут тем миллионам дворов, тем десяткам миллионов крестьян, которым *некуда* уйти из деревни и которые должны зимой идти в кабалу помещикам»¹³.

Являясь кабалой для крестьян, зимняя наемка и для помещика далеко не всегда была удобной формой обеспечения имения рабочей силой. Крестьяне, взявшие деньги в долг, отработывали его неохотно, на работу являлись несвоевременно и выполняли ее некачественно. Так, помещик А. В. Иванов (имение «Струпа» Зарайского уезда Рязанской губернии) зимой 1908 г. уплатил крестьянам за уборку хлеба будущего урожая с 22 дес. по 5 руб. за десятину,— всего 110 руб. Однако крестьяне убрали всего лишь 10 дес., «причем,— жаловался помещик,— первое требование выразилось посылкой нарочного к каждому должнику от 3 до 5 раз; период уборки из-за этого затянулся так долго, что я вынужден был исполнить то, что должны были сделать должники, своими машинами и, понятно, с большим запозданием. Самая работа их, т. е. косьба, а главным образом, вязка, до невозможности небрежна. Количество растерянных колосьев на одной десятине, собранных потом конными граблями и обмолоченных, выразилось, самое меньшее, в 10—12 пудов зерна. Способ этот оказался настолько дорогим, что хозяйство раз навсегда от него отказалось»¹⁴.

Низкая производительность труда закабаляемых зимними наемками местных крестьян и плохое его качество вынуждали помещиков переходить к найму посторонних сельскохозяйственных рабочих. Тот же Иванов и некоторые другие помещики Зарайского уезда с 1910 г. стали привозить женщин и девушек из Калужской губернии, преследуя цель не только заменить местных рабочих пришлыми, но и мужской труд женским. «Девки делают все: пашут плугами, возят снопы, сено» и т. д.¹⁵

Развитие капитализма неизбежно толкало помещиков к отказу от кабальных форм найма. Массовых данных, на основании которых можно было бы судить, как быстро шел этот процесс, статистика не оставила. Лишь сохранившиеся сообщения земских корреспондентов по Самарской губернии показывают, что в 1911 г. о зимнем найме имелось 33,3% сообщений и 66,7% — о

¹² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 25, стр. 91, 92.

¹³ Там же, стр. 173—174.

¹⁴ «Вестник Зарайского общества сельского хозяйства», 1910, № 5—6, стр. 45.

¹⁵ Там же, стр. 47.

найме во время работ, а в 1913 г.— соответственно 24 и 76% сообщений¹⁶.

На почве усиленного предложения рабочих рук возникала конкуренция, со всеми ее последствиями, между крестьянами и сельскими рабочими, между отдельными слоями крестьян, а также между «своими» и «чужими» для данного имения, т. е. пришлыми из других деревень или местностей. Этой конкуренцией помещики не без успеха пользовались в целях более выгодного для себя найма рабочей силы.

«В Подольской губ. крестьян особенно раздражало то обстоятельство, что многие помещики платили местным рабочим 25 коп. в день, а пришлым 40 коп. Установив таксу, крестьяне „снимали“ местных служащих и рабочих из экономий и изгоняли пришлых рабочих. Иносельцы часто переходили на сторону землевладельцев и срывали забастовку (Липовецкий уезд). В южной части Звенигородского уезда безземельные крестьяне взялись убирать помещичий хлеб на объявленных экономиях условиях, что вызвало большое неудовольствие со стороны более обеспеченных крестьян, которые готовы были вступить в борьбу за улучшение условий найма. Для успеха борьбы поэтому необходима была материальная помощь безземельным со стороны более обеспеченных крестьян»¹⁷.

В части снабжения помещичьего хозяйства рабочей силой особое место занимал труд солдат, отпускаемых из воинских частей по просьбам землевладельцев на летние сельскохозяйственные работы. Значение этой разновидности найма далеко превосходило скромный удельный вес солдат в массе наемных рабочих. Военное начальство охотно шло навстречу желаниям помещиков получить солдат на работы. В. В. Хижняков замечал: «Никаких препятствий к отпуску на вольные работы со стороны военного начальства землевладельцы, по-видимому, не встречают»¹⁸. Помещики жаловались на дороговизну солдатских рабочих рук, обходившихся дороже местных рабочих¹⁹ и все-таки нанимали солдат даже там, где в избытке имелись дешевые рабочие руки местного населения, например, в Юго-западном крае. Объяснение этому находим, в частности, в одном из докладов Гайсинскому комитету о нуждах сельскохозяйственной промышленности, где говорилось, что «наем солдат, во-первых, лишает местное население более или менее значительной части заработка; во-вторых, несмотря на то, что работа солдат

¹⁶ «Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1911—1913 гг.» Самара, 1914, стр. 196.

¹⁷ С. Прокорович. Формы и результаты аграрного движения в 1906 г.— «Былое», 1907, № 1/13, стр. 165.

¹⁸ В. В. Хижняков. Рабочий вопрос в деревне.— «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», т. II. СПб., 1904, стр. 302.

¹⁹ Там же.

обходится на 15—50% дороже вольных рабочих, она, ослабляя спрос на местных рабочих, искусственно понижает местную заработную плату. Оба эти обстоятельства приводят к крайне недоброжелательному отношению, к антагонизму между местным населением и пришлыми солдатами, антагонизму, иногда прорывающемуся в виде беспорядков, как это не раз уже было в Киевской губернии (Вязовское дело и др.)»²⁰. Генерал Драгомиров писал в «Русском инвалиде», что «солдаты, как наемная рабочая сила, в крае с многочисленным населением не нужны и служат дошлым помещикам только как средство сбивать цену на крестьянский труд. Поэтому иногда случается, что крестьяне, вооружившись дубьем, чем попало выгоняют солдат с работ»²¹.

Мы не останавливаемся на разнообразных ухищрениях и злоупотреблениях, к каким прибегали помещики при заключении условий найма — массу соответствующих фактов читатель может найти в литературе о сельскохозяйственных рабочих.

В заключение вопроса об условиях найма укажем еще на один способ привлечения рабочей силы помещичьими экономиями. Имеются в виду так называемые помочи — прямые наследники «гвалтов», «толок» и «шарварков» крепостной эпохи. До освобождения они были одной из феодальных повинностей крестьян и устраивались по произволу помещика. Теперь момент внеэкономического принуждения отпал. В описании имения А. Н. Скорнякова (с. Висково Коломенского уезда) читаем: «Практикуется покос „помочью“, обходится дороже (можно нанять по 40 коп., а обходится „помочью“ 55 коп.). Выгода — в количестве народа: в праздник не пойдет рабочий за деньги. Выгода в количестве сразу скошенного сена (приходят обыкновенно человек 15—20 косарей). Выпивается при этом по 1 1/2 и даже 2 бут. водки на человека». В начале работы дается водка, завтрак и чай. Работают крестьяне с 3 часов утра до 11 часов дня, после чего получают обед с водкой и чай. Затем рабочий переходит в село, где пьет на свои деньги. Вечером и на другой день приходит похмеляться»²².

Наконец, об одном весьма любопытном, но отнюдь не загадочном явлении. В имении А. Д. Фовановой (Коломенский уезд) «выходят на посадку картофеля бесплатно»; работникам обещают, что они «будут всегда приниматься на поденную работу». Во время посадки «полагается угощение, состоящее из кренделей и подсолнухов», которых для 25 человек выдается на 2 руб. 50 коп.²³ Это свидетельство делает понятным замечание

²⁰ В. В. Хижняков. Рабочий вопрос в деревне, стр. 302—303.

²¹ Там же, стр. 303.

²² ГИАМО, ф. 184, оп. 10, д. 2518, л. 44 об.

²³ Там же, л. 206 об.

А. Г. Михайлюка о том, что в имении Терещенко Михайловский хутор «земля, луга, даже работа предоставлялись за отработки»²⁴. Перед нами своего рода «зимняя наемка наоборот», когда крестьяне, чтобы получить заработок в имении, предварительно выполняют некоторые работы бесплатно.

По вопросу о том, в каких условиях, формах и размерах помещики эксплуатировали уже нанятых рабочих, преобладает не статистический, а описательный материал, весьма ярко и со многими подробностями рисующий положение сельскохозяйственных рабочих в помещичьих имениях. Во избежание даже намека на сгущение красок предоставим слово нанимателям. Помещица А. Д. Рычкова-Защелина в одном из четырех писем в Бугульминский уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности писала:

«Помещики и рабочие — это два непримиримых врага, не могущих, несмотря на эту вражду, обойтись один без другого. Это результат современного крепостничества и глухого, смутно сознаваемого протеста против него. Достаточно шальной искры, чтобы и здесь разразились страсти и возникли беспорядки, подобные мартовским смутам в Малороссии и в Тамбовской губернии».

«Мы нанимаем за самую сравнительно ничтожную плату годового рабочего; мы требуем от него изо дня в день максимума физической работы, которой ни в каком случае не в состоянии выполнить сами; мы кормим эту нашу рабочую силу весьма часто недостаточно и нередко недоброкачественной пищей: несвежим мясом, червивой солониной, затхлой мукой, снятым молоком, прокисшей капустой и т. д., словом, пищей, которой сами и в рот не возьмем...

Кто из нас прямо или косвенно, через своих уполномоченных, в этом не грешен?

Кто из нас не виновен в разного рода самоуправстве относительно их?

Кто не виновен, опять-таки косвенно, через своих объездчиков, сторожей, ключников, старост, приказчиков и пр. в постоянной, непристойной, площадной ругани их при всякой вине?

Все это делается везде, всегда, на каждом шагу, с единственным оправданием: „Все так делают!“»²⁵

Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. «Дикий помещик» в его обращении с наемным рабочим вырисовывается в своем натуральном виде.

Относительно продолжительности рабочего дня сельских ра-

²⁴ А. Г. Михайлюк. Крестьянское движение на Левобережной Украине в 1905—1907 гг., стр. 169. (Разрядка моя.— А. А.).

²⁵ ГИАМО, ф. 419 (МОСХ), оп. 1, д. 2532, лл. 28—29.

бочих «Правила» 1886 г., как и последующие дополнения и разъяснения к ним, не предусматривали каких-либо ограничений. Пределами были лишь границы суток и по-разному понимаемая необходимость в восстановлении сил для работы на следующий день.

Едва ли стоит здесь ссылаться на своеобразные рекорды, о которых есть немало сообщений, когда рабочий день доходил до 20 часов ²⁶. Приведем средние данные, вычисленные известным специалистом сельского хозяйства Баталиным по месяцам: в январе — 9 час., в феврале — 11 час., в марте — 12 час., апреле — 13 час., мае — 14 час., июне — 14,5 час., июле — 14 час., августе — 12,5 час., сентябре — 11,5 час., октябре — 11 час., ноябре — 9 час., декабре — 7 час. ²⁷ Нет никаких оснований считать, что в последующие годы (до революции 1905—1907 гг.) что-либо изменилось.

Продолжительность рабочего дня сочеталась с нечеловеческими условиями работы и быта сельских пролетариев. В корреспонденции газеты «Смоленский вестник» от 10 июля 1906 г. об условиях работы в имении с. Высокое Вяземского уезда, принадлежавшем гр. А. Д. Шереметеву, говорилось: «Экономические рабочие, которых здесь около 30 человек, находятся в невыносимых условиях. Работают по 17—18 часов в сутки, помещение их, по словам самих рабочих, хуже собачей конуры; рабочих заставляют покупать гнилой картофель и плохой хлеб в экономии; если кто покупает вне экономии, того сейчас же рассчитывают; по угрозам управляющего (С. Баршова.— А. А.) они ходят на работу и по воскресным дням и получают за это 15—20 коп.

Обращение — вызывающее, особенно грубо и нахально обращаются с женщинами-работницами, называя их всякими площадными словечками; садовник и управляющий нередко прибегают и к кулачной расправе» ²⁸.

И после первой русской революции борьба за сокращение рабочего дня не принесла желаемых результатов: первые профсоюзы батраков были задушены реакцией, а закон 26 апреля 1906 г. запрещал стачки сельскохозяйственных рабочих. Рабочий день по-прежнему регламентировался одним произволом нанимателей. Однако революционная борьба сельскохозяйственных рабочих и крестьян привела к некоторому повышению заработной платы в помещичьих экономиях и кулацких хозяйствах.

²⁶ А. Казаков. Указ. соч., стр. 107; В. В. Хижняков. Об условиях найма на сельские работы, стр. 16—17 и др.

²⁷ Ф. А. Баталин. Справочная книга русского сельского хозяина. СПб., 1892, стр. 29. Включены обеденные перерывы (от 1 до 3 час.).

²⁸ «Революционное движение в Смоленской губернии в 1905—1907 гг.» Сб. документов. Смоленск, 1957, стр. 248.

Это убедительно, на большом статистическом материале показано И. Г. Дроздовым в его интересной книге «Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905—1906 гг.» (СПб., 1914). Как известно, В. И. Ленин высоко оценил эту работу, посвятив ей рецензии в газете «Путь Правды» от 29 марта 1914 г.²⁹ и в журнале «Просвещение», № 5 за май 1914 г.³⁰ Впоследствии автор, учтя критические замечания В. И. Ленина, издал новую книгу, где провел сопоставление заработной платы сельскохозяйственных рабочих до и после Октябрьской революции³¹. По его исчислениям, плата поденному рабочему-мужчине на своих харчах в период от весенних работ до конца уборки хлебов составляла³²:

Годы	В копейках	%	В пудах ржи	%
1902—1904	64,0	100	0,93	100
1905	64,8	101,2	0,85	91
1906	72,0	112,5	0,91	98
1907	73,1	114,2	0,68	72
1908	72,4	113,1	0,68	72
1909	75,8	118,4	0,81	87
1910	76,6	119,6	1,00	107
1911	79,7	124,0	1,06	113
1912	88,7	137,0	0,82	88
1913	96,9	151,0	1,09	117

Анализируя данные И. Г. Дроздова за 1902—1910 гг., В. И. Ленин указывал, что самое большое повышение заработной платы пришлось на 1906 г. (12,5%). «Таким образом,— писал Ленин,— с 1905 года удалось двинуть вперед и невероятно низкую плату сельским рабочим!»³³ Однако плата, выраженная в хлебе, даже в 1906 г. снизилась по сравнению с уровнем 1902—1904 гг. «Разумеется, не будь толчка в пятом и шестом году, понижение *реальной* заработной платы было бы еще сильнее»³⁴.

В дальнейшем, при заметных колебаниях, наблюдалась тенденция к повышению как денежной, так и реальной заработной платы, но размеры этого повышения (в хлебе) были весьма невелики. Во всяком случае рост зарплаты рабочих намного отставал от роста доходов помещиков, что и показал И. Г. Дроздов путем сопоставления первой с движением цен на землю: по 8 районам зарплата в 1901—1910 гг. поднялась по сравнению с

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 19—21.

³⁰ Там же, стр. 207—209.

³¹ И. Г. Дроздов. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930.

³² Там же, стр. 16—17.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 20.

³⁴ Там же.

предшествующим десятилетием на 27%, а цена земли — на 91%, т. е. почти вдвое³⁵.

Отсылая читателя к работе И. Г. Дроздова, мы не можем, однако, обойтись без некоторых замечаний и уточнений. Еще В. И. Ленин отметил, что автор неправомерно «предъявляет, так сказать, „отвод“» Приуральскому району, где повышение зарплаты было больше, чем в Юго-западном³⁶, на котором И. Г. Дроздов делает особый упор. Утверждая, что всего больше зарплата повысилась в районах наиболее развитого сельскохозяйственного капитализма и, следовательно, движения сельскохозяйственных рабочих, автор делает некоторые упрощения. Дело не только в темпах роста заработной платы, против чего, вообще говоря, спорить не приходится, но и в ее абсолютной высоте. А она была самой низкой в 1901—1910 гг. в Приозерном крае — 0,69 пуда, Юго-западном — 0,71, в Белорусском — 0,72, в Северном — 0,72 пуда и т. д. Итак, два района капиталистического помещичьего хозяйства — Юго-западный и Белорусский — были зоной самых низких плат. И. Г. Дроздов не называет эти районы в числе центров аграрной перенаселенности, что было именно так. Несколько формально подошел автор к определению характера движения 1905—1906 гг. в указанных районах. Несмотря на преобладание выступлений в форме стачек, движение в общем и здесь имело конечной целью «выкуривание» помещиков.

Эти замечания потребовались для того, чтобы подчеркнуть, что и в районах капиталистического помещичьего хозяйства большие массы крестьян, скудно наделенных землей, продолжали эксплуатироваться помещиками в качестве мелких земледельцев, мелких хозяйчиков, наделы которых позволяли помещикам понижать заработную плату рабочих.

Едва ли не самым страшным бичом для сельских рабочих было штрафование. Большой материал о штрафах собран А. И. Шестаковым (Н. Дим)³⁷. Так, в Долбенкинской экономии (Орловская губерния) штрафovali за курение в усадьбе и прочие мелкие проступки. В одном имении Саратовской губернии из 452 служивших в летнее время рабочих только 51 человек не был оштрафован, у 88 человек штрафы составили $\frac{1}{4}$ заработка, у 122 — более $\frac{1}{3}$, у 69 — более $\frac{1}{2}$, 85 человек потеряли почти всю зарплату, а остальные 37 рабочих остались должниками по штрафам³⁸. На законодательное ограничение штрафов наниматели, как правило, не обращали внимания.

Одним из способов понижения заработной платы было плохое питание рабочих, а как следствие — желудочно-кишечные за-

³⁵ И. Г. Дроздов. Указ. соч., стр. 61.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 207—209.

³⁷ Н. Дим. Сельский пролетариат в России. СПб., 1906.

³⁸ Там же, стр. 31.

болевания, «куриная слепота» и другие болезни. Даже на «хлебосольной» Кубани отмечались случаи цинги среди сельских рабочих³⁹. Землевладельцы западных губерний ухитрялись кормить мужчину на 8 коп., женщину — на 7 коп. в день⁴⁰. Расплата за работу товарами и продуктами питания по ценам, назначаемым нанимателем, была обычным явлением.

Не касаясь других видов кабалы и обмана нанятых рабочих, остановимся еще лишь на одном из многочисленных способов расчета, с помощью которых рабочий оказывался обманутым. Мы имеем в виду расплату не наличными деньгами, а так называемыми ярлыками. «Ярлыки представляют собой особый род безымянных (на предъявителя) расписок в исполнении работ на известную сумму и без указания срока уплаты, выдаваемых экономиями крестьянам при расчете за летние работы. Система эта в значительной мере развита среди как мелких, так и крупных землевладельцев Тамбовской губернии. Уплата денег по этим ярлыкам производится весьма неаккуратно и часто задерживается на весьма продолжительное время, иногда на год и даже более»⁴¹.

«Таким образом, крестьянин, запродавший свой труд раньше времени по крайне пониженной цене и получивший в уплату ярлык, который должен в конце концов разменять (у кулаков или в кабаках.— А. А.) с значительной потерей, становится иногда в материальном отношении в безвыходное положение»⁴².

Понятно, что расплата ярлыками и марками, наблюдавшаяся, кстати сказать, не в одной только Тамбовской губернии, была возможна лишь по отношению к рабочим, наделенным землей, к мелким земледельцам. Надел, таким образом, являлся не только средством снижения заработной платы, он также давал возможность помещикам задерживать ее выплату.

Рассмотренные материалы дают основание сделать следующие выводы:

1. Помещичье хозяйство по своим масштабам было неспособно не только ликвидировать, но даже в сколько-нибудь заметных размерах сократить аграрное перенаселение в деревне.

2. Доходность этого хозяйства в значительной степени держалась на исключительной дешевизне рабочей силы, как следствие все того же аграрного перенаселения, громадного превышения предложения труда над его спросом.

3. Наемный труд в помещичьих имениях в большей мере был трудом закабаленных крестьян.

³⁹ Там же, стр. 34.

⁴⁰ Там же, стр. 35.

⁴¹ «Краткий очерк экономического положения крестьянских обществ Тамбовской губернии. Составил управляющий Тамбовской казенной палатой С. А. Шпилев». Тамбов, 1897, стр. 23.

⁴² Там же, стр. 24.

Переходим к другой сфере материально-производственной базы помещичьего хозяйства — к элементам, составлявшим ее постоянный капитал.

Основной тягловой силой в дореволюционном сельском хозяйстве была лошадь. В южных районах наряду с лошадьми широко использовались волы. В рассматриваемое время шел процесс замены волов лошадьми, как более универсальным и быстрым средством тяги и передвижения. Это происходило, главным образом, в крестьянском хозяйстве. У помещиков поголовье волов сокращалось медленнее и их удельный вес в составе рабочего скота был значительно выше, чем у крестьян.

Статистические данные о поголовье волов весьма суммарны и ненадежны. Сведения о лошадях содержатся в военно-конских переписях. До сих пор в поле зрения находились итоги военно-конских переписей по крестьянским хозяйствам. Переписи по частновладельческим хозяйствам оставались неразработанными. А между тем они составляют немалый интерес, особенно в сопоставлении с данными по крестьянскому хозяйству.

Первое, на что полезно обратить внимание,— удельный вес частновладельческого рабочего скота в общей его массе.

По переписи 1916 г., в 48 губерниях Европейской России насчитывалось 19979,6 тыс. штук рабочего скота, в том числе у частных владельцев 1349,2 тыс. Только в районах капиталистически развитого земледелия доля скота у частных владельцев была относительно высокой: в Прибалтийском — 19,1%, в Юго-западном — 13,3%, в Южном степном — 11,0%⁴³.

Надо, однако, иметь в виду качество и количество скота в соотношении с обрабатываемой площадью.

О качестве лошадей можно судить по их росту. Как показала военно-конская перепись 1912 г., в Европейской России лошадей ростом два аршина и выше у частных владельцев было 67,8%, а у крестьян и казаков — 43,7%⁴⁴.

Кроме того, лошади на незначительных земельных наделах крестьян использовались менее рационально, чем на больших площадях землевладельцев. Другими словами, у крестьян имелся большой избыток лошадей против того, сколько их нужно было для обработки всей крестьянской земли. Это обстоятельство давало возможность помещикам эксплуатировать крестьянский рабочий скот, не заводя своего или имея его в минимальном количестве. Только разорение и обезлошадение соседних

⁴³ «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года». (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями), вып. I. «Европейская Россия». Пг., 1916, стр. 637. (Пара волов принята за 1 штуку рабочего скота).

⁴⁴ «Военно-конская перепись 1912 года». Пг., 1914, стр. 16, 35.

Таблица 13

**Количество рабочих лошадей у частных владельцев сельских местностей
Европейской России по военно-конским переписям ***

Районы	Всего губерний	Коневладельцы			Рабочие лошади (старше 4 лет)		
		1888—1891 гг.	1899—1905 гг.	1912 г.	1888—1891 гг.	1899—1905 гг.	1912 г.
Северный	2	3 862	4 195	4 123	6 216	6 611	6 149
Приуральский	2	5 758	4 897	7 895	10 162	10 718	16 352
Северо-западный . . .	3	25 748	32 008	34 555	60 863	74 683	70 030
Прибалтийский	3	43 649	39 271	46 081	120 439	116 408	125 244
Западный	6	126 623	131 600	134 252	315 862	333 058	317 038
Промышленный	8	42 866	49 561	58 725	134 294	138 689	143 263
Северо-черноземный	7	47 350	41 251	52 082	286 662	267 255	243 271
Южно-черноземный	3	21 532	24 152	38 440	98 316	113 450	134 120
Юго-западный	3	79 849	76 759	70 537	334 875	317 841	297 761
Южный степной	4	51 859	76 689	82 665	221 593	304 811	383 485
Нижеволжский	7	37 360	48 789	65 017	177 435	206 464	221 104
Итого	48	486 456	529 172	594 372	1 766 717	1 889 988	1 957 817
В % к 1888—1891 гг.	—	100	100,8	122,2	100	107,0	111,0
В % к 1899—1905 гг.	—	—	100	112,3	—	100	103,7
Лошадей на одно хозяйство	—	—	—	—	3,6	3,6	3,3

* «Военно-конская перепись 1888 года». СПб., 1891; то же 1891 года. СПб., 1894; то же 1899—1901 годов. СПб., 1902; то же 1903—1904 годов. СПб., 1906; то же 1905 года. СПб., 1907; то же 1912 года. В табл. 13 сведены данные по 48 губерниям Европейской России (не вошли Архангельская губерния и Область Войска Донского). Районы показаны, как и в других случаях; для удобства сопоставления выделен лишь Приуральский район (Пермская и Вятская губернии).

крестьян могло заставить помещика завести свой скот или увеличить его поголовье. Если же представлялась возможность привлечь дополнительное количество крестьянского скота, помещик мог пойти даже на сокращение своего поголовья.

Надо также учесть, что некоторая часть рабочего скота у частных владельцев содержалась не для земледелия, а для нужд лесного хозяйства, промышленных предприятий, для разъездов и проч. Это еще более сужало долю помещичьего скота, занятого в сельскохозяйственном производстве.

Материалы военно-конских переписей дают возможность проследить, как изменялось во времени количество рабочих лошадей в частновладельческих хозяйствах.

Как показывает табл. 13, количество рабочих лошадей у частных владельцев, проживавших в сельских местностях (кро-

ме крестьян) в целом постепенно возрастало: по сравнению с 1888—1891 гг. оно увеличилось, по переписям 1899—1905 гг., на 7%, а к 1912 г.— на 11%. Таким образом, в годы столыпинской реформы темп прироста был меньше, чем в первом периоде (между переписями 1888—1891 и 1899—1905 гг.), вдвое. Если в первом периоде прирост поголовья лошадей почти не отставал от прироста числа коневладельцев, то во втором периоде (1905—1912 гг.) обнаружилось заметное отставание: по сравнению с 1899—1905 гг. число коневладельцев выросло на 12,3%, а число лошадей — всего лишь на 3,7%. В связи с этим число лошадей, приходящихся в среднем на одного коневладельца, уменьшилось с 3,6 головы до 3,3.

В первом периоде, несмотря на тяжелые для сельского хозяйства обстоятельства, связанные с недавним сельскохозяйственным кризисом, количество лошадей возрастало почти во всех районах. Только в Прибалтике, Северо-черноземном и в Юго-западном районах поголовье рабочих лошадей снизилось. Источники не дают ответа на вопрос о причинах этого сокращения. Можно, однако, полагать, что в его основе были разные способы борьбы с кризисом. Если в Черноземном центре помещичье хозяйство реагировало на кризис сокращением производства или даже ликвидацией хозяйства со сдачей земли в аренду и другие виды аренды, то в Юго-западном районе оно боролось с ним путем внедрения более совершенной техники, перехода к другим культурам, расширения торгового скотоводства и т. д. Результатом комбинации этих мер, одни из которых требовали увеличения рабочего скота, другие позволяли сократить его, могла явиться некоторая общая его убыль.

В 1905—1912 гг. картина усложняется, так как более сложными становятся и условия ведения хозяйства. Крестьянское движение 1905—1907 гг., толкнувшее многих помещиков к продаже земли, особенно в отработочных районах, дальнейшее развитие капитализма в стране, рост спроса и цен на сельскохозяйственные продукты и другие факторы действовали повсюду, но не сплошным фронтом, а с различными местными модификациями. В пяти районах они вызвали убыль рабочих лошадей: Северо-черноземном, Юго-западном, Северном, Северо-западном, Западном. В остальных шести районах поголовье выросло, причем особенно в Южном степном районе, где продолжалась распахка оставшейся части залежей, сокращение овцеводства, обращение пастбищ в поля, а также замена рабочих волов лошадьми. Тенденция же оставалась прежней — дальнейшее развитие капиталистического хозяйства в ущерб отработочному. Причем прогресс хозяйства, если судить по обеспеченности тягловой силой, был чрезвычайно медленным.

Нельзя, однако, остановиться на этом общем представлении. Для более внимательного рассмотрения процесса обратимся к

выборке числа хозяйств с 50 и более лошадьми по разным районам (табл. 14).

Таблица 14

Количество частновладельческих хозяйств с 50 и более лошадьми *

Районы	1888— 1891 гг.	1899—1905 гг.		1912 г.		
		хозяйств	% к 1891 г.	хозяйств	% к 1891 г.	% к 1905 г.
Северный	—	1	—	1	—	100
Приуральский	10	15	150	26	260	173
Северо-западный	5	13	260	27	540	208
Прибалтийский	108	110	101	180	167	164
Западный	80	136	170	152	190	112
Промышленный	90	93	103	79	88	85
Северо-черноземный	773	678	88	599	77	88
Южно-черноземный	240	321	134	225	94	70
Юго-западный	836	949	114	1069	128	113
Южный степной	287	342	119	472	164	138
Нижеволжский	374	415	111	399	107	96
Итого	2803	3073	110	3229	115	105

* Источники те же, что и в табл. 13.

Количество крупных частновладельческих хозяйств (с 50 и более лошадьми) возросло в первом периоде на 10% и во втором периоде — на 5%, несмотря на то, что немалая часть имений была разгромлена крестьянами. В первом периоде число крупных хозяйств уменьшилось лишь в отработочном центре (с 773 до 678), во всех же остальных увеличилось. Во втором периоде сокращение наблюдалось уже в четырех районах, где больше всего сохранилось крепостнических пережитков. Наоборот, в районах более развитого земледельческого капитализма число крупных хозяйств заметно увеличилось. На основе приведенных данных мы вправе констатировать дальнейшую капиталистическую концентрацию частновладельческого хозяйства. Особенно это очевидно по данным Юго-западного и Западного районов, где количество крупных хозяйств выросло при общем сокращении поголовья лошадей.

Наиболее крупными коневладельцами были дворяне. Так, если на каждые десять частных владельцев в 1912 г. приходилось 33 лошади, то на десять коневладельцев-дворян приходилось 215 лошадей. Проследим изменение поголовья лошадей у дворян.

Сопоставимые данные имеются на 1905 и на 1912 гг. по 16 губерниям (Астраханская, Воронежская, Вятская, Казанская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Уфимская)⁴⁵. Так как данные о лошадях целесообразно сравнить с землевладением⁴⁶, цифры по Пермской губернии, искажающие картину из-за особо крупных размеров помещичьего землевладения, в расчет не вводятся. По остальным 15 губерниям подсчет дает следующее:

	1905 г.	1912 г.	% к 1905 г.
Дворян-коневладельцев . . .	11 684	9 101	77,9
У них рабочих лошадей . . .	289 678	200 380	62,2
Земли у дворян, тыс. дес. . .	11 570,4	8 222,8	71,1

Таким образом, если по Европейской России количество частных коневладельцев выросло на 12,3%, а поголовье лошадей — на 3,7%, среди дворян 16 перечисленных губерний число коневладельцев сократилось до 77,9%, а количество лошадей — до 62,9% к уровню 1905 г. Это сокращение шло параллельно уменьшению дворянского землевладения. Неспособность дворянства в целом не только обеспечить развитие, но даже удерживать хозяйство в своих руках ясно доказывается этими данными.

Перейдем к рассмотрению сводных данных военно-конских переписей по группам хозяйств (см. табл. 15).

Как видно из таблицы, во всех группах наблюдалось почти одинаковое возрастание числа коневладельцев. Но уже и здесь заметно, что преимущество было за крупными хозяйствами: их рост в целом опережал расширение более мелких групп.

В начале XX в. дифференциация частновладельческих хозяйств шла более интенсивно. 3267 хозяйств средних групп (с количеством лошадей от 11 до 50) потеряли около 80 тыс. лошадей и перешли в группу мелких хозяйств или совсем лишились скота. Частное коневладение пополнилось значительным числом новых мелких собственников, что в условиях повышательной хозяйственной конъюнктуры вполне закономерно. В то же время отчетливо проявилось превосходство крупных хозяйств. Число коневладельцев с 51—75 лошадьми почти не изменилось (рост на 0,6%), с 76—100 лошадьми возросло на 5,5%, а со 100 и

⁴⁵ «Военно-конская перепись 1905 года». СПб., 1907, стр. 84; то же 1912 года, стр. 416.

⁴⁶ «Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России». СПб., 1907; «Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1910—1912 гг.» Пг., 1915, стр. 184, 185, 207—209.

Таблица 15

Распределение частновладельческих хозяйств по числу лошадей *

Группы хозяйств	1888— 1891 гг.	1899—1905 гг.		1912 г.	
		хозяйства	% к 1888— 1891 гг.	хозяйства	% к 1899— 1905 гг.
С 1 до 10 лошадей	458 166	498 467	108,8	566 793	113,7
» 11—20 »	14 827	16 032	108,1	14 421	90,0
» 21—30 »	5 824	6 316	108,4	5 387	85,3
» 31—50 »	4 842	5 265	108,7	4 568	86,8
» 51—75 »	1 806	2 021	111,9	2 034	100,6
» 76—100 »	575	603	104,9	636	105,5
» 101 и более лошадей . .	416	468	112,5	533	113,9
Итого	486 456	529 172	108,8	594 372	112,3

* Источники те же, что и в табл. 13.

более лошадьми — на 13,9%. Общее же количество лошадей во втором периоде возрастало быстрее, чем в первом.

В то же время количество крестьянских дворов с первого пятилетия XX в. по 1912 г. увеличилось на 1768 тыс., или на 15,5%. Из них на увеличение числа безлошадных пошло 904 тыс., или половина прироста. Другая половина почти целиком (777 тыс.) пополнила число однолошадных хозяйств. Доля тех и других повысилась с 58,9% до 63,7%. Несколько выросла группа хозяйств с двумя лошадьми. Количество хозяйств во всех высших группах сократилось. Судя по обеспеченности скотом, можно констатировать дальнейшее измельчание, парцелляцию крестьянского хозяйства в целом. В самом деле, если в 1899—1905 гг. на 10 дворов в среднем приходилось 22 рабочих лошади, то в 1912 г. — 20. Все поголовье рабочих лошадей не претерпело почти никаких изменений, увеличившись всего лишь на 1%.

Нечего говорить, что причина такого положения крылась главным образом в наличии помещичьих латифундий и полукрепостной эксплуатации крестьянства.

Новая миллионная масса безлошадных и большинство однолошадных дворов должны были найти применение своей рабочей силы. Между тем, как мы видели по данным о посевных площадях и поголовье рабочего скота, рост частновладельческих хозяйств был весьма скромным. Они не могли утилизировать труд этой массы крестьянства, процесс разорения кото-

рого шел намного быстрее развития капиталистического помещичьего хозяйства.

Наблюдалась существенная разница в развитии крупных хозяйств у частных владельцев и у крестьян. Сокращение многолошадных хозяйств у последних, конечно, не всегда означало регресс хозяйства. Оно было вполне закономерным, например, в случае приведения поголовья лошадей в соответствие с размерами площади посевов или в результате применения более совершенных орудий обработки почвы. К тому же это сокращение не было повсеместным. Из 48 вошедших в подсчет губерний число хозяйств с 5 и более лошадьми увеличилось в 10 губерниях с более развитым капиталистическим земледелием — Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Гродненской, Полтавской, Уфимской, Астраханской и других губерниях. Прирост указанных хозяйств составил 58 тыс., тогда как в остальных губерниях их число уменьшилось на 139 тыс.; в итоге — убыль в 81 тыс. хозяйств.

Сокращение лошадей, как сказано, могло компенсироваться отчасти другими техническими средствами. То же самое можно и в еще большей степени отнести к частным владельцам. Между тем, как мы видели, все три высшие группы у частных коневладельцев дали прирост, а у крестьян — сокращение. Отсюда с очевидностью следует, что помещичье землевладение вело к разорению не только основной крестьянской массы, но задерживало развитие высших групп крестьян, тормозило рост капиталистического хозяйства сельской буржуазии.

Бесспорно, на наш взгляд, и то, что большее увеличение поголовья лошадей, особенно в высших группах, нельзя принимать за признак прогрессивности помещичьего хозяйства.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ МАШИНЫ И ОРУДИЯ

Характеристика помещичьего хозяйства с точки зрения обеспечения земледельческими машинами и орудиями крайне затруднительна по состоянию источников. До 1910 г. обследований хозяйств по этому показателю не проводилось, а материалы проведенного в 1910 г. Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел сплошного учета разработаны крайне неудовлетворительно⁴⁷. Достаточно сказать, что составители утопили данные по частновладельческому хозяйству в общей сводке по всем хозяйствам вообще, включая крестьянские. К тому же расчет орудий сделан по сравнению с пашней, а не с

⁴⁷ «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году». СПб., 1913.

посевной площадью. В такой обработке данные о площади пашни (в дес.) на одно орудие выглядят в следующем виде ⁴⁸:

	На сеялку	На жатку	На молотилку	На веялку
У всех хозяйств	381	185	238	65
У крестьян	432	160	203	51

Из приведенных данных можно заключить, что только сеялками частновладельческие хозяйства были обеспечены лучше, чем крестьянские. Вероятно, иной результат получился бы при расчете на посевную площадь.

На 100 орудий подъема почвы во всех хозяйствах приходилось усовершенствованных орудий 65,7, а у крестьян — 67,9 ⁴⁹. И в этом отношении частновладельческое хозяйство, очевидно, не пошло дальше крестьянского.

Составители обзора пытались сопоставить количество сельскохозяйственных машин и орудий с данными анкетного обследования 1895—1896 гг. Они констатировали: «Частновладельческие хозяйства лишь незначительно повышают процентное отношение усовершенствованных орудий к неусовершенствованным, это повышение всего заметнее в губерниях: Виленской (было 20,9% усовершенствованных орудий, стало 25,1%), Волынской (23,3 и 27,9), Киевской (63,1 и 67,3), Ковенской (36,0 и 42,6), Подольской (61,5 и 65,5) и Эстляндской (17,9 и 23,2); в губернии же Таврической и в областях Акмолинской и Семипалатинской частновладельческие хозяйства повлияли отрицательно: в Таврической губернии процент усовершенствованных орудий уменьшился на 2,5, в Акмолинской на 0,1 и в Семипалатинской на 0,6» ⁵⁰.

Далее имеется еще более важное признание: «Частновладельческие хозяйства в громадном большинстве губерний повышают число пахотной земли на одно орудие; наиболее резко это влияние сказывается в Европейской России в губерниях: Бессарабской, Екатеринославской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Таврической, Тульской, Уфимской и Херсонской...; наоборот, в Воронежской и Кутаисской губерниях и Семипалатинской области частновладельческие хозяйства повлияли в сторону уменьшения числа десятин на одно орудие для разрыхления почвы» ⁵¹.

К этому сообщению можно подойти двояко. С одной стороны, увеличение пахотной площади на одно орудие можно принять за дальнейшую интенсификацию земледелия, а с другой —

⁴⁸ Там же, стр. XXXI, XXXIV.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, стр. VII—VIII.

⁵¹ Там же, стр. XIII.

расценивать как расширение эксплуатации крестьянского инвентаря. Исходя из того, что известно о дореволюционном земледелии, мы без риска можем утверждать, что факт увеличения площади частновладельческой пашни на пахотное орудие означал не больше ни меньше, как увеличение сдачи этой пашни в аренду.

В ходе Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. также собирались сведения о сельскохозяйственных машинах и орудиях⁵². Но, во-первых, учетом были охвачены не все губернии, и, во-вторых, по ряду причин хозяйственный учет был проведен весьма неточно. Зато данные 1917 г. можно сопоставить с размерами пахотных и посевных площадей и таким образом приблизительно выявить степень обеспеченности земледелия машинами и орудиями. Простейший суммарный расчет по 27 губерниям (в %) показывает следующее⁵³:

	У крестьян	У частных владельцев		У крестьян	У частных владельцев
Плуги железные	94,3	5,7	Вейлки	96,1	3,9
Сеялки	83,7	16,3	Посевная площадь	91,7	8,3
Жатки	90,5	9,5	Площадь пашни	85,0	15,0
Молотилки	91,5	8,5			

Доля частных владельцев в посевной площади составляла 8,3%, а плугов у них было только 5,7% и вейлок 3,9%. Зато более сложными агрегатами (молотилки, жатки и особенно сеялки) частные владельцы были обеспечены на единицу площади лучше крестьян. Недостаток плугов указывает на широкое использование в помещичьих хозяйствах крестьянских плугов и сох.

Слабая техническая оснащенность помещичьего хозяйства особенно видна в сравнении с количеством пашни, площадь которой составляла 15% (только количество сеялок соответствовало этой доле пашни). Иначе и не могло быть: огромные пахотные площади сдавались помещиками в аренду и обрабатывались, следовательно, инвентарем арендаторов.

Как выглядела обеспеченность хозяйств машинами по районам, нами показано ранее⁵⁴. Напомним лишь, что, например, в нечерноземной полосе на одну сеялку приходилось у помещиков 85 дес., а у крестьян 2512 дес., на одну жнейку соответственно 99 и 1281 дес. В черноземной полосе на одну сеялку приходилось у помещиков 60 дес., у крестьян 114 дес., на одну

⁵² «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям». — «Труды ЦСУ», т. V, вып. 2. М., 1923.

⁵³ Там же.

⁵⁴ А. М. Анфимов. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962, стр. 128.

жнейку соответственно 80 и 81 дес. Помещичье хозяйство, как видим, было лучше обеспечено сеялками и жнейками, чем крестьянское. Но в черноземной полосе количество жнеек у крестьян и помещиков было одинаковым. Если же учесть, что машины в крестьянских хозяйствах были принадлежностью зажиточных верхов, нетрудно понять, что немалая часть последних была обеспечена машинами лучше, чем помещичьи экономии. Это обстоятельство позволяло помещикам широко пользоваться при отработках не только простейшими крестьянскими орудиями, но и более сложными агрегатами. В действительности так оно и было. В. И. Ленин указывал на это еще до 90-х годов⁵⁵. В дальнейшем положение не изменилось. Тульский губернский агроном С. Ю. Соттири писал в 1900 г.: «Дороговизна содержания этого инвентаря заставляет крестьян стараться использовать его вне своего хозяйства. Отсюда возможность понижения цен на различные сельскохозяйственные операции, производимые крестьянами своим инвентарем, до минимума. Таврическая губерния не составляет какого-либо исключения. Гораздо ближе к Тульской, в губерниях Тамбовской, Воронежской, многие помещики в последнее время предпочитают обрабатывать свои поля плугами крестьян. Недолго придется ждать подобного и в Тульской губернии»⁵⁶.

Известный деятель сельского хозяйства на юге России М. В. Неручев в 1910 г. отметил случай расширения найма рабочих с машинами при посещении образцового для того времени имения Аскания-Нова Днепровского уезда Таврической губернии. Характеризуя одну из выгод найма крестьянских орудий, владелец имения Ф. О. Фалыц-Фейн говорил гостю: «Еще хорошо при благоприятной погоде, а как сейчас напр[имер] дождь идет: что было бы делать с сотнями праздных рабочих? Теперь же все, чем я рискую, это пастбище для одной на каждую лобогрейку лишней лошади, которая будет приведена в виде запасной»⁵⁷.

Имелись и другие выгодные для помещиков стороны такого найма и главная из них — значительное удешевление себестоимости полевых работ. Так, в Днепровском уезде косарю с громадильщиком платили 3—5 руб. за скос десятины хлеба, а при найме машин стали платить 75 коп. с десятины. Кроме того, обработка машинами намного уменьшала потери от перестоя хлебов, происходившего либо из-за нехватки рабочих, либо из-за ухода их в другую экономию или район в период жатвы⁵⁸.

⁵⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 254—255.

⁵⁶ С. Ю. Соттири. Экономическая программа Тульского губернского земства. Тула, 1900, стр. 35.

⁵⁷ М. В. Неручев. Южно-русское машиностроение и таможенная пошлина. — «Экономист России», 1910, № 34, стр. 2.

⁵⁸ Там же.

Перед дешевизной найма крестьян с их инвентарем отступала на второй план забота о качестве выполняемых ими работ даже там, где тщательность обработки земли была особенно необходима. Так, барон Е. Е. Швахгейм на опытном поле с так называемым херсонским паром вспашку вел наемными крестьянскими плугами⁵⁹.

Все известные нам конкретные случаи найма инвентаря относились к крупным хозяйствам. Если говорить о южных степных губерниях, вероятно, они и были главными его нанимателями. Несколько иную картину видим по Полтавской губернии (табл. 16).

Таблица 16

Частновладельческие хозяйства Полтавской губернии, пользовавшиеся наемными машинами и орудиями (Обследование 1910 г.)*

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Количество хозяйств	В том числе хозяйств, берущих в наем				
		сеялки	жатки	молотилки конные	молотилки паровые	соломо-резки
50—100	3481	135	51	828	594	321
100—150	820	17	7	116	131	51
150—200	307	5	1	25	62	12
200—300	341	5	1	29	63	14
300—500	249	1	1	16	47	3
500—1000	192	3	—	4	19	1
Свыше 1000	159	—	—	2	4	1
Итого . . .	5549	166	61	1020	920	403

* «Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года». Полтава, 1914, стр. 406.

Наем машин и орудий встречался в хозяйствах всех групп, однако чаще всего к нему прибегали мелкие частновладельческие хозяйства, реже нанимали владельцы средних и еще реже — крупных имений.

С ростом количества усовершенствованных орудий у крестьян расширялась возможность их найма помещиками, что в свою очередь тормозило процесс технического вооружения помещичьего хозяйства. Но самым главным тормозом в этом деле была отработочная система. В официальном издании ведомства земледелия читаем:

⁵⁹ «Известия Елисаветградского общества сельского хозяйства», 1905 г., № 21, стр. 487.

«Немаловажным препятствием к распространению орудий специально во владельческих имениях является принятая во многих местностях *система ведения хозяйства за отработки или исполу*, причем владельческие земли обрабатываются крестьянским инвентарем. При таком способе ведения хозяйства нет расчета затрачивать средства на улучшения инвентаря, покупку плугов, сеялок и других орудий. Кроме того, во владельческих хозяйствах отсутствие некоторых машин и орудий объясняется *дешевизной рабочих рук*. Вследствие этой дешевизны хозяевам нет надобности стремиться к увеличению производительности труда и обзаводиться» машинами⁶⁰.

В основе того, что помещики ряда районов, особенно центральных губерний, пользовались отработками вместо собственного инвентаря, лежали вполне реальные и по-своему резонные соображения и расчеты. Приведем один из образчиков таких расчетов. В популярном среди помещиков суворинском календаре-справочнике «Вся Россия» суждение известного агрохимика и хозяина-экспериментатора проф. С. М. Богданова о качествах жатвенных машин комментировалось следующим образом: «Эти практические указания проф. С. М. Богданова сами по себе дают достаточную картину несовершенств современного жатвенного орудия. Но особенно важен совет его соображать покупку машин с ценою рабочих рук. Сколько можно насчитать хозяев, которые, увлекаясь модой или рекламой, накупили жаток не только без всякой нужды, но и в прямой вред своему хозяйству. Сноповязалка, например, требует около 2 р. 50 к. на покупку одного только шпагата для каждой десятины! А стоимость машины, запасных частей, а слесарь, а лошади, а дорогие работники — во что это все обойдется? Да еще, помимо всего прочего, на руках у хозяина остается своз копен с поля. Но десятину-то в наших средних губерниях сплошь и рядом убирают за 2 р. 50 к. — 3 р. 50 к. со всем, то есть и со свозом»⁶¹.

По мере сужения сферы отработочной системы действие этого тормоза ослаблялось, но отнюдь не сошло на нет.

Подавляющая масса приобретенных сельскохозяйственных машин и орудий, безусловно, использовалась в собственном хозяйстве помещиков. Некоторые имения отличались высокоэффективным использованием земледельческой техники, в них работали опытные механики, содержались ремонтные мастерские. В Карловской экономии, например, в мастерских было занято ремонтом и изготовлением машин до 140 рабочих.

⁶⁰ «Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. XI. «Применение и распространение в России сельскохозяйственных машин и орудий». СПб., 1903, стр. 123—124.

⁶¹ «Вся Россия». СПб., 1897, т. II. Сельскохозяйственный отдел, стр. 67—68.

Сельскохозяйственные машины и орудия в частновладельческих

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Количество хозяйств	Посев, дес.	Плуги железные		Сеялки	
			лемехи	десятин посева на один лемех	всего	десятин посева на одну сеялку
50—100	3 481	103 924	6 572	15,8	2 243	46,3
100—150	820	34 547	2 263	15,3	777	44,5
150—200	307	17 202	1 218	14,1	388	44,3
200—300	341	24 883	1 915	12,9	513	48,5
300—500	249	25 778	1 989	13,0	453	56,9
500—1000	192	37 242	2 697	13,9	590	63,1
Свыше 1000	159	119 987	8 167	14,7	1 708	70,3
Итого:	5 549	363 563	24 821	14,6	6 672	54,5
Крестьяне	442 871	1 680 058	212 231	7,9	14 522	115,7

* «Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года», стр. 397, 398, 400, 401, 406, 415, 418, 419.

Но и в этом деле экономическая действительность российской деревни порождала странно уродливые явления. Об одном из них говорил в I Государственной думе трудовик, депутат от Черниговской губернии проф. Г. В. Локоть: «Я знаю, например, что в Юго-западном крае сельскохозяйственные машины держат исключительно для того, чтобы рабочие знали, что если они не пойдут по той цене, какую им предлагают, то будут пущены в ход все эти машины»⁶². Конкретный случай такого «применения» машин находим, к удивлению, в лучшем хозяйстве Кубанской области — имении «Хуторок» барона В. Р. Штейнгеля. В описании имения отмечается, что сенокосилки почти не применяются из-за поломок. «Кроме того, сенокосилка в качестве конкурента на рабочие руки часто, при очень высоких ценах, способствует их понижению. Такую же роль играют иногда и жатвенные машины»⁶³.

Роль конкурента рабочих, средства понижения их заработка машины в помещичьем хозяйстве сохраняли и позднее. М. В. Неручев писал в 1910 г., что крупный посевщик юга «знал, что заменю дорогих пришлых рабочих может служить жатвенная машина, многие и имели эти машины, но более для острастки

⁶² «Нужды деревни», 1906, № 23—24, стр. 715.

⁶³ П. Н. Котлов. Описание кубанского имения «Хуторок» барона В. Р. Штейнгель. 1900 г. М., 1900, стр. 49.

хозяйствах Полтавской губернии в 1910 г.*

Жатки		Реялки и сортировки		Паровые молотилки		Пашня собствен- ная, дес.
всего	десятины посева на одну жатку	всего	десятины посева на одну штуку	всего	десятины посева на одну штуку	
1496	69,5	2 654	39,2	127	818,3	186 322
497	69,5	692	49,9	68	508,0	76 537
278	61,9	301	57,1	49	351,1	40 520
401	62,1	346	71,9	86	289,3	62 592
371	69,5	293	88,0	71	363,1	73 416
527	70,7	308	120,9	117	318,3	102 172
1099	109,2	670	179,1	245	489,7	309 203
4669	77,9	5 264	69,1	763	476,5	850 762
9082	185,0	51 033	32,9	570	2947,4	2 090 413

рабочего, нежели для работы: так постоянна порча этих сравнительно сложных механизмов и так трудно их поправление...»⁶⁴

Дешевизна рабочих рук в российской деревне сама по себе была мощным препятствием развитию земледельческой техники и культуры в помещичьем хозяйстве. Машины еще больше понижали заработную плату и становились, таким образом, препятствием на пути своего собственного распространения. Как ни парадоксально это явление, оно было фактом реальной действительности.

Важно установить, как распределялись орудия производства в зависимости от площади землевладения помещичьих хозяйств. К сожалению, массовые данные по этому вопросу имеются по сути дела лишь по Полтавской губернии (см. табл. 17).

Как показывает таблица, сельскохозяйственные машины и орудия в частновладельческих хозяйствах Полтавской губернии распределялись по группам хозяйств неравномерно, хотя эта неравномерность, по данным той же переписи 1910 г., была значительно меньшей, чем в крестьянских хозяйствах. Железными плугами были лучше обеспечены хозяйства со средними размерами землевладения. В более мелких заметную роль продолжали играть деревянные плуги и рала. В высшей группе сравнительно меньшая обеспеченность плугами была связана, очевид-

⁶⁴ М. В. Неручев. Указ. соч., стр. 2.

но, с большим применением крестьянского инвентаря. В целом же плугов было недостаточно во всех группах. Считалось, что один плуг был необходим для каждых 10 дес. посева. Таким образом, посевы частных владельцев лишь на две трети были обеспечены собственными железными плугами. В то же время у крестьян имелось 212 тыс. железных плугов, или по 7,9 дес. посева на плуг. Учитывая также более примитивные орудия рала, у крестьян был избыток простейшего инвентаря для обработки почвы, что вполне понятно при малых размерах крестьянских наделов. Этот резерв и позволял помещикам держать меньшее количество плугов. Такое же положение было с веялками, которых у крестьян в расчете на площадь посева также было больше, чем у помещиков.

Иначе обстояло дело с более сложными механизмами — сеялками, жатками и паровыми молотилками. Этими видами машин помещичьи хозяйства были обеспечены намного лучше, чем крестьяне, и рассчитывать помещики могли лишь на крестьян, которые, имея, например, жнейки, не могли их полностью использовать в своем хозяйстве. Как уже говорилось, таких хозяйств на юге было довольно много.

Крупные помещичьи имения свыше 600 дес., составлявшие $\frac{1}{16}$ всех частных владений, были обладателями 44% всех железных плугов, 34% сеялок, 35% жаток, 48% паровых молотилок. Эти цифры, как и приводимые ниже данные о посевной площади, еще раз показывают, что крупные помещичьи латифундии, взятые в целом, будучи главными носителями полукрепостнической эксплуатации крестьянства и самым большим тормозом для развития капитализма в сельском хозяйстве, были в то же время крупными очагами концентрации капитала в земледелии.

Слабая по сравнению со средними хозяйствами обеспеченность крупных имений машинами и орудиями в количественном отношении компенсировалась отчасти лучшим качеством земледельческой техники. Об этом убедительно говорят данные по той же Полтавской губернии⁶⁵. Не приводя подробных цифровых выкладок, отметим, что, чем крупнее были владения, тем совершеннее применяемая техника. В крупных имениях большую, чем в мелких и средних, долю составляли многолемешные плуги, железные бороны, железные рала, рядовые сеялки, жней-сноповязалки, паровые молотилки. Например, в хозяйствах размером 50—100 дес. $\frac{9}{10}$ всех молотилок были на конном приводе, а в имениях площадью свыше 1000 дес. 96% молотилок приводились в движение локомотивами. В первой из указанных групп $\frac{9}{10}$ жаток были простейшего типа (лобогрейки), а в послед-

⁶⁵ «Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года. Свод по губернии». Полтава, 1914, стр. 418—419.

ней $\frac{2}{5}$ жаток составляли жней-сноповязалки. Приблизительно таким же было соотношение деревянных и железных плугов и борон.

Имея перед собой такие данные, трудно не поддаваться искушению и не объявить владельцев крупных помещичьих латифундий передовым отрядом сельских хозяев, ведущих за собой все сельское хозяйство по пути технического прогресса. Не говоря уже об апологетах помещичьего хозяйства типа А. А. Кауфмана, которые на подобных фактах, искусственно выделяемых из всей совокупности экономических явлений, строили теорию «культурно-хозяйственного значения» помещичьих латифундий, так думали М. Н. Покровский, А. В. Шестаков и некоторые другие исследователи.

Конечно, нельзя отрицать наличия некоторых прогрессивных черт в помещичьем хозяйстве, которые заметнее выступали в верхних группах. Неправильно было бы и все помещичьи хозяйства брать в одни скобки. Были крупные экономии, полностью обеспеченные своим инвентарем и совсем или почти не связанные с полукрепостнической эксплуатацией крестьян. Но таких хозяйств было немного. Что же касается всех остальных, то прогрессивные элементы в них надо оценивать в сравнении с теми консервативными, реакционными чертами, которые были присущи крупному землевладению по самой его природе. Какие-либо количественные показатели для такого сравнения привести, конечно, невозможно. Ясно одно: способствуя развитию и упрочению собственно капиталистического хозяйства помещиков, новейшая передовая техника вела к подрыву крепостнических форм хозяйства. В то же время само это хозяйство сплошь и рядом служило средством поддержания и сохранения самой отсталой, реакционнейшей формы землевладения — крупных помещичьих латифундий.

Нельзя к тому же и переоценивать степень оснащения помещичьих хозяйств машинами и орудиями. В представлении министерства торговли и промышленности в Государственную думу «О мерах поощрения русского сельскохозяйственного машиностроения» (1911 г.) говорилось: «Плохая обработка земли и малое распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий являются характерными особенностями земледельческого промысла не только у крестьян, но и у более крупных землевладельцев»⁶⁶. По мнению этого ведомства, Россия падалась еще «в начальном фазисе потребления машин для сельского хозяйства»⁶⁷.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 560 (Общей канцелярии министра финансов), оп. 26, д. 948, 1911 г., л. 18.

⁶⁷ Там же, л. 24.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И СИСТЕМА ВЕДЕНИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

Круг вопросов, связанных с проблемой землепользования и системы ведения помещиками своего хозяйства, является одним из важнейших и вместе с тем труднейших моментов данного исследования. В связи с этим представляется необходимым обратиться к некоторым наиболее важным положениям марксистско-ленинской теории развития капитализма в сельском хозяйстве. Марксистская теория земельной ренты дает ключ к решению сложнейших проблем развития аграрного капитализма. Как известно, причиной образования ренты в любой ее форме является монополия частной собственности на землю и монополия хозяйства на земле.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве в его «чистом» виде предполагает национализацию земли буржуазным государством, организацию свободного арендного, фермерского хозяйства на ней, что означает уничтожение абсолютной ренты, порождаемой земельной собственностью частных лиц, и передачу дифференциальной ренты государству. Влияние землевладельцев ни в одной стране не позволило осуществиться этому буржуазному идеалу.

Классической формой аграрного капитализма на заре его развития стало отделение земли как объекта собственности от той же самой земли как объекта хозяйства. Капиталист, присваивая себе монополию хозяйства на землю, вознаграждает за это земельного собственника частью извлекаемого им прибавочного продукта — земельной рентой, удовлетвовавшись средней прибылью на вложенный капитал. Для капитала в определенных условиях не имеет большого значения, в каких формах существует земельная собственность: капиталист с одинаковым успехом может арендовать помещичьи, крестьянские, государственные и другие земли. Маркс писал, что «та форма, в которой

находит земельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной [Markgenossenschaft] превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы»¹.

Однако и этот классический в теоретическом отношении тип преобразования феодального аграрного строя в капиталистический, имевший место в Англии, не получил распространения. Большинство стран Европы пошло по пути, являющемуся разновидностью так называемого прусского пути. Хозяйство на земле в этом случае организует сам собственник земли, он же присваивает одновременно и земельную ренту, и прибыль на вложенный капитал. Рентных отношений, по сути дела, не возникает, поскольку не происходит отделения собственника от земли. Классический пример этого типа развития дала Германия.

В России капитал также устранял многих юридических собственников земли, откупаясь земельной рентой за право организации хозяйства на земле. Но земельная собственность реализовалась здесь не только и не столько в виде ренты, получаемой с капиталистических арендаторов. Чаще помещики организовывали на своей земле собственное хозяйство, а также сдавали землю в аренду мелким некапиталистическим арендаторам — крестьянам на самых различных условиях. Землепользование, следовательно, было самым разнообразным. Сразу же возникает несколько вопросов. Смог ли земледельческий капитал нивелировать различия форм земельной собственности и подчинить ее себе? В каких формах реализовалась земельная собственность? Какое место в этом занимало собственное хозяйство помещиков? Какими способами велось это хозяйство? Во всем этом и предстоит разобраться в дальнейшем изложении.

Имеющиеся в нашем распоряжении наиболее массовые материалы — сведения Дворянского банка о землепользовании в принятых к залогоу имениях — охватывают лишь период с 1885 г. до 1900 г. Поскольку эти данные широко известны в литературе, приведем лишь итоговые цифры. В пятилетие 1886 — 1890 гг. на долю владельцев, имевших собственную запашку, приходилось 32% заложенной в банке земли². Но от-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 166. *

² «Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России», ч. I. СПб., 1903, стр. 302—307.

сюда вовсе не следует, что помещики всю землю обрабатывали за свой счет, хотя в статистике банка, как впоследствии и Комиссии центра, эта площадь целиком отнесена под рубрику обрабатываемых «владельцем». Как явствует из отчета за 1887 г., Дворянский банк не располагал сведениями о доле земли, которую владельцы обрабатывали сами. Заложенная помещиками земля сгруппирована в отчете по трем рубрикам. В первую включены имения, в которых хозяйство вели сами владельцы; точное различие между имениями, вся площадь которых обрабатывается за счет владельца (их было, впрочем, очень немного), и имениями, владельцы которых отдают часть пахотных, сенокосных и лесных угодий в краткосрочный наем преимущественно местным крестьянам,— провести не удалось. Во вторую рубрику вошли как имения, сдаваемые в долгосрочную аренду целиком, так и те, которые сдаются хотя и частями, но в которых владельцы хозяйства не ведут. Третью рубрику составили имения, в которых часть земли обрабатывается за счет владельца, часть в долгосрочной аренде, в том числе и у чиншевиков³.

Приведенное разъяснение дает право считать, что доля земли, обрабатываемая владельцами за свой счет, составляла значительно менее показанных 32%. Достаточно было помещику иметь самое мизерное собственное земледельческое хозяйство, чтобы быть учтенным в первой группе. В пятилетии 1896—1900 гг. доля земли этой категории владельцев снизилась до 21%. В имениях, полностью сдававшихся в аренду главным образом мелким арендаторам—крестьянам, в первом из указанных пятилетий было 32% заложенной в банке земли, во втором—47%. Налицо, таким образом, дальнейшее расширение мелкой, голодной, полукрепостнической аренды. В 1886—1890 гг. в заложенных имениях, эксплуатировавшихся смешанными способами (владельцем и посредством долгосрочной аренды), насчитывалось 36% земли, а в 1896—1900 гг.—32%⁴, что также указывает на свертывание собственного хозяйства и на расширение мелкой аренды.

Процесс отделения земли от ее собственников шел, таким образом, двояким путем: отчасти переходом в аренду капиталистическим арендаторам (в том числе сахарным заводам, плантаторам и т. д.), а главным образом все более нуждавшимся в земле крестьянам; развитием аренды первого вида можно, вероятно, объяснить уменьшение площади обрабатываемой

³ «Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1887 год». СПб., 1889, стр. 18.

⁴ «Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии...», ч. I, стр. 302—307.

мой за счет владельцев земли в Западном (с 40 до 17%) и в Юго-западном (с 20 до 9%) районах.

Доля площадей с владельческой запашкой возросла в Средневожском (с 34 до 56%), Нижневожском и Северо-западном районах (с 21 до 23%). В этом, очевидно, выразилось некоторое повышение хозяйственной активности владельцев.

Здесь не ставится задача точно установить, в какой пропорции расширялись оба вида аренды. Важно в данном случае еще раз обратить внимание на факт сокращения собственного хозяйства помещиков и на преобладание у них эксплуатации земли не за свой счет, а путем сдачи в аренду.

Трудно судить об изменении землепользования помещиков в начале XX в., т. к. сведения переписей 1916 и 1917 гг., как уже отмечалось, сравнить не с чем. Есть немало свидетельств, что после первой русской революции в результате распродажи земли помещики сокращали или ликвидировали хозяйства. Наблюдалась и противоположная тенденция. Рост спроса и повышение цен на сельскохозяйственные продукты на рубеже двух веков толкали помещиков к расширению хозяйства на новой основе. Такая тенденция заметнее всего наблюдалась в имениях с сахарными и винокурными заводами. Например, в Карловском имении герцогов Мекленбург-Стрелицких (Константиноградский уезд Полтавской губернии) площадь посевов с 12,5 тыс. дес. в 1899/1900 г. увеличилась до 25,9 тыс. дес. в 1913/14 г.⁵ В насчитывавшем 26 тыс. дес. имении Казацкое кн. П. Н. Трубецкого (Херсонский уезд) собственная запашка только за шесть лет (с 1899 по 1905 г.) увеличилась с 2 тыс. до 4 тыс. дес.⁶

Однако по отдельным примерам нельзя судить, росло или сокращалось полевое хозяйство помещиков в целом. За отсутствием твердой статистической основы мы можем высказать лишь предварительное и сугубо приблизительное суждение. В связи с этим придется принять на веру один расчет Н. П. Огановского, который хорошо знал сельскохозяйственную жизнь своего времени, но делал совершенно ненаучные (неонароднические) выводы и обобщения. По его расчету, в первые годы XX в. из 18,1 млн. дес. посевов на частновладельческих землях только 6,9 млн. дес. было экономических, остальные 11,2 млн. дес. засеивались крестьянами⁷. По более точным данным переписи 1916 г., у частных владельцев Европейской России насчитывалось примерно 7,7 млн. дес. посевов. По нашим расчетам, за

⁵ ЦГИА СССР, ф. 556 (Мекленбург-Стрелицких), оп. 1, д. 915, л. 98 об.; д. 968, л. 129 об.

⁶ «Вестник сельского хозяйства», 1906 г., № 1—2, стр. 11.

⁷ Н. П. Огановский. Захватное, капиталистическое и трудовое землевание в России.— «Борьба за землю», т. I, ч. 1. СПб., 1908, стр. 143.

первые годы войны посе́вы помещиков сократились приблизительно на 12% ⁸ и к началу войны составляли, следовательно, около 8,6 млн. дес. — на 1,7 млн. дес. больше, чем насчитывал Огановский. Не считая эту цифру окончательным результатом, полагаем все же, что тенденция к расширению собственного хозяйства в начале XX в. преобладала.

Еще меньшую долю в собственном хозяйстве помещиков занимало использование непахотных угодий. Пользуясь тем, что во время реформы 1861 г. крестьяне были особенно обделены сенокосами, выгонами и пастбищами, помещики широко практиковали сдачу своих обширных угодий крестьянам на самых тяжелых условиях — за отработки и исполно. Лишь владельцы немногих, чисто луговых или лесных имений сдавали луга и пастбища за деньги без дополнительных условий. Так, лучшие москворецкие и приокские заливные луга в Серпуховском, Богородском и Коломенском уездах принадлежали графам А. Н. и Д. А. Ламсдорфам. От сдачи 3500 дес. они получали в среднем 130 тыс. руб. в год при самых минимальных издержках ⁹. Но большей частью угодья сдавались помещиками с целью обеспечения своего хозяйства рабочими руками на кабальных условиях.

Расширение помещичьей запашки не затрагивало в рассматриваемый период полукрепостнического характера землепользования. По-прежнему хозяйство помещиков велось на незначительной части земли, тогда как большая часть служила средством эксплуатации миллионных масс арендаторов в самых различных формах. Это особенно характерно для крупных и крупнейших владений.

В. А. Бертенсон, знаток помещичьих владений на юге России, писал, что, хотя экономическая запашка в имении Казацкое выросла вдвое, хозяйство, как и раньше, «ведется своими средствами лишь на части всего имения» ¹⁰, а крестьянам вместо 6 тыс. раздается 7 тыс. дес ¹¹.

Неизбежно возникают важные и сложные вопросы. Какие категории или группы владельцев преимущественно сдавали земли? Кто составлял основной контингент арендаторов? Каков был преобладающий характер аренды: капиталистический или крепостнически-кабальный? Каковы формы и условия аренды? Рассмотрению указанных вопросов автор посвятил специаль-

⁸ А. М. Анфимов. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962, стр. 280.

⁹ ГИАМО, ф. 188 (Дмитровской уездной земской управы), оп. 1, 1905—1906 гг., д. 1146, л. 193; ф. 184 (Московской губернской земской управы), оп. 10, д. 2469, кн. 10; оп. 1, д. 2517, лл. 161 об., 162.

¹⁰ «Вестник сельского хозяйства», 1906, № 1, стр. 11.

¹¹ Там же, стр. 12.

ную работу¹². Поскольку, однако, споры продолжаются, на некоторых из них нужно коротко остановиться.

Первый вопрос — крупные или мелкие владельцы были главными сдатчиками земли — несложен. Встречались, правда, местности (например, Саратовская губерния), где крупные владения имели и больший по сравнению с менее крупными, удельный вес собственной запашки. Но, если взять абсолютные данные о сдаваемых в аренду площадях, то и в Саратовской губернии преобладание крупного землевладения в сдаче земли совершенно очевидно. Более типичны другие статистические свидетельства, из которых приведем хотя бы одно (табл. 18):

Таблица 18

**Эксплуатация пашни в хозяйствах частных владельцев
Епифанского уезда Тульской губернии
(Обследование 1911 г.) ***

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Из 100 дес. посева		
	эксплуатируется за счет владельца	в аренде	
		за деньги	из доли
До 100	82,8	7,9	9,3
100—600	58,5	19,7	21,8
Свыше 600	41,1	26,6	32,3
Итого . .	47,4	23,9	28,7

* «Итоги оценочно-экономического исследования Тульской губернии», т. 1. «Епифанский уезд», вып. 11. «Оценка угодий». Тула, 1914.

Картина очевидна: чем крупнее имения, тем меньшая доля земли обрабатывается за счет владельца и соответственно большая — сдается в аренду. Не публикуемые здесь данные показывают, что особенно велика доля крупных имений в площади сдаваемой земли (в ее абсолютном исчислении).

Сложнее вопрос о составе арендаторов вненадельной земли. Среди них можно выделить три большие группы: крупных предпринимателей, зажиточных крестьян и остальную массу крестьян-арендаторов. Ни одна из групп не была однородной. Среди крупных предпринимателей было много таких, которые арендовали целые имения или отдельные их части (например, фольвар-

¹² А. М. Анфимов. Земельная аренда в Европейской России в начале XX века. М., 1961.

ки) с целью организации капиталистического хозяйства; такой тип преобладал на Правобережной Украине, в Белоруссии, но встречался в виде исключения и в других районах. Второй тип арендаторов сочетал собственное хозяйство с передачей земли крестьянам в субаренду, иногда через таких же, как они, посредников. Чаще всего он встречается на юге и юго-востоке. Например, в Ананьевском уезде Херсонской губернии крупные арендаторы в 1898 г. держали в аренде 75 977 дес., в том числе 37 112 дес. запашки. Однако собственной запашки у них было всего лишь 9081 дес., 16 816 дес. сдавалось крестьянам за скопщину и 11 215 дес.— за деньги. В хозяйствах, не пересдававших пашню, насчитывалось только 2811 дес., или 7,6% всей арендованной пашни. Целиком пересдавались крестьянам 5 тыс. дес.¹³ Этим занимались откровенные земельные спекулянты, которые встречались повсеместно.

Еще более выразительна картина по Саратовской губернии (табл. 19):

Таблица 19

Эксплуатация пашни владельцами и арендаторами Саратовской губернии
(Обследование 1897—1900 гг.) *

Группы владений	В своей запашке		Сдано в аренду				Исполу		Всего посева без пара	
	тыс. дес.	% к итогу	за деньги на один посев		за деньги на года		тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
			тыс. дес.	%	тыс. дес.	%				
Крупные (свыше 50 дес.) . .	299,2	34,8	230,9	26,9	187,5	21,8	141,4	16,5	859,0	100
Мелкие (до 50 дес.) . .	8,0	64,5	1,7	13,7	2,0	16,1	0,7	5,7	12,4	100
250 единоличных арендаторов	18,2	33,4	25,0	45,9	2,5	4,6	8,8	16,1	54,5	100
Итого	325,4	35,2	257,6	27,8	192,0	20,7	150,9	16,3	925,9	100

* «Материалы для оценки земель Саратовской губернии», вып. II. «Эксплуатация пашни в частновладельческих хозяйствах и внекадельные аренды». Саратов, 1905, стр. 13.

Из таблицы видно, что в Саратовской губернии все частные владельцы имели в своей запашке только $\frac{1}{3}$ посевной площади,

¹³ Ф. О. Заикин. Описание частновладельческих хозяйств Ананьевского уезда. Херсон, 1900, стр. 280—287.

а $\frac{2}{3}$ сдавали в аренду, причем $\frac{1}{6}$ площади — исполу. Сдача за деньги на один посев превышала сдачу на более долгие сроки. Но в данном случае нам важно обратить внимание на то, что 250 крупных арендаторов сами обрабатывали даже немного меньше, чем прочие владельцы, предпочитали сдачу пашни на один посев, а исполу сдавали столько же, сколько и владельцы. Преобладание спекулятивных устремлений здесь налицо.

Таким образом, было бы явной ошибкой зачислять все площади крупных арендаторов в разряд капиталистически организованного хозяйства. На значительной части этих земель велось обычное мелкое крестьянское хозяйство. Не касаясь сейчас вопроса об организации крупного арендаторского хозяйства, укажем, что оно строилось на тех же хозяйственных основах, как и у помещиков на собственной земле, т. е. на основах, диктуемых условиями данного района. Отсюда следует, что в социально-экономическом отношении между помещиками и крупными арендаторами принципиальной разницы не было. Поэтому в дальнейших расчетах и рассуждениях мы не будем делать различий между помещиками-владельцами и крупными арендаторами — некрестьянами.

Когда речь идет о крестьянской аренде, разномыслия возникают собственно не о составе арендаторов и характере аренды у типичных представителей двух названных групп крестьян, а о преобладании той или другой формы аренды.

Не касаясь этого подробно¹⁴, отметим, что мы считаем доказанным важное положение В. И. Ленина, который писал: «...Известно, что в нашей деревне аренда носит чаще крепостнический, чем буржуазный характер, и арендная плата является гораздо более „денежной“ (т. е. преобразованной феодальной), чем капиталистической рентой (т. е. избытком над прибылью предпринимателя)»¹⁵.

Аренда в России имела свои особенности, отличавшие ее от аренды, например, в Англии и Восточной Германии. В Англии аренда означала полное отделение земли от собственника ее, превратившегося в получателя земельной ренты и только. В Восточной Германии, классической стране прусского пути, основой хозяйственного функционирования юнкерского поместья были доходы (прибыль и рента) от собственного хозяйства. Передача земли в другие руки широко использовалась лишь в виде наделения ею постоянных батраков взамен дешевой заработной платы. В России аналогичные порядки были в Прибалтике, в меньшей мере — на Правобережной Украине и Белоруссии. В остальных районах Европейской России аренда, как правило,

¹⁴ Подробнее см.: А. М. А н ф и м о в. Земельная аренда в Европейской России в начале XX века.

¹⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 341.

была тесно связана с наличием собственного хозяйства землевладельца. Сплошь и рядом вести его можно было лишь при условии сдачи части земли в аренду. И что особенно любопытно, выгодность сдачи зависела от наличия собственного хозяйства у владельца.

В вопросах организации своего хозяйства помещик руководствовался стремлением сдать максимальное количество земли за возможно большую арендную плату. Если такая возможность существовала, он не утруждал себя дальнейшими хлопотами. Свидетельств, подтверждающих это положение, настолько много, что приводить их здесь нет возможности. Важнее уяснить, в каких пределах владелец мог пользоваться сдачей земли как формой ее эксплуатации в зависимости от местных условий. Сошлемся на один несложный, но любопытный расчет, сделанный видным статистиком и экономистом С. А. Харизоменовым по результатам обследования Епифанского уезда Тульской губернии (1900 г.).

«Принимая во внимание, что средняя по уезду чистая доходность пашни составляет всего 11,17 руб. с десятины, а средние арендные цены достигают 12 — 13 руб., приходится констатировать, что в массе случаев владельцу выплачивается арендатором не только предпринимательская прибыль, но большая или меньшая часть заработной платы.

Указанными обстоятельствами обусловливается сокращение собственной запашки у частных владельцев до тех пор, пока за удовлетворением спроса на землю со стороны окружающих арендаторов, дальнейшая сдача, в поисках дальнего арендатора, не понизит арендных цен настолько, что собственная эксплуатация становится более выгодной»¹⁶.

Итак, одно из условий обзаведения собственным хозяйством — недостаток ближних арендаторов. Если таких съемщиков достаточно — помещик готов отказаться от ведения хозяйства за свой счет. В данном случае их не хватало и епифанские владельцы вынуждены были вести хозяйство, сдавая в аренду меньше половины (47,9%) пашни¹⁷.

Сдача земли у большинства помещиков была первой заботой. Вот что говорил, например, помещик Псковской губернии Р. П. Белавенский: «Поставив себе за правило все паровое поле обрабатывать своими силами, все мое старание прилагается к возможно большей распродаже земли на слетье (на один посев. — А. А.), в 2 яровых и 1 льняном поле. Чем больше десятин продано (т. е. сдано. — А. А.), тем больший и вернейший доход. Это чистый доход за пользование землею, без уча-

¹⁶ «Итоги оценочно-экономического исследования Тульской губернии», т. 1, «Епифанский уезд», вып. II. «Оценка угодий». Тула, 1903, стр. 48.

¹⁷ Там же.

ствия в риск... На три поля (льняное и два яровых) имею испольщиков, так как на деньги, в кредит, нынче опасно продавать за полным обеднением народа. У меня, как и в других селах, не брали земли; тогда я объявил в околodge, что, кто возьмет десятину исполу, тот, получая семена, может получить еще в кредит до осени 1 куль ржи по существующей рыночной цене. Явилось такое громадное предложение, что мне оставалось только выбирать лучшие силы. Хозяйничать по шаблону никак нельзя, надо применяться к образующимся обстоятельствам...»¹⁸

Какую-либо определенную систему ведения хозяйства этот помещик не признавал. «Главная же особенность моего хозяйства,— делился он своим опытом,— заключается в неимении системы и в умении применяться к местным случайным явлениям»¹⁹.

Система тут, конечно, есть. Перед нами испольный посев на $\frac{3}{4}$ пашни с собственным хозяйством, ведущимся при помощи отработок, на $\frac{1}{4}$ площади для производства ржи, которая потом идет на кабальные ссуды крестьянам. Но этот пример показывает, что, когда мы говорим о той или другой системе ведения хозяйства, нельзя упускать из виду их известную условность, подвижность и надо помнить, что над ними довлеет система «высшего» порядка — использование безысходной крестьянской нужды всеми возможными способами и с учетом «образующихся обстоятельств» (неурожай, эпизоотия, пожар, война и т. д.).

Борьба арендаторов с землевладельцами сопутствует капитализму всегда, причем в условиях развитого капитализма силы тех и других уравниваются законом конкуренции, с некоторым постоянным преимуществом у вторых. Конкуренция арендаторов между собой возвышает арендные цены, а конкуренция между владельцами земли за улавливание арендаторов понижает их. Взаимное влияние этих факторов удерживает ренту на уровне, обеспечивающем в «нормальных» условиях среднюю прибыль арендатору.

Совсем иное дело наблюдается в странах со слабо развитым капитализмом в сельском хозяйстве, с большими пережитками докапиталистических отношений, в частности в России. Здесь борьба арендаторов, особенно мелких крестьянских хозяйств, с землевладельцами была неравной, с громадным преимуществом на стороне помещиков, назначавших арендную плату вне всякого соответствия с доходностью земли. Но существовал предел и этой арендной плате — платежеспособность арендатора. Когда последний был не в силах платить назначаемую цену и разорялся, помещику приходилось обрабатывать землю на иных началах или даже забрасывать ее. Вынужденное понижение

¹⁸ «Вся Россия», т. II. СПб., 1899, стб. 375, 376.

¹⁹ Там же, стб. 376.

арендных цен или невозможность их дальнейшего повышения побуждали помещика заводить или увеличивать собственное хозяйство.

В свою очередь, собственная запашка владельца сама служила средством повышения арендной платы. С расширением этой запашки уменьшалась сдаваемая в аренду площадь, и усиливавшаяся конкуренция между арендаторами поднимала цену. Развитие капиталистического хозяйства у помещика ухудшало положение окрестных крестьян-арендаторов и обостряло борьбу крестьян против капиталистической экономии. Все это элементарно, и об этом можно было не говорить, если бы не наблюдалось одного любопытного для рассматриваемого периода явления, о котором выше мы только упомянули. Состояло оно в том, что помещик заводил собственное (пусть даже капиталистическое) хозяйство часто не с целью его дальнейшего развития, а чтобы поднять арендные цены, т. е. для усиления той же полукрепостнической эксплуатации. В указанной выше специальной работе об аренде мы приводили соответствующие примеры, один из которых повторим здесь.

Тамбовский помещик Н. Д. Скалон подсчитал доход от 11 разных хлебов с 11 дес., причем оказалось, что собственная обработка этой площади дает на 173 руб. больше, чем доход от сдачи тех же 11 дес. в аренду по 28 руб. за десятину. Для расчета «цена аренды взята 28 руб., а не ходовая — 35 руб. за десятину, так как по последней цене возможно сдать, только имея свою запашку...»²⁰ Таким образом, собственная запашка помещика являлась своеобразным конкурентом крестьян-арендаторов, служила своего рода резервуаром, оттягивавшим на себя землю в целях повышения арендных цен.

Наблюдения этого рода нельзя, конечно, распространять на все помещичье хозяйство, но отметить необходимо, как один из «стимулов» для организации собственного хозяйства. При этом характерно, что размеры такого хозяйства, сами по себе изменчивые, могли быть весьма скромными. Так, в Покровском имении кн. Юсупова — гр. Сумарокова-Эльстон на Кубани 2300 дес. земли сдавалось в аренду, и всего лишь 300 дес., по словам ревизора, «состоит в полезном экономическом пользовании, главным образом для того, чтобы самим было бы возможно поддерживать стойкость возвышающихся на землю арендных цен»²¹.

Такое же «продуманное регулирование» размеров собственной запашки для наиболее полного выжимания соков из окрестного населения наблюдалось и при организации отработочного хозяйства. Рассмотрим организацию одного из них — имения Михайловское графов А. А. и Л. А. Бобринских в Богородицком

²⁰ «Сельскохозяйственная жизнь» (Тамбов), 1914, № 23, стр. 751.

²¹ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 4575, л. 25.

уезде Тульской губернии. Описание некоторых выдающихся русских хозяйств, проводившееся Московским обществом сельского хозяйства, застало Михайловское (1902 г.) в «период полной реорганизации». До 1897 г. вся пашня, сенкос и выгоны (около 13 000 дес.) сдавались крестьянам, причем пашня в среднем по 9 руб. за десятину. Но арендная плата в связи с обеднением населения стала поступать плохо. Администрация имения пыталась налагать аресты на сжатый хлеб, но это вело лишь к гибели урожая, а делу не помогало. К 1897 г. недоимок накопилось до 250 тыс. руб. Новый управляющий решил изменить систему и завел на части земли экономическую запашку. «При этом имелось в виду то обстоятельство,— говорится в описании,— что при обработке экономически эксплуатируемых земель население получит заработок и, следовательно, необходимые для него оборотные средства. Проведением этого положения, по словам управляющего, в значительной степени облегчился своевременный взнос населением арендной платы.

Кроме того, для экономии явилась возможность широкого пользования отработками. Так, например, арендатор берет в аренду два поля (озимое и яровое), причем обязуется за озимое поле отработать в экономии возкой картофеля, а за яровое обещает уплатить деньги ко времени уборки хлеба. Когда хлеб поспел, арендатор беспрепятственно увозит с поля урожай озимого и часть его продает. Вырученные деньги дают ему возможность внести арендную плату за вторую половину хлеба, и он убирает яровое. Осенью же арендатор отрабатывает за озимое поле работами в картофельном поле или на возке картофеля... Наконец, существует и такой способ аренды. Арендатор расплачивается за землю картофелем, который привозит со своих огородов»²².

Здесь все хорошо. У арендатора появились деньги, которые он тотчас же возвращает имению; он больше не ищет на стороне заработка — хватает отработок; не надо ломать голову, как дороже продать хлеб — его все равно надо продать до уборки ярового. И помещик не в накладе. Дела у него и в поле, и на винокуренном заводе идут полным ходом. К тому же, раз у крестьян появились деньги, владелец смог поднять арендную цену пашни с 9 до 12 руб. за десятину, «и никаких недоимок за населением не остается»²³.

Далее следует: «Для такой организации хозяйства потребовалось, однако, выработать известное соотношение между площадью под экономической запашкой и количеством земли, подлежащей сдаче в аренду, причем, с одной стороны, пришлось принять во внимание доставление населению в виде за-

²² ГИАМО, ф. 419 (МОСХ), оп. 1, д. 2450, л. 45—45 об.

²³ Там же, л. 45 об.

работка на экономических полях оборотных средств, достаточных для того, чтобы у него появилась возможность вносить часть арендной платы, с другой же стороны, надо было иметь в виду возможность использовать все силы, предлагаемые в качестве отработок за арендование полей. Оказалось, что для того, чтобы более или менее приблизиться к намеченной цели, достаточно было из общего количества земли отвести под экономическую запашку 3200 дес. пашни и немного (около 90 дес.) сенокосов»²⁴.

Таким образом, руководитель имения хорошо изучил экономику отработочного хозяйства. Ему удалось и в новых условиях, создавшихся вследствие обеднения крестьянского хозяйства и выгоды винокурения, выжать максимум из окрестного населения. Это было достигнуто заменой денежной аренды отработочной системой. Но последняя не могла уже быть введена в чистом виде. Потребовалась организация капиталистического хозяйства на части земли, чтобы дать некоторый заработок соседним крестьянам. Тем самым предотвращалось их окончательное разорение и крестьянство сохранялось в качестве объекта полукрепостнической эксплуатации. Таким образом, небольшая капиталистически организованная часть хозяйства вместе с построенным в 1895 г. винокуренным заводом служили цели сохранения этой открыто крепостнической латифундии, продолжению и даже усилению полукрепостнической эксплуатации крестьян.

Пример Михайловского был, видимо, настолько поучителен, что Московское общество сельского хозяйства решило сделать его описание в числе «выдающихся русских хозяйств».

Но отработочная система не могла продолжаться вечно. Задерживая до известной степени расслоение крестьянства, она в конечном итоге вела к обнищанию и разорению крестьянской массы, подготавливая условия для еще более сильного расслоения деревни. Крестьяне все больше беднели, утрачивали скот и инвентарь. Отработочная система сама готовила себе гибель.

«Разорение крестьянства, обезлошадение, потеря инвентаря, пролетаризация земледельца,— писал Ленин,— заставляют помещиков переходить к работе своим инвентарём»²⁵. Это, безусловно, знаменует прогресс помещичьего хозяйства. Но следует специально обратить внимание на выделенное Лениным слово. Если бы помещика не заставляли внешние условия, он и не подумал изменить сложившуюся привычную сис-

²⁴ ГИАМО, ф. 419 (МОСХ), оп. 1, д. 2450, л. 45—45 об. (Разрядка моя.— А. А.).

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 77—78.

тему эксплуатации непосредственных производителей. В этом находила свое выражение инертность, консервативность русского помещичьего хозяйства на данной стадии. Но как бы то ни было, под давлением обстоятельств оно двигалось вперед. Расширялось собственное хозяйство помещика, заводились машины, улучшенные породы скота и т. п. Разумеется, это развитие было ужасающе медленным. Сила инерции, традиция и консерватизм намного превосходили те импульсы, которые движут капиталистическое хозяйство вперед.

Итак, наряду с условиями аренды невозможность без конца использовать отработочную систему — еще одна из причин развития собственного хозяйства помещиков.

Третий фактор, стимулировавший это развитие, — благоприятная рыночная конъюнктура, сложившаяся в начале XX в. После двух десятилетий угнетенного состояния рынка началось медленное повышение цен на сельскохозяйственные продукты на мировом рынке, продолжавшееся с конца XIX в. до 1913 г., когда обнаружились симптомы нового кризиса. Средняя цена пуда вывезенного за границу хлеба с 69,4 коп. в 1895—1899 г. выросла до 88,9 коп. в 1905—1909 гг. Одновременно росли спрос и цены на внутреннем рынке. Отработки, испошлина, мелкая аренда мешали росту производительности сельского хозяйства. Нередко производство становилось убыточным. Все это заставляло помещиков постепенно отказываться от старой системы и переходить к более производительному хозяйству, организованному на капиталистических началах.

Таковы главные причины, обусловившие в XX в. движение помещичьего хозяйства вперед и изменения в системах ведения хозяйства, к рассмотрению которых мы и перейдем.

Вопрос о соотношении систем ведения помещичьего хозяйства едва ли не самый трудный. Дело в том, что капиталистическая и отработочная системы переплетались в самых причудливых сочетаниях и в чистом виде почти не встречались.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «Если мы зададимся вопросом о сравнительной распространенности обеих систем, то придется сказать прежде всего, что точных статистических данных по этому вопросу нет, да и вряд ли бы они могли быть собраны: для этого потребовался бы учет не только всех имений, но и всех хозяйственных операций во всех имениях. Данные имеются лишь приблизительные, в виде общей характеристики отдельных местностей по преобладанию той или другой системы»²⁶.

Из-за чрезвычайной сложности вопроса в данной рабо-

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 187—188.

те, конечно, не может быть поставлена цель учесть все операции по всем имениям и определить соотношения систем. Задача состоит в том, чтобы в тех случаях, когда представляется возможность, заменить приблизительные оценки более точными, а также учесть новейшие, еще не введенные в научный оборот, хотя бы и приблизительные данные и общие характеристики, относящиеся к рассматриваемому периоду.

Исследование соотношения систем хозяйства мыслимо по меньшей мере в двух планах. Первый можно условно назвать географическим, пространственным, «горизонтальным». Есть и другие важные аспекты, составляющие, так сказать, «вертикальный» разрез данной проблемы. Учитывая, что главным объектом нашего исследования является крупное помещичье землевладение и хозяйство, специальный интерес представляет вопрос о распространении той или иной системы в зависимости от размеров землевладения. Иначе говоря, важно установить, в каких группах имений по размерам землевладения были более распространены капиталистические или отработочные формы ведения хозяйства.

Способы ведения хозяйства находились также в определенной зависимости от того, в чьих руках находилась земля. Принадлежность земли разным социальным или сословным группам (дворянам, купцам, крестьянам и т. д.) накладывала известный отпечаток на облик хозяйства. Насколько велика была разница в методах хозяйствования у разных категорий владельцев, носила ли она количественный характер или создавала качественные границы, должен показать анализ конкретного материала.

Перейдем к характеристике помещичьего хозяйства по районам, точнее, по тем местностям, где производились обследования частновладельческого хозяйства. Конечно, полученные характеристики не всегда достаточно полно отражают особенности всего района; мы рассчитываем получить представление о тенденциях развития частновладельческого хозяйства в пределах определенных территорий.

Северо-западному району (Петербургская, Новгородская и Псковская губернии) больше всех повезло в отношении земских обследований частновладельческого хозяйства. Правда, по Петербургской губернии обследование относится к 1886—1888 гг. и выходит за принятые хронологические рамки. Ограничимся поэтому лишь общей характеристикой хозяйства губернии.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ РАЙОН

Петербургская губерния отличалась большим преобладанием частного землевладения над крестьянским надельным. Ко времени обследования первое насчитывало 2152 тыс. дес.,

а второе — 1144 тыс. дес.²⁷ Преобладали крупные имения: владений свыше 1000 дес. насчитывалось 387 с общей площадью 1404 тыс. дес., в среднем по 3628 дес. в каждом. Более $\frac{1}{5}$ площади занимали неудобные земли, около $\frac{1}{6}$ — луга и пастбища, больше половины было под лесом, а на долю пашни приходилось всего лишь около 5%, поэтому более чем в трети имений (38,8%) совсем не было собственной запашки. В имениях с владельческой запашкой часть земли эксплуатировалась владельцами, много (особенно лугов и пастбищ) сдавалось в аренду. Чем крупнее были имения, тем больше сдавалось в них земли. В Гдовском и Лужском уездах была распространена сдача пашни из доли урожая, в других уездах такой сдачи почти не было. Довольно часто встречалась предпринимательская аренда целых имений, главным образом остзейцами и финнами, которые часть угодий в свою очередь пересдавали крестьянам.

Преобладала обработка земли своим инвентарем и наемными рабочими, но встречались отработки и сдача на круги, особенно в Царскосельском, Ямбургском и Петергофском уездах. В первом из них из 100 дес. запашки (без посевных трав) средствами экономии обрабатывалось 72,2 дес., во втором — 47,0, а в Петергофском — лишь 30,6 дес. Только крестьяне обрабатывали 14,4 дес., смешанно — 13,9 дес.²⁸ Уборка производилась преимущественно издельно, подесятинно и посуслонно (суслон — 10 снопов).

Таким образом, при обработке пашни преобладала капиталистическая система. Но было много хозяйств, которые лишь по форме велись капиталистически, а по уровню не отличались от крестьянских. Почти в $\frac{2}{3}$ хозяйств, обрабатывавших половину всей площади, инвентарем были лишь соха и борона²⁹.

Характерно, что в имениях размером свыше 1000 дес. только экономическим инвентарем обрабатывалось менее половины (47%) пашни, а остальное — крестьянским инвентарем или смешанно. У дворян, владевших $\frac{2}{3}$ всей частной земли, отработки применялись шире: своими средствами обрабатывалось только 52,3% пашни, остальное — крестьянским инвентарем или смешанно³⁰.

В Новгородской губернии в 1907—1908 гг. обследованию подвергались частновладельческие хозяйства Белозерского и Тихвинского уездов; разработка данных проведена в сравнении с результатами предшествовавшего обследования 1887—1890 гг. Так как между этими соседними уездами не было существенных

²⁷ «Материалы по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губернии», вып. XVII. «Частновладельческое хозяйство». СПб., 1895, стр. 2—3.

²⁸ Там же, стр. 93.

²⁹ Там же, стр. 95.

³⁰ Там же, стр. 94—95.

различий, возьмем для рассмотрения Тихвинский уезд. В разработку 1908 г. вошли данные по 228 имениям с общей площадью 486 тыс. дес. удобной земли, из которой 446 тыс. дес. (92%) приходилось на крупные имения размером свыше 1000 дес. В них под пашней было только 4,5 тыс., под сенокосом 15 тыс. дес., вся остальная площадь составляла лес и прочие угодья³¹. Таким образом, главный хозяйственный интерес для владельцев представлял лес. Пашня и сенокос почти поровну делились между владельцами, арендаторами целых имений и крестьянами-испольщиками. Исключительно широкое распространение испольтины — отличительная черта Тихвинского уезда и всей Новгородской губернии. Так, зерновых хлебов в 1908 г. высевалось во владельческих хозяйствах 15 117 мер, в арендаторских — 10 089 и в испольтных — 10 838 мер. Характерно, что только в имениях размером до 500 дес. рабочего скота было достаточно для обработки земли, в остальных, с $\frac{3}{4}$ всей пашни, его могло хватить на обработку немногим более половины пашни. Недостающий скот поставляли крестьяне на разных условиях. Еще меньше рабочего скота было у арендаторов: засевая $\frac{2}{3}$ того, что сеяли владельцы, они имели в 11 раз меньше рабочих лошадей³², т. е. их хозяйство базировалось главным образом на крестьянском скоте и инвентаре. Так же как и владельцы, арендаторы широко практиковали испольтину. Все данные указывают на то, что в Тихвинском уезде, как и в губернии в целом, преобладание оставалось за испольтно-отрабочной системой.

Надо, однако, заметить, что по сравнению с концом XIX в. испольтина сильно сдала позиции. Испольтные посевы ржи, овса и ячменя с 1890 по 1908 г. уменьшились с 24 175 до 10 838 мер³³, тогда как владельческие и арендаторские увеличились с 22 750 до 25 201 меры.

Хозяйства сделали некоторые шаги в сторону улучшения агротехники. За то же время число экономий с многопольными севооборотами увеличилось с 5 до 42. Однако, говорится в описании, «хотя в части имений и заведен многопольный севооборот, но в общем частновладельческое хозяйство в уезде за 18-летний период пришло к некоторому упадку, именно: сократилось число имений и пахотной земли, скота стало меньше, хотя арендаторский увеличился; посев хлебов, число построек и наемных рабочих также сократилось, но увеличилась площадь сенокоса, а

³¹ «Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Тихвинский уезд», вып. 2. «Статистико-экономические данные о крестьянском населении уезда и частновладельческих усадебных хозяйствах». Новгород, 1914, стр. 70.

³² Там же, стр. 70—71.

³³ Там же, стр. 44.

с этим и сбор сена. Последнее следует приписать отчасти введению многополья с посевом трав, а главным образом расчистке земель под покосы арендаторами, так как сбор сена, по данным 1908 года, достигает 916 580 пуд., но из них на долю арендаторов падает: по денежной аренде 374 500 пуд. и при исполнительной 157 160 пуд.»³⁴

Журнал «Сельское хозяйство и лесоводство» писал о Новгородской губернии, что «некоторые частновладельческие хозяйства представляют немалый интерес по рациональному их устройству и ведению сельскохозяйственной техники с более правильным применением знаний, труда и капитала» и главным образом имения площадью более 1000 дес. земли. Но «число таких хозяйств... невелико, и притом они неравномерно распределены по уездам»³⁵. Действительно, в Тихвинском уезде многопольный севооборот, например, в имениях свыше 1000 дес. был введен в каждом третьем хозяйстве, а в более мелких — в каждом девятом, т. е. в три раза реже. Такое же явление отмечено и обследованием Белозерского уезда. Но, с другой стороны, в том же Белозерском уезде в 1907 г. на долю имений свыше 1000 дес. приходилось 48% пашни и 62% общего посева хлебов, а на более мелкие имения соответственно 52% и 38%³⁶.

Здесь мы имеем дело с очень важной особенностью помещичьего хозяйства: крупные латифундии, являясь главными очагами концентрации капитала и более передовых приемов ведения хозяйства, были в то же время и главными носителями полукрепостнической эксплуатации крестьян путем исполщины и отработок. Апологеты помещичьего хозяйства показывали только первую его сторону, стараясь обойти вторую, тогда как народнические писатели, выделяя вторую сторону, не замечали сочетания в одном хозяйстве столь противоречащих друг другу элементов. Но об этом ниже.

В Псковской губернии обследованию подверглись частновладельческие хозяйства четырех уездов (1897—1900 гг.), из которых мы берем расположенный в центре губернии Новоржевский уезд. Из всей удобной земли уезда (168 тыс. дес.) на долю помещичьих имений размером свыше 100 дес. приходилось 79 тыс. дес., в том числе пашни 11,2 тыс. дес., из которых 4,3 тыс. дес. сдавалось в долгосрочную и только 107 дес. — в краткосрочную аренду. Последнее требует пояснения. Дело в том, что по почвенно-климатическим особенностям местности краткосрочная аренда здесь была невозможна, так как поля требовали обязательного удобрения. Поэтому практиковалась

³⁴ Там же, стр. 45.

³⁵ «Сельское хозяйство и лесоводство», 1900, № 11, стр. 357—358.

³⁶ «Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Белозерский уезд». Новгород, 1912, стр. 68—69.

аренда на 1—2 севооборота (3—6 лет), которая и зачислена статистиками в разряд долгосрочной. На самом деле это была обыкновенная краткосрочная аренда, отягощаемая кабально-отрабочными условиями.

За счет владельцев обрабатывалось 5600 дес. и испольно — 1038 дес. пашни. Испольщина вообще в Псковской губернии имела самое широкое распространение. Но и собственная запашка велась преимущественно крестьянским инвентарем на самых различных условиях: кругами, сдельно, за угодья и т. д. Данные о способах обработки имеются для 3973 дес., из которых 2017 дес., или 50,8%, обрабатывались хозяевами и наемным трудом. Взяв этот процент для всей пашни, получим, что из 5600 дес. капиталистически обрабатывалось 2845 дес., на разных отработочных условиях — 2755 дес.; прибавляя к последним 1038 дес. испольной обработки, получаем явный перевес отработочно-испольных форм обработки пашни. Еще больше последние применялись при уборке сенокосов³⁷.

Обследователи писали, что «не только в Новоржевском уезде, но и вообще в губернии владения, в которых ведется полевое хозяйство, обычно оставляют за собой угодья, находящиеся близ усадьбы, в аренду же сдают отхожие участки или дальние углы с различным составом угодий. Организуя таким образом эксплуатацию отдельных частей имения, хозяйства, с одной стороны, освобождаются от невыгодной эксплуатации дальних участков, с другой — обеспечивают себя рабочей силой, так как участки эти часто сдаются за отработки или если сдаются за деньги, то часто также в связи с некоторыми отработками»³⁸.

Теперь сравним данные о применении капиталистической обработки земли в хозяйствах разных размеров (в % площади)³⁹:

Размеры хозяйств по посеву, дес. . .	10—25	25—50	50—75	свыше 75
При обработке пашни	93,4	72,9	62,3	44,8
При уборке сенокосов	87,9	36,6	38,7	33,4

Оказывается, чем крупнее хозяйства, тем меньше они пользуются наемной рабочей силой и соответственно больше кабально-отрабочными приемами обработки земли.

³⁷ «Псковская губерния. (Свод данных оценочно-статистического исследования)», т. II «Новоржевский уезд», вып. III. «Крупное частновладельческое хозяйство». Псков, 1907, стр. X—XIII, 31.

³⁸ Там же, стр. 6.

³⁹ Там же, стр. 31.

Переходим к Центрально-промышленному району. Земские обследования частновладельческого хозяйства проводились здесь нечасто. Между тем системы сельского хозяйства были весьма разнообразны: по данным С. А. Короленко (80-е годы), капиталистическая система преобладала в Московской и Ярославской, отработочная — в Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской губерниях, смешанная — в Калужской и Смоленской. К сожалению, мы располагаем обследованиями лишь по последним двум губерниям, и то по нескольким уездам.

Начнем, однако, с некоторых общих сведений. Из всех губерний Центрально-промышленного района Смоленская губерния выделялась большим удельным весом земель частного владения в общей площади земли. Латифундии размером свыше 500 дес. составляли здесь к наделной крестьянской земле 61,7%, тогда как в соседних Калужской губернии — 34,2⁰%, Московской — 23,8%, Тверской — 24,1%. Это были по преимуществу лесные имения с небольшим количеством пашни, но богатые лугами и пастбищами, в которых крестьяне испытывали большую нужду. Собственная запашка помещиков была невелика и составляла в 1916 г. 79,5 тыс. дес., или 7,2% к крестьянскому посеву.

В Смоленской губернии была значительно развита сдача в аренду целых имений; по данным корреспондентских сообщений (1900 г.), целые имения арендовались частными лицами — 116 сообщений, целыми деревнями — 42 и товариществами — 18 сообщений. Частные лица платили за аренду имений преимущественно деньгами, деревни — на $\frac{3}{4}$ отработками или с приплатой и только в $\frac{1}{4}$ случаев — исключительно деньгами⁴⁰. Еще больше была развита сдача «смешанных угодий», т. е. частей имений, главным образом отрезков, целым деревням и почти исключительно за отработки с денежной приплатой. Такой же характер носила широко распространенная сдача пастбищ. За сенокос и пашню плата была наполовину деньгами (главным образом при аренде под торговую культуру — лен), наполовину за отработки или из доли.

Специальные обследования по Смоленской губернии проводились в Гжатском и Сычевском уездах. Берем первый с более полными и детальными сведениями. Гжатский уезд — самый «денежный» в губернии, с наименьшим развитием отработочной системы. Таким образом, будет показан максимум капиталистической эволюции помещичьего хозяйства в Смоленской губернии.

⁴⁰ «Сельскохозяйственный обзор Смоленской губернии по сведениям, доставленным добровольными корреспондентами в 1900 году». Смоленск, 1902, стр. 82—84.

Единоличная собственность на землю в уезде далеко не достигала среднегубернских размеров, составляя 31,6% удобной площади. На латифундии размером свыше 500 дес. приходилось 77,5 тыс. дес., или 38,8% к наделной земле, т. е. значительно меньше, чем в среднем по губернии, превышая, однако, долю латифундий в Духовщинском, Краснинском и Сычевском уездах.

Отличительная особенность Гжатского уезда, как и губернии в целом, состояла в том, что в составе частного землевладения значительную часть занимала собственность купечества, владевшего самыми крупными земельными массивами. Приглядимся пристальнее к характеру этой категории землевладения.

По сословиям земля распределялась в момент обследования (1901 г.) следующим образом (см. табл. 20).

Таблица 20

Распределение земли в Гжатском уезде по сословиям *

Сословия	Количество имений	Количество земли, дес.	Средний размер имения, дес.
Дворяне	70	47 989	608,6
Купцы	39	43 375	1116,2
Крестьяне	182	8 418	46,3
Мещане	23	5 359	233,0
Разные и неизвестные . .	21	3 876	184,6
Итого	335	109 017	325,4

* «Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть. Гжатский уезд», вып. II. Рязань, 1910, стр. 17.

Таким образом, громадное большинство земель было в руках дворян и купцов, причем у последних имения были почти вдвое крупнее, чем у дворян. Крестьяне имели 7,8% земли, в среднем по 46,3 дес. на владельца.

Размеры владений отличались большой пестротой, однако больше половины земли (66,5 тыс. из 109 тыс. дес.) принадлежало имениям площадью свыше 1000 дес. Пашня в составе угодий занимала всего лишь 8,8%, причем доля ее понижалась, за немногими исключениями, с увеличением размера имений ⁴¹.

⁴¹ «Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть. Гжатский уезд», вып. II. Рязань, 1910, стр. 14.

Пример Гжатского уезда показывает, насколько несовершенна была даже земская статистика. Так, по данным обследования получается, что владельцы сдавали 23,6% своей земли и чем крупнее имения, тем меньше земли шло в аренду. Между тем оказывается, что обследователи при сопоставлении сданной площади с площадью в собственном пользовании не исключили лес. Если внести соответствующую поправку, то удельный вес сданной земли поднимется до 48,3%. Не была учтена ими и сдача пастбищ, практиковавшаяся чаще всего в крупных имениях. Пастбища составляли, безусловно, немалую площадь сдаваемой земли. И хотя точными данными о размерах этого вида аренды мы не располагаем, можно безошибочно утверждать, что собственное хозяйство помещиков велось на значительно меньшей площади, преобладало, следовательно, арендаторское хозяйство, преимущественно мелкая крестьянская культура.

Другой важный момент — способы извлечения ренты за сданную землю. В хозяйствах, имевших пашню (подавляющее большинство), виды арендной платы были следующими (табл. 21).

Т а б л и ц а 21
Виды арендной платы в Гжатском уезде *

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Сдано земли, в %		
	за деньги	из доли	за отработки
До 10	—	—	—
10—50	92,5	—	7,5
50—150	87,2 **	3,0	9,8
150—300	70,4	12,0	17,6
300—600	75,4	5,8	18,8
600—1000	64,9	—	35,1
Свыше 1000	43,9	9,0	47,1
В среднем . . .	54,9	7,3	37,8

* «Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть. Гжатский уезд», вып. II, стр. 33.

** В источнике ошибочно: 12,8 (сумма двух следующих цифр).

Если учесть, что денежная арендная плата, как уже говорилось, сплошь и рядом представляла собой преобразованную феодалную ренту в денежной форме, полукрепостнический харак-

тер большей части аренды в самом «денежном» льянном уезде становится совершенно ясным.

Еще раз напомним, что в сданную площадь, как говорит источник, «не вошли в громадном большинстве случаев сдача под пастбища, выгоны и т. п.»⁴² А именно сдача пастбищ и выгонов производилась опять-таки «в громадном большинстве случаев за отработки» и служила «преимущественным средством обеспечения хозяйства рабочими руками путем аренды...»⁴³ Это обстоятельство еще больше придает убедительности сделанному выше выводу.

Таблицей далее подтверждается правильность закономерности: чем крупнее имения, тем меньше они сдают земли за деньги и тем шире пользуются отработками и издольщиной. В хозяйствах площадью свыше 1000 дес. отработки даже преобладают.

Но, с другой стороны, из числа хозяйств, имевших пашню, собственная запашка была: в группах до 600 дес.— у 54—64% хозяйств, в группе 600—1000 дес.— у 90,20% и высшей группе — у 96,1% хозяйств. Таким образом, собственное хозяйство чаще заводилось в тех имениях, которые по размерам землевладения могли сдать в аренду больше земли и через аренду лучше обеспечить себя рабочей силой. На той площади, которая обрабатывалась за счет владельца, крупные имения могли позволить себе вводить передовую агротехнику, заводить машины и т. д. Так, доля хозяйств с наиболее сложными 7—13-польными севооборотами составляла в группе имений размерами 50—150 дес. 18,2%, в группах 150—600 дес.— 69,2%, 600—1000 дес.— 60,0%, свыше 1000 дес.— 94,1⁴⁴.

Главной статьей доходов частновладельческого хозяйства в уезде, как и во всей губернии, было лесное хозяйство, за ним следовала сдача земли в аренду и лишь третьим по значению элементом было земледелие. Что касается способов ведения последнего, то здесь, вероятно, превалировали капиталистические формы — превалировали, но не были исключительными, как казалось многим исследователям. «Частновладельческие хозяйства в Гжатском уезде, — читаем в материалах земской статистики, — за исключением мелких... построены на капиталистических началах в смысле применения в области полевого хозяйства наемного труда...»⁴⁵ Однако понимание капиталистических начал у авторов описания весьма оригинально: «Формы этого наемного труда здесь довольно разнообразны. Уже раньше, говоря о формах аренды, мы указывали на значительное распространение

⁴² «Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть. Гжатский уезд», вып. II, стр. 29.

⁴³ Там же, стр. 31.

⁴⁴ Там же, стр. 40.

⁴⁵ Там же, стр. 43.

здесь отработок за арендуемые угодья. Кроме этого способа найма (I) полевое хозяйство здесь ведется при помощи сроковых, поденных и сдельных рабочих»⁴⁶. Сдельные работы обследователи не причисляют к отработкам. Данные об обеспеченности помещичьих имений рабочим скотом также свидетельствуют, что крупные хозяйства не могли основываться исключительно на капиталистических началах. Одной лошастью можно обработать в среднем 5 дес.⁴⁷ Между тем в группе имений с 300—600 дес. на одну рабочую лошадь приходилось 8,7 дес. посева, в группе 600—1000 дес.— 10 дес., а в высшей — 12,9 дес. Наряду с капиталистическими должны были, следовательно, применяться и другие приемы хозяйствования. Данные таблицы 22 показывают, что так и было на деле.

Т а б л и ц а 22

Способы обработки посевов и уборки ржи в Гжатском уезде (в % площади) *

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Обработано				Убрано			
	годовыми и сроковыми	поденными	сдельными	отработками за угодья	годовыми и сроковыми	поденными	сдельными	отработками за угодья
50—150	100	—	—	—	96,7	1,2	—	2,3
150—300	65,7	—	30,5	3,8	40,0	24,2	14,7	21,1
300—600	96,0	4,0	—	—	17,4	13,4	14,2	55,0
600—1000	97,9	—	—	2,1	—	—	5,6	94,4
Выше 1000	79,8	—	1,2	6,7	13,6	7,5	19,5	55,4
Итого	89,3	2,5	3,6	4,6	8,8	10,0	17,1	64,1

*Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть. Гжатский уезд», вып. II, стр. 45.

Мы не склонны считать эту таблицу точным отражением действительности из-за бросающейся в глаза пестроты данных. Но не вызывает сомнений, во-первых, преобладание капиталистических форм на обработке и кабальных — на уборке и, во-вторых, большее распространение отработок в крупных хозяйствах. Любопытно также, что именно «в более крупных экономиках чаще употребляются при уборке машины», но машин «не так

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр. 44.

много и не они в общем и целом определяют собой общий тип работ даже в крупных экономиях» ⁴⁸.

Так выглядела система ведения полевого хозяйства в капиталистически развитом уезде.

Мы не располагаем подробными данными по уборке сенокосов. Между тем сенокосы в Гжатском уезде занимали второе большую площадь, чем пашня, $\frac{2}{3}$ их (20,2 тыс. дес.) сдавалось в аренду и лишь $\frac{1}{3}$ (10,6 тыс. дес.) экономии убирали сами ⁴⁹. О том, как производилась уборка, можно судить по данным Сычевского уезда, тоже относившегося к «льняным» уездам Смоленской губернии (табл. 23).

Т а б л и ц а 23

Способы уборки сенокосов в частновладельческих хозяйствах Сычевского уезда
(Обследование 1901 г.) (в % площади) *

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Лично	Постоянные рабочие	Поденные рабочие	Сдельно	«Помощью»	Из доли	Отработок	Итого
До 10	92,3	0,8	—	—	—	6,9	—	100
10—50	28,2	2,5	15,4	2,7	—	48,1	3,1	100
50—100	27,6	18,4	9,2	—	12,0	15,9	16,9	100
100—300	—	24,3	6,2	—	23,6	28,5	17,4	100
300—600	—	3,2	4,3	20,7	—	56,1	15,7 **	100
600—1000	—	20,1	—	—	—	20,9	59,0	100
Свыше 1000	—	15,9	—	1,6	—	29,4	53,1	100
Итого . . .	4,1	14,0	2,2	4,8	3,0	33,1	38,8	100

* «Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть», т. I. «Сычевский уезд», вып. II. Смоленск, 1907, стр. 143.

** В источнике ошибочно: 16,7.

Картина достаточно ясная: при уборке сенокоса, так же как и при уборке хлебов, подавляющее значение сохранялось за кабатно-отработочными формами.

Так обстояло дело в уездах с более развитыми капиталистическими отношениями. Положение в других уездах губернии, следовательно, можно представить себе, как ряд нисходящих ступеней. В целом по губернии о системе хозяйства имеются не очень надежные сообщения корреспондентов за 1900 г., из кото-

⁴⁸ «Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть. Гжатский уезд», вып. II, стр. 47.

⁴⁹ Там же, стр. 30.

рых видно, что в одних уездах преобладал наем постоянных и поденных рабочих, в других — обработка «кругов» и отработочная система. Сведенные вместе, эти сообщения показывают следующее ⁵⁰:

Хозяйство в имениях ведется	Число показаний	%
Экономическим инвентарем	155	37,4
Крестьянским »	73	17,6
Смешанным способом	186	45,0
Итого	414	100,0

Преобладали, таким образом, смешанные способы в виде комбинации экономического (помещичьего) и крестьянского инвентаря.

Ради конкретности и полноты картины приведем выдержки из описания некоторых хозяйств, произведенного И. В. Иллиничем в Краснинском, Духовщинском, Поречском и Юхновском уездах, из которых последние два относились к льяному району, экономически более развитому.

Вот, например, имение Вацово Н. О. Ефимова площадью 150 дес. в Краснинском уезде, где было трехполье. «Большая часть полей обрабатывается крестьянским инвентарем гнездами: гнездом считается полная обработка одной озимой и одной яровой десятины... Имеются и годовые работники, которые обрабатывают оставшиеся незабранными гнезда» ⁵¹.

Пример весьма показателен. Хозяйство ведется не в силу предпринимательской активности владельца, а под давлением того неприятного обстоятельства, что крестьяне не в состоянии разобрать все гнезда для обработки и их обрабатывают постоянные рабочие.

Характерный пример сочетания капитализма с ростовщицеством — имение Амшарино И. И. Будо (94 дес.). Все работы выполняются годовыми работниками, а вот «навоз вывозится за % % и за отсрочку платежа до рождества за проданный крестьянам весной хлеб» ⁵². Такова еще одна сторона хозяйственного паразитизма, с различными проявлениями которого мы не раз еще встретимся.

В России немало было так называемых любительских хозяйств, которые велись ради забавы, в виде барской затей,

⁵⁰ «Сельскохозяйственный обзор Смоленской губернии по сведениям, доставленным добровольными корреспондентами в 1900 году», стр. 11.

⁵¹ И. В. Иллинич. Описание некоторых частновладельческих хозяйств Краснинского, Духовщинского, Поречского и Юхновского уездов Смоленской губернии. Смоленск, 1898, стр. 7.

⁵² Там же, стр. 9—10.

как во времена крепостного права. Одно из таких хозяйств, описанное И. В. Иллиничем, — имение Воробьево-Соболево А. Н. Попова площадью 323 дес. Все поля обрабатывались годовыми работниками и даже навоз вывозился своими лошадьми. Но было слишком много построек, все сделано на показ, а не в расчете на обеспеченный доход. Хозяйство велось на 110 дес., остальная площадь была под лесом и сенокосом, который сдавался исполу. «Хозяйство любительское, но не коммерческое», — заметил автор⁵³.

Не лишне отметить, что, вероятно, далеко не вся аренда, показанная в статистике в виде денежной, была таковой на самом деле. Так, в имении Сирпилево часть земли сдавалась «за 70 руб., которые должны быть отработаны по требованию владельца»⁵⁴. В имении Городок С. Н. Юрьевича сдается «участок Свиснево 39 дес. за 125 руб., которые все отрабатываются в Городке»⁵⁵.

Имение Радыни Н. Ф. Забелло (678 дес.) Духовщинского уезда — «лучший участок по хозяйственным условиям, какой редко где можно встретить... Поля обрабатываются снизками (полная обработка и уборка 1 дес. озимого, 1 дес. ярового и 1 дес. луга и вывозка 1 куб. саж. дров. — А. А.), за снизок платится 38 руб... Прежняя обработка полей своим инвентарем, плугами, заменена крестьянской обработкой сохами, а в самое последнее время... поля сдаются в однолетнюю аренду подесятинно со снопа и за деньги»⁵⁶.

Но не везде было так плохо. Вот имение Зайцево братьев Лазаревских (560 дес.): хорошие постройки, 100 дойных коров, обработка полей исключительно своим инвентарем, рожь дает 10—13 четвертей, овес — 17—25 четвертей, удои — до 176 ведер. Зайцево — «образцовейшее имение не только в Духовщинском уезде, но, с уверенностью можно сказать, и во всей Смоленской губернии и возросло в цене по крайней мере в пять раз». И вдруг оказывается: «Все решительно продается крестьянам»⁵⁷. Понятно, что крестьяне покупали весной, когда приходила нужда, а с условиями такой продажи мы уже знакомы. Хорошая постановка хозяйства, прочная финансовая база давали владельцам возможность выждать для продажи хлеба момент, когда можно взять с крестьян любую цену. Не на этом ли держалось образцовое состояние хозяйства? Автор описания не отвечает на этот вопрос.

Таковы худшие и лучшие хозяйства. А теперь имение, относившееся «к средним типичным хозяйствам данного района», —

⁵³ И. В. Иллинич. Указ. соч., стр. 13—16.

⁵⁴ Там же, стр. 16.

⁵⁵ Там же, стр. 27.

⁵⁶ Там же, стр. 32—34.

⁵⁷ Там же, стр. 35—37.

Преображенское М. А. Лесли (земли до 2000 дес., пашни 133 дес.): почти все поля сданы крестьянам на девять лет, им установлен 4-польный севооборот с клевером, семена клевера — крестьян, овса — общие, ржи — владельца; весь навоз вывозят крестьяне; урожай делится пополам⁵⁸.

С автором можно не согласиться, что это типичное хозяйство. Оно было бы таковым при наличии собственной запашки со смешанной системой обработки. Но пример интересен, поскольку показывает, что не одну только одногодичную аренду следует считать в массе крепостнически-кабальной — в какой-то части такой была и долгосрочная аренда.

В Поречском уезде в имении Хотеево П. А. Гедеонова было 1959 дес., пашни 250 дес., 120 дойных коров, удои не более 60 ведер, навоз вывозится за пользование отрезками. «Раньше отдавали обработку полей на круг, но в силу дурной крестьянской обработки прекратили. В настоящее время земля обрабатывается своим инвентарем»⁵⁹. Уборка производится за отрезки и за деньги.

В имении Слобода Н. Н. Белавенец (800 дес.) было образцовое скотоводство и птицеводство. Крестьяне возили навоз и пахали за отработки очень плохо⁶⁰.

Хорошо поставленные капиталистические хозяйства были и в этом уезде. Так, например, в имении Заборье В. П. Рачинского (3000 дес., пашни 470 дес.) было много «роскошных» построек, винокурный завод, 8-польный севооборот, поля обрабатывались своим инвентарем, лишь навоз частью вывозился «за повинности»⁶¹.

По Юхновскому уезду приведем лишь два примера. В имении Городище А. С. Храповицкого (1621 дес., пашни 241 дес., 160 дойных коров, часть метизированных) навоз возят «работающие снизки». Все поля, за исключением вышедшего из-под клевера, обрабатываются снизками, по 20 руб., сенокос сдается с половины. Обработка клеверного поля производится своим инвентарем, существует 9-польный севооборот, урожаи невысокие, начинает вводиться лен. Имение можно причислить «к средним типичным хозяйствам данного района; обработка полей, как и во многих других имениях, производится крестьянским инвентарем — снизками, луга убираются с части, так как они плохи, что самим их убирать нет расчета»⁶².

Имение Кошелево Е. А. Ковалева — 3200 дес., пашни 90 дес. В аренду сдаются отрезные земли исключительно за отработки. Севооборот 10-польный, но все поля обрабатываются снизками.

⁵⁸ Там же, стр. 46—47.

⁵⁹ Там же, стр. 54—55.

⁶⁰ Там же, стр. 57—60.

⁶¹ Там же, стр. 60—65.

⁶² Там же, стр. 81—83.

Имеется 87 дойных коров, удой — 50 ведер в год. Здесь выделим лишь один чрезвычайно интересный момент. В хозяйстве имелись плуги новейших марок, молотилка и веялки. «Весь перечисленный инвентарь не употребляется в дело, но имеется в запасе на случай, если крестьяне вздумают прижать, отказавшись работать»⁶³.

Итак, пока крестьяне не «прижимают», помещик даже имеющийся инвентарь не пускает в дело. В качестве средства против «прижимок» со стороны крестьян использовалось не только собственное хозяйство, как в других имениях, но и сама возможность завести свое хозяйство. Имевшийся инвентарь служил, таким образом, своеобразным пугалом для крестьян. Техника, которая по природе своей должна была служить прогрессу земледелия, на деле оказывалась средством для продолжения полукрепостной эксплуатации мелкого земледельца, пока таковая была еще возможна.

Все это наводит на мысль об известной относительности суждений о прогрессе помещичьего хозяйства по данным о количестве потребляемых машин и орудий или многопольных севооборотов.

«Хозяйства Юхновского уезда,— заключает автор,— стоят далеко не на высокой степени культуры. Почти повсеместно преобладает крестьянская обработка полей — снизками и кругами — и редко где введена экономическая обработка плугами... Нет в хозяйствах стремления поднять производительность земли улучшением техники полевого хозяйства, увеличением и улучшением удобрения и введением минеральных удобрений»⁶⁴.

Рассмотрение описаний имений по Смоленской губернии закончим хозяйством К. П. Энгельгардта — племянника знаменитого агрохимика. В его имении Мирополье (Бельский уезд) было 1550 дес., в том числе пашни 240 дес., сенокоса 240, выгона 100 дес. «Часть пашни обрабатывается своим инвентарем, для чего держат 5—6 рабочих и имеют 20 лошадей; обработку остальной части сдают так называемыми кругами. За круговую десятину (без осенней вспашки) платят 30 руб. и дают свои плуги и бороны». Характерно замечание: «По местным условиям можно сдать не больше 35 круговых десятин... Инвентарь не особенно разнообразный, что объясняется как тем, что пока еще выгодно и удобно сдавать крестьянам, так и тем, что имение пока еще не терпит недостатка в поденных рабочих», т. е. созревшие хлеба «жнут бабы». И хотя урожаи на экономических десятинах «значительно выше урожаев на круговых

⁶³ И. В. Илленич. Указ. соч., стр. 88—89.

⁶⁴ Там же, стр. 97.

десятинах», владелец предпочитает «до предела» использовать наличные возможности сдавать круги и не заводить машин, пока есть дешевая рабочая сила для жнитва вручную⁶⁵.

Весьма характерны выделенные нами слова «пока еще» и «до предела». «Пока еще» вокруг латифундии сохраняется контингент не до конца разоренных крестьянских хозяйств, которые могут служить объектом полукрепостнической эксплуатации, владелец ведет самое минимальное хозяйство с «не особенно разнообразным инвентарем». И он старается «до предела» использовать эту хозяйственно-экономическую ситуацию, позволяющую ему «пока еще» обходиться минимальными вложениями капитала в хозяйство. Здесь мы видим исключительно наглядный пример того, как существование отработочной системы тормозит агротехнический прогресс в самом помещичьем хозяйстве, не говоря уже о хозяйстве закабаленных крестьян.

Описание имения Энгельгардта, как и многих других, дает все основания считать, что существенным, если не решающим, моментом в эволюции помещичьего хозяйства был известный предел эксплуатации крестьянина как мелкого хозяйчика, имеющего свой скот и инвентарь. По достижении этого предела, когда разоренные латифундией крестьяне уже не могут в массе эксплуатироваться путем отработок, помещику приходится переходить к капиталистическому способу ведения хозяйства.

Этот переход на практике для многих помещиков был делом трудным, а иногда и невозможным из-за отсутствия накоплений, необходимых для перехода на свой инвентарь и наемный труд. В этом случае капиталистическое по форме хозяйство велось нередко хуже отработочного. Таким было, в частности, имение Крутицы М. Чудновской — 593 дес., из которых 243 дес. сдавались за 1115 руб., на 350 дес. имелось свое хозяйство. «Обработка полей производится своим инвентарем; инвентарь этот в большом порядке и его много... Хозяйство терпит огромные затруднения с рабочими. Все не занятые в своем хозяйстве и способные к труду люди уходят на заработки в Москву». Из-за этих затруднений «владелец решил приобрести косилку и жатвенную машину». Существовал 9-польный севооборот, но скота мало, тощая почва удобрялась плохо, урожаи чрезвычайно низкие: ржи сам 3, овса сам 3—5. И это в имении, считавшемся одним из лучших⁶⁶.

Переходим к Калужской губернии, где в 1897 г. были обследованы Козельский, Перемышльский и Лихвинский уезды. Берем средний в географическом и экономическом отношении Перемышльский уезд (68 хозяйств с 27 259 дес. земли).

Из таблицы 24 видно, что доля пашни в собственной эксплуатации увеличивается с ростом размера имений до группы 300—

⁶⁵ Там же, стр. 89.

⁶⁶ Там же, стр. 93—95.

Землепользование частных владельцев
(Обследование)

Группы хозяйств по землевладе- нию, дес.	Всего хозяйств	Удобной земли, кроме леса, дес.	Пашня, дес.	В экономическом пользовании (посев и пар)		Всего сдано земли	
				дес.	%	дес.	%
50—100	9	654	541	269	49,7	309	47,2
100—200	11	1 308	1 023	506	49,5	601	45,9
200—300	16	2 885	2 273	1281	56,4	1167	40,5
300—500	18	4 940	3 889	2308	59,3	2265	45,9
500—1000	10	3 719	2 984	1669	55,9	1673	45,0
Свыше 1000	4	3 055	2 293	976	42,6	1727	56,5
Итого . . .	68	16 561	13 003	7009	53,9	7742	46,7

* «Статистическое описание Калужской губернии», т. III. «Перемышльский уезд». Основ-
ные таблицы. Калуга, 1899, стр. 446—452.

500 дес., где она составляет 59,3%, а далее идет снижение: в группе 500—1000 дес. она равна уже 55,9%, а в высшей — 42,6%. т. е. меньше, чем во всех других группах. Обратный порядок, с некоторыми вариациями, наблюдается и в сдаче земли.

Данные об условиях аренды дефектны, так как в одну графу входит аренда за деньги и за отработки. Но важно отметить факт, на который мы однажды уже обращали внимание, что некоторая часть долгосрочной аренды тоже была издольной. Разобраться в условиях аренды помогают данные об арендной плате. Получается, что 56,7% всей суммы арендной платы владельцы получали деньгами, 10,2% отработками и 33,1% — долями урожая в денежной расценке. В мелких и средних имениях (до 500 дес.) доля денежной платы составляла 59,3%, платы натурой — 34,7%. У крупных владельцев оба эти вида платы были ниже, соответственно 52,2 и 30,1%. Зато если отработки у первых составляли 6% арендной платы, то у крупных — 17,7%.

Но приводимыми данными не исчерпывалась вся аренда: в таблицу не вошла сдача пастбищ, которую калужские статисти- ки учли (вероятно, неполностью) отдельно. Оказывается, что помещики Перемышльского уезда сдавали дополнительно под пастбища 50 дес. выгона, 1056 дес. пара, 1144 дес. жнивья после уборки хлебов, 348 дес. отавы, 1090 дес. лесных угодий и 51 дес. запущенной пашни, а всего 3739 дес., взыскивая с крестья-

В том числе					Плата, руб.		
на долгий срок за деньги и отработ- ки, дес.	на долгий срок издольно, дес.	на один сбор за деньги и отработ- ки, дес.	на один сбор издольно, дес.	итого на известных условиях, дес.	деньгами	работой	натурой
131	55	24	67	277	1 144	56	769
146	205	130	81	562	2 296	233	1 992
238	—	489	197	924	9 011	100	1 916
709	257	586	431	1983	10 536	1928	8 792
312	—	890	185	1387	6 266	1376	1 898
924	—	386	287	1597	5 041	2452	4 620
2460	517	2505	1248	6730	34 294	6145	19 987

яя 1223 руб. деньгами и 4248 руб. отработками⁶⁷. Учтя эти цифры, получаем, что в общей массе ренты, извлекаемой помещиками из сданной земли, денежная плата составляла 54,2%, отработки — 15,6%, плата натурой — 30,2%. А земля, исключая лесные пастбища, распределится так: в собственной эксплуатации — 6170 дес., в собственной эксплуатации в комбинации со сдачей крестьянам — 2649 дес., сданной в аренду — 7742 дес.; всего 16 561 дес.

Поскольку в денежной плате была большая или меньшая доля некапиталистической ренты, можем и здесь констатировать факт преобладания полукрепостнической эксплуатации крестьян на землях, сдаваемых им в аренду.

Перейдем к той части земли, которая эксплуатировалась самими помещиками. Калужские статистические материалы дают нам едва ли не единственную возможность определить способы производства сельскохозяйственных работ по всем основным операциям. Соответствующий расчет в виде таблицы нами опубликован полностью⁶⁸. Вот его итоговые результаты. В течение года в полеводстве постоянные и поденные рабочие затратили

⁶⁷ «Статистическое описание Калужской губернии», т. III. «Перемышльский уезд». Основные таблицы. Калуга, 1899, стр. 418.

⁶⁸ «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». Сборник статей к 75-летию академика Николая Михайловича Дружинина. М., 1961, стр. 364.

43,9 тыс. рабочих дней, или 53,7%, сдельные работы заняли 21,5 тыс., или 26,3%, и работы за угодья — 16,3 тыс. рабочих дней, или 20%. Налицо смешанная система хозяйства с некоторым перевесом в пользу капиталистических форм.

Остановимся, наконец, на распределении способов ведения хозяйства по разным операциям. Перегруппировка данных упомянутой не публикуемой здесь таблицы дает следующую картину (табл. 25).

Т а б л и ц а 25

Способы обработки земли у помещиков Перемышльского уезда *

Культуры	Обработка				Уборка			
	постоянными и поденными рабочими		сдельно и за угодья		постоянными и поденными рабочими		сдельно и за угодья	
	человеко-дни	%	человеко-дни	%	человеко-дни	%	человеко-дни	%
Озимые и яровые хлеба с возкой навоза	24 015	65,4	12 707	34,6	6 463	25,5	18 925	74,5
Картофель	2 983	98,7	38	1,3	3 818	71,9	842	18,1
Сенокос и сеяные травы	—	—	—	—	6 608	55,6	5 276	44,4
И т о г о	26 998	67,9	12 745	32,1	16 889	40,3	25 043	59,7

* «Статистическое описание Калужской губернии», т. III. «Перемышльский уезд». Основные таблицы. Калуга, 1899, стр. 439—442.

Таким образом, если при обработке земли (возка навоза, вспашка, посев и заделка семян) преобладали капиталистические формы, то уборка производилась преимущественно посредством кабально-отрабочных приемов — сдельно и за угодья.

В подтверждение того, что в губернии положение было сходным со «средним» Перемышльским уездом, приведем аналогичный расчет по Лихвинскому уезду. Здесь постоянные и поденные рабочие выработали 59,7% общего количества рабочих дней, сдельные — 16,0%, за угодья — 24,3%. Преобладание капиталистических форм хозяйства оказывается весьма небольшим. Если же учесть сдачу земли крестьянам, то гнет помещичьего землевладения, особенно крупного, будет выглядеть во всей его ужасающей тяжести. Помещичье хозяйство и здесь держало крестьян на пределе полукрепостной эксплуатации, и капиталистическое хозяйство росло только в меру того, что за этим пределом следовали снижение дохода и опасное обострение отношений с крестьянами.

Возникнув, капиталистическое хозяйство нередко имело преимущества перед отработочным. Так, в имении Н. В. Писарева (с. Подборки, Перемышльского уезда) при переходе от испольной системы к батрачной урожайность с 1877—1881 гг. по 1882—1886 гг. поднялась: ржи с 8,25 до 9,9 четвертей с десятины, овса — с 9,34 до 11,9 четвертей. Но затем вновь началось снижение урожайности, что владелец приписал невыгодности навозного удобрения при существующей системе полеводства и не нашел ничего лучшего, как снова ввести испольную обработку при 10-польном севообороте с травосеянием для «замены навоза»⁶⁹. Консерватизм помещиков как хозяев находит здесь еще одно подтверждение.

Заканчивая обзор материалов по Калужской губернии, отметим несовпадение данных статистики с наблюдениями современников, в том числе самих же статистиков. В том же статистическом обзоре за 1901 г. отмечается преобладание «ведения большинства владельческих хозяйств Калужской губернии с помощью испольщины, отработки и найма крестьян с их инвентарем...»⁷⁰

По другим губерниям имеются некоторые сведения о землепользовании и очень отрывочные — о системах хозяйства.

В Московской губернии особенно благоприятные условия для развития капиталистических хозяйств были в Подмосковье. Одно из них, описанное самим владельцем, — хозяйство Р. А. Лемана общей площадью 350 дес. (кроме леса), в том числе собственной запашки 125 дес., 9-польный севооборот, 105—110 дойных коров. «Ввиду высоких цен на рабочие руки все, что возможно, работается машинами»⁷¹. Травосеяние содействовало скотоводству, последнее — полеводству. Перестройка хозяйства была закончена к 1900 г., с 1901 г. оно стало приносить доход от полеводства и молочного хозяйства, составивший в первое пятилетие (1902—1906 гг.) в среднем в год 6154 руб. и в следующее пятилетие (1907—1911 гг.) — 10 285 руб.⁷² По расчетам хозяина, за 1909—1911 гг. прибыль на затраченный им капитал (покупка имения у Немчиновых, приобретение скота, инвентаря и возведение построек), без лесного хозяйства, составила 5,64% годовых. «Этот последний процент, — резюмирует владелец, — мог бы уже удовлетворить и коммерческое предприятие, особенно принимая в соображение постоянное возрастание стоимости земли»⁷³.

⁶⁹ «Статистический обзор Калужской губернии за 1901 год», вып. II. Калуга, 1903, стр. 73.

⁷⁰ Там же, стр. 69.

⁷¹ Р. А. Леман. Мое хозяйство в Ново-Ивановском. М., 1912, стр. 15.

⁷² Там же, стр. 28.

⁷³ Там же, стр. 29.

Приведенное замечание чрезвычайно важно для понимания экономики помещичьего хозяйства. Предприниматель, хозяйствующий на земле и являющийся ее собственником, может довольствоваться минимальной прибылью, если имеет место рост цен на землю. Недобор прибыли до средней нормы компенсируется в этом случае возрастанием рыночной стоимости основного капитала — земли, что в экономическом смысле равносильно росту ренты.

«Полагаю,— писал Леман,— что результаты моего хозяйства имеют известное значение, потому что противоречат общепризнанной аксиоме: сельское хозяйство в нечерноземной полосе Центральной России убыточно»⁷⁴. Однако Леман упускал из виду в своих расчетах то, что доходность Ново-Ивановского имения обеспечивалась прежде всего его пригородной специализацией: главный доход его составлялся от продажи цельного молока в Москве. Ему пришлось признать, что два других имения, расположенных в Смоленской губернии, только в 1911 г. стали выходить из убытка. Таким образом, «аксиома» все же оставалась: даже этот, очевидно, предприимчивый и толковый хозяин перестраивал хозяйство с большим трудом, постепенно, имение за имением.

Но не только пригородные хозяйства Московской губернии строились на капиталистических началах. Они, вероятно, преобладали и в Рузском уезде, о котором в брошюре губернской земской управы сказано: «В частновладельческих хозяйствах обработка пашни производится исключительно владельческим инвентарем и постоянными, годовыми или летними рабочими»⁷⁵. Однако, несмотря на столь категорическое свидетельство, в той же брошюре указывается, что в Рузском уезде «за отработки крестьяне арендуют почти исключительно пастбища»⁷⁶. Там же приводится таблица с данными об аренде сенокосов по каждой волости с явным указанием на отработки. Приводим итоговые данные этой таблицы по всему уезду (1902 г.)⁷⁷:

Аренда целыми обществами:

Всего арендуют на сумму, руб.	26 719
Приходится арендной платы на один двор, руб. . .	2,7
Число селений, арендующих за отработки	153

Единоличная аренда:

Число домохозяев	4238
% их к общему числу надельных семей	44,6

⁷⁴ Р. А. Леман. Указ. соч., стр. 29.

⁷⁵ ГИАМО, ф. 188, оп. I, д. 1146, 1905 г., л. 51 об.

⁷⁶ Там же, л. 45.

⁷⁷ Там же, л. 44 об.

Итак, только по аренде сенокосов отработками были привязаны к помещикам 153 сельских общества.

Для соседнего с Рузским Верейского уезда имеются данные по имению Покровское-Алабино В. А. Мещерского⁷⁸. Здесь наряду с денежными обязательствами по аренде сенокосов все семь селений были обязаны имению отработками по возке навоза, боронованию, уборке хлебов и картофеля, рубке и вывозке дров, поставке подвод и пеших поденных рабочих по требованию имения и т. п.

По Ярославской губернии имеются лишь отрывочные указания и косвенные данные. Главным предметом аренды здесь были луга и пастбища. «Наиболее острая форма крестьянского малоземелья, — читаем в обзоре за 1903 г., — выражается в недостатке лугов, аренда которых крестьянами составляет общераспространенное явление»⁷⁹. Преобладала денежная форма арендной платы, но в двух уездах — Моложском и Пошехонском — наряду с ней находят широкое применение ипольная и ипольно-денежная системы; например, многочисленные площади лугов, принадлежащих гр. Мусин-Пушкину, эксплуатируются в значительных размерах по ипольно-денежной системе⁸⁰. В этом громадном имении (около 80 тыс. дес.) существовала и отработочная аренда лугов⁸¹.

Относительно системы хозяйства в обзоре за 1909 г. читаем: «Сильно развитый в Ярославской губернии отход крестьян на заработки в столицы и другие местности неминуемо влечет за собой широкое распространение обработки земли наемными силами» даже в крестьянских хозяйствах⁸². «Понятно, что в частновладельческих имениях обработка ведется почти исключительно наемными силами...»⁸³

В нашем распоряжении нет сколько-нибудь заслуживающих внимания материалов по другим губерниям характеризуемого района. Приведем лишь заключение Костромского губернского совещания 1897 г., где, между прочим, говорилось, что «практикуется наем рабочих сроковых, поденных, на сдельные работы, исполу и проч., но замечается преобладание найма срокового и поденного, а исключительно у помещиков — исполу»⁸⁴.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. Мещерских, оп. 1, д. 2005, 1905 г., л. 1.

⁷⁹ «Сельскохозяйственный обзор Ярославской губернии за 1903 год». Ярославль, 1904, стр. 95.

⁸⁰ Там же, стр. 97.

⁸¹ Там же.

⁸² «Сельскохозяйственный обзор Ярославской губернии за 1909 год». Ярославль, 1910, стр. 85.

⁸³ Там же, стр. 85.

⁸⁴ «Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положения 12 июня 1886 года о найме на сельские работы», ч. I. «Заключения губернских совещаний». СПб., 1898, стр. 11.

Земледельческий центр с его знаменитой отработочной системой имеет все основания занять в данной работе большое место. К сожалению, частновладельческое хозяйство именно этого района чрезвычайно слабо представлено в земских обследованиях.

Материалы по Тамбовской губернии очень отрывочны и только косвенно освещают некоторые стороны помещичьего хозяйства. Поэтому нам придется несколько выйти из принятых хронологических рамок, чтобы осветить один чрезвычайно важный вопрос. Сущность его состоит в следующем: правомерно ли оценивать характер землевладения (крепостническое или капиталистическое) по способу приобретения (по наследству, по покупке и т. д.) или, как уже говорилось, по принадлежности земли той или иной категории владельцев (дворяне, купцы, мещане и т. д.).

Постановка этого вопроса может вызвать недоумение. Как известно, В. И. Ленин прямо говорил, что все землевладение России, и помещичье и надельное, являлось средневековым, крепостническим^{84а}. Между тем, как отмечалось выше, в нашей историографии встречаются попытки разделить землевладение на «секторы», зачисляя в капиталистический «сектор», например, земли, купленные купцами, мещанами и крестьянами, независимо от размеров покупаемых участков и способов эксплуатации земли. Имеет место также искусственное разделение землевладения, землепользования и систем хозяйства на самодовлеющие, почти независимые друг от друга экономические категории.

Совершенно ясно, что характер землевладения выявляется не сам по себе, а через систему сложившихся поземельных отношений, видов использования земли и способов ведения хозяйства. Рассмотрим, например, способы обработки земли у разных сословных групп владельцев. Данные конца 80-х годов по Моршанскому уезду Тамбовской губернии показывают следующее (табл. 26).

Несмотря на то, что у дворян земли были большей частью наследственные, перешедшие от дореформенных времен, а у прочих категорий — почти исключительно купленные после реформы, в отношении способов обработки земли какой-либо принципиальной разницы между категориями мы не наблюдаем. Купцы и мещане даже меньше дворян пользовались трудом постоянных рабочих. Мещане и крестьяне чаще, чем дворяне, прибегали к использованию инвентаря и скота соседних крестьян. Отработки за землю шире всего практиковались у купцов, затем у дворян и мещан и меньше всего у крестьян. Правда, у частных

^{84а} См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 126.

Способы обработки пашни в Моршанском уезде *

Сословия владельцев	Из 100 дес. экономического посева обработано				
	постоянными рабочими	издельно	за землю	за корма	за выпас
Дворяне	18,0	56,1	21,0	0,5	4,4
Купцы	10,8	52,1	23,4	10,2	3,5
Мещане	12,2	70,9	14,4	—	2,5
Крестьяне	38,1	57,5	4,4	—	—

* «Народное хозяйство», 1900, № 10, стр. 85.

землевладельцев из крестьян больше была развита капиталистическая обработка пашни, однако преобладание при обработке их земли несобственного (крестьянского) инвентаря не дает никакого права зачислять все их землевладение в «капиталистический сектор».

Даже землевладение крупных капиталистов, из которых многие покупали землю, становясь одновременно и помещиками, далеко не всегда можно относить к категории капиталистической собственности. Так, крестьяне с. Лаврово Тамбовского уезда в ходатайстве на «высочайшее имя» жаловались, что известный банкир Л. С. Поляков «откупил у наших двух смежных крепостных господ землю: у господина Воейкова и Ознобишина... 3000 десятин земли, в настоящее время торгует землей за одну десятину 25 рублей на один посев, таковую сумму деньгами не принимает, а приходится каждому семейству зарабатывать полевой работой за дешевую плату; расходу для сельского скота совсем не позволяется»⁸⁵.

Что касается систем хозяйства в губернии в целом, достаточно, на наш взгляд, сослаться на специальное исследование, проведенное Г. М. Птушкиным. Автор пришел к выводу, что и в начале XX в. здесь «отработочная система преобладала над капиталистической»⁸⁶.

Отработочная система в виде обработки кругов практиковалась в губернии с первых послереформенных лет. В описании имения П. С. Строганова имеется таблица цен, уплачивавшихся крестьянам за обработку пашни за время с 1865 по 1894 г. И

⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 396 (Департамент государственных земельных имуществ), оп. 4, д. 623, л. 28.

⁸⁶ Г. М. Птушкин. Развитие капиталистических отношений в деревне Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX в. Канд. дисс. Воронеж, 1953, стр. 281.

хотя эта таблица целиком предшествует рассматриваемому периоду, мы приводим ее (в группировке по пятилетиям) в силу ее поистине уникального характера (табл. 27).

Т а б л и ц а 27

Стоимость отрядной работы за соотенный 10 000 кв. саж.
или $4\frac{1}{6}$ тридцатки круг (в руб.) *

Годы	Пахота пара плугами		Посев озимых в 2 паха, 2 бороновки		Овес — в 2 паха, 2 бороновки, уборка, возка		Гречиха — в 2 паха, 2 бороновки, уборка, молотьба	
	средняя	колебания	средняя	колебания	средняя	колебания	средняя	колебания
1865—1869	10,7	9,6—11,0	10,1	8,3—11,5	—	—	(16)	—
1870—1874	10,5	9,5—11,0	10,0	8,3—12,0	21,5	19,5—24,0	19,9	17,0—24,0
1875—1879	9,4	8,0—11,0	9,2	8,3—12,0	21,5	18,0—24,0	18,6	14,5—20,0
1880—1884	10,7	10,0—12,0	10,7	9,0—14,0	22,3	20,0—24,5	20,5	19,0—22,0
1885—1889	10,6	10,0—11,5	9,7	9,0—11,0	18,4	15,0—23,5	18,1	16,0—20,0
1890—1894	10,4	10,0—12,0	9,0	8,0—10,0	16,0	12,0—18,0	16,7	14,0—20,0

* И. С а м о д у р о в. Краткое описание имения графа Павла Сергеевича Строганова, Тамбовской губернии и уезда, при селе Знаменском-Кариане. М., 1895, табл. IV.

Таблица ясно показывает, что за 30 лет плата крестьянам за обработку кругов не только не возросла, а наоборот, снизилась и составила в последнем пятилетии в среднем 83,8% первоначальной платы. С учетом некоторого повышения цен на сдельные работы в 1880—1884 гг. плата крестьянам в 1890—1894 гг. составит уже только 81,9%. Реальное же снижение расценок было еще больше вследствие падения курса рубля. Наконец, чтобы представить, как усилился гнет латифундии над крестьянами к концу XIX в., добавим к сказанному, что в последние пятилетия хозяйство Строганова почти полностью перешло к обработке земли кругами.

В губернии славилось хозяйство кн. О. П. Долгорукой в Земетчинской вотчине (Моршанский уезд). Правда, оно несколько выпадает из общего строя хозяйств, так как там находился один из немногих в губернии сравнительно большой сахаро-рафинадный завод, основанный еще в 1849 г. В имении насчитывалось 8284 дес. земли, в том числе 5852 дес. пашни на хорошем глинистом черноземе. До 80-х годов земля сдавалась за деньги и частью исполу, а затем заведено собственное хозяйство, «которое сразу изменило все результаты». Введено многополье. Резко повысились урожаи. К 1911 г. хозяйство располагало 600 волами, 350 лошадьми, всем необходимым инвентарем. Урожай в 1905—1910 гг. в среднем составлял: ржи — 139,5 пудов, пшени-

цы — 105 пудов, прибыль с десятины этих хлебов — 41 руб. Преимущества капиталистической организации производства налицо. Однако и здесь не все нужно относить на счет этой организации. Оказывается, в имении было «5 хуторов, граничащих друг с другом и окаймляющих крестьянскую наделную землю»; «местное крестьянство особенной зажиточностью не отличается, есть даже очень бедные деревни, ввиду чего на всякие работы нанимаются охотно...»

Запертым в кольцо помещичьих земель крестьянам ничего не оставалось, как работать в имении на любых, диктуемых владельцем условиях. И экономия старалась переложить на крестьян все, что по их хозяйственной обеспеченности еще можно было переложить. «Копка и возка свеклы, возка копен, вывозка навоза и другие гужевые работы обеспечиваются ближайшими селами, причем наемка на копку и возку свеклы производится заблаговременно. Уборка хлебов и сенокосов также обеспечена, но без предварительной наемки»⁸⁷.

Таким образом, капиталистическое хозяйство в основном не отказывалось от кабально-отрабочных форм эксплуатации окрестного населения. Более того, положение крестьян в районе характеризуемой экономии было даже хуже, чем в отработочных имениях. Владелец мало сдавал земли, обрабатывая ее своими силами, а когда сдавал, мог назначить за нее предельную цену. По мере капиталистического развития помещичьего имения зависимость крестьянского хозяйства от латифундии усиливалась, а латифундии от крестьян — слабела. Таков облик этого имения, по словам бывшего управляющего, «отлично поставленного во всех отношениях и одного из самых культурных в России, могущего служить примером того, что могут дать в хозяйстве энергия, знание и любовь к труду, даже в сравнительно короткое время»⁸⁸.

В Рязанской губернии земство не проводило сплошных подробных обследований частновладельческих хозяйств. Чтобы составить представление о землепользовании и характере помещичьего хозяйства, обратимся к результатам отдельных массовых обследований. Начнем с данных о количестве лошадей на 100 дес. экономической запашки, полученных в результате частичного обследования 340 хозяйств южной части губерний в 1903/04 г.⁸⁹:

⁸⁷ А. И. Воронков. Краткое описание Заметчинского вотчинного имения ея сиятельства княгини Ольги Петровны Долгорукой. К экспонатам на Моршанской с.-х. выставке 1911 г. Моршанск, 1911, стр. 17.

⁸⁸ Н. Гордеев. Четыре года из моей сельскохозяйственной деятельности. — «Земледельческая газета», 1905, № 21, стр. 929.

⁸⁹ «Сельскохозяйственный обзор Рязанской губернии за 1903/1904 год». Рязань, 1906, стр. 34—35. В источнике итог ошибочно 380 хозяйств.

Размеры земле- владения, дес.	Число хозяйств	Лошадей на 100 дес. запашки
До 10	9	25,4
10—25	65	16,6
25—50	79	13,0
50—100	50	13,1
100—200	49	11,0
200—400	50	11,0
Свыше 400	38	10,1
И т о г о:	340	11,1

Составители обзора сопроводили эти данные следующим комментарием: «Малая обеспеченность рабочим скотом пашни в хозяйствах южной полосы губернии ставит частновладельческое хозяйство в зависимость от крестьянского, так как владельцы не могут обработать всю свою пашню своим скотом, а вынуждены отдавать обработку части пашни местным крестьянам сдельно. Такое явление можно объяснить, вероятно, не недостатком капитала в частновладельческих хозяйствах, не позволяющего им содержать рабочих лошадей в достаточном количестве, а *возможностью дешево сдавать обработку пашни местным крестьянам*, вынужденным вследствие малоземелья искать для избытка своих рабочих рук какую бы то ни было работу»⁹⁰.

В 1888—1889 гг. Рязанское земство провело сплошное обследование частновладельческих хозяйств (свыше 100 дес.), однако описания их не были подвергнуты статистической разработке. Недавно советский исследователь Э. М. Щагин, обнаружив 1086 описаний, дал очень ценную сводку содержащихся в них показателей. Приводим главные итоги его подсчетов⁹¹:

Всего имений	1 086
Всего пашни, дес.	297 299
Пашни в собственной обработке	179 419
В том числе обрабатывалось:	
вольнонаемными рабочими	43 523
издельно	64 890
отработками	8 494
смешанно	62 208
неизвестно	304
Пашни, сдаваемой в аренду	115 939 ⁹²

⁹⁰ «Сельскохозяйственный обзор Рязанской губернии за 1903/1904 год», стр. 15. (Курсив мой.— А. А.).

⁹¹ Э. М. Щагин. К вопросу об уровне развития капитализма в деревне среднечерноземной полосы России в конце XIX — начале XX в. (По неопубликованным материалам рязанской статистики).— «Ученые записки Хабаровского гос. пед. ин-та», т. IX, 1961, стр. 71.

⁹² Подсчет наш. В источнике: 11 989 (очевидно, опечатка).

Пашни, сдаваемой	за деньги	82 604
»	за отработки	2 016
»	смешанно	6 846
»	из доли	24 523
Залежь		1 891

Итак, из всех видов отработок преобладание оставалось за издельным наймом. Отработки за землю практиковались во много раз реже. Объяснение этому дал И. А. Гурвич, рассчитавший, что отработки в их чистом виде — наименее выгодный для помещика способ хозяйства. Если за 1 дес. пашни полагалось обработать 1,5—2 дес., то за деньги, полученные при погодной аренде (15—18 руб. за десятину), помещик мог обработать крестьянским инвентарем 3—4 дес.⁹³

Вытеснение отработочной аренды денежной погодной арендой и отработок за землю издельным наймом поднимало значение денежных элементов в крестьянском и помещичьем хозяйстве в ущерб натуральным, усиливало связи того и другого с рынком. Но достигавшееся этим путем увеличение количества обрабатываемой крестьянами земли вдвое против прежнего взамен такого же количества сдаваемой земли (3—4 дес. вместо прежних 1,5—2 дес.) было не чем иным, как усилением полукрепостнической эксплуатации крестьян, ростом зависимости крестьян от помещика. Он выражался, в частности, в денежных долевых обязательствах. Составители упомянутого обзора отметили это явление весьма своеобразно: «Зависимость частновладельческого хозяйства от крестьянского (читай: крестьянского от частновладельческого.— А. А.) поддерживается, вероятно, также и отсутствием мелкого доступного крестьянам кредита, вследствие чего они вынуждены брать деньги у частных землевладельцев вперед под сельскохозяйственные работы»⁹⁴.

В то же время показанное Э. М. Щагиным наличие в губернии очагов капиталистического земледелия свидетельствовало о некотором вытеснении отработок как системы хозяйства. О том же говорила и сама эволюция отработок, усиление тяжести которых подготавливало кризис отработочной системы.

Конкретный материал описаний, правда весьма ограниченный, показывает усиление различий в системе ведения хозяйства, даже в имениях, принадлежавших одному владельцу. Так, у князя Н. Н. Гагарина в имении Мишино Михайловского уезда Рязанской губернии латифундия почти исчерпала не только возможность привлекать местных жителей к отработкам, но даже сдавать им землю в аренду. В донесении из имения от 1 ноября 1895 г. говорилось, что «в настоящее время сдача в аренду

⁹³ И. Г у р в и ч. Экономическое положение русской деревни. М., 1941, стр. 49.

⁹⁴ «Сельскохозяйственный обзор Рязанской губернии за 1903/1904 год», стр. 16.

клиньев была невыгодна, да едва ли найдутся надежные арендаторы, так как крестьяне по случаю дешевизны хлебов совершенно истощены и за уже им сданные земли едва ли возможно будет своевременно получить аренду...»⁹⁵ Не расторгая пока договоров на 660 дес. долгосрочной крестьянской аренды, владелец прекратил краткосрочную сдачу и увеличил экономическую запашку⁹⁶: «Посевы производятся исключительно экономическими рабочими. Исполный посев не практикуется в имении»⁹⁷.

В имении Покровское Сапожковского уезда часть арендной платы крестьяне вносили деньгами, часть отрабатывали. Два селения — Одоевщина и Озерихи — в 1904 г. вывозили навоз на пар площадью от 80 до 90 дес., свозили копны со 196 дес., косили 147 дес., запахивали 98 дес.⁹⁸ Отработки за землю преобладали потому, что оба селения были на дарственных наделах и испытывали особенно острую нужду в земле. За пользование ею они по сути дела несли всем миром прежнюю барщину.

В имении Петровское Борисоглебского уезда Тамбовской губернии практиковались и отработки за землю и обработка кругами.

Как видим, и в Покровском и в Петровском предел эксплуатации крестьян полукрепостническими методами еще не был достигнут, и крестьяне несли необычайно тяжелый груз отработок.

Вообще наблюдались самые различные варианты в способах хозяйствования. Выше мы отмечали тенденцию к сокращению отработок за землю и развитию сдельной системы. Но в этом же районе встречаются и обратные случаи. Так, управляющий рязанским имением наследников П. А. Зубова Н. Челюсткин писал главноуправляющему И. Г. Кухнову: «Выдавая деньги под заработки с осени, приходится полагаться на совесть крестьян...», которые часто «затягивают своевременное исполнение работ, а с некоторыми приходится судиться... Принимая все это в соображение, с нынешнего года применяю другой способ... В этой местности крестьяне нуждаются в наемной земле, а потому я предложил им сдать в аренду часть экономической земли... Деньги они уплатят только по десяти рублей, а за остальные обязуются убрать по четыре десятины, с вывозкой части навоза»⁹⁹.

В Тульской губернии сплошному обследованию подверглись частновладельческие хозяйства только одного Епифанского уезда (1900 г.).^{2/3} почв уезда занимал чернозем, что создавало благоприятные условия для земледелия. Однако земли у крестьян было очень мало. По реформе 1861 г. надел составлял от 2200 кв. саж. до 5 дес., главная масса (72,6% ревиз-

⁹⁵ ЦГАДА, ф. Гагариных, оп. 1, д. 585, л. 22.

⁹⁶ Там же, д. 581, л. 7 об.

⁹⁷ Там же, л. 9 об.

⁹⁸ Там же, д. 810, л. 9.

⁹⁹ ЦГИА СССР, ф. 942 (Зубовых), оп. 1, д. 570, л. 225.

ских душ) получила от $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{3}{4}$ дес.¹⁰⁰ К моменту обследования на едока приходилось в озимом поле 0,23 дес., чистый урожай с этого клочка составлял 10 пудов — всего на 1 пуд больше нормы, установленной в 1891 г. для голодающего населения¹⁰¹. Крестьяне поэтому не могли обходиться без аренды земли. Малоземелье крестьян и многоземелье помещиков видны и из того, что надельная земля крестьян составляла 101,3 тыс. дес., а земля частных владельцев — 105,8 тыс. дес., причем $\frac{3}{4}$ ее принадлежало дворянам, имевшим в среднем по 597 дес. на каждого¹⁰², т. е. господствовало крупное землевладение.

Насколько сильна была зависимость крестьян от частного землевладения, видно из того, что в пользовании крестьян было своей пашни 48,8 тыс. дес. и арендованной — 29,9 тыс. дес., в том числе 24,4 тыс. дес. частновладельческой¹⁰³.

Отличие Епифанского уезда от рассмотренной выше Рязанской губернии заключается в том, что в крупных хозяйствах уезда собственная запашка и сдача в аренду почти уравнивались. В мелких и средних хозяйствах, как и в большинстве знакомых нам местностей, преобладала собственная запашка.

Размеры собственной запашки у помещиков Епифанского уезда были величиной, зависимой от площади земли, сданной в аренду, средством удержания арендных цен на высоком уровне (табл. 28).

Обследование не дало полной картины систем ведения помещичьего хозяйства, но из всех материалов с очевидностью вытекает преобладание отработочной системы в виде издельного найма. Это видно, в частности, из следующего: «Местных ремесленных занятий у крестьянского населения почти нет... Значительно большую роль играют отхожие промыслы, давая заработок 12 тысячам человек, и местные сдельные сельскохозяйственные работы, занимающие 30% всех наличных приписных семей, не считая отдельных лиц»¹⁰⁴. И здесь, как в Рязанской и Тамбовской губерниях, исключительно высокая арендная плата (до 18 руб. при краткосрочной аренде) давала помещикам средства для найма крестьян с их скотом и инвентарем на обработку кругов, с выдачей денег задолго до начала работ.

В конце XIX в. в губернии наметилась тенденция к замене сдельного найма испольщиной. Особенно показательными в этом отношении были имения гр. С. Д. Шереметева и кн. С. С. Абамелек-Лазарева.

¹⁰⁰ «Итоги оценочно-экономического исследования Тульской губернии», т. 1. «Епифанский уезд», вып. II. «Оценка угодий», стр. 61.

¹⁰¹ Там же, стр. 63.

¹⁰² Там же, стр. 47, 53.

¹⁰³ Там же, вып. I. «Таблицы». М., 1902, стр. 40—41.

¹⁰⁴ Там же, вып. II, стр. 47.

Землепользование частных владельцев Епифанского уезда в 1900 г.*

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Число владений с выясненным землепользованием	В них пашни, дес.	Сдано в аренду		В собственном пользовании	
			дес.	%	дес.	%
До 100	51	2 323	1 606	69,1	717	30,9
100—200	41	6 009	3 969	66,1	2 040	33,9
200—500	47	14 925	7 870	52,7	7 055	47,3
500—1500	30	21 714	11 597	53,4	10 117	46,6
Свыше 1500	7	25 130	11 679	46,5	13 451	53,5
Итого . . .	176	70 101	36 721	52,4	33 380	47,6

* «Итоги оценочно-экономического исследования Тульской губернии», т. I. «Епифанский уезд», вып. I. «Таблицы». М., 1902, стр. 53.

Имение Шереметева Серебряные Пруды в пяти волостях Веневского уезда насчитывало 12 233 дес., из них 8894 дес. пашни, 1685 дес. лугов, 1321 дес. леса¹⁰⁵. До проведения в 1898 г. через имение железной дороги 600 дес. земли сдавалось крестьянам за деньги, 300 дес. исполно, 2700 дес. обрабатывалось «своими средствами». С 1897 по 1902 г. основной капитал имения возрос с 144 тыс. до 304 тыс. руб., а оборотный — с 17 до 32 тыс. руб. Было заведено многополье, построены винокуренный завод, мельницы. «Ввиду увеличения доходности от полеводства, которая несомненно должна еще более возрасти благодаря вновь введенным севооборотам, естественно было бы перейти к собственной запашке, но это потребовало бы громадного оборотного и основного капиталов...»¹⁰⁶ Дальнейшие вложения были признаны нецелесообразными, и на всей остальной площади (6000 дес.) решили перейти на испольную систему. Для начала 500 дес. сдали трем крестьянским товариществам на посевы ржи, овса и клевера в 12-польном севообороте. Испольщики работали под контролем хуторского смотрителя, им продавались легкие плужки с рассрочкой платежа из части урожая, отпускались отсортированные в имении семена с возвратом половины из урожая. Зерно и солома делились пополам между имением и испольщиками. Сена испольщики получали $\frac{1}{3}$. Обработка экономических посевов производилась наемными рабочими и своим инвентарем.

¹⁰⁵ ГИАМО, ф. 419 (МОСХ), оп. 1, д. 2450, 1902 г., л. 62—62 об.

¹⁰⁶ Там же, л. 64 об.

С большой настойчивостью внедрял испольщину в своем имении Голощапово Крапивенского уезда кн. С. С. Абамелек-Лазарев. Большая часть земли, как и в Серебряных Прудах, сдавалась за деньги, распространить испольщину на всю площадь не удавалось. С 1913 г. князь решил исполную площадь перевести на 4-польный севооборот, но испольщики запротестовали: вики и клевер в 4-м поле для них были невыгодны, так как им прежде всего был нужен хлеб¹⁰⁷. Отличие от Серебряных Прудов состояло в том, что своей запашки в имении не было вовсе. В 1912 г. управляющий жаловался, что в имении осталась одна годная для езды лошадь, и просил разрешения купить другую¹⁰⁸.

Приведенные примеры не многочисленны, но они любопытны как показатель инертности крупного землевладения: оно упорно стремится удержаться путем видоизменений и модернизации все той же отработочной системы, пока обстоятельства не вынудят его к капиталистической перестройке.

В Курской губернии земство было одним из самых бездеятельных в части изучения экономического положения деревни. Только в 1913 г. оно провело подворную перепись крестьянских хозяйств, материалы которой и по сей день не разработаны и хранятся в Государственном архиве Курской области. Помещичье хозяйство не обследовалось вовсе. Мы можем воспользоваться лишь описательными материалами, свидетельствами современников и документами отдельных хозяйств. Обратимся к описанию Курской губернии, сделанному Н. А. Чуйковым в 1893 г., т. е. почти в начале рассматриваемого нами периода.

Н. А. Чуйков, объехав губернию, установил, что в большинстве частновладельческих хозяйств главным было зерновое направление. В хозяйствах этой группы «большое предложение рабочих рук со стороны местного малоземельного крестьянского населения позволило в некоторых случаях совершенно не иметь рабочего скота, а производить все работы крестьянским инвентарем»¹⁰⁹.

Наряду с собственными запашками широко практиковалась сдача земли в аренду, «причем отдача производится как за деньги, так и за отработки и реже за долю продукта. Большой спрос на землю со стороны крестьян породил очень высокие цены; так, при мелкой отдаче крестьянам земля под посев озимого хлеба идет от 20 до 25 руб. за десятину»¹¹⁰.

Таким образом, как на своих запашках, так и при краткосрочной аренде большинство помещиков вели преимущественно

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1252 (Абамелек-Лазаревых), оп. 1, д. 2596, лл. 1—25.

¹⁰⁸ Там же, д. 2584, л. 7.

¹⁰⁹ Н. А. Чуйков. Курская губерния в сельскохозяйственном отношении. Отчет по командировке в 1893 г. от императорского Московского общества сельского хозяйства. М., 1894, стр. 13.

¹¹⁰ Там же, стр. 94—95.

кабально-отрабочную эксплуатацию крестьян. Преобладали отработки на землю. «Исполная форма отдачи земли, практиковавшаяся раньше, в настоящее время уступила место отработочной системе. Самый простой и распространенный способ пользования землей за отработки состоит в том, что крестьянин за одну снятую десятину должен вполне обработать для экономии 2 дес. соответствующего хлеба... Отдача земли под отработки — самая распространенная из способов отдачи мелкими участками на один год: деньги мужик не всегда в силах отдать, исполная аренда, более выгодная для мужика, невыгодна для экономии — обработка же земли крестьянами, если и оставляет желать многого в смысле качества работы, все же... позволяет помещику все работы производить своевременно»¹¹¹.

Автор описания указывает, что крестьяне обрабатывали за пашню, за выгон, за пастбища, за пользование экономическим быком и даже «за мытье своего белья на экономическом берегу реки»¹¹². Сами хозяева говорили ему, «что крепостная зависимость еще существует, только в основе ее лежит не юридическое право, а экономическая сила помещиков, с одной стороны, и необеспеченность крестьянского сословия — с другой»¹¹³.

В качестве предела, ограничивающего функционирование отработочной системы и кабальной годичной аренды, указывалось истощение полей: «Отдача земли крестьянам может быть выгодной лишь до того времени, пока земля не слишком истощалась; в противном случае цены на землю падают, и экономия начинает расширять собственные запашки и удобрять поля. В этой переходной фазе застаем мы многие хозяйства в настоящее время»¹¹⁴.

Быстрее такой переход происходил в имениях, где имелись или строились свеклосахарные заводы, вводились посевы сахарной свеклы. Хозяйство в них приобретало предпринимательский, капиталистический характер, конечно не без пережитков старого.

После революции 1905—1907 гг. курская казенная палата провела массовое обследование крестьянских и помещичьих хозяйств, правда довольно поверхностное. Было установлено, что в описанных 1852 хозяйствах размером свыше 100 дес. (82,2% всех хозяйств такого размера) сдавалось крестьянам 350 670 дес., или 47% всей пахотной и сенокосной земли¹¹⁵. Преобладала краткосрочная голодная аренда. Даже казенные статистики вынуждены были признать, что «крестьянская аренда в большинстве случаев не приносит никакого предпринимательского дохода». А это означает не что иное, как полукрепост-

¹¹¹ Н. А. Ч у й к о в. Указ. соч., стр. 96.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, стр. 96—97.

¹¹⁴ Там же, стр. 97.

¹¹⁵ «Материалы по крестьянскому и частному землевладению Курской губернии», т. 1. Курск, 1908—1909, стр. 47.

ную эксплуатацию крестьян посредством аренды. В отношении ведения собственного хозяйства помещиков обследование не фиксирует каких-либо качественных перемен. Отмеченное Чуйковым переходное состояние сильно затянулось. Обследователи писали, что «частновладельческим имениям Курской губернии далеко не чужды явления прогресса в сельском хозяйстве. Но, как сказано, такие имения расположены только оазисами, преимущественно в районах свеклосахарных заводов и почти исчезают в общей массе заурядных имений...»¹¹⁶

Рассмотрим вкратце систему ведения хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых Грайворонского уезда, подробно изученном и описанном Л. П. Минарик. Это имение было одним из самых выдающихся не только в уезде, но и во всей губернии. Достаточно сказать, что в 1910 г. в 754 частновладельческих хозяйствах уезда насчитывалось 2744 основных сельскохозяйственных орудий (плуги, бороны, сеялки, жатки, молотилки), из них 1202 приходилось на Ракитянское имение. Если во всех помещичьих хозяйствах Курской губернии приходилось на одну сеялку 754 дес., то в Ракитянском — 120 дес., для жаток соответственные цифры были 1570 и 234. Капиталистическое направление развития хозяйства в Ракитянском не вызывает сомнения. Наличие собственного инвентаря позволило экономии значительную часть работ производить без применения крестьянского инвентаря. Л. П. Минарик по хозяйственным документам имения выяснила, что «в 1904 г. на капиталистические формы производства приходился 41 % стоимости произведенных работ, 59 % — на отработочные. В 1907 г. соответственно 46 и 54 % и в 1910 г. — поровну»¹¹⁷. Комментарии излишни: если в имении, концентрировавшем половину средств производства всех помещичьих хозяйств уезда, к тому же с крупным промышленным предприятием, преобладало по сути дела отработочное хозяйство, можно представить себе, что представляло собой помещичье хозяйство уезда в целом.

Воронежское губернское земство, подобно курскому, тоже не оставило после себя материалов по обследованию помещичьего хозяйства. Представление о нем мы получаем главным образом благодаря описанию части хозяйств, сделанному по заданию Московского общества сельских хозяев большим знатоком сельского хозяйства В. А. Бекетовым. В 1893 г., т. е. одновременно с Чуйковым, Бекетов исследовал 93 средних и крупных хозяйства в Задонском, Землянском, Воронежском, Острогожском, Бобровском уездах и в северной части Павловско-

¹¹⁶ Там же, стр. 64.

¹¹⁷ Л. П. Минарик. Система помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых (1900—1913 гг.). — «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. 5. М., 1962, стр. 387.

го. Большинство обследованных хозяйств принадлежало к числу лучших. Но Бекетов не обходил и посредственные имения. «Хозяйства же примитивные,— писал он,— нельзя было обойти уже потому, что их большинство... ограничиться в пределах каждого уезда указанным ниже числом хозяйств позволяли однородность и низкая степень технических приемов большей части хозяйств» ¹¹⁸.

Используя данные обследования Воронежского уезда в 1889 г. и Острогожского в 1887 г., а также собрав показания «лиц, хорошо знакомых с местными условиями хозяйства», В. А. Бекетов пришел к выводу, что «средние и крупные владельцы *в большинстве* ведут хозяйство *исключительно* при помощи крестьянского инвентаря или же сдают свои имения в аренду; ведут же хозяйство сами или через управляющих при большем или меньшем участии собственного инвентаря в обработке полей,— по Задонскому уезду около 25 %, а по Землянскому около 35 % всех владельцев, имеющих свыше 50 десятин удобной земли. Поэтому в большинстве хозяйств практикуются приемы, отличающиеся отсутствием каких бы то ни было улучшений» ¹¹⁹.

Между уездами имелись, как и всюду, некоторые различия. Например, в Воронежском и Острогожском уездах помещики «более широко прибегали к обработке экономических полей наемным крестьянским инвентарем», чем в северо-западных уездах ¹²⁰. Но это были различия чисто количественного порядка, не изменявшие характера хозяйства в целом.

В. А. Бекетов отметил рост собственной помещичьей запашки. Так, в Воронежском уезде с 1889 по 1893 г. она увеличилась на 82 %. Еще больший рост наблюдался в южных уездах со значительными залежными площадями. «Причина этому лежит как в сокращении площади залежей, так и в явлениях, имеющих место в крестьянском хозяйстве за последние годы, именно в уменьшении численности рабочего скота у крестьян, что повлекло за собой сокращение сдачи экономических земель в аренду и сокращение найма крестьянского инвентаря на экономические работы и, следовательно, *невольный* часто переход экономии к собственному инвентарю, к использованию пахотных земель собственными средствами» ¹²¹. Этот процесс, как увидим, продолжался и позднее, прежде всего в немногочисленных хозяйствах со свеклосахарными заводами. Например, в имении Нижне-Кисляйское Павловского уезда, принадлежащем кн. Б. А. Васильчикову, к началу века было 6657 дес. земли, к кануну мировой вой-

¹¹⁸ В. А. Бекетов. Воронежская губерния в сельскохозяйственном отношении. Отчет по командировке в 1893 г. от императорского Московского общества сельского хозяйства. М., 1894, стр. 2.

¹¹⁹ Там же, стр. 4—5. (Курсив мой.— А. А.).

¹²⁰ Там же, стр. 25.

¹²¹ Там же, стр. 37. (Курсив мой.— А. А.).

ны — 5300 дес., пашни — соответственно 4845 и 4350 дес., сенокосов — 614 и 360 дес., пастбищ — 645 и 365 дес. Несмотря на уменьшение количества земли, посев свекловицы вырос с 1000 до 1100 дес., площадь зерновых хлебов осталась прежней (2050 дес.). О вытеснении отработок можно судить по тому, что количество рабочих волов в имении с 200 пар выросло до 500 пар. Масса перерабатывавшейся на заводе свекловицы выросла со 150 тыс. до 200 тыс. берковцев. Покупалось у окрестных плантаторов по-прежнему до 500 берковцев свекловицы¹²².

Уменьшение зависимости помещичьего хозяйства от крестьянского скота и инвентаря можно видеть в имении Анна кн. Н. А. Барятинской (Бобровский уезд), где за тот же период количество земли уменьшилось с 19 805 дес. до 8770 дес., тогда как поголовье рабочих лошадей выросло со 134 до 200, а количество волов осталось прежним (150 пар)¹²³. Хозяйство здесь было приспособлено к нуждам винокуренного завода.

Однако и в подобных случаях на преобразование толкало не столько присущее капиталистическому хозяйству стремление к расширению и усовершенствованию производства, к увеличению массы прибавочной стоимости, подгоняемое конкурентной борьбой, сколько необходимость обеспечить сахарные и винокуренные предприятия сырьем (свекловица, зерно, картофель). Нередки были случаи, когда переход на обработку земли собственным инвентарем не только не удешевлял, а, наоборот, удорожал себестоимость продукции и даже приводил к убытку от полеводства. В имениях с предприятиями сахарной и вино-водочной промышленности, для которых трогательными заботами правительства были обеспечены высокие и устойчивые прибыли, убытки полеводства компенсировались с лихвой. Иное дело — чисто земледельческие хозяйства. В условиях дешевизны крестьянской обработки переход на собственный инвентарь часто оказывался невыгодным. В результате нередко случаи возврата к старым формам производства. В Воронежской губернии один из таких случаев известен благодаря очень интересному описанию имения Павловское Н. А. К-ва (Воронежский уезд).

Имение было куплено К-вым в 1880 г. в разоренном виде, без скота, так что можно считать, что весь капитал был затрачен на покупку земли. Вместе с прикупкой 1893 г. земля в количестве 474 дес. пашни и 234 дес. сенокосов и выгона стоила владельцу 73,4 тыс. руб. На обзаведение скотом и инвентарем и на земельные улучшения было затрачено 20,5 тыс. руб. Скота в имении

¹²² «Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах», вып. 1. СПб., 1900, стр. 279—280; «Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах». Пг., 1916, стр. 174—175.

¹²³ «Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах», вып. 1, стр. 242—243; «Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах», стр. 150.

содержалось: крупного 1 $\frac{3}{4}$ и мелкого 4 головы на десятину, т. е. столько, чтобы хватало навоза. Искусственные удобрения не применялись. До 1906 г. работы выполнялись исключительно силами экономии, для чего круглый год содержалось от 50 до 60 волов. Поскольку со вспашкой раннего пара всегда запаздывали, с 1906 г. перешли на черные пары, вспашку которых стали сдавать местным крестьянам, сократив число собственных волов до 20. С этого времени «все тяжелые пахотные работы перешли в наемные руки местных крестьян с их лошадьми и кормами, в экономических однолемешных плугах, по 5 р. 50 к. за десятину глубокой, не менее 4-х вершков, вспашки черного пара»¹²⁴. Так, общие условия господства полукрепостнических отношений в Воронежской губернии привели к частичному отказу от капиталистических форм хозяйствования, к обработке земли крестьянским инвентарем. Правда, употребление рядовых сеялок, улучшенных семян, введение травосеяния обеспечивали сносные урожаи и постоянный рост доходов. Десятина пшеницы в 80-х годах давала 14,73 руб. прибыли, в 90-х — 21,26 и в 900-х — 47,12 руб. Прибыль с десятины ржи с 14,08 руб. в 80-х годах поднялась до 54,29 руб. в 900-х годах. Особенно выгодным оказалось производство подсолнуха¹²⁵. Ясно, что в этих прибылях немалую долю составляла стоимость неоплаченного труда местных крестьян, которым за мизерную сдельную оплату сдавались полевые работы. «Самое главное, что сдельный способ дает нам, — говорится в описании, — это успех в работе и сокращение на $\frac{2}{3}$ живого инвентаря, приносящего из года в год убытки от своих работ»¹²⁶.

Любопытны выводы, к которым пришел составитель очерка, он же управляющий имением. Приводим их в выдержках:

1. «Несмотря на достигнутые результаты в последнем десятилетии, около 8 $\frac{1}{2}$ % на затраченный капитал, если оценить имение по теперешней стоимости, как его можно продать, то процент этот уменьшится вдвое и за личный труд хозяину ничего не будет оставаться». 2. Работать можно, улучшая культуру земледелия. «Кроме того, прирост ценности земли даст в будущем добавочную прибыль... 3. Необходимым условием при этом должна быть и не слишком большая задолженность и достаточный оборотный капитал, иначе хозяин будет работать только на банки»¹²⁷.

Итак, хозяйство Н. А. К-ва перешло на капиталистические рельсы, когда возможности с выгодой использовать отработки

¹²⁴ «Очерк 30-летнего хозяйства на черноземе в средней полосе России. С 1880 до 1910 г.» Составлен управляющим имением Г. А. Каргиным под редакцией владельца. М., 1911, стр. 7—13.

¹²⁵ Там же, стр. 18—21, 38—40.

¹²⁶ Там же, стр. 62.

¹²⁷ Там же, стр. 92.

еще не были исчерпаны. В сравнении со сдельным наймом эксплуатация собственного скота и инвентаря представлялась владельцу убыточной, и он без колебаний пошел на возврат к старой, докапиталистической форме хозяйства.

Регрессивная, тормозящая роль помещичьего землевладения проявлялась также в том, что владельцы, чутко улавливая изменения экономической конъюнктуры, всемерно стремились к собственной выгоде в ущерб прогрессу крестьянских хозяйств. Ознакомимся с организацией хозяйства в обширных Каменной и Икорецкой степях гр. А. В. Орлова-Давыдова в Бобровском уезде Воронежской губернии, раскинувшихся на огромном пространстве в 33,4 тыс. дес. До середины 90-х годов XIX в. наряду со сдачей земли в степях велось значительное собственное хозяйство помещика, так как оскудевшие в годы кризиса крестьяне не могли разбирать всю землю в аренду. Затем у администрации имений возникает мысль о ликвидации собственной запашки, что и было сделано уже к 1899 г. Главноуправляющий Л. Р. Гавеман объяснял это решение «увеличившимся спросом на землю со стороны крестьян вследствие повысившихся цен на хлеба, благодаря чему улучшилось благосостояние их. Особенно ярко обстоятельство это выразилось в Воронежской губернии, где в степях... удалось совершенно прекратить экономические посевы, приносившие нам убытки, и отчасти повысить арендные цены на земли»¹²⁸. Таким образом, ликвидировав зачатки собственного капиталистического хозяйства, латифундии путем сдачи земли в погодную или долгосрочную аренду и подъема арендных цен отнимали даже те скромные возможности для развития крестьянского хозяйства, которые создавались в результате начавшегося улучшения рыночной конъюнктуры.

В Орловской губернии земские обследования относятся к 80-м годам и лишь по Дмитровскому уезду — к 1893 г. Эта дата выходит за принятые хронологические рамки, но по Дмитровскому уезду имеется ценная для данного случая разработка материалов по помещичьему хозяйству.

Дмитровский уезд по засилью крупных латифундий занимал положение несколько выше среднего по губернии: 45,6% против 37,8% к наделной земле и значительно выше среднего по району (29%). Частное землевладение составляло в 1893 г. 89 тыс. дес., тогда как все наделное — немногим больше 106 тыс. дес. Из 89 тыс. дес. частновладельческой земли на долю латифундий размером свыше 400 дес. приходилось 79 тыс. дес. В аренду сдавалось 26,4% земли, причем преобладала краткосрочная аренда на один посев, часто за отработки. О способах обработки земли можно судить по данным таблицы 29.

¹²⁸ ЦГАДА, ф. Орловых-Давыдовых, оп. 1, д. 2592, л. 27—27 об.

Итак, чем крупнее имения, тем чаще применялась в них отработочная система, которая в целом преобладала в уезде. Потому и хозяйство велось на крайне низком уровне. «Культура хлебов является совершенно рутинная, традиционная, и попыток ввести более ценные, выгодные хлеба нигде не замечается» ¹²⁹. Плужная обработка земли встречалась редко. Даже в мелких имениях (50—200 дес.) на один плуг приходилось 30,8 дес. пашни, а в крупнейших — 103,2 дес., т. е. в 15—20 раз больше нормы ¹³⁰.

Т а б л и ц а 29

Способы обработки земли у частных владельцев Дмитровского уезда Орловской губернии *

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Число имений	У них земель в собственном пользовании, дес.	Имений, обрабатывавших землю	
			постоянными и повременными рабочими	сдельно и смешанно
50—200	45	3 460	31	7
200—400	18	419	8	9
400—1000	19	9 585	8	11
1000—5000	16	19 101	2	13
5000—10 000	1	3 759	1	—
Свыше 10 000	2	25 076	—	2
Итого . . .	101	61 400	50	42

* «Сборник статистических сведений по Орловской губернии», т. 7, вып. II. «Очерк среднего и крупного частновладельческого хозяйства Дмитровского уезда». Орел, 1893, стр. 45.

Да и этот инвентарь часто не использовался: «Во многих имениях, где есть плуги, не применяют их к обработке, а предпочитают сошную, как более легкую и дешевую» ¹³¹. Такая обработка «скорее и дешевле, в особенности тогда, когда выполняется крестьянским инвентарем за деньги или за угоidia» ¹³². «Весь навоз почти исключительно вывозится крестьянами или за выгон, или за исполную аренду, или за луга и т. д.» ¹³³ «Уборка ржи производится у большинства землевладельцев серпом и в редких слу-

¹²⁹ «Сборник статистических сведений по Орловской губернии», т. 7, вып. II. «Очерк среднего и крупного частновладельческого хозяйства Дмитровского уезда». Орел, 1893, стр. 18.

¹³⁰ Там же, стр. 28.

¹³¹ Там же, стр. 29.

¹³² Там же, стр. 18.

¹³³ Там же, стр. 31.

чаях, если рожь плоха, косят, жнитво обеспечивается с зимы по известной определенной цене»¹³⁴, т. е. на жатве применялись отработки второго рода (пешими рабочими) с кабальной зимней наемкой.

Но и здесь первичная обработка пашни, как и везде, проводилась уже преимущественно своим инвентарем и наемными рабочими. Из 29,2 тыс. дес. запашки крестьяне сдельно и за угоды обрабатывали 10,8 тыс. дес., т. е. немногим более $\frac{1}{3}$. Если же учесть трудоемкую работу по вывозке навоза и уборке, преобладание отработок окажется несомненным.

Крупнейшие имения общей площадью 39 692 дес. принадлежали вел. кн. Сергею Александровичу, царю и гр. А. В. Орлову-Давыдову.

Сохранилось описание имения Глоднево, принадлежавшего Орлову-Давыдову. В 90-х годах имение успешно преобразовывалось в капиталистическую экономию. Из 5553 дес. пашни собственный посев составлял свыше 2700 дес., в том числе 600 дес. занято под картофель для своего винокуренного завода. «Все работы производятся своим инвентарем, кроме уборки хлебов и копки картофеля... Весь мертвый инвентарь очень хорош»¹³⁵. В имении было 376 волов и 155 лошадей. Но и это хозяйство не отрешилось от крепостнической кабалы. Часть земли сдавалась крестьянам. «Уступка этой части вызвана удаленностью участков, расположенных вблизи крестьянских наделов. Большинство из них сдается под отработку, часть же сдается за деньги по цене от 3 до 5 руб. за десятину при 3-польном хозяйстве»¹³⁶.

Для помещиков отработки все еще были выгодным способом ведения хозяйства. При сдельной обработке десятина озимого обходилась в 7—8 руб., а своими рабочими — 10—11 руб. «Таким образом, полная сдельная обработка 1 дес. обходится дешевле обработки земли своим инвентарем и рабочими; вот почему полного батрацкого хозяйства совершенно нет и владельцы стараются как можно больше утилизировать крестьянский труд, оставляя на экономических рабочих самую небольшую часть работы»¹³⁷.

Следует обратить внимание на последнюю часть приведенной выдержки. Владельцы озабочены больше всего не тем, как перейти к более совершенным и прогрессивным формам хозяйствования, а тем, чтобы «как можно больше утилизировать крестьянский труд» с крестьянским же скотом и инвентарем. Таким образом, помещичье хозяйство, развивающееся по прус-

¹³⁴ Там же, стр. 32.

¹³⁵ ГИАМО, ф. 652 (Фортулатова), оп. 1, д. 465, л. 12—12 об.

¹³⁶ Там же, лл. 11 об.—12.

¹³⁷ «Сборник статистических сведений по Орловской губернии», т. 7, вып. II, стр. 43. (Курсив мой.— А. А.).

скому пути, стремится к расширению сферы полукрепостнической эксплуатации крестьян, по крайней мере к консервированию или сохранению ее в максимально возможных пределах. Такое имение даже при перевесе капиталистических форм обработки земли не перестает быть источником полукрепостного гнета крестьян, которые еще не разорились и не перешли в сферу капиталистической эксплуатации. Это мы и видели в имении Глоднево.

По другим уездам в нашем распоряжении имеется лишь несколько описаний наиболее крупных имений или «выдающихся» хозяйств. Они, конечно, не могут представлять хозяйство целой губернии, но дают некоторое представление об экономической действительности своего времени.

На территории двух нечерноземных уездов, Севского и Трубчевского, привольно расположилось крупнейшее владение Центрально-черноземной зоны — Брасовское имение вел. кн. Георгия Александровича. Всего в имении было 100 тыс. дес. земли. Из 11 тыс. дес. пахоты 1100 дес. засевалось картофелем для своих двух винокуренных заводов. Большие площади земли сдавались на один посев крестьянам по цене «от 3 до 5 руб. за яровое и от 4 до 7 руб. за озимое, но не на деньги, а за работу»¹³⁸. Тут важно отметить, что за денежной расценкой арендной платы крылась все та же отработочная система.

В Брянском уезде «имение г. Евстафьева сильно ушло вперед сравнительно с другими имениями той же полосы Брянского уезда, так как в последних, за немногими исключениями, хозяйство ведется самым примитивным способом»¹³⁹. Но и здесь часть земли сдавалась за отработки.

Новый, еще не отмечавшийся нами элемент хозяйствования помещиков находим в описании экономии А. И. Дриля того же уезда. Здесь «практикуется система отработок, на что крестьяне охотно соглашались, так как деньги для них всегда очень дороги. На таких условиях экономия продает различные продукты: хлеб, картофель, капусту, творог, молоко и т. д. С этою же целью экономия выговаривает себе известное число рабочих дней при отдаче крестьянам земли исполу. Сдельных работ в экономии тоже много, но деньгами они оплачиваются редко, так как большей частью исполняются также в виде отработок... На все сдельные работы крестьяне являются со своим инвентарем и скотом»¹⁴⁰. Из 792 дес. пахотной земли экономия обрабатывала (конечно, отработками) 219 дес., часть сдавала в аренду, а 412 дес. — крестьянам исполу¹⁴¹. Как видим, в хозяйственной практике помещиков средством обеспечения имения рабочими руками были и ссуды хлебом и разными другими продуктами.

¹³⁸ «Описания отдельных русских хозяйств», вып. II. СПб., 1897, стр. 4.

¹³⁹ Там же, стр. 21.

¹⁴⁰ Там же, стр. 23.

¹⁴¹ Там же, стр. 25.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И СИСТЕМА ВЕДЕНИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

(Продолжение)

В эту главу, являющуюся по предмету исследования продолжением предыдущей, выделен ряд районов, значительно отличающихся от уже описанных. Здесь не встретится того однообразия в организации помещичьего хозяйства, с каким мы до сих пор имели дело. Рассматриваемая здесь громадная зона Европейской России характеризуется наличием всех ступеней капиталистической эволюции.

Часть губерний этой зоны ничем принципиально не отличается по организации хозяйства от Черноземного центра (например, Казанская, Пензенская, Симбирская, Черниговская). Губернии Нижнего Поволжья и Степного Заволжья представлены большим числом капиталистически организованных хозяйств преимущественно зернового производства (Саратовская, Самарская, Оренбургская губернии). Предметом изучения будут хозяйства районов высокоразвитого аграрного капитализма — Северного Кавказа и Юга Украины, а также промышленно-сельскохозяйственные предприятия в основных губерниях свекловичного района — Харьковской, Полтавской, Подольской. Наконец, материал дает возможность, правда, весьма ограниченную, познакомиться с системой хозяйства районов, где наиболее отчетливо проявлялись черты развития капитализма типично прусского пути: Юго-запад, Запад Белоруссии, Прибалтика. Самостоятельный интерес представляет выяснение общих черт организации и эволюции систем помещичьего хозяйства в едином процессе развития капитализма и специфических особенностей, отражающих различие экономических условий в разных зонах огромной территории страны.

В Поволжье встречались все известные нам способы ведения хозяйства. К сожалению, из-за состояния источников рассмотреть их в подробностях, на массовом материале не представляется возможным. Придется несколько выйти за хронологические рамки исследования.

В Казанской губернии сплошное подробное обследование частновладельческих хозяйств было проведено по девяти уездам в 80-х годах, двум уездам — в 1890 г. и по одному — в 1891 г. Общий свод данных обследования издан в 1896 г. Обработав его, мы получаем материал, характеризующий исходный для нашего периода уровень развития частновладельческого хозяйства губернии.

Крестьяне Казанской губернии, как и всюду, были ограблены реформой 1861 г.: 16% крестьянских хозяйств получили менее 3 дес. на ревизскую душу, 73% — от 3 до 7 дес. и только 11% хозяйств получили высший надел — 7 и более десятин на душу¹. В связи с ростом населения надел на наличную душу к 90-м годам значительно сократился. Испытывая острое малоземелье, крестьяне арендовали 260 тыс. дес. земли, из них у частных владельцев — 240 тыс. дес., у казны и удела — 20 тыс. дес.²

Больше всего частновладельческой земли было в пяти уездах — Чистопольском, Спасском, Лаишевском, Казанском и Свияжском, на долю которых приходилось 85,2% всех удобных частновладельческих земель и 87% пашни; 20,5% имений, находившихся в остальных семи уездах, владели 14,8% удобной земли. Целыми имениями было сдано в аренду лишь 7% земли, т. е. преобладали имения, сочетавшие собственное хозяйство со сдачей земли в аренду³. На указанные пять уездов приходилось 88,9% всей арендовавшейся крестьянами земли⁴.

Условия, на которых сдавалась помещичья земля в аренду, видны из таблицы 30.

Картина, таким образом очень выразительная и весьма своеобразная. Чем крупнее имения, тем шире практиковалась ипотека, достигая в высшей группе хозяйств 58,7% всех яровых и озимых посевов, и тем меньшая доля пашни обрабатывалась за счет владельца. Широкое распространение ипотеки отличает Казанскую губернию от земледельческого центра содельной оплатой в одних и отработками за землю в других его губерниях. Денежная аренда пашни встречалась редко и еще реже — аренда за отработки.

¹ «Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая». Казань, 1896, стр. 415.

² Там же, стр. 419.

³ Там же, стр. 393—394.

⁴ Там же, стр. 419.

На материалах Казанской губернии мы получаем возможность еще раз проверить правильность наших наблюдений о характере землепользования и хозяйства у разных сословных групп. Таблица 31 показывает, что у дворян доля пашни в собственной запашке нарастает, при небольших отклонениях, с увеличением площади имений вплоть до группы 400—500 дес., затем резко снижается, составив в самых крупных имениях 9% по озимым и 7,3% по яровым хлебам. Доля пашни, сдаваемой исполу, достигает максимума (55—68%) в группах от 500 до 5000 дес. Самые крупные владельцы мало интересовались хозяйством, поэтому и в испольную обработку сдавали меньше пашни (28—31%), предпочитая извлекать доход из своих огромных владений в виде денежной арендной платы. В целом у дворян преобладала испольщина, собственная запашка занимала всего лишь 31,7% пашни.

Т а б л и ц а 30

Землепользование в частновладельческих хозяйствах Казанской губернии *

Размер запашки, дес.	Число имений	Всего озимого и ярового, дес.	В собственной запашке		Сдается в аренду					
					исполу		за отработки		за деньги	
			дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%
До 100	774	16 021	8 852	55,3	4 772	17,6	—	—	2 397	27,1
100—500	414	68 735	29 630	43,1	30 380	44,2	572	0,8	8 153	11,9
Свыше 500	190	140 781	41 687	29,6	82 705	58,7	2491	1,8	13 898	9,9
И т о г о . .	1378	225 537	80 169	35,5	117 857	52,3	3063	1,4	24 448	10,8

* «Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая». Казань, 1896, стр. 406.

Характерны данные об имениях купцов и крестьян. В собственной запашке у тех и у других было чуть больше половины озимых и меньше половины яровых полей. Почти половина пашни у купцов и более $\frac{1}{3}$ у крестьян было в испольной обработке. Сдача в денежную аренду у крестьян была столь же редкой, как у дворян, а у купцов — еще вдвое реже. Таким образом, мы снова убеждаемся в том, что землепользование у купцов и крестьян отличалось от дворянского лишь количественными показателями, сохраняя принципиальные качественные характеристики. Зачислять все земельные площади, приобретенные купцами и крестьянами, в разряд капиталистической земельной собственности было бы явной ошибкой.

Таблица 31

**Способы эксплуатации пашни в частновладельческих хозяйствах
Казанской губернии ***

Размер запашки, дес.	Число хозяйств	Всего пашни, дес.	Из каждых 100 дес. озимого				Из каждых 100 дес. ярового			
			в собст- венной запаш- ке	сдается			в собст- венной запаш- ке	сдается		
				испо- лу	за отра- ботки	за день- ги		испо- лу	за отра- ботки	за день- ги
Дворяне										
0—10	9	59	37,4	16,0	—	46,6	37,4	16,0	—	46,6
10—50	32	950	10,6	38,4	—	51,0	10,5	38,7	—	50,8
50—100	55	4 196	23,6	46,4	—	30,0	21,7	47,9	—	30,4
100—200	93	14 198	33,3	49,2	0,2	17,3	30,4	51,2	0,2	18,2
200—300	76	19 010	35,2	48,5	1,1	15,2	25,8	58,2	1,8	14,2
300—400	54	18 438	37,1	45,6	0,1	17,2	28,2	51,4	3,5	16,9
400—500	45	20 236	45,9	48,9	0,5	4,7	41,9	51,4	0,2	6,5
500—1000	98	70 308	27,9	64,8	0,4	6,9	23,9	68,4	0,4	7,3
1000—2500	55	86 357	32,5	55,8	3,3	8,4	26,9	61,5	2,9	8,7
2500—5000	7	23 281	31,1	55,3	—	13,6	27,8	58,2	—	14,0
Свыше 5000	2	11 373	9,0	31,4	—	59,6	7,3	28,6	—	64,1
И т о г о:	526	268 406	31,7	55,2	1,3	11,8	26,8	59,4	1,4	12,4
Купцы	104	29 774	51,0	41,6	1,7	5,7	46,5	46,2	1,7	5,6
Крестьяне	523	18 094	52,0	35,8	0,7	11,5	47,4	40,4	0,8	11,4

* «Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая», стр. 396—399.

Данные о способах обработки пашни, не сдаваемой в аренду, имеются по очень небольшому числу преимущественно крупных дворянских хозяйств. Нам необходимо рассмотреть их главным образом с точки зрения методики данного исследования (см. табл. 32).

Не известно, соблюдались ли при отборе хозяйств условия репрезентативности по группам. К тому же сама группировка по собственной запашке не дает представления о величине имений в целом, — в среднем имении запашка могла быть больше, чем в крупном. Поэтому мы не вправе распространять приведенные данные на всю губернию. Но если условно допустить, что цифры таблицы 32 отражают действительное положение дел, мы должны были бы отнести Казанскую губернию к числу районов с преобладанием смешанной обработки помещичьей земли, даже с некоторым перевесом в сторону капиталистического способа. Однако доля собственной запашки у дворян составляла

Таблица 32

Способы обработки пашни в дворянских имениях Казанской губернии *

Размер собствен- ной запашки (в трех полях), дес.	Число исследо- ванных имений	Всего озимого и ярового поля, дес.	В том числе обрабатывается					
			Только постоянными рабочими и инвентарем		Только крестьянским инвентарем		Частью посто- янными раб., частью крест. с инвентарем	
			дес.	%	дес.	%	дес.	%
До 100	79	2 744	950	34,6	832	30,3	962	35,1
100—200	55	6 451	1318	20,4	1769	27,4	3 364	52,2
Свыше 200	81	30 395	9772	32,1	4406	14,5	16 217	53,4
Итого:	215	39 590	12 040	30,4	7007	17,7	20 543	51,9

* «Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая», стр. 409.

всего лишь 31,7% пашни; ее капиталистически обрабаты-
ваемая часть не превышала, следовательно, 20%. Остальные 11,7% пашни должны быть отнесены на долю отработочной системы. Прибавляя к ним 55,2% пашни, сдававшейся исполу, и 1,3% — за отработки, получим, что отработочная система охватывала 68,2%. Сюда же следовало бы присоединить и какую-то долю денежной аренды, поскольку и она в значительной мере была голодной, кабально-крепостнической, а арендная плата нередко заменялась, целиком или частично, отработками. Этот несколько условный расчет свидетельствует, что в собственном хозяйстве помещиков губернии преобладание получал капиталистический способ его ведения, но, учитывая все площади, мы видим, что помещичье хозяйство здесь держалось больше крепостническо-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства.

Мы рассмотрели выше лишь пользование пашней, даже без пара. Между тем пар наряду с собственно пастбищами обычно сдавался крестьянам под выпас скота. На каких условиях сдавались пастбищные угодья, видно из следующих данных: ⁵

Зарегистрировано случаев аренды частновладельческих пастбищ 404

Из них:

с платой деньгами	65
за отработки	340
бесплатно, в дополнение к исполной аренде	46

⁵ Там же, стр. 465.

Итак, при сдаче пастбищ явное преобладание оставалось за отработками. В описании говорится, что отработки назначаются «с целой общины, которая уже внутри себя производит раскладку „по дворам“, „тяглам“ и чаще всего „чередам“ между своими членами»⁶.

Сдавая пастбища за отработки, помещики получали большую выгоду. «В Чистопольском уезде, переводя работу на деньги, пастьба череда ценится в 1 р. 30 к., в 1 р. 80 к. и даже в 4 руб., между тем как при денежной аренде за тот же черед редко платят 1 р. 50 к., в большинстве же случаев — от рубля до пятидесяти копеек»⁷.

Испольщина преобладала и в соседней Пензенской губернии. К сожалению, у нас нет никаких статистических материалов, характеризующих систему ведения помещичьего хозяйства, поэтому ограничимся лишь некоторыми сопоставлениями. По переписи 1916 г., посевная площадь в губернии составляла 1195,9 тыс. дес., из которой на долю частновладельческого хозяйства приходилось 152,6 тыс. дес., или 12,8%. По данным выборочной переписи 1910—1912 гг., крестьяне арендовали у частных владельцев площадь, составлявшую 15,7% всего крестьянского землепользования⁸. Если принять этот процент для всей посевной площади, то окажется, что крестьяне засевали 186 тыс. дес. арендованной помещичьей земли. По нашим расчетам, предпринимательская капиталистическая аренда у крестьян Пензенской губернии занимала около 16%⁹. Следовательно, свыше 150 тыс. дес. арендованных крестьянами посевных площадей составляла кабатно-крепостническая аренда.

Помещики тоже не всю свою площадь обрабатывали капиталистически. И хотя мы не знаем, каким процентом выражалась эта доля, из одного сопоставления цифр совершенно ясно, что на большей части посевной площади частных владельцев преобладала мелкая крестьянская культура и некапиталистические формы эксплуатации крестьян. При этом опять-таки надо принять во внимание аренду пастбищ, выгонов и лугов, которые, как правило, сдавались преимущественно на отработочно-испольных началах.

Относительно системы ведения помещичьего хозяйства мы можем сослаться лишь на свидетельства описательного характера. Так, в заключении губернского совещания по пересмотру закона 1886 г. говорилось: «Все перечисленные виды найма существуют в губернии, преобладает же наем (крестьян.— А. А.) из

⁶ «Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая», стр. 467.

⁷ Там же.

⁸ А. М. Анфимов. Земельная аренда в Европейской России в начале XX века. М., 1961, стр. 44.

⁹ Там же, стр. 105.

части урожая, усилившийся за последнее время вследствие значительного падения цен на хлеб и сельскохозяйственные произведения»¹⁰. В обзоре аграрного движения 1905—1906 гг. обо всем Приволжском районе говорилось: «Исполная аренда в рассматриваемом районе практикуется в очень широких размерах. Но некоторые корреспонденты отмечают, что за последние 10 лет батрачный труд начал постепенно вытеснять исполые»¹¹.

Были в губернии передовые, капиталистические экономии, но показательна даже сама скудость сведений о них. Явно преобладали имения с отработочно-исполной системой хозяйства. Сбежавший из одного такого имения практикант московской земледельческой школы (дел ему, как специалисту, не нашлось) писал своему директору В. А. Бекетову: «23 августа 1904 г. я уехал из имения гр. Федора Алексеевича Уварова Пензенской губ. Чембарского уезда (В тексте ошибочно: Чернышевского у.— А. А.) по следующим обстоятельствам:

- 1) Обработка производится на счет крестьянского инвентаря, т. е. сохами при количестве 22 тыс. десятин.
- 2) Уборка серпом и косами.
- 3) Инвентаря никакого (кроме молотилки).
- 4) Счетоводства — нет»¹².

По Симбирской губернии тоже не проводилось массовых статистических описаний частновладельческих хозяйств. В заключении губернского совещания по пересмотру закона 1886 г. в общей форме сказано: «В прежнее время преобладающим видом найма можно было считать наем рабочих сроковых, но теперь, при падении хлебных цен и вызываемом этим упадке земледельческой культуры, число сроковых рабочих во владельческих экономиях значительно сокращено и преобладающими начинают становиться работы сдельные и исполные»¹³.

И в начале XX в. отработки представляли для помещиков привлекательный своей дешевизной способ хозяйствования. «Саратовская земская неделя» в 1905 г. в статье «Симбирские крестьяне» писала, что «крестьяне часто... берут под работу землю у помещиков. Наем в таких случаях производится задолго до наступления весны, когда хлеб у крестьянина выйдет весь и кормиться станет ему нечем»¹⁴. Обычным явлением была и обработка кругов (сдельный наем). «В Симбирском уезде помещики сдают крестьянам землю под обработку кругами (=2 дес. по

¹⁰ «Сборник заключений по вопросам, относящимся к пересмотру Положения 12 июня 1886 года о найме на сельские работы», ч. I. «Заключения губернских совещаний». СПб., 1896, стр. 5.

¹¹ «Аграрное движение в России в 1905—1906 годах», т. 1. СПб., 1908, стр. 97—98.

¹² ГИАМО, ф. 472 (Московской земледельческой школы), оп. 1, д. 8СЗ, л. 1.

¹³ «Сборник заключений...», стр. 22.

¹⁴ «Саратовская земская неделя», 1905, № 4, стр. 6.

60×60 саж. каждая, т. е. в общем 3 каз. дес.) за 16 руб., а когда можно, *в годы недорода*, то и по 13 руб. Между тем, если нанимать рабочих весной, то обработка того же клочка земли обойдется значительно дороже», а именно, десятина — в 21 руб., «а весь круг — в 63 руб. Иными словами, за какие-нибудь полгода выскиваются огромные проценты под выданной задаток»¹⁵. Ростовщическая природа помещичьего хозяйства характеризует-ся этим весьма выразительно.

С начала XX в. капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства усилилась и в Симбирской губернии. Не миновала она даже такое закоснелое в крепостничестве хозяйство, как Вязовская вотчина Самариных (Сызранский уезд). Но посмотрим, в каких причудливых и уродливых формах шла эта эволюция.

В годы сельскохозяйственного кризиса экономическая запашка была здесь невелика, причем подавляющее большинство работ, если не все они, производилось инвентарем и скотом окрестных крестьян, опутанных долгами, обязанных отработками. 9 декабря 1900 г. управляющий имением доносил С. Д. Самарину: «В прежнее время перевозка (сена.— А. А.) производилась на своих лошадях,— впрягали лошадей 10, и ежедневно переваживалось до 30 возов, так что за неделю перевезут много, нынче же своих лошадей нет и возить не на чем»¹⁶. Действительно, в отчете по имению за 1900 г. находим, что в усадьбе и на трех хуторах имелось всего 15 лошадей, которыми можно было обеспечить лишь разъезды служащих и работы по двору. Все остальные хозяйственные операции должны были производиться крестьянскими лошадьми¹⁷.

Новые условия заставили владельца сделать некоторые шаги вперед. В имении заметно изменился характер землепользования, что видно из следующих сравнительных данных за 1902 и 1908 гг. (табл. 33).

Обращает на себя внимание прежде всего то, что в имении к 1908 г. прекратилась совсем сдача пашни за деньги и сдавалось лишь 309 дес. покоса. По-видимому, часть земли пришлось пустить под залежь или толоку в надежде сдать затем исполу, и поэтому большую часть земли (1292,9 дес.) сдали крестьянам под пастбища. Пришлось отказаться и от сдачи земли за отработки. Однако отработочная система не перестала применяться, она лишь изменила форму. Если в 1902 г. крестьянам сдавалось в испольную обработку 274 дес. пашни и 480 дес. покоса, то в 1908 г. исполу сдавалось уже 865 дес. пашни и 320 дес. покоса. Испольщина, таким образом, значительно воз-

¹⁵ «Саратовская земская неделя», 1905, № 4, стр. 6. (Курсив мой.— А. А.).

¹⁶ ЦГАДА, ф. Самариных, оп. 1, д. 433, л. 9.

¹⁷ Там же, д. 467, л. 41.

росла, особенно по пашне. Имение лишилось значительных доходов от денежной аренды, зато стало получать намного больше хлеба, производимого исполщниками: в 1900 г. владелец получал от исполного посева пшеницы 5314 пудов¹⁸, а в 1909 г. — 62 814 пудов¹⁹. Вероятно, в 1909 г. исполные посевы были еще

Т а б л и ц а 33

Землепользование в Вязовской вотчине Самариных
в 1902 и 1908 гг. (в дес.) *

	1902 г.	1908 г.
Сдано пашни и покоса за деньги . .	1425,8	309,0
» » » за отработки	383,9	—
» » » исполу	754,4	1184,7
» земли под пастбища	—	1292,9
Итого	2564,1	2786,6
В собственном хозяйстве: посев . . .	272,0	394,0
» » пар . . .	137,0	287,0
» » покос . .	475,0	463,0
» » пастбище .	388,0	527,0
Итого	1272,0	1671,0
Всего	3836,1	4457,6

* ЦГАДА, ф. Самариных, оп. 1, д. 514, лл. 18 об. — 19; там же, д. 568, лл. 8 об. — 9.

более расширены за счет земли, использовавшейся в 1908 г. как пастбище.

Экономическая запашка увеличилась с 272 дес. в 1902 г. до 394 дес. в 1908 г. По отношению к общей площади пашни она возросла всего лишь с 11% до 14%, т. е. увеличивалась в среднем на 0,5% в год. Заметна, однако, тенденция к расширению запашки: как и в 1902 г., в 1908 г. оставлялись площади под паром, превышавшие половину засеянной площади. Сбор пшеницы с экономического посева, составляющий в 1900 г. 11 610 пудов²⁰, увеличился в 1909 г. до 58 549 пудов²¹. Расширение экономиче-

¹⁸ Там же, л. 44 об.

¹⁹ Там же, д. 587, л. 28 об.

²⁰ Там же, д. 467, л. 44 об.

²¹ Там же, д. 587, л. 28 об.

ской запашки и сокращение обработок потребовало увеличения рабочего скота: в 1900 г. в имении было только 15 лошадей, а в 1909 г.— 46 лошадей и 135 волов²². С этим, по-видимому, связано и расширение собственных пастбищ с 388 до 527 дес. Возможно, увеличилось и поголовье продуктивного скота.

Таким образом, если у Самариных и наметился переход от отработочной системы к капиталистической, то совершался он очень медленно. При таких «темпах» для перестройки потребовались бы десятилетия. В связи с развитием капиталистической формы ведения хозяйства полукрепостнические отношения помещика с крестьянами в виде обработок видоизменялись, но воспроизводились в форме испольщины — разновидности тех же обработок, но лучше отвечавшей стремлению помещика получить большее количество товарного хлеба. Указанное ни в коем случае нельзя считать признаком улучшения положения крестьян окружающих деревень. Тот факт, что все меньшая часть их имела возможность арендовать землю за деньги и вынуждена была переходить на испольщину, доказывает дальнейшее снижение хозяйственной состоятельности основной массы крестьян.

По Саратовской губернии источники освещают землепользование и лишь косвенно, намеками говорят о систе-

Таблица 34

Землепользование дворян и купцов Саратовской губернии
(Обследование 1897—1900 гг.) в % *

Группа хозяйств по землевладению, дес.	Своя запашка		Сдача исполу		Сдача у всех владельцев	
	у дворян	у купцов	у дворян	у купцов	долго- срочно	на один посев
50—100	13	36	2	4	33	13
100—250	15	34	9	12	37	17
250—500	18	23	16	13	34	23
500—1000	25	30	20	17	31	22
1000—5000	33	38	20	14	20	28
Свыше 5000	42	35	13	17	14	31
Итого . . .	34	35	17	15	Нет свед.	Нет свед.

* «Материалы для оценки земель Саратовской губернии», вып. II. «Эксплуатация пашни в частновладельческих хозяйствах и внепашенные аренды». Саратов, 1905, стр. 22, 100.

²² ЦГАДА, ф. Самариных, оп. 1, д. 467, л. 41; д. 587, лл. 60, 62.

мах ведения хозяйства. Суммарные сведения о землепользовании были приведены в начале настоящей главы. Был сделан и важный вывод о том, что крупные арендаторские хозяйства мы вправе рассматривать как однотипные с хозяйствами помещиков на их собственной земле. На более детальном материале рассмотрим характер землепользования у разных по классовой принадлежности групп землевладельцев — дворян и купцов (табл. 34).

Таблица 34 дает нам возможность еще раз убедиться, что сословная принадлежность и способ приобретения земли сами по себе еще ничего не говорят о характере землевладения. А данные о землепользовании со всей очевидностью свидетельствуют, что нет решительно никаких принципиальных различий между землевладением дворян и купцов. Таблица показывает далее, что главным источником кабарно-крепостнической одно-годовой аренды являлись наиболее крупные имения.

Из табл. 19 (см. стр. 86) видно, что земля частных владельцев (свыше 50 дес.) распределялась следующим образом:

	Тыс. дес.	%
Всего пашни	859,0	100
В своей запашке	299,2	35
Сдано за деньги:		
на один посев	230,9	27
долгосрочно	187,5	22
Сдано исполу	141,4	16
Итого сдано	559,8	65

Итак, 43% пашни находилось в крепостнической аренде на один посев и исполу. В значительной мере такой же характер имела и долгосрочная аренда. Во-первых, в губернии была широко развита передача арендованной земли крестьянам по ценам, превышавшим те, по которым крестьяне арендовали земли у помещиков. Так, у владельцев крестьяне снимали землю в среднем по 7 р. 67 к., а у крупных арендаторов — по 9 р. 04 к.²³ Во-вторых, во многих случаях в долгосрочную аренду зачислялась аренда на один севооборот (2 — 3 года), мало отличавшаяся по условиям от краткосрочной.

Если затем из площади собственной запашки исключить ту часть, которая обрабатывалась при помощи крестьянского инвентаря, то и здесь окажется, что большая часть помещичьей земли служила средством полукрепостнической эксплуатации крестьян, хотя в самом помещичьем хозяйстве, очевидно, уже преобладала капиталистическая форма земледелия.

²³ «Материалы для оценки земель Саратовской губернии», вып. II. «Эксплуатация пашни в частновладельческих хозяйствах и внеадельные аренды». Саратов, 1905, стр. 70.

О системе хозяйства у помещиков, как уже сказано, точных данных нет. Имеется очень небольшое число корреспондентских сообщений, собранных в 1904 г. губернской земской управой ²⁴:

	Число сообщений	%
Капиталистическая запашка	71	50,4
Смешанная (экономическая запашка со сдачей земли в натуральную аренду)	53	37,6
Натуральная аренда	17	12,0

Данные указывают на преобладание капиталистического способа ведения хозяйства у помещиков.

Капиталистическую эволюцию хозяйства можно проследить и на статистических материалах. Так, имения по количеству десятин собственной запашки, приходившейся на одну голову рабочего скота, распределялись следующим образом ²⁵:

Запашки на 1 голову рабочего скота	Число имений	Собственная запашка, дес. 1897/98 г.	1903 г.
14 дес. и более	51	21 272	17 603
10—14 »	37	23 643	19 698
8—10 »	42	24 775	26 794
менее 8 »	97	38 249	47 515
Итого: . . .	227	107 939	111 610

Приведенные данные собраны по наиболее отсталому в смысле капиталистического развития Северо-западному району (Сердобский, Балашовский, Петровский и Аткарский уезды). Однако и они показывают, как ослабевала зависимость помещичьего хозяйства от крестьянского скота. «Перед нами, таким образом, процесс приспособления (отчасти стихийный, отчасти сознательный) частновладельческого хозяйства к капиталистическому и притом рациональному хозяйству» ²⁶. Но преобладающим все же оставалось сочетание капиталистического хозяйства с обработками, испольщиной и сдачей земли. Сказанное относится даже к хозяйствам с промышленной переработкой продуктов. Так, в имении кн. Л. Д. Вяземского (Балашовский уезд) с собственным винокуренным заводом «почти $\frac{1}{3}$ распашной площади экономия сдает крестьянам села Аркадак... За деньги сдается обыкновенно малая часть земли, около $\frac{1}{3}$ всего количества, по цене 12 — 15 руб. за десятину, большая же часть сдается за отработку» ²⁷. Далее читаем, что, «сдавая большую часть за отра-

²⁴ Е. Дюбюк. Экономическая запашка и испольный посев. (По отзывам местных жителей).— «Саратовская земская неделя», 1905, № 10, отд. V, стр. 1.

²⁵ «Саратовская земская неделя», 1904, № 6—7, отд. V, стр. 7.

²⁶ Там же, стр. 8.

²⁷ «Вестник сельского хозяйства», 1906, № 6, стр. 15.

ботку, экономия выигрывает, обеспечивая себя рабочими руками в горячее время, а это очень важно ввиду громадной площади картофельных посевов экономии, требующих массы рабочих рук»²⁸.

Очень скудны сведения по Самарской губернии. Известно, что в южных уездах — Новоузенском и Николаевском — преобладало капиталистическое земледелие, тогда как в средних и северных широко практиковалась отработочная система. Большие площади сдавались в аренду. Судя по корреспондентским сообщениям, в 1911 — 1913 гг. крестьяне арендовали под яровой посев за деньги 62—69% земли, за деньги и из доли 28 — 34%, из доли и за отработки 3 — 5%²⁹. Денежная аренда была преимущественно краткосрочной (на один посев), долгосрочная составляла всего 16—22%³⁰. О преобладающей системе хозяйства можно судить, в частности, по тому, что «господствующей формой найма является сдельный наем... При этом в громадном большинстве случаев рабочие нанимаются на сельскохозяйственные работы *со своим скотом, со своим инвентарем и чаще на своих же харчах, чем на харчах хозяина*»³¹.

Сравнительных данных, характеризующих эволюцию помещичьего хозяйства в целом по губернии, не имеется. Только по отдельным хозяйствам мы можем проследить происходившие процессы.

Изменение землепользования в комплексе имений графов А. А. и В. А. Орловых-Давыдовых показано в таблице 35.

В течение десятилетия в имениях шло усиленное сокращение площади земли, занятой в собственном хозяйстве. В Усольской и Жигулевской вотчинах (Сызранский уезд Симбирской губернии) эта площадь сократилась с 17 153 дес. до 10 593 дес., в Рязанове-Городище и Борковке (Ставропольский уезд Самарской губернии) с 16 487 дес. до 8 081 дес. В Икорецкой и Каменной степях (Воронежская губерния), как отмечалось выше, собственное хозяйство было ликвидировано еще раньше — в 1910 г. здесь сдавалось в аренду 25 075 дес. Только в Натальинской вотчине (Самарский уезд) площадь своего хозяйства почти не изменилась (3770 и 3706 дес.), а в подмосковном лесном имении Отрада (с. Семеновское Серпуховского уезда) был некоторый рост (с 340 до 383 дес.). По всем имениям собственное хозяйство сократилось с 37,9 тыс. до 23,1 тыс. дес., т. е. на 30,1%.

В то же время увеличивалось число построек, инвентаря, скота. Стоимость основного капитала (без земли) увеличилась

²⁸ Там же.

²⁹ «Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1911—1913 гг.», Самара, 1915, стр. 164.

³⁰ Там же, стр. 167.

³¹ Там же, стр. 197.

Землепользование в имениях А. А. и В. А. Орловых-Давыдовых *

Показатели	Единица измерения	1900 г.	1910 г.	1910 г. в % к 1900 г.
Всего удобной земли	дес.	171 610	170 786	99,5
То же без леса	»	117 596	118 647	100,9
Земля, занятая в своем хозяйстве (без леса)	»	37 871	23 051	60,9
Сдано в аренду по долгосрочным контрактам	»	17 128	15 029	87,7
Сдано на один год	»	50 029	74 437	148,8
Сдано исполу	»	7 112	657	9,2
Отведено бесплатно служащим, церкви и местному начальству	»	1 212	1 545	127,5
Сдано под рыбные ловли	»	2 213	2 213	100,0
Итого сдано:	дес.	77 694	93 881	120,8
Осталось без употребления	»	2031	1715	84,4
Земля, занятая в своем хозяйстве	%	32,2	19,4	—
Сданная земля	»	66,1	79,1	—
Земля, оставшаяся без употребления	»	1,7	1,5	—
Вложенный основной капитал	тыс. руб.	739,5	1193,4	161,5
На десятину земли в собственном пользовании	руб.	19,82	53,71	271,0

* ЦГАДА, ф. Орловых-Давыдовых, оп. 1, д. 2592, лл. 47—58; д. 2605, лл. 51—56; д. 2606, лл. 30—34.

с 739,5 до 1193,4 тыс. руб., т. е. на 61,4%. В связи с сокращением площади своего хозяйства капиталовложения на десятину возросли почти в три раза, с 19 р. 82 к. до 53 р. 71 к. Налицо своеобразный процесс интенсификации хозяйства за счет увеличения капитала и сосредоточения его на меньшей площади.

Прогрессивным явлением был почти полный отказ от эксплуатации. Зато противоположная — полукрепостническая, паразитическая — тенденция выразилась в некотором сокращении долгосрочной аренды и громадном (почти наполовину) росте сдачи земли в хищническую аренду на один посев.

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Левобережная Украина (Черниговская, Полтавская и Харьковская губернии) являлась своеобразным буфером между отработочным центром и капиталистическим югом и уже в силу

такого промежуточного положения изобиливала контрастами. Откровенно крепостническое ипольно-отрабочное хозяйство бесчисленных Коробочек Черниговской губернии сменялось в других губерниях рядом переходных форм к капиталистическому предпринимательству, представленному такими высокоорганизованными промышленно-сельскохозяйственными комбинациями, как «сахарная империя» Харитоненко, экономии-гиганты Мекленбург-Стрелицких и Кениг. Многообразие, мозаичность способов организации помещичьего хозяйства весьма затрудняют исследование. Но поскольку само это многообразие и есть наиболее характерная черта района, оно должно найти свое отражение.

Много любопытного мы найдем в Черниговской губернии. Крестьянское землевладение с купчими землями составляло здесь 3000,9 тыс. дес., частновладельческая земля 1053 тыс. дес. Особенность губернии состояла в том, что не огромные латифундии, а имения многочисленных последышей старого мелкопоместного дворянства составляли основную массу частного землевладения. Тем не менее у помещиков губернии явно преобладали кабально-крепостнические формы землепользования и хозяйства.

Помещик с агрономическим образованием, претендовавший на роль теоретика в области организации хозяйства, писал об Остерском уезде: «Частновладельческие хозяйства ведут свою обработку полей и все хозяйство самым примитивным образом. Преобладающая система — ипольная, и только в исключительных случаях делают небольшую собственную запашку»³². Не отличалось, в общем, положение и в других уездах. Даже в 1916 г. И. Дроздов, анализируя итоги сельскохозяйственной переписи, имел основание заключить: «Черниговская губерния принадлежит к тем российским губерниям, где царят, где преобладают голодные ренты, крепостническая ипольщина и прочие формы до- и полукapиталистической земледельческой экономической кабалы»³³.

Нет нужды в подробных доказательствах этого положения ввиду его полной очевидности. В данном случае важно еще раз обратить внимание, что оплотом докапиталистических форм угнетения черниговских крестьян были не крупнейшие и даже не крупные латифундии, а средние и мелкие владения. Не противоречит ли это ленинскому положению о том, что именно крупное землевладение было оплотом крепостничества, источником бесчисленных форм кабалы и угнетения крестьянства? Думается, что ни о каком противоречии в данном случае говорить не при-

³² В. Е. Краинский. Экономические и технические основы для организации средних и мелких хозяйств, ч. 1. Чернигов, 1903, стр. 17—18.

³³ «Экономическое обозрение», 1916, № 2, стр. 184.

ходится. Отмеченное явление свидетельствует лишь о том, что к анализу поземельных отношений нужно подходить с учетом характера землепользования, системы хозяйства, общих социально-экономических условий района и страны в целом. Именно благодаря господству в стране крупного землевладения и феодальной монархии было возможно существование таких очагов мелких земельных пиявок, которые преобладали, в частности, в Черниговской губернии. Такие факторы, как размеры и формы помещичьего землевладения, его доля во всем землевладении, даже сословная принадлежность земли действовали не сами по себе, а в исторически сложившихся условиях того или иного района.

Характер землевладения определяется только через анализ землепользования и системы хозяйства. Лишь такой подход дает возможность понять, почему, например, крупное землевладение Юго-западного края имело больше капиталистических черт, нежели мелкое владение центральных губерний.

На общем фоне сельского хозяйства выделялись лишь немногие капиталистически организованные экономии, причем сама эта организация была связана обычно с нуждами собственных сахарных и винокурных заводов. Таковы были, в частности, имения Харитоненко, Терещенко, Кочубей и некоторых других помещиков. В имении Дубовичи В. В. Кочубей (Глуховский уезд), насчитывавшем 1227 дес., в том числе 438 дес. пашни, 82 дес. сенокоса, 639 дес. леса, собственное хозяйство велось на 314 дес. пашни, исполу сдавалось 36 дес. Имелись свои лошади и волы, локомобиль с молотилкой, веялки, сортировки, 15 плугов. Пахотных орудий было явно недостаточно — чуть больше, чем на половину ярового посева. Возможно, следовательно, использование крестьянского инвентаря в обработке земли этого имения ³⁴.

Отметим такой любопытный факт, как различие в системах ведения хозяйства в имениях одного владельца, расположенных в разных районах. Ниже будет показано, что в имениях Терещенко, сконцентрированных главным образом в Юго-западном крае, велось типичное капиталистическое хозяйство. Одна экономия находилась в Черниговской губернии (Михайловский хутор). Несмотря на то что здесь был крупный сахарный завод, экономия, учитывая особенности района, широко пользовалась отработками, доводя до предела капиталистическую и кабально-отработочную эксплуатацию окрестного населения. В этом имении «земля, луга, даже работа предоставлялись за отработки» ³⁵.

³⁴ П. Э. Павлович. Дубовичи, имение Варвары Васильевны Кочубей Глуховского уезда Черниговской губернии. Киев, 1903, стр. 14, 21.

³⁵ А. Г. Михайлюк. Крестьянское движение на Левобережной Украине в 1905—1907 гг.— «Исторические записки», 49, стр. 169.

Мирно-Долинское имение было расположено в Южном степном районе (Херсонская губерния). Здесь выгоднее была подесятинная сдача земли крестьянам, и владелец не прилагал никаких усилий для организации своего хозяйства.

Полтавская губерния отличалась от Черниговской большим разнообразием условий и способов ведения помещичьего хозяйства. Оно было связано преимущественно с неравномерным размещением свеклосахарной промышленности. Без учета этого фактора земледелие было в основном однотипным. Н. Ф. Анненский относил всю губернию к зоне преобладания смешанной системы хозяйства.

Полтавское земство было едва ли не самым инициативным по части подворных описаний крестьянских хозяйств и не имело себе равных в отношении обследований частновладельческого хозяйства. Сплошные экспедиционные обследования проводились в 1889, 1900 и 1910 гг., не считая всероссийских переписей 1916 и 1917 гг. Большой материал был собран по помещичьему хозяйству. К сожалению, ввиду несопоставимости данных, мы не можем представить это хозяйство в динамике и вынуждены воспользоваться сводом данных за 1910 г., отличающимся громадным числом показателей, — отчасти даже излишних, представляющих своего рода статистическую роскошь.

К 1910 г. 5549 полтавских частных владельцев (свыше 50 дес. земли) имели 1069,1 тыс. дес., а 442,9 тыс. крестьянских хозяйств — 2681,1 тыс. дес. Первые владели в среднем по 193 дес., 351 крупный помещик — по 1460 дес. на каждого, тогда как на крестьянский двор приходилось в среднем по 6 дес. всех угодий³⁶. Крестьяне, распахав все, что можно превратить в пашню, и истощив ее ежегодными посевами, испытывали острую нужду в земле и особенно в сенокосах и пастбищах. Пользуясь исключительным земельным голодом, частные владельцы сдавали 361 тыс. дес.³⁷ Долгосрочная крестьянская аренда составляла 30%. Переноса этот показатель на помещичье хозяйство, можно считать, что в одногодичную аренду помещики сдавали около 250 тыс. дес. земли. В сводке показано, что кроме пашни и сенокоса помещики сдавали только 9 тыс. дес. «прочей удобной» земли. Столь мизерная цифра явно указывает на то, что в учет, как и везде, не попали громадные площади, находившиеся в собственном пользовании помещиков и одновременно сдававшиеся крестьянам под выпас скота: толока до засева ее озимым хлебом, отава после скоса травы на лугах, жнивье после уборки хлебов. А пастбища и здесь, как и во всех рассмотренных выше случаях, больше всего сдавались за отработку.

³⁶ «Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года. Свод по губернии». Полтава, 1914, стр. 388, 393, 406, 411.

³⁷ Там же, стр. 413.

В собственном пользовании частных владельцев было 569 тыс. дес. земли (вместе с арендованной), в том числе 387 тыс. дес. посевов, включая многолетние травы (6 тыс. дес.), остальная площадь приходилась на сенокос, толоку, ранний пар и пастбища³⁸. Учитывая смешанный способ обработки (частью своим, частью крестьянским инвентарем), а также сдачу до посева и после уборки, можно без всякой ошибки считать, что и здесь на землях помещиков преобладала мелкая крестьянская культура и лишь на сравнительно небольшой части площади велось капиталистическое хозяйство.

Кабально-крепостнический характер подавляющего большинства арендных сделок в Полтавской губернии не подлежит сомнению³⁹. Приведем два свидетельства современников. Даже в Константиноградском уезде, где земельная обеспеченность крестьян была выше, чем в других уездах, арендные цены достигали 20 и более рублей за десятину. Крестьянин Г. Балда, снимавший на год 6 дес. по 20 руб., произвел учет своим расходам и доходам. В итоге получился убыток по 13 р. 30 к. с десятины, которого не было бы только в том случае, если бы арендная плата была не 20 руб., а 6 р. 70 к.⁴⁰ О прибыли от аренды не могло быть и речи.

«Многим хозяевам, — писалось в местном журнале, — приходится брать землю, не считаясь со стоимостью арендной платы... Заработок в условиях деревенской жизни, если таковой существует, представляет из себя случайное явление и надеяться на него как на источник дохода в высшей степени рискованно. Только при наличии хлеба, полученного от собственного урожая, в какую бы цену он ни обходился, можно допускать возможное существование... Истощенные и засоренные земли, какие обычно только и сдаются в аренду, в редких случаях окупаются, и только в силу необходимости хозяин вынужден прибегать к аренде. Но и этого мало. Хозяева, дающие землю в аренду, не удовлетворяются высокой арендной платой и для того, чтобы обеспечить себя в жаркое жатвенное время рабочими силами, отдают земли по условию только за отработок откосом (уборкой хлеба.— А. А.). Этим еще больше повышают цены на аренду»⁴¹.

Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства в губернии заметнее всего была в имениях со свеклосахарными и винокуренными заводами. Едва ли не самым лучшим хозяйством было уже упоминавшееся Карловское имение герцогов Мек-

³⁸ «Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года. Свод по губернии», стр. 415—417.

³⁹ А. М. Анфимов. Земельная аренда в Европейской России в начале XX века, стр. 133—134.

⁴⁰ «Константиноградские сельскохозяйственные известия», 1915, № 3, стр. 11.

⁴¹ Там же, № 8, стр. 5.

ленбург-Стрелицких (Константиноградский уезд). В справочном издании «Вся Россия» о нем еще в 1899 г. писалось: «У нас трудно найти другое имение, в котором бы различные отрасли сельского хозяйства находились в таком прекрасном состоянии, как в Карловской экономии»⁴². Тогда в имении был только один винокуренный завод и паровая мельница. Впоследствии были построены три свеклосахарных, крахмальные и кирпичные заводы. Стоимость живого и мертвого инвентаря за 13 лет увеличилась с 671 тыс. руб. до 2314 тыс. руб.⁴³ В 1900 г. из 57 тыс. дес. земли засеивалось за счет владельца лишь 12,4 тыс. дес., большие площади сдавались крестьянам или представляли собой многолетние залежи и пастбища. К 1913 г. посевная площадь была доведена до 25,5 тыс. дес. В посевах большую долю (3760 дес.) стала занимать свекловица; основная торговая культура — пшеница — занимала огромную площадь — 12 тыс. дес. В несколько раз увеличилось число постоянных, сменных и поденных рабочих. Использование новейшей сельскохозяйственной техники, хорошо продуманные севообороты, внедрение в практику удобрений, в том числе и минеральных, своевременность и тщательность обработки и уборки обеспечивали высокие и устойчивые урожаи.

Все это, казалось бы, должно было привести к отказу от отработок. На деле этого не произошло. Вот как выглядели объемы уборочных работ в разное время⁴⁴:

	Убрано десятины			
	в 1893/94 г.	%	в 1913/14 г.	%
Экономией	581	5,0	13 383	51,7
Крестьянами	11 152	95,0	12 493	48,3
В том числе: из части урожая . .	348	—	800	—
отработками за землю и проч.	10 804	—	11 693	—

Таким образом, на уборочных работах, не говоря уже о пахоте и посеве, хозяйство от почти безраздельного господства отработок наполовину перешло к капиталистическому способу: доля земли, убранной крестьянами за отработку и из части урожая, с 95% сократилась до 48,3%. Прогресс отрицать невозможно. Однако к уборке урожая трудом наемных рабочих, своими машинами и инвентарем хозяйство переходило только на той площади, которую уже невозможно было убирать с помощью отработок, на которую уже не хватало наличных сил обязанных крестьян соседних селений. И тем не менее экономии удалось даже расширить сферу отработок, увеличив убираемую крестья-

⁴² «Вся Россия», т. II. СПб., 1899, стр. 372.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 556 (Мекленбург-Стрелицких), оп. 1, д. 915, лл. 110 об.—115; д. 968, лл. 1 об.—7.

⁴⁴ Там же, д. 854, лл. 7 об.—8; д. 968, л. 130.

янами площадь с 11,2 тыс. до 12,5 тыс. дес. При этом условия, на которых применялись отработки, для крестьян заметно ухудшились. Капиталистическая эволюция хозяйства, таким образом, сопровождалась сохранением и даже усилением полукрепостнической эксплуатации крестьян.

С меньшим, но заметным успехом шло капиталистическое развитие другого крупного хозяйства — Чутовского имения П. П. Дурново-младшего (Полтавский уезд). В имении насчитывалось в 1905 г. 15,9 тыс. дес., а в 1907 г. в связи с прикупкой — 18,3 тыс. дес. земли, большой песочный, рафинадный и винокуренный заводы. С 1904 по 1910 г. стоимость наличного парка машин, орудий и инвентаря увеличилась с 58,9 тыс. до 139,8 тыс. руб., количество рабочих волов — с 931 до 1369, лошадей с 222 до 453 голов. Площадь собственного посева расширилась с 4091 до 8619 дес., т. е. более чем вдвое, в посеве преобладали свекла и пшеница⁴⁵. Значительно увеличилось число наемных рабочих: на харчах экономии в 1905/06 г. было учтено 371,6 тыс. человеко-дней, а за 10 месяцев 1910 г. — 525,5 тыс.⁴⁶ Однако материально-производственная база хозяйства была все же недостаточна, и владелец не мог отказаться от отработок. Более того, расширение запашки потребовало дополнительного привлечения крестьянского инвентаря. Если в 1905/06 г. на отработки крестьянам было сдано 1599 дес. земли, то в 1908/09 г. — уже 1813 дес.⁴⁷ Особенно широко этот способ применялся на уборке. В 1908 г. средствами экономии было убрано 2121 дес., крестьянами за деньги — 916 дес. и в виде отработки — 2562 дес., а всего крестьянами — 3478 дес., или 62%⁴⁸. Расширялась и эксплуатация окрестного населения путем сдачи земли в мелкую одногодичную аренду. Доход от сдачи земли с 6,1 тыс. руб. в 1904/05 г. вырос до 15,7 тыс. руб. в 1909/10 г.⁴⁹ Такой результат был достигнут как за счет увеличения площади сдаваемой земли, так и за счет безостановочного повышения арендных цен: в Полтавском уезде арендные цены выросли за десятину пашни под яровой посев с 12,46 руб. в 1904 г. до 19,46 руб. в 1913 г.⁵⁰

Таким образом, принципиальной разницы между Карловским и Чутовским имениями не замечается: обе латифундии в максимально возможной степени использовали докапиталистические приемы эксплуатации крестьян. Отличие лишь в том, что Карловская экономия с ее мощной капиталистической базой могла, но не хотела отказаться от отработок, а Чутовское имение и не желало, и не могло сделать этого.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 934 (Дурново), оп. 1, д. 830, л. 125.

⁴⁶ Там же, д. 321, л. 38; д. 830, л. 56.

⁴⁷ Там же, д. 321, лл. 13, 18, 19, 21; д. 348, лл. 18, 61, 65, 67, 70, 71, 73, 75.

⁴⁸ Там же, д. 969, лл. 54—58.

⁴⁹ Там же д. 830, лл. 120 об.—121; д. 417, ч. II, л. 36.

⁵⁰ «Обзор сельского хозяйства в Полтавской губернии за 1904 год». Полтава, 1905; то же за 1913 г. Полтава, 1914.

Харьковская губерния по условиям ведения хозяйства представляла значительно больше разнообразия, чем Полтавская и тем более Черниговская губернии. С точки зрения связи земледелия с промышленностью, влиявшей на организацию хозяйств, выделялись четыре уезда: Сумский, Ахтырский, Богодуховский и Лебединский, здесь в посевах большую роль играла свекловица. В остальных уездах зерновое земледелие доминировало не только у крестьян, но и у помещиков. В хозяйствах последних, особенно крупных и расположенных в южных уездах, значительную роль играло овцеводство, разведение нагульного скота и заводское коневодство.

Южные уезды в отношении ведения помещичьего хозяйства Н. Ф. Анненский относил к районам преобладания капиталистической системы. Впрочем, обследование, проведенное в 1905 г., не подтвердило это мнение по крайней мере для Старобельского уезда — единственного уезда Харьковской губернии, по которому обследовалось, причем весьма подробно, не только крестьянское, но и помещичье хозяйство. Разработка материалов этого обследования была произведена на высоком научном уровне П. И. Поповым⁵¹.

Старобельский уезд отличался от северных уездов сравнительно меньшим малоземельем крестьян. Помещичье землевладение занимало хотя и значительную площадь (155,5 тыс. дес.), но по сравнению со всей удобной площадью уезда (1025,3 тыс. дес.) составляло лишь 19,4%⁵². Тем интереснее выяснить, насколько при таком соотношении площадей крестьяне уезда смогли высвободиться от гнетущего влияния помещичьего землевладения. На первый взгляд это последнее претерпело значительные изменения под натиском капитала. Даже у дворян земля, полученная по наследству, составляла немногим более половины, а более двух пятых (42,5%) было приобретено покупками⁵³.

Данные о землепользовании имеются для 445 владений с площадью удобной земли в 149 508 дес. (96,2%). Из них сдавалось в аренду 75 611 дес., т. е. 50,5%⁵⁴. Каковы были условия по формам арендной платы, показано в таблице 36.

Итак, натуральная и денежная аренда разделились практически поровну. Посмотрим, что дает более детальный анализ арендных отношений (см. табл. 37).

Таблица показывает, что больше всего к сдаче своей земли прибегали дворяне, чиновники, офицеры, почти так же часто купцы, вдвое реже крестьяне и совсем редко мещане. Таким образом, земли, приобретенные крестьянами и мещанами,

⁵¹ «Материалы для оценки земель Харьковской губернии. Старобельский уезд», вып. IV. «Частновладельческое хозяйство». Харьков, 1908.

⁵² Там же, стр. 31.

⁵³ Там же, стр. 45.

⁵⁴ Там же, стр. 52.

Т а б л и ц а 36

**Формы сдачи земли частными владельцами
Старобельского уезда ***

Группы хозяйств по земельной, дес.	Из 100 дес. сданной земли сдано в форме		
	денежной	натуральной	смешанной
До 100	51,0	43,8	5,2
100—600	61,9	36,3	1,8
Свыше 600	45,3	51,0	3,7
В среднем	49,0	47,7	3,3

* «Материалы для оценки земель Харьковской губернии. Старобельский уезд», вып. IV. «Частновладельческое хозяйство», стр. 81.

играли меньшую роль в эксплуатации крестьянства путем сдачи земли. Каких-либо качественных отличий между дворянами и другими сословиями по формам сдачи земли не наблюдалось. Более того, процент земли, сдаваемой в издольную аренду купцами и крестьянами, был даже несколько выше, чем у дворян. Не было заметной разницы и в доле всей удобной земли, сданной в подесятинную аренду.

Т а б л и ц а 37

**Сословная принадлежность частных владельцев — сдатчиков земли
в Старобельском уезде (1905 г.) ***

Владельцы	% владельцев, сдающих землю участками и подесятинно	Из 100 десятин земли сдано		Итого сдано удобной земли подесятинно
		участками	подесятинно	
Дворяне, чиновники, военные	70,7	29,2	71,8	35,7
Купцы	65,8	8,7	91,3	38,4
Мещане	13,0	28,7	71,3	31,0
Крестьяне	33,8	22,5	77,5	32,3
Все единоличные собственники	42,5	23,1	76,9	35,1

* «Материалы для оценки земель Харьковской губернии. Старобельский уезд», вып. IV. «Частновладельческое хозяйство», стр. 55.

Таблица косвенно раскрывает и характер денежной аренды. Большая часть земли, сдававшейся за деньги, представляла собой одногодичную подесятинную аренду. О том, что последняя исключала капиталистическую организацию хозяйства и являлась по существу кабально-крепостнической, двух мнений быть не может. Ее полуфеодалная природа в буржуазной денежной оболочке ясна уже из самой высоты арендной платы. П. И. Попов вычислил, что «чистая доходность крестьянских земель равна 5 р. 49 к., тогда как арендные цены... при подесятинной сдаче за деньги равны 8 р. 23 к., при издольной — 8 р. 98 к. Благодаря этому частновладельческие хозяйства могут при сдаче своих земель преследовать не только получение ренты, а получение и той прибыли, которую они могли бы получить при собственной эксплуатации своих земель... Данные комиссии о центре и данные земской статистики подтверждают этот вывод относительно почти всей южной полосы России»⁵⁵. Добавим от себя, что доходность земли, арендованной подесятинно на один посев, везде и всюду была значительно ниже доходности собственных крестьянских земель, а нередко совсем отсутствовала. Это еще больше оттеняет характер такой аренды.

Следует специально заметить, что такое положение было в уезде, где насчитывалось 62 тыс. дес. казенных земель, которые целиком сдавались в аренду и несколько умеряли нужду крестьян в земле, хотя и попадали к ним обычно через крупных арендаторов-посредников, взвинчивавших арендные цены. Эти арендаторы вели отчасти собственное капиталистическое хозяйство. Надзиратель казенных земель 2-го района Харьковской губернии А. Контрольский писал, что урожаи у арендаторов на казенных землях даже выше, чем у помещиков. Но далее он подчеркивал, что в массе своей частновладельческие земли и по культурности, и по урожайности мало чем отличаются от крестьянских⁵⁶.

На наш взгляд, заслуживает доверия и следующее суждение Контрольского, проливающее свет на способы ведения помещичьего хозяйства в Старобельском уезде. «И казна, — писал он, — и частные владельцы, к какому бы они сословию ни принадлежали, одинаково эксплуатируют свои земли крестьянской арендой. Я опять-таки беру массу, а не тех сравнительно немногих владельцев, которые ведут собственное хозяйство. Но в то время как казна признает только денежную аренду, на частновладельческих землях преобладают все виды испольной аренды, система отработков, тяжелым бременем ложающаяся на крестьянские плечи и выгодная только для одной стороны»⁵⁷.

⁵⁵ Там же, стр. 89.

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 396 (Департамента государственных земельных имуществ), оп. 1, д. 79, 1902 г., л. 109.

⁵⁷ Там же, л. 109 об.

Южный степной район (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и Область Войска Донского) был районом с громадным засильем крупного помещичьего землевладения. В Черноземном центре латифундии составляли 29% по сравнению с крестьянской надельной землей. В степном районе удельный вес владений размером свыше 500 дес. составлял: в Бессарабской губернии — 59,3%, в Херсонской — 88,5%, в Таврической — 96,9%, в Екатеринославской — 57,7%, а всего по четырем губерниям — 75,1%⁵⁸.

Поземельные отношения в характеризуемом районе к рассматриваемому периоду значительно усложнились. Менее заселенный в прошлом, он сам стал поставлять переселенцев на другие окраины империи, в частности в Сибирь. Во «всеподданнейшем» отчете за 1900 г. екатеринославский губернатор писал: «Причины такого усиленного стремления в восточные окраины заключаются не столько в случайных неурожаях последних лет, сколько в недостаточности земельных наделов, из года в год все более ощущаемой. Ввиду естественного прироста населения, первоначальный трехдесятичный надел на душу во многих обществах обратился в однодесятичный, а то и меньше. Несколько лет тому назад недостаток надельной земли до известной степени возмещался возможностью по более или менее сходным ценам арендовать имения у помещиков, но за последнее время многие владельцы распродали свои поместья и таковые были куплены местными немецкими колонистами... оставшиеся же еще у помещиков имения, если и отдаются в аренду крестьянам, то за такую высокую плату (до 15 и даже 25 руб. за десятину в год), при которой хозяйство невысказимо, даже при том условии, что свою собственную работу земледельцы ни во что не считают»⁵⁹.

Сплошного обследования помещичьих хозяйств ни по одной губернии этого района не было проведено. В одном Ананьевском уезде Херсонской губернии была сделана перепись, выяснившая только землепользование и не отвечающая на вопрос о системе ведения хозяйства помещиков. Поэтому придется удовлетвориться свидетельствами, дающими лишь приблизительное представление о районе.

Бессарабская губерния была неоднородна в экономическом отношении. Ее южная часть (Измаильский и Аккерманский уезды) отличалась от северной большим земельным обеспечением крестьян; в Аккерманском уезде крупные имения составляли 13,1% к крестьянской надельной земле, в Измаильском — 60,9%, т. е. близко к средней по губернии (59,3%).

⁵⁸ «Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России». СПб., 1907.

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1233 (Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности), оп. 1, д. 1, л. 3.

«В южной Бессарабии,— писал В. А. Бертенсон,— очень мало крупных экономий и почти совсем нет организованных хозяйств. Поэтому тем больший интерес представляет для меня Чумаевская экономия бр. Захариади...»⁶⁰. Имение было расположено в Измаильском уезде и насчитывало 8500 дес., в том числе около 1400 дес. лугов, около 2000 дес. целины. Велась залежная система полеводства. «Большая часть земли сдается исполу местным крестьянам»⁶¹. Таково наиболее выдающееся хозяйство юга Бессарабии.

Из остальных шести уездов, различия между которыми не были существенными, имеется материал описательного характера по Кишиневскому уезду. В докладе А. А. Соколова, представленном кишиневскому уездному комитету о нуждах сельскохозяйственной промышленности, говорилось, что крупное помещичье хозяйство в сложившихся условиях либо должно вести интенсивное капиталистическое хозяйство, либо сдавать землю крестьянам на один посев. Кишиневские помещики предпочитали второе. «На распространенность этого вида аренды влияет самый размер частновладельческой и, в частности, крупной земельной собственности в уезде. Частновладельческой удобной земли вместе с имениями заграничных монастырей в уезде есть свыше 170 тыс. дес. при 338 828 дес. удобной земли всего уезда»⁶², причем крупные имения (свыше 1000 дес.) составляли 60% всей частновладельческой земли. «Мы не ошибемся,— писал Соколов,— если скажем, что по крайней мере 80% всей частновладельческой земли без лесов монастырских имений, т. е. около 130 000 дес., находится в ежегодной краткосрочной аренде у крестьян и не больше 20% в экономической запашке у самих владельцев»⁶³.

Спрос на землю со стороны местных крестьян был колоссальным. В результате «арендные цены на пахотную землю последнее время поднялись страшно высоко, до 18—20 руб. за десятину. Такая высокая съемная цена, не оправдываемая ни действительно произведенными затратами владельца на какие-либо земельные мелиорации, ни высокой урожайностью земли, поглощает половину валового дохода съемщика и при урожае в 40—50 пуд. пшеницы на десятине, что можно считать средним урожаем, сводит оплату его труда до заработка ниже того, который он мог бы получить, исполняя те же самые работы в экономии или сдельно»⁶⁴.

«Еще хуже денежной погодной аренды исполная, которая

⁶⁰ В. А. Бертенсон. По югу России, вып. III. Одесса, 1900, стр. 94.

⁶¹ Там же.

⁶² «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», ч. III. «Бессарабская губерния». СПб., 1903, стр. 256.

⁶³ Там же, стр. 257.

⁶⁴ Там же.

у нас применяется главным образом к культуре кукурузы. Этот вид аренды распространен еще шире, чем денежная аренда, она применяется и в хозяйствах, которые ведут свою экономическую запашку»⁶⁵.

Аналогичные данные приводил в докладе податной инспектор того же уезда Н. В. Майер⁶⁶. О том же самом, но уже применительно ко всей губернии, говорил в докладе землевладелец А. Ф. Щербан, который между прочим уточнял, что «в настоящее время крестьянской арендной земли в крупном виде не существует вовсе, они арендуют лишь мелкие участки в 3,5 и редко 10 десятин, и то из вторых и третьих рук»⁶⁷.

С. Д. Урусов, бывший кишиневским губернатором в 1903—1904 гг., позднее писал в своих воспоминаниях: «Ведение хозяйства собственным инвентарем встречалось не часто, разве только в северных уездах губернии. Обыкновенно бессарабский помещик оставлял себе виноградники и небольшой кусок земли, а остальное имение сдавал в аренду, большей частью еврею, передававшему мелкие участки крестьянам, от которых сам помещик был далек, живя по городам и за границей»⁶⁸.

Таким образом, львиная доля помещичьей земли была в краткосрочной, одногодичной аренде у мелких крестьян; преобладала исполная форма аренды; денежная арендная плата была столь высока, что по существу представляла собой ту же исполщину в денежной форме; собственные запашки помещиков занимали незначительную долю; наконец, неоспоримо, что даже в условиях преобладания капиталистического способа ведения собственного хозяйства латифундии и помещичье землевладение в целом держались преимущественно кабально-крепостническими формами эксплуатации крестьян.

Херсонская губерния представляла своего рода максимум капиталистического развития сельского хозяйства всей южной и юго-восточной полосы Европейской России. Посмотрим, что показывают данные о землепользовании, имеющиеся по Ананьевскому и Херсонскому уездам этой губернии.

Исследованием Ф. О. Заикина по Ананьевскому уезду установлено, что наряду с широким развитием предпринимательского помещичьего и арендаторского хозяйства преобладающей формой эксплуатации земли оставалась сдача земли крестьянам в краткосрочную (на один посев) аренду, характер которой известен⁶⁹.

⁶⁵ «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», ч. III. «Бессарабская губерния», стр. 257.

⁶⁶ Там же, стр. 243—244.

⁶⁷ Там же, стр. 83.

⁶⁸ С. Д. Урусов. «Записки губернатора. Кишинев, 1903—1904». Изд. 2-е, доп. Берлин, 1908, стр. 91.

⁶⁹ Ф. О. Заикин. Описание частновладельческих хозяйств Ананьевского уезда. Херсон, 1900.

В Херсонском уезде в 1907 г. был произведен сплошной учет землепользования. Оказалось, что на землях частных владельцев всего посевов было 418 241 дес., в том числе 286 342 дес., или 68,5%, составляли посевы мелких съемщиков. Учтя, вероятно, передачу земли крупными арендаторами, составители обзора заключали, что «владельческие земли в $\frac{3}{4}$ частях заняты посевами мелких съемщиков и лишь в $\frac{1}{4}$ части экономическими посевами, причем скопщина разделена соответственно доле пользования съемщика и экономии»⁷⁰.

Частичная характеристика крестьянской аренды содержится в обзоре за 1913 г., где говорится: «Относительно посевов на владельческих землях необходимо указать, что они в большей части принадлежат крестьянам и вообще мелким съемщикам, берущим землю у владельцев на один посев и за скопщину и лишь изредка в долгосрочную аренду на 3—6 лет»⁷¹.

Подчеркнем, что в состав экономической запашки обследователи зачислили не менее половины площади издольных посевов (скопщины). Следовательно, собственная запашка была в действительности меньше. К сожалению, в местных материалах нет указаний, как велика была доля скопщины в арендованной площади. Лишь отдельные наблюдения позволяют ориентировочно считать, что скопщина уступила место денежной аренде еще в конце XIX в. Так, в одном из описаний того же Херсонского уезда говорилось: «Местами держится и до сих пор господствовавшая в прежние годы комбинация владельческого хозяйства с крестьянским — раздача земли из части урожая, так называемая скопщина; конечно, о четвертой, в пользу владельца, копне доброго старого времени давно уже забыли; нормальной платой теперь считается половина урожая, иногда еще с обязательством отработать известное число дней на молотьебе»⁷².

Здесь достойны внимания два момента: сокращение издольной аренды и одновременное ухудшение ее условий для арендатора. Последнее было связано с общим повышением арендных цен. Так, по Херсонской губернии средняя арендная цена за десятину с 3 р. 47 к. в 1888 г. поднялась до 5 р. 36 к. в 1900 г.⁷³ Соответственно изменились и условия скопщины. В дальнейшем рост арендных цен пошел еще быстрее и составил в Херсонском уезде в 1900—1908 гг. при однолетней аренде в среднем 11 р. 93 к.⁷⁴ По расчетам статистиков, весь прибавочный продукт кре-

⁷⁰ «Статистико-экономический обзор Херсонского уезда за 1908 год». Херсон, 1909, стр. 28.

⁷¹ «Статистико-экономический обзор Херсонского уезда за 1913 год». Херсон, 1914, стр. 26.

⁷² «О настоящем положении и задачах крупновладельческого хозяйства в степной полосе Южной России». Б/м., 1898, стр. 9.

⁷³ «Материалы для оценки земель Херсонской губернии по закону 8-го июня 1893 года», вып. VIII. Херсон, 1910, стр. III.

⁷⁴ Там же, вып. VII. Херсон, 1910, стр. 14.

стьянина даже на собственной земле, обрабатываемой, безусловно, лучше, чем арендованная земля, составлял в среднем 9 р. 47 к. с десятины посева⁷⁵. Таким образом, крестьянину не оставалась целиком даже его заработная плата, исчисляемая по заниженным земским оценкам. Рента, взимаемая помещиком, включала в себя не только весь прибавочный продукт крестьянина-арендатора, но и часть его заработной платы.

Итак, большая часть помещичьей земли Херсонского уезда к 1907 г. служила средством крепостнически кабальной эксплуатации крестьян через аренду. Четвертая часть посевов, которая числилась как собственная запашка помещиков, обрабатывалась ими преимущественно капиталистически, хотя отработки тоже имели место. Но в целом, с учетом сдаваемой земли, и здесь помещичье хозяйство должно быть оценено как крепостнически-кабальное, существовавшее главным образом за счет докапиталистической («денежной») ренты.

В годы столыпинской реформы скопщина подвергалась дальнейшему вытеснению как за счет замены ее денежной арендой, так и за счет расширения собственной обработки. Например, в Белозерском имении Г. Д. Скадковского посевы распределялись следующим образом⁷⁶:

Годы	Экономический посев		Скопщина		Итого
	дес.	%	дес.	%	
1908	823	30,2	1899	69,8	2722
1913	1390	64,1	778	35,9	2168

Значение скопщины и других видов натуральной аренды («отор», «десятинщина») на юге России современники оценивали очень серьезно. В архиве Московского общества сельского хозяйства сохранилась интересная записка уполномоченного ведомства земледелия по Таврической губернии М. В. Неручева, превосходно знавшего, как и В. А. Бертенсон, сельское хозяйство юга России. В записке, названной «„Десятинщики“ и „скопщинники“ как система земледелия», автор указывал, что в южных губерниях — «„бывших степных“, которые мы привыкли считать многоземельными, среди местного сельского населения есть своеобразная категория „безземельных земледельцев“, главный контингент которых имеет своим источником несомненно пришедших из разных областей внутренней России, хотя сравнительно и запоздавших, разумея время колонизации Новороссийского края... В количественном отношении они представляют такую долю (местного населения.— А. А.), что в некоторых уездах

⁷⁵ «Материалы для оценки земель Херсонской губернии по закону 8-го июня 1893 года», вып. VII, стр. 14.

⁷⁶ «Статистико-экономический обзор Херсонского уезда за 1908 год», стр. 021; то же за 1913 г., стр. 042.

Таврической губернии статистика зарегистрировала таких безземельных до 30—40%. Некоторые из них не только безземельны, но и бездомны; и все они живут только одним земледелием — обработкой чужой земли: казенной, частновладельческой, вакуфной земли»⁷⁷. Автор далее пишет, что «в некоторых местах губернии применение их труда к обработке частновладельческой земли является наиболее распространенной системой»⁷⁸. «Очень часто как десятинщики, так и скопщинники сверх договорной платы натурой (долей урожая) облагаются еще известными денежными доплатами или отработками»⁷⁹.

Условия аренды как для десятинщиков, так и для скопщинников были одинаковы. Разница между ними состояла лишь в том, что скопщинниками были обычно старожилы окрестных селений и имели свои хаты, а десятинщики жили в мазанках, построенных владельцем земли или прежними арендаторами. За несоблюдение строжайших условий арендного договора, в котором обычно излагались лишь обязанности арендатора, «десятинщика со всем его скарбом вывозят за пределы его бывшей усадьбы и предоставляют ему выбирать любую из четырех сторон горизонта»⁸⁰.

Таврическая губерния, к которой главным образом относятся наблюдения М. В. Неручева, характеризовалась огромным разнообразием условий. Материковые уезды отличались от уездов Крымского полуострова, где, в свою очередь, были еще более резкие различия. В трех южных уездах Крыма были развиты табаководство, виноградарство и садоводство. Последние две отрасли в значительной части находились в руках помещиков, ведущих хозяйство на капиталистических началах. По-иному обстояло дело с табаководством, которым занимались в основном крестьяне. «Из крупных владельцев немногие сдают землю под табак, и еще реже встречаются случаи табаководства у помещиков, да и то из половины урожая»⁸¹. В степных крымских уездах, как и в материковых, главным было зерновое хозяйство. В годы мирового сельскохозяйственного кризиса произошло резкое увеличение сдаваемых в аренду площадей: денежную — в материковых уездах, натуральную (из части урожая) — в Крыму. Преобладала аренда на один посев. Из 484 сообщений, поступивших в земство в 1900 г. по всей губернии, 346 фиксировали аренду на один посев и только 37 — на сроки от 2 до 12 лет⁸².

⁷⁷ ГИАМО, ф. 419, оп. 1, д. 2435, 1903. г., л. 40.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, л. 40—40 об.

⁸⁰ Там же, л. 41.

⁸¹ «Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за 1900 год». Симферополь, 1902, стр. 120.

⁸² Там же, стр. 189—190.

Попытаемся полнее оценить характер так называемой долгосрочной аренды. По общему правилу мы всюду квалифицировали как кабально-крепостническую лишь краткосрочную аренду (на один посев). Но отсюда, однако, не следует, что долгосрочная аренда не являлась таковой, хотя бы в некоторой своей части. Как это ни выглядит неожиданным, данные по южным губерниям вносят существенную поправку в это правило. Арендные цены при съемке на один посев в Таврической губернии в 1900 г. составляли 13 руб. за десятину; при аренде на 2—5 лет — 8 р. 20 к. и на 6—12 лет — 6 р. 80 к.⁸³ Разница значительная, но оказывается, что «при сдаче земли на более продолжительные сроки съемщик имеет право на распашку в большинстве случаев не более $\frac{1}{3}$ части (казенные земли), а иногда... даже не более $\frac{1}{4}$ части. Принимая во внимание также и стоимость сенокоса или выгона (входящих в арендованную площадь.— А. А.), в окончательном расчете *съемщик земли на долгие сроки платит собственно за пашню более высокие цены, чем съемщик на один посев*»⁸⁴.

Арендные цены в этой губернии стремительно шли вверх. Сопоставимые цены под яровые на один посев составляли в 1899 г. — 10 руб., в 1909 г. — 15,5 руб., в 1912 г. — 19,2 руб.⁸⁵

В нашем распоряжении нет точных данных о соотношении площадей помещичьей земли в собственной запашке и сданной в аренду. Приблизительное представление получаем из сопоставления разновременных сведений. Так, в Бердянском уезде крестьяне в 1904 г. арендовали 53 730 тыс. дес. внеадельной (в основном помещичьей) земли. В 1916 г. у помещиков было учтено 9,9 тыс. дес. посева. Сравнение этих двух цифр дает право говорить, что собственное помещичье хозяйство занимало незначительную часть площади, большинство же ее сдавалось в кабально-крепостническую аренду на один посев, причем в значительной мере из части урожая (в 1900 г. — 21,3% сообщений). «Многие корреспонденты сообщают, что преобладающей формой аренды сенокосов в Таврической губернии является натуральная испольщина»⁸⁶. Приведенных данных, конечно, недостаточно, чтобы квалифицировать хозяйство помещиков, как это можно было сделать по Херсонскому уезду. Думается, однако, что принципиальной разницы не существовало. На этом, к сожалению, кончаются наши сведения по Северному Причерноморью.

Выйдем, однако, за оговоренные ранее географические рамки и обратимся к более южным районам.

⁸³ «Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за 1900 год», стр. 190.

⁸⁴ Там же. (Курсив мой.— А. А.).

⁸⁵ «Сельскохозяйственный обзор Таврической губернии за 1900 год», стр. 188; то же за 1909 г., стр. 49; то же за 1912., стр. 155.

⁸⁶ То же за 1900 год, стр. 106.

По Северному Кавказу (Кубань и Ставрополье) отсутствуют не только массовые данные, но и сколько-нибудь удовлетворительные описания отдельных хозяйств. Единственное подробное свидетельство—превосходное описание кубанского имения Хуторок барона В. Р. Штейнгеля, составленное в связи с участием хозяйства на Всемирной выставке 1900 г. в Париже. Для нас важно, что автор описания ставил целью показать не только «возможно полную картину всего хозяйства», но и «дать общее освещение местных особенностей и условий»⁸⁷.

В начале 80-х годов Р. В. Штейнгель (отец) купил в Лабинском отделе два участка земли площадью 9 тыс. дес. и на одном из них построил громадный винокуренный и ректификатный завод, засадил 83 дес. виноградом. Еще три крупных имения (в двух из них насчитывалось 9,5 тыс. дес.) были сняты в долгосрочную аренду. Кроме того, в предгорьях арендовались обширные пастбища для овец.

В имениях велось залежное полевое хозяйство с распашкой не более $\frac{1}{4}$ земли. Выращивались главным образом ценные торговые культуры — пшеница и кукуруза. Имелось большое количество собственных машин и орудий. Велось крупное скотоводческое хозяйство (рогатого скота насчитывалось 940 голов, лошадей 424, овец 42 695, свиней 450, всего на 205,2 тыс. руб.).

Не касаясь здесь организации полевого и скотоводческого хозяйства, остановимся на землепользовании и отношениях с окрестным населением. «Небольшое количество земли,—говорится в описании,—сдается имением в аренду поселенцам, образующим три поселка: 1) немецкую колонию Фриденталь, 2) русскую колонию и 3) Ковалев хутор. Население этих колоний, находясь в земельной зависимости от „Хуторка“, служит незаменимым источником рабочей силы, исполняя большей частью сдельные работы, а главным образом, вследствие безземелья, поселенцы являются работниками на исполных началах или, по местному выражению, скопщиками»⁸⁸.

Такая система была введена не только в районе главной усадьбы с указанными тремя колониями. Скопщиками были немцы, русские колонисты и казаки. За две десятины сданной земли скопщик обрабатывал одну десятину (пахота 1 раз, боронование в 4 следа, уборка в копны, возка и укладка снопов). Только посев производился сеялками владельца. «Таким путем, главным образом, эксплуатируются арендованные имения Граб-

⁸⁷ П. Н. Котлов. Описание Кубанского имения «Хуторок» барона В. Р. Штейнгеля, 1900 г. М., 1900, стр. 3.

⁸⁸ Там же, стр. 44.

бе и Коцебу, причем имеется налицо та выгода, что не требуется затрат капитала на инвентарь»⁸⁹.

Итак, потребовалась небольшая, сравнительно с размерами собственной запашки, площадь земли, чтобы путем сдачи ее в аренду обязать отработками все малоземельные крестьянские хозяйства окрестных селений. И только по недостатку столь выгодного контингента работников заводится собственный инвентарь и нанимаются сроковые и поденные рабочие. Тот факт, что капиталистически обрабатываемая площадь превышала в хозяйстве территорию, сдаваемую в отработочную аренду, имеет с точки зрения местного населения простое количественное значение: для него достаточно и сдаваемой в аренду части, чтобы оказаться в кабальной зависимости от капиталистической в основе латифундии. Переплетение капиталистических и полукрепостнических форм ведения хозяйства было характерным даже для лучшего хозяйства в передовом (в смысле капиталистического развития) районе, каким была Кубанская область.

Найдены документы по еще одному кубанскому владению — Покровскому имению Ф. Ф. Юсупова в Темрюкском отделе Кубанской области. Землепользование и система ведения хозяйства в нем были не менее оригинальны, чем у В. Р. Штейнгеля. Оказывается, что из имеющихся 3128 дес. в пользовании экономии было всего лишь 286 дес., из них под пшеницей 17,5 дес., под ячменем 10 дес., под люцерной 29 дес. Далее шла залежь около 11 дес., вспаханная зябь — 75 дес., выгон — 20 дес. и непашаная площадь — 28 дес. В то же время в аренду сдавалось 2695 дес., за которые в 1914 г. было получено 47,5 тыс. руб.⁹⁰ Между тем в 1904 г. 127 крестьянам сдавалось лишь 1712 дес. с общей платой за землю, усадьбы, за пастьбу скота всего 14 тыс. руб.⁹¹ Владелец не стремился к организации прочного собственного хозяйства, о чем свидетельствует тот факт, что с 1904 по 1915 г. балансовая (не фактическая) стоимость строений в имении увеличилась всего лишь с 33 до 38 тыс. руб.⁹² К 1909 г. веялок не осталось ни одной, жнеек было три и осталось столько же, сеялок вместо одной стало две, к 12 плугам прибавилось 2. Приобретены локомобиль и молотилки для подсолнечника⁹³. Собственная запашка велась для удержания арендных цен на высоком уровне. Действительно, для кубанских степных просторов цены были весьма высокими. Приведем выдержки из одного условия о сдаче земли от 25 августа 1914 г. с крестьянином Киевской губернии Иваном Авраменко. Арендатор снял на три

⁸⁹ П. Н. Котов. Описание Кубанского имения «Хуторок» барона В. Р. Штейнгеля, 1900 г., стр. 67.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 4634, л. 10—10 об.

⁹¹ Там же, д. 4547, л. 8.

⁹² Там же, д. 4535, лл. 18 об., 16.

⁹³ Там же, лл. 34 об., 105 об.

года $\frac{1}{4}$ дес. усадьбы с постройками по 5 руб. в год, 9 дес. земли, из которых за 3 дес. плата по 23 руб. и за 6 дес. по 15 руб., а всего — по 164 руб. в год. Если он посеет табак, плата увеличивается до 26 руб. за десятину. При всем этом арендатор «обязан кроме арендной платы ежегодно по первому требованию конторы отработать пароконным возом летом во время возки снопов 2 дня, при вывозке навоза из экономической усадьбы на экономическое поле — 1 день и когда потребуется пешим — 2 дня. В случае не явится по требованию на отработку, то контора вправе нанять на его счет. Также, кроме арендной платы... обязан по первому требованию конторы имения являться для починки мостов и дорог Покровского имения по назначению конторы пешим или с пароконным возом»⁹⁴. Этим дело не кончается. Арендатору разрешается сеять подсолнух не более $\frac{1}{4}$ дес., $\frac{1}{5}$ земли он обязан оставлять под отдых и вывозить на нее навоз. За выгон крупного скота с него взимается по 1 р. 50 к. с головы, за свиней — по 25 коп. «Овец же и коз ни в коем случае ни иметь, ни пасти не разрешается»⁹⁵.

Итак, хозяйство владельца — преимущественно отработочное, так как сотни обязанных таким образом арендаторов вполне могли обработать его небольшую запашку. Для арендаторов же установлены такие кабальные условия, которые под стать любой губернии Черноземного центра.

Можно возразить, что это единичные факты. Но за каждым из них стоит масса подобных. Ибо, если бы такой режим существовал в одном Покровском имении Юсупова, то были бы никак не объяснимы причины, побуждавшие сотни десятинщиков кабалить себя подобными условиями. Гнет помещичьих латифундий во внутренних губерниях простирает свое губительное влияние и на некогда привольные окраины, а массами бежавшие туда крестьяне попадали в новую кабалу и уже во всяком случае не могли сделаться «свободными фермерами».

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ РАЙОН

Система ведения помещичьего хозяйства в Юго-западном районе хорошо известна. Здесь владельческие хозяйства «вылились в крупные капиталистические предприятия, которые ведутся преимущественно за счет самих владельцев имений»⁹⁶. В каких-либо доказательствах это утверждение само по себе не нуждается. Обращение к материалу по этому району связано с

⁹⁴ Там же, д. 4637, л. 1.

⁹⁵ Там же, л. 1 об.

⁹⁶ «Весь Юго-западный край». Киев, [1913], стр. 19.

другим, более сложным вопросом: почему, в силу каких экономических причин, несмотря на сильное преобладание капиталистических методов ведения помещичьего хозяйства, крестьяне Заднепровья, так же как и всей страны, выступали на решительную борьбу за ликвидацию помещичьего землевладения вместе с его хозяйством?

Этот важный и трудный вопрос требует, конечно, специального исследования и не может быть решен здесь в полном объеме. Наша задача состоит лишь в выяснении некоторых особенностей ведения помещичьего хозяйства и его взаимоотношений с крестьянским в этом районе.

Одной из характерных особенностей края была концентрация огромных площадей земли в руках помещиков, прежде всего дворян польского происхождения, и как оборотная сторона этого явления — исключительное малоземелье крестьян. 1114,1 тыс. крестьян в 1905 г. имели здесь 6,8 млн. дес. наделной и купленной земли, а 7,2 тыс. помещиков — 5530,6 тыс. дес. Львиная доля этой земли приходилась на крупные владения. Латифундии размером свыше 500 дес. занимали площадь 4,7 млн. дес. и составляли к наделной крестьянской земле в Киевской губернии 69,7%, в Подольской — 65,8, в Волынской — 90,0%, а по району — 76,2%.

Землевладение крестьян носило парцелльный характер. На двор приходилось в среднем в Волынской губернии 7,8 дес., в Киевской — 5,7 дес., в Подольской — 3,8 дес., а по району — 5,5 дес.; наделная земля распределялась с большей уравнительностью, чем в других районах. Ослабить земельную нужду путем аренды крестьяне не могли, так как помещики сдавали землю в мелкую аренду в ничтожных количествах. Преобладала крупная капиталистическая аренда целыми имениями и фольварками. С давних пор здесь образовался «класс» арендаторов, преимущественно из служащих крупных имений польского происхождения. К 1913 г. капиталистической арендой было охвачено в Киевской губернии свыше 400 имений, в Подольской — свыше 300 тыс. дес., в Волынской — 350 имений со 150 тыс. дес. земли⁹⁷. В 1908 г. в Гайсинском уезде Подольской губернии сами владельцы вели хозяйство на 57,3 тыс. дес. и сдавали в долгосрочную аренду 28,8 тыс. дес.; в Ольгопольском уезде — соответственно 53,4 тыс. дес. и 49,2 тыс. дес. и только 730 дес. было в аренде у крестьян⁹⁸.

Едва ли не первостепенной особенностью организации крупных хозяйств района было соединение сельского хозяйства с переработкой своего и прикупаемого сырья на собственных свек-

⁹⁷ «Весь Юго-западный край», стр. 19.

⁹⁸ «Материалы по аграрно-экономическому исследованию Юго-западного края». Гайсин, 1909, стр. VI.

лосахарных и винокуренных заводах (подробнее об этом см. в гл. VI). В посевных площадях таких хозяйств большую долю занимали свекловица и картофель, в них интенсивнее велось полеводство на базе отходов сахарного и винокуренного производства, в широких масштабах производился откорм скота.

Крупнейшим промышленно-земледельческим комбинатом были владения наследников братьев Н. А. и Ф. А. Терещенко. К началу мировой войны их имения расчленились между отдельными семьями и семейными группами. Дочери Н. А. Терещенко Ольге Николовне были выделены два имения в Киевской губернии общей площадью 4051 дес., наследники Александра Николовича владели пятью имениями в Киевской и Волынской губерниях общей площадью 36 354 дес. и Андрушевским сахарным и винокуренным заводами. У наследников Ивана Николовича в шести губерниях (Курская, Орловская, Харьковская, Черниговская, Киевская и Екатеринославская) было 14 имений с 53 819 дес. земли, с Теткинским сахарным заводом и паровой крупчатой мельницей. Кроме того, арендовалось одно имение в 3300 дес. Наследникам Федора Артемьевича в четырех губерниях (Курская, Киевская, Подольская, Волынская) принадлежало 13 имений, в 11 из которых насчитывалось 66 699 дес. (нет сведений по Турчиновскому имению и Крутянскому лесу); кроме того, арендовалось два крупных имения. Им же принадлежали три сахарных завода: Червонский и Коровинецкий — в Волынской губернии и Мартыновский — в Киевской губернии.

Все Терещенко были пайщиками товарищества свеклосахарных и рафинадных заводов «Братья Терещенко», которому принадлежали четыре сахарных завода: Воронежский, Михайловский (Черниговская губ.), Крупецкий (Курская губ.) и Тульский (г. Тула). Таким образом, всем наследникам братьев Н. А. и Ф. А. Терещенко принадлежало 160 923 дес. земли (без двух имений), девять сахарных заводов, один винокуренный завод и паровая крупчатая мельница. В 1913 г. М. И. и Н. И. Терещенко продали свои пай товарищества на сумму 2321 тыс. руб. Ф. Ф. Терещенко, и товарищество «Братья Терещенко» оказалось в руках наследника одного из братьев⁹⁹.

Чтобы получить представление о масштабах хозяйственной деятельности во владениях Терещенко, приведем выдержки из архивного «Краткого текста описания имений тайного советника Н. А. Терещенко и наследников Ф. А. Терещенко», относящегося ко времени, когда был еще жив первый и площадь его владений составляла 42 782 дес., в том числе леса 13 788 дес. «Система хозяйства интенсивно-промышленная с многопольными севооборотами. Пахотные земли удобряются навозом, дефекационной грязью, суперфосфатом (под посев свеклы)... Еже-

⁹⁹ ЦГИА УССР, ф. 830 (Терещенко), оп. 1, д. 1008, л. 1.

годно занято под посевами: озимой пшеницы — 4650 дес., озимой ржи — 900 дес., овса и яровой пшеницы — 6000 дес., других хлебов — 1000 дес., бобовых растений — 750 дес. и кормовых трав — 1000 дес. Производительность имений была следующей: озимых хлебов получается около 500 000 пудов, яровых — 550 000 пудов, свеклы сахарной — 420 000 двенадцатипудовых берковцев, или всего на сумму 1 300 000 руб. Общая стоимость построек — 600 000 руб.; стоимость ремонта в год — 20 000 руб. Общая стоимость мертвого инвентаря — 225 000 руб.; стоимость ремонта ежегодно — 45 000 руб. Живой инвентарь имений состоит из 2850 волов и 1200 лошадей, всего на сумму 300 000 руб. Имения расходуют в продолжение года 1 033 000 рабочих дней на сумму 355 775 руб. Затраты на управление имениями (без заводов) составляют ежегодно 100 000 руб. Леса устроены; преобладающая порода — дуб...»¹⁰⁰ Производство сахарного песка на трех заводах — 1 млн. пудов¹⁰¹.

Еще грандиознее размеры производства были у наследников Ф. А. Терещенко. Земли насчитывалось 58 857 дес., в том числе 18 171 дес. леса. Ежегодно удобрялось навозом, дефекационной грязью и суперфосфатом 7100 дес. Всего под посевами было 23 300 дес., сбор хлебов составлял 1650 тыс. пудов и сахарной свеклы — 490 тыс. берковцев. Имелось 3728 волов и 1567 лошадей. В год затрачивалось около 1500 тыс. рабочих дней на сумму 500 тыс. руб.¹⁰² На четырех заводах вырабатывалось песку и рафинада 2,2 млн. пудов в год.

Экономическая мощь заднепровских хозяйств Терещенко позволяла пренебрегать теми, в общем незначительными, выгодами, которые извлекали владельцы более мелких имений из отработок, испольщины и всякого рода прижимок крестьян. Прежде и Терещенко не гнушался всеми этими приемами. В «Правилах ведения делопроизводства и хозяйства в имениях и заводах Ф. А. Терещенко и штатных расписаниях на 1886/87 г.» в числе работ на июль значилось: «Убирать хлеб должны по заранее заведенному обычаю от снопа, если же найдутся желающие убирать за деньги, то платить деньгами»¹⁰³. К началу XX в. уборка за сноп удержалась только в одном Мартыновском имении и то из-за аграрного движения. А «когда все затихло», управляющий имением «начиная с 1907 г. прекратил уборку за сноп, мотивируя недородом, а везде убирал хлеба за деньги и частью машинами»¹⁰⁴. В Леонтьевском имении с 1891 г. действовал своеобразный многопольный севооборот, похожий на показанный

¹⁰⁰ ЦГИА УССР, ф. 830 (Терещенко), оп. 1, д. 834, лл. 5—6.

¹⁰¹ Там же, л. 1а об.

¹⁰² Там же, л. 8.

¹⁰³ Там же, д. 37С, л. 4.

¹⁰⁴ Там же, д. 677, л. 3 об.

ниже севооборот у бар. Швахгейма, а именно: 1) толока, 2) озимая пшеница, 3) свекловица, 4) овес, 5) толока под июльские посевы, 6) рожь июльская, 7) овес июльный по 207 дес. в каждом поле¹⁰⁵. В начале XX в. никаких следов июльщины документы не показывают.

Хозяйство Терещенко прошло в своем развитии тот рубеж, за которым кончается зависимость от крестьянского скота и инвентаря для основных сельскохозяйственных работ; оно нуждалось лишь в косарях и жницах с их примитивным инвентарем, а также в возчиках навоза, хлебов и свеклы. Наоборот, с ростом населения возрастала зависимость крестьян от помещичьих имений. Огромное аграрное перенаселение края создавало усиленное предложение рабочих рук, в результате чего и заработок был делом крайне ненадежным и случайным, а цена рабочей силы стояла на чрезвычайно низком уровне. Мы видели, что за 1500 тыс. рабочих дней в имениях наследников Ф. А. Терещенко было уплачено 500 тыс. руб., т. е. в среднем по 30 коп. в день. При такой оплате приработок крестьянской семьи, если ей удавалось выделить работников даже на все лето, оказывался слишком слабым подспорьем. Через аренду совсем нельзя было увеличить хлебные ресурсы хозяйства, так как Терещенко земли не сдавали, а за те клочки запольной, бросовой земли, которые перепали крестьянам, взималась непосильная плата. Привязанные к своим парцеллам крестьяне оказывались в безвыходном положении, что создавало обстановку острой вражды к помещику. В таких условиях неизбежна была война против него не только на почве тяжелых условий найма, но и на аграрной почве. Переплетение этих двух социальных войн придавало борьбе особую остроту.

Аналогичное положение мы могли бы увидеть в другом крупном сахарно-зерновом комбинате — в имениях гр. Бобринских с центром в м. Смела Киевской губернии и в некоторых других имениях. В хозяйствах такого типа и масштаба, по-видимому, уже не столько внешние обстоятельства, сколько целенаправленные предпринимательские мотивы были главными импульсами, двигавшими хозяйство по пути прогресса.

Но и в этом районе наряду с капиталистической организацией хозяйства было немало пережитков старых производственных отношений. Исследование частновладельческих хозяйств четырех уездов Киевской губернии и одного уезда Подольской губернии, проведенное в 1908 г., показало, что помещики почти не сдают землю крестьянам. Зато, оказывается, широко была развита сдача крестьянам на уход и уборку посеянной кукурузы из трети урожая, из половины или только за одни стебли¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Там же, д. 465, л. 1.

¹⁰⁶ «Материалы по аграрно-экономическому исследованию Юго-западного края», стр. IX.

Это в принципе не отличается от обработки кругов в центральных губерниях. «Очень значительное число работ производится издельным способом. Таковы, например, жатва хлебов от копны (серпами), вязка хлебов за косарями или жатвенными машинами, складка в копны за сноповязалкой, доставка снопов с поля к скирдам или машине, уборка свеклы, картофеля и других корнеплодов, доставка их в завод или на железную дорогу, вывоз зерна, отчасти уборка хлебов и сена от единицы площади, вывозка навоза, весеннее боронование озимой и другие работы»¹⁰⁷. Встречалась и обработка, целиком похожая на «круговую». «В некоторых хозяйствах сдается издельно полная обработка свеклы и других корнеплодов „от морга“ или „от десятины“»¹⁰⁸.

Особенно широко была развита в крае «зимняя наемка». Даже в одном из самых передовых хозяйств, в Теплицко-Ситковецком имении графа К. К. Потоцкого (Гайсинский уезд) она была обычным явлением. В двух деревнях ее прекратили в связи с событиями 1905 г. «В Большой Мочулке и Соболевке и теперь еще нанимаются рабочие (зимой.—А. А.) на обработку свеклы вместе с копкой по 13 руб. за морг. Во время договора выдается авансом по 6 руб. за каждый морг»¹⁰⁹. В имении Красносельское наследников В. Г. Липковского видим то же. «Зимой выдаются авансы на обработку свеклы по 20 руб. с десятины (11 руб. с морга) с обязательством выкопать. Сдельно сдается обработка свеклы по 22 руб. с десятины...»¹¹⁰ И такое положение отмечается в большинстве других имений. К сожалению, не учтен удельный вес сдельных работ, но сама их распространенность весьма показательна. Таковы наблюдения по свекловичному району. Те же явления современники видели и в картофельно-винокуренной зоне.

Характеризуя край в целом, известный исследователь сельского хозяйства А. И. Ярошевич, питавший явные симпатии к помещичьему хозяйству, писал: «Организация крупных владельческих хозяйств рассчитана на соседство многочисленных малоземельных надельных хозяйств, которые своим инвентарем помогут им справиться с некоторыми перевозками (свозка хлеба в скирды, вывозка зерна на станцию железной дороги, сахарной свеклы — на заводы, навоза — в поле) и в то же время представляют готовые кадры рабочих для всяких сезонных работ по дешевой цене. С этой стороны, в парцеллярных хозяйствах свекловичные владельческие хозяйства находят чрезвычайно благоприятное условие для своего развития»¹¹¹.

¹⁰⁷ «Материалы по аграрно-экономическому исследованию Юго-западного края», стр. X.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же, стр. 11.

¹¹⁰ Там же, стр. 19.

¹¹¹ А. И. Ярошевич. Очерки экономической жизни Юго-западного края, вып. II. Киев, 1911, стр. 44.

Такой тип развития, по состоянию источников, полнее всего прослеживается на примере Мошногогородищенского имения Е. А. Балашовой, перешедшего к ней по завещанию ее дяди, князя С. М. Воронцова. Имение находилось в районе с крайне мало-земельным крестьянским населением (Черкасский уезд Киевской губернии): в 6 окрестных волостях по реформе 1861 г. крестьяне получили по 3 дес. на ревизскую душу, а к 1896 г. на 11 721 двор с 68 159 душами обоего пола приходилось 32 471 дес. наделной земли, т. е. по 2,77 дес. на двор или менее чем по 0,5 дес. на едока¹¹². Более «благоприятных», с точки зрения помещика, условий для развития хозяйства действительно трудно было найти во всей России. Развитию хозяйства способствовали также баснословные прибыли от двух винокуренных и от построенного в 1876 г. сахарного завода.

Перестройка хозяйства на капиталистический лад началась в 70-х годах, но проводилась неумело, без знания дела. Именно здесь управляющий, оберегая всходы помещицкой свеклы от повреждения жуком, пытался покрыть каждое растение обширных плантаций стеклянными колпачком. С появлением первых симптомов сельскохозяйственного кризиса большинство экономий пришлось сдать в аренду.

Расширение собственного хозяйства началось вновь с 1887 г. За 1887—1894 гг. на новые постройки и инвентарь было затрачено 794,4 тыс. руб.¹¹³ Инвентаря было достаточно для обработки всей пашни собственными силами, на других работах требовалась помощь крестьян. До 1894 г. при уборке хлебов пользовались местными средствами, хотя это обходилось весьма дорого, ибо значительная часть озимых убиралась безземельными крестьянами и мещанами за 10-й и за 12-й сноп; с падением цен на хлеба и ростом в то же время цен на рабочие руки пришлось обратиться к уборке машинами¹¹⁴.

Мошногогородищенское имение важно рассмотреть как одно из тех, в общем немногих, хозяйств, которые искали и нашли выход из тяжелых условий кризиса не путем расширения отработок и эксплоатации, ухудшения обработки земли, истребления леса, а через увеличение вложения капитала, интенсификацию земледелия.

В описании 1896 г. отмечалось весьма широкое использование крестьянских подвод: «Мы, например, должны доставлять ежегодно около 6000 куб. саж. дров, что составляет до 40 000 подвод, затем мы имеем около 150 000 подвод свеклы, которую перевозим в сахарный завод преимущественно крестьянскими

¹¹² М. Е. Филипенко. Мошногогородищенское имение Екатерины Андреевны Балашовой, Киевской губернии, Черкасского уезда, при местечках Мошны и Городище. Киев, 1896, стр. 59.

¹¹³ Там же, стр. 88а.

¹¹⁴ Там же, стр. 159.

подводами...»¹¹⁵ В 1913 г. обнаруживаем, что лошади в имении используются на работе в сеялках, гладких катках, легких боро-нах, для подвозки рабочих и только отчасти для перевозок¹¹⁶. Зато указывается, что перевозка производится волами эконо-мии¹¹⁷.

Таким образом, Мошногородищенское имение даже при его огромных размерах (в 1913 г. — 19 047 дес. сельскохозяйствен-ной и 22 629 дес. лесной площади), используя все земли в соб-ственном хозяйстве, успешно вытесняло из производства кре-стьянские транспортные средства. Имение Балашовой вместе с немногими другими показывает максимум достигнутого в капи-талистической перестройке и интенсификации помещичьего хо-зяйства.

Общие для всей страны условия развития, конечно, накладыва-ли отпечаток и на этот район, что и выразилось в отмеченных пережитках крепостничества, особенно в кабальной зимней на-емке. К сказанному добавим, что даже в одном из выдающихся хозяйств района — Нёмировском имении княгини М. Г. Щербато-вой — вместе с обширным своим хозяйством большие площади сдавались в мелкую аренду, причем на 1910 г., например, было сдано за деньги 1325 дес. и за отработки на свекле 515 дес.¹¹⁸ Но важно здесь подчеркнуть главную сторону — более ощути-тельные успехи в развитии сельского хозяйства как несомнен-ное проявление преимущества капиталистической организации по сравнению с отработочным хозяйством центра.

БЕЛОРУССИЯ И ПРИБАЛТИКА

В области землепользования и систем ведения помещичьего хозяйства много общего с охарактеризованным районом пред-ставляли Белоруссия, кроме восточной ее части, и Прибалтика.

Документальные материалы по Западному району весьма скудны. В обзоре сообщений корреспондентов (1907 г.) указы-вается, что, как и в Юго-западном районе, «мелкая аренда здесь не пользуется значительным распространением; имения аренду-ются крупными арендаторами, которые ведут батрацкое хозяйство и лишь небольшую часть (главным образом в Минской и Моги-левской губ.) сдают крестьянам за отработки и из доли»¹¹⁹. Од-

¹¹⁵ М. Е. Филиппенко. Мошногородищенское имение Екатерины Андре-евны Балашовой, Киевской губернии, Черкасского уезда, при местечках Мошны и Городище, стр. 60.

¹¹⁶ Д. Л. Каган. Описание Мошногородищенского имения ее высокопрево-сходительства Екатерины Андреевны Балашовой, т. 1. Киев, 1913, стр. 71.

¹¹⁷ Там же, стр. 81.

¹¹⁸ ЦГИА УССР, ф. 258, оп. 1, д. 178, лл. 1—2 об.

¹¹⁹ «Аграрное движение в России в 1905—1906 годах», т. 1, стр. 360.

нако это указание на «небольшую часть» требует уточнения. Сообщалось, например, что у крупных владельцев Чериковского уезда Могилевской губернии «широко распространена отработочная система (отработки за сдаваемые крестьянам выгоны и пр.), а также в большом ходу сдача земли из доли урожая на обременительных для крестьян условиях (обычно на долю крестьян приходится третий или четвертый сноп)»¹²⁰. О том же писали из Гомельского уезда¹²¹. По Витебской губернии мы имеем об этом прямое свидетельство корреспондента из Себежского уезда: «Помещичьи хозяйства ведутся при очень малом количестве наемного труда, и самое обыкновенное явление, что окружающие деревни за право пасти скот на земле помещика или ловить рыбу ведут все его хозяйство»¹²². В Слонимском уезде Гродненской губернии «помещики обрабатывают свою землю частью батрацким трудом, частью же сдают в аренду из отработков»¹²³. Та же в общем картина вырисовывается из нескольких описаний помещичьих хозяйств, сделанных учениками Горьковского земледельческого училища во время практики в имениях¹²⁴. Это дает основание полагать, что отработочная система была широко распространена и в западных губерниях.

По прибалтийским губерниям в нашем распоряжении имеются описания только четырех «выдающихся» экономий, относящиеся к 1895—1896 гг. Однако ввиду известной однородности хозяйственной структуры района они могут дать представление о системе хозяйства в Прибалтике в целом. Перед нами крупнокапиталистическое, основанное преимущественно на наемном труде и собственном инвентаре помещичье хозяйство: полеводство велось с использованием рациональных севооборотов и современных приемов агротехники; применялись новейшие сельскохозяйственные машины и искусственные удобрения, однако широко употреблялись и сохи (например, для двойки пара, повторной вспашки под картофель, выпаживания его). Общая неразвитость капиталистических отношений в земледелии России в целом сказывалась на заработной плате сельскохозяйственных рабочих: ее крайне низкий уровень удерживался, как и в других местах, раздачей части земли в аренду мелкими участками для прикрепления батраков и крестьян к земле. Эта аренда служила также и средством прямой полукрепостнической эксплуатации в виде отработок. Как отмечается в описании имения Таммист, принадлежавшего фон Ратлеру (Юрьев-

¹²⁰ Там же, стр. 377.

¹²¹ Там же, стр. 378.

¹²² Там же, стр. 366.

¹²³ Там же, стр. 392.

¹²⁴ Описания использованы в исследовании К. И. Шабуня «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг.» (Минск, 1962, стр. 41—44, 48—49).

ский уезд Лифляндской губернии), «часть земли имения сдана в аренду крестьянам, так называемым колонистам. Сдача земель крестьянам небольшими участками (от 3 до 5 десятин пахотной земли без сенокосов и пастбищ) на окраинах имения— явление, встречающееся почти во всех имениях Лифляндской губернии. Это делается с той целью, чтобы запастись на время скопления работ рабочими руками». По условиям аренды «колонист часть причитающейся за землю арендной платы отрабатывает определенными полевыми работами»¹²⁵.

В имении Каваст барона Вольфа (тот же Юрьевский уезд) из 6000 дес. удобной земли около 1300 дес. пашни и лугов сдавалось в аренду крестьянам¹²⁶. В имении Кастер Н. А. фон Эссена из 20 000 дес. удобных и неудобных земель к моменту описания было сдано крестьянам 3332 дес.¹²⁷ «Арендаторы, — говорится в описании, — на мызной земле (их 34 чел.) исполняют также части работ, а именно: они должны отбыть 50—60 дней на работе по востребованию, убрать по $\frac{2}{3}$ дес. ржи, овса и ячменя и по $1\frac{1}{3}$ дес. сенокоса, уплатить деньгами по 30—38 р., получая за все это 4 дес. пахотной земли, $2\frac{2}{3}$ дес. сенокоса и выгон в общем со всеми арендаторами пользования»¹²⁸.

Таким образом, широко распространенное в литературе мнение, что хозяйства прибалтийских немцев были чуть ли не чисто капиталистическими, не соответствует действительности, по крайней мере для конца XIX в. По описанным передовым хозяйствам можно заключить, что и в Прибалтике масса капиталистически организованных хозяйств не могла отказаться и не отказывалась от использования различного рода оработок и кабалы.

Конечно, местные различия наблюдались и здесь, но по типу хозяйства Прибалтика представляла собой зону, где прусский путь развития был представлен в наиболее «чистом» для России виде. Чем дальше на восток от этой зоны, тем сильнее сказывались местные особенности, отличавшие сельскохозяйственную эволюцию от классического прусского пути, при сохранении главной общей типологической черты — медленного превращения крепостнических латифундий в капиталистические экономии юнкерского типа.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СИСТЕМАХ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

Сделанное выше порайонное обозрение показало переплетение капиталистических и крепостнических черт в помещичьем хозяйстве в основных районах, дало возможность представить

¹²⁵ «Описания отдельных русских хозяйств», вып. 12. СПб., 1898, стр. 17.

¹²⁶ Там же, стр. 19.

¹²⁷ Там же, стр. 23.

¹²⁸ Там же, стр. 25.

приблизительные соотношения разных способов ведения хозяйства. Мы не ставили перед собой цель определить сколько-нибудь точное географическое размещение этих способов в силу малочисленности, территориальной неравномерности, разновременности имевших место обследований, а также несовершенства полученных материалов и их первичной разработки.

Еще менее материалы обследований могут сказать об эволюции хозяйства из-за их статичности.

Распространенность разных систем хозяйства, как известно, была определена В. И. Лениным для конца 80-х годов по приблизительным данным, содержащимся в работах С. А. Короленко и Н. Ф. Анненского. По этим данным, капиталистическая система ведения помещичьего хозяйства преобладала в 19 губерниях, орабоченная — в 17, а в 7 губерниях преобладала смешанная система¹²⁹.

Как известно, С. А. Короленко пользовался сообщениями о преобладающей системе хозяйства в том или ином помещичьем владении и всю площадь имения относил в разряд этой системы, не выделяя площади, обрабатываемые владельческим и крестьянским инвентарем. Понятно, что такая упрощенная методика не могла не вести к искажению действительной картины. Кроме того, в расчет не принимались способы эксплуатации земли, сдаваемой владельцами в аренду.

В. И. Ленин никогда не считал, что исходные данные С. А. Короленко о системах хозяйства и методика их обработки безупречны в научно-статистическом отношении. Наоборот, он писал, что «точных статистических данных по этому вопросу нет, да и вряд ли бы они могли быть собраны: для этого потребовался бы учет не только всех имений, но и всех хозяйственных операций во всех имениях»¹³⁰.

В настоящее время мы располагаем работой, выполненной Л. П. Минарик¹³¹ по указанной В. И. Лениным методике, потребовавшей от автора колоссального труда. Понятно, что такая работа не могла быть проделана для всей страны или даже для какого-либо обширного района. Исследованию были подвергнуты системы ведения хозяйства группы крупнейших земельных собственников Европейской России. Как показано в первой главе, эта группа (с владениями свыше 50 тыс. дес. на каждого) состояла к началу XX в. из 155 магнатов, владевших 16,2 млн. дес. земли. На основе подробных описаний имений, заложенных в Дворянском банке, Л. П. Минарик вычислила соот-

¹²⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 188.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Л. П. Минарик. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России: конца XIX — начала XX в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год». Кишинев, 1966, стр. 615—626.

ношение капиталистической и отработочной систем хозяйства на пахотной площади. Отсылая читателя за разъяснениями сложных методических вопросов к работе автора, укажем лишь, что из-за отсутствия полных данных об условиях найма рабочей силы все площади, обрабатываемые наемными рабочими, зачислялись в разряд капиталистической системы, чем, несомненно, завышался ее удельный вес. Кроме того, невозможным оказалось произвести расчеты по сенокосным площадям, на которых испольно-отработочные формы имели значительно большее распространение, чем на пахотных.

Итоги расчетов получились следующие ¹³²:

	Площадь, дес.	%
Собственная запашка:		
своим инвентарем	394 560	58,9
крестьянским	274 530	41,8
Итого	669 090	100,0
Аренда пашни:		
капиталистическая	366 480	38,2
полукрепостническая	593 980	61,8
Итого	960 460	100,0
Всего пашни	1 629 550	100,0
В том числе обрабатываемой:		
капиталистически	761 040	46,7
полукрепостнически	868 510	53,3
Уборка хлебов:		
своим инвентарем	3 230	1,1
крестьянским	278 662	98,9
Итого	281 892	100,0

Итак, в собственном хозяйстве помещиков при производстве пахотных работ преобладала капиталистическая система. Но, как правильно замечает автор, именно в этой сельскохозяйственной операции было больше всего распространено использование своего инвентаря. Вспахивая землю своими плугами и засеивая сеялками, помещик старался все остальные работы (возку навоза, двояние пара, осеннюю вспашку, вывозку урожая и т. д.) переложить на крестьян с их инвентарем.

¹³² Л. П. Минарик. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX — начала XX в., стр. 622—623.

Надо еще иметь в виду, что в сводку вошли свекло-сахарные гиганты Харитоненко и Терещенко, земледельческое хозяйство которых было построено в основном на промышленной основе. По многим другим имениям данные показывают картины поразительной отсталости. Так, доля капиталистически обрабатываемых пахотных площадей составляла во владениях: Барятинских — 12%, Белосельских-Белозерских — 5%, М. С. Волконского — 8%, В. Н. Охотникова — 11%, Г. И. Рибопьер — 13%, В. Л. Нарышкина — 15% и т. д.

Автор показывает, что в обширном комплексе своих владений каждый из магнатов «организовывал крупное хозяйство в одном-двух имениях, вкладывая в их развитие большие средства, выкачиваемые из других имений»¹³³.

Данные об аренде со всей очевидностью подтверждают крепостническую природу крупнейшего землевладения: $\frac{2}{3}$ пашни находилось в аренде, причем явно преобладала полукрепостническая голодная аренда закабаленных крестьян. Цифры убедительно доказывают также преобладание мелкой культуры на крупных латифундиях.

Большой интерес представляет расчет, сделанный Л. П. Минарик по своим исходным данным, при использовании упрощенной методики С. А. Короленко. Определив преобладающую систему хозяйства в каждом владении и зачисляя всю площадь экономической запашки в разряд этой преобладающей системы, автор получает следующее распределение площадей:

Система хозяйства	Площадь запашки, дес.	% к итогу
Капиталистическая	409 462	60,8
Смешанная	131 019	19,4
Отработочная	132 828	19,8
Итого	673 309	100,0

Нельзя не согласиться с Л. П. Минарик, что методика С. А. Короленко ведет к завышению доли капиталистических форм хозяйства.

Известно, что до самого конца 90-х годов XIX в. сельское хозяйство России испытывало на себе сильное угнетающее влияние мирового сельскохозяйственного кризиса. Кризис давил на все хозяйства — крестьянские и помещичьи, капиталистические и отработочные, но, конечно, в далеко не одинаковой степени. Немало передовых, образцовых для своего времени хозяйств подчас терпели крах. Даже лучший хозяин своего времени, выдающийся агрохимик А. Н. Энгельгардт бросил свое Батищево и

¹³³ Там же, стр. 625.

уехал искать какое-нибудь место в учебных заведениях столицы. За ним последовал его ученик и сосед, большой мастер земледелия А. П. Мертваго, «потеряв надежду бороться с кризисом». Опытнo-показательное имение учителя русских агрономов И. А. Стебута держалось благодаря бесплатному труду практикантов сельскохозяйственных училищ и частично даже испольщиной. Хозяйство министра земледелия А. С. Ермолова спасали винокуренный завод и правительственные субсидии, и все одно из двух имений не избежало ликвидации. Один И. И. Шатилов на словах отрицал наличие кризиса, хотя неизвестно, что стало бы с его образцовым семеноводческим хозяйством в Моховом, если бы не продажа на сруб дубового леса на сумму до 20 тыс. руб. ежегодно ¹³⁴.

Преодолеть влияние падения хлебных цен, продержаться в условиях кризиса можно было путем новых вложений капитала, повышения производительности земли, увеличения посевов более ценных, чем зерновые, интенсивных культур, перехода к более продуктивному скотоводству и т. д. Именно этим путем шли западноевропейские хозяева, а также многие хозяйства западных и южных окраин России. Однако для основной массы помещиков внутренних губерний оказался возможным совсем иной способ борьбы с неблагоприятной конъюнктурой рынка. Выход они находили в снижении издержек производства не за счет новых рациональных вложений капитала, а, наоборот, за счет сокращения затрат и даже полного прекращения производства, сдавая землю в аренду.

Не случайно именно в начале 90-х годов появилась на свет целая «теория» о преимуществах испольного хозяйства над капиталистическим. Родилась она из практики конца XIX в., а первым ее провозвестником в литературе был известный в свое время агроном К. Д. Дмитриев. Показательно само название его книги: «Обеспеченный доход с имения без капитала на ведение хозяйства». Автор писал, что «оскудение владельческих имений материальными средствами все более и более отражается в форме замены капиталистических способов хозяйничанья сдачею господских запашек в пользование крестьянам. Симптомы этого коренного переворота в образе действий русских землевладельцев замечены мною давно...» ¹³⁵ Он прямо советовал «во что бы то ни стало удешевить полевые работы ухудшением техники земледелия, т. е. возвращением к плохому сравнительно, но более дешевому уходу за землей» ¹³⁶.

В связи с одной из статей Дмитриева помещик М. Звягин писал: «Мы, поуродовав над своею землею, успев натьворить мно-

¹³⁴ «Хозяин», 1895, № 6, стр. 120.

¹³⁵ К. Д. Дмитриев. Обеспеченный доход с имения без капитала на ведение хозяйства. М., 1894, стр. 17.

¹³⁶ Там же, стр. 23.

жество бед и разочароваться, начинаем в лице г. Дмитриева стремиться к тому, чтобы, следуя политике поощрения мужика в его начинаниях, сдать ему свои угодья, с водворением на них повсеместно исполной системы»¹³⁷.

Дмитриев нашел немало последователей в литературе. «Теорию» исполного хозяйства с жаром пропагандировали председатель Северного общества сельского хозяйства Н. Н. Зворыкин¹³⁸, помещик А. П. Мещерский¹³⁹, а видные агрономы старались «рационализировать» исполщину на практике (А. И. Шмидт — в имении Серебряные Пруды С. Д. Шереметева, М. П. Тарасенко — в имении Голощапово С. С. Абамелек-Лазарева). Но и без этих усилий исполщина все более пробивала себе дорогу, чему способствовало обеднение и обезденежение арендаторов. А. П. Мещерский отмечал, что «упорное, настойчивое стремление к исполщине и натуральным арендам большинства крестьян и хозяев если не доказывает, то указывает, что исполщина и натуральные аренды приносят населению не один только вред и убыток, а и взаимную выгоду»¹⁴⁰.

Кто в действительности извлекал пользу, видно из замечания убежденного противника исполщины А. П. Мертваго. Описывая два имения В. П. Энгельгардта в Смоленской губернии, он отметил, что в имении, где преобладали зерновые, урожаи были выше, а доход ниже, чем в другом имении, где большее значение имели технические культуры (картофель, лен и др.). «Происходит такая бессмыслица оттого, что производство хлебов при цене ниже 7 руб. четверть ржи дает в этой полосе России убыток, и чтобы не разориться, землевладельцу приходится перекладывать свой убыток на соседних крестьян, т. е. работать не своими батраками и за свой счет, а кругами, сдельно, „послугою“, из части, т. е. способами, при которых оценка труда понижена до того минимума, на который даже русский крестьянин не согласился бы, если бы ему представилась ясно цифра оценки его рабочего дня»¹⁴¹. Обоюдное стремление к исполщине выражалось в ее фактическом расширении, что единодушно отмечали и ее сторонники и противники. Так, Мещерский писал: «К исполщине в последнее время охотно переходят обе стороны: и владельцы земли, и работники крестьяне. Этого факта не отрицают сами противники исполного хозяйства»¹⁴².

¹³⁷ Цит. по кн.: К. Д. Дмитриев. Указ. соч., стр. 18.

¹³⁸ Н. Н. Зворыкин. Желательный тип крупного землевладения. Опыт экономического упадка русского сельского хозяйства и условий, необходимых для его возрождения. М., 1899.

¹³⁹ А. П. Мещерский. Письма деревенского хозяина. СПб., 1896; он же. Исполщина и крестьянские заработки. СПб., 1902.

¹⁴⁰ «Сельское хозяйство и лесоводство», 1901, № 10, стр. 566.

¹⁴¹ «Хозяин», 1895, № 49, стр. 963.

¹⁴² «Сельское хозяйство и лесоводство», 1901, № 10, стр. 569.

Противники не только не отрицали развития испольщины, но и сами указывали на это явление. Еще в 1895 г. Московское общество сельского хозяйства решило «обратить внимание г. министра финансов на развитие испольной системы, как на показатель обеднения народонаселения»¹⁴³.

Благодаря расширению испольщины и отработок помещикам удалось несколько поправить свои дела за счет крестьян. Уже в 1900 г. журнал «Хозяин» писал: «Хотя в России при помощи перехода массы хозяйств к испольщине плач хозяев по поводу низких цен на хлеб почти прекратился, тем не менее вопрос о несоответствии цен зерновых хлебов со стоимостью их производства остается наиболее острым вопросом не только в нашей хозяйственной жизни, но и в жизни других земледельческих стран»¹⁴⁴.

С самого конца 90-х годов XIX в. — первых лет 900-х годов начинается новый этап в развитии помещичьего хозяйства.

С началом повышательной конъюнктуры на мировом и внутреннем хлебном рынке капиталистическая перестройка хозяйства стала ведущей тенденцией. Этот факт общеизвестен и не требует специального доказательства. Не будем также высказывать предположений относительно того, в какой мере сужение сферы капиталистического хозяйства, происшедшее в период кризиса, было перекрыто последовавшим затем расширением. В данном случае важно подчеркнуть, что выход помещичьего хозяйства из полосы кризиса совершался за счет крестьян, путем дальнейшего усиления полукрепостнической эксплуатации их. К тяготам кризиса, которые несли в качестве товаропроизводителей крестьяне вместе с помещиками, и то не в равной степени, прибавлялись тяготы, перелагаемые на крестьян помещиками. Таким образом, перед лицом кризиса те и другие оказывались далеко не в равном положении.

В силу указанных и многих других условий помещичье хозяйство в дальнейшем могло развиваться быстрее крестьянского. Это обстоятельство создавало обманчивое представление, будто помещичье хозяйство в лице капиталистически организованных «культурных» имений шло во главе сельскохозяйственного прогресса и двигало его.

Можно полагать, что с начала века до начала первой мировой войны помещичье капиталистическое хозяйство не только восстановило свои позиции, с которых оно временно отошло в конце XIX в., но и выдвинулось вперед. На это указывают если не прямые данные, то такие веские косвенные факты, как рост материально-технической базы хозяйства, повышение агротехники, улучшение пород скота и т. д. Но и для этого времени

¹⁴³ «Хозяин», 1895, № 52, стр. 1030.

¹⁴⁴ «Хозяин», 1900, № 34, стр. 1131.

остаются справедливыми слова В. И. Ленина, что этот прогресс идет черепашим шагом.

Следует также внимательнее присмотреться к тому, что конкретно представляло собой капиталистическое хозяйство. Дело в том, что косность, рутина, стародедовская агротехника, примитивное скотоводство сохранялись и во множестве тех случаев, когда хозяйство становилось капиталистическим по форме, т. е. пользовалось наемной рабочей силой и собственным инвентарем. Например, в материалах Никольского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Вологодская губ.) отмечалось, что хозяйство как частных владельцев, так и крестьян ведется на одних и тех же началах во всем уезде, везде система его трехпольная, обрабатываются земли почти исключительно сохами и деревянными боровами¹⁴⁵.

Может быть, именно поэтому современники-экономисты не придавал особого значения тому, каким образом ведется хозяйство — с помощью наемного труда или другими способами. Действительно, некоторые отработочные хозяйства в условиях России оказывались более «культурными» и «образцовыми», чем многие хозяйства, основанные на наемном труде. Поэтому и попали, в частности, в число «выдающихся» хозяйств такие имения, как отработочное Михайловское графов Бобринских или испольное Серебряные Пруды графа С. Д. Шереметева.

Кстати сказать, ни в одной из известных нам работ специалистов мы не находим указаний на преобладание «культурных» имений. В частности, непонятным остается противоречие между данными известной картограммы Н. Ф. Анненского, показывающей преобладание капиталистического частновладельческого производства, и содержащимся в той же работе выводом: «Такие хозяйства (т. е. капиталистические.— А. А.) отнюдь не являются преобладающими в нашей стране»¹⁴⁶.

Годом позже датируется высказывание одного из лучших знатоков русского земледелия А. П. Мертваго. «Мечты об интенсивном хозяйстве,— писал он,— еще долго будут мечтами для русского земледелия, благодаря крупным размерам землевладения и наделению крестьян землею. Существующие же отдельные интенсивно ведущиеся хозяйства поддерживаются близостью города, сахарными заводами и тому подобными исключительными условиями, а потому не представляют ничего характерного для хозяйства страны»¹⁴⁷.

¹⁴⁵ А. В. Пешехонов. Аграрная проблема в связи с крестьянским движением. СПб., 1906, стр. 67.

¹⁴⁶ Н. Ф. Анненский. Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах.— «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», т. I. СПб., 1897, стр. 158.

¹⁴⁷ А. П. Мертваго. Сельскохозяйственные воспоминания (1879—1893 гг.). СПб., б/г.— «Бесплатное приложение к журналу „Хозяин“», стр. 215.

Весьма любопытно и показательно свидетельство ярого защитника крупного дворянского землевладения, председателя Московского общества сельского хозяйства, богатейшего помещика князя А. Г. Щербатова. В специальной записке «О государственном значении крупного землевладения» (1903 г.) он писал, что «в общем частное землевладение далеко не стоит на высоте своего назначения и прежде всего вследствие некультурности землевладельческого класса. Имений, в которых владелец или управляющий имеет в виду улучшить хозяйство и увеличить доходность усовершенствованием приемов обработки, увеличением урожайности, правильной организацией промышленного скотоводства, устройством подсобных отраслей сельского хозяйства, изысканием выгодных рынков сбыта, весьма мало. Большая часть частновладельческих земель сдается в аренду крестьянам, причем имеется в виду во что бы то ни стало поднять арендную плату, не стремясь ввести в пользование арендаторов каких-либо усовершенствований...»¹⁴⁸ Далее автор указывает, что арендная плата обычно превышает доходность земли и ведет к обеднению арендаторов. Характерно следующее признание Щербатова: «В случаях, где ведется хозяйство собственное, в большинстве случаев (так в тексте.— А. А.) оно мало отличается от окружающего крестьянского, и увеличение доходности имеется в виду посредством понижения наемной платы и возможного сокращения расходов, не принимая в расчет, необходимы они или нет. Такого рода хозяйства не выполняют своего государственного значения и не являются производительными».

В качестве особого разряда хозяйств автор называет те, «которые в силу общих условий вынуждены вводить более усовершенствованную культуру, сюда относятся по преимуществу хозяйства с посевом сахарной свеклы; но из них большинство вводит улучшения не по собственной инициативе, а под давлением общих условий. Косность и некультурность частновладельческого хозяйства является причиной и отсталости в торговле, хранении и перевозке сельскохозяйственных продуктов и вообще всей общественной и государственной организации по содействию сельскому хозяйству и сбыту сельскохозяйственных произведений»¹⁴⁹.

Мы специально обращаем внимание на свидетельство этого несомненно сведущего деятеля в области сельского хозяйства, что частновладельческое хозяйство в целом отличалось косностью и некультурностью. Его инертность проявлялась в том, что усовершенствование систем хозяйства и техники производства происходило не под влиянием каких-либо внутренних побудительных мотивов, а под давлением извне или, как пишет Щербатов,

¹⁴⁸ ГИАМО, ф. 419, оп. 1, д. 2435, л. 37 об.

¹⁴⁹ Там же. (Курсив мой.— А. А.).

под воздействием «общих условий». Если бы не эти условия капиталистического развития, оно способно было постоянно топтаться на месте, используя привычные способы эксплуатации окрестного крестьянского населения. Более того, при всяком удобном случае помещик мог отказаться и действительно отказывался от уже введенных новшеств и возвращался к старым приемам, примеры чего мы уже видели.

Нельзя не привести здесь выдержку из страстной речи одного из руководителей группы трудовиков в I Государственной думе саратовского депутата С. В. Аникина. «Проф. Петражицкий опасается, видите ли,— говорил Аникин,— что если в деревне останется крестьянин, да еще крестьянин — не мелкий собственник, а просто свободный землепашец, то он не сумеет продолжить либеральных начинаний нашего земства, полезных для него самого. Крестьяне, видите ли, консервативны по природе, они по природе дикари. Однако надо бы помнить почтенному профессору, что самый консервативный, самый упорный, самый отсталый народ — это крупные помещики. Они не только у нас в России, но во всем мире тормозят все светлое, все передовое. Посмотрите на наши дворянские съезды и собрания: разве не они требуют возвращения крепостного права? Разве не они заседают теперь в Петербурге и говорят, что у мужика нет никакой земельной нужды?»¹⁵⁰

Известное значение может иметь мнение смоленского помещика и, естественно, яростного защитника помещичьего землевладения, реакционного публициста, автора ряда работ по сельскому хозяйству — С. Ф. Шарапова. В статье «Сущность аграрного вопроса» (1906 г.) он, в частности, писал, что «огромное большинство частновладельческих хозяйств находится также в самом тяжелом положении. Из десяти имений в одном едва ли ведется приличное в культурном отношении хозяйство. В северной и средней нечерноземной полосе имения, еще остающиеся за землевладельцами, имеют совершенно ничтожную доходность, живя истреблением лесов, сдачей покосов, выгонов или земель под истощающие посевы. Цветущих экономий с правильно поставленным скотоводством, искусственными удобрениями и хорошим машинным инвентарем едва найдется несколько на уезд. В черноземной полосе идет нещадная эксплуатация дешевого крестьянского труда при ростовщических зимних наймах на работы или сдача земель в аренду по ценам, оставляющим арендатору едва одну солому. Только в Новороссии да в свеклосахарном районе имеется сравнительно более правильно поставленных экономий...» Далее Шарапов отмечает наличие рационального хозяйства в Прибалтике. «Но и эти культурные углы, обязанные

¹⁵⁰ «Работы Первой Государственной думы». СПб., 1906, стр. 263—264.

своим процветанием исключительным местным условиям, своим контрастом только оттеняют безобразное состояние хозяйства всей массы русских землевладельцев...» Автор утверждает также: «Частновладельческое (хозяйство.— А. А.) носит явно хищнический характер или неустойчиво ликвидируется, и только в тех случаях, когда имеется прилив капиталов со стороны, искусственно поддерживается, большей частью ценой постепенного истребления этих капиталов. Истинно научные и доходные хозяйства, основанные на правильном использовании сил природы, являются повсюду в коренной России исключением»¹⁵¹.

Но особенно важны суждения видного экономиста своего времени А. А. Кауфмана, яростно боровшегося за сохранение так называемого культурного типа частновладельческого хозяйства. Замечательна в этом отношении статья Кауфмана «К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения»¹⁵², в которой автор настойчиво пытался внушить читателю, что уничтожение «культурных» хозяйств не только не выгодно, а просто пагубно для сельского хозяйства страны. Развивать и пропагандировать эту мысль Кауфман продолжал до самой ликвидации помещичьего землевладения Советским государством.

В 1911 г. Кауфман выступил против неонародника Н. П. Огановского, который якобы неправильно считал, что крупнокапиталистических, более или менее выдающихся хозяйств в России настолько мало, что их вообще не следует принимать во внимание при оценке помещичьего хозяйства в целом. «Едва ли, однако,— писал Кауфман,— такой взгляд правилен: ведь таких „выдающихся“ хозяйств все-таки тысячи, занятая ими площадь измеряется миллионами десятин, и в некоторых районах (напр., Юго-западном) они составляют скорее правило, нежели редкое исключение»¹⁵³.

Важно мнение Кауфмана об удельном весе «культурных» имений в общей массе частновладельческих хозяйств страны. «Как бы то ни было,— пишет он,— не подлежит сомнению, что владельческие хозяйства того игнорируемого г. Огановским типа, которому я лично склонен придавать серьезное культурно-хозяйственное значение, обнимают ничтожную часть общей площади владельческих земель — миллионы десятин против десятков миллионов десятин «крепостнического» или «феодалного» землевладения и кабально-арендаторского или отработочного хозяйства»¹⁵⁴.

В 1917 г. под влиянием развертывавшегося в стране революционного движения против помещичьего землевладения Времен-

¹⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 555 (Гучкова), оп. 1, д. 1362, л. 1 об.

¹⁵² «Аграрный вопрос». Сб. статей, т. II. М., 1907.

¹⁵³ «Русская мысль», 1911, № 5, стр. 4.

¹⁵⁴ Там же, стр. 5—6.

ное правительство вынуждено было заняться рассмотрением аграрного вопроса, с тем чтобы разговорами об аграрной реформе и обещаниями поставить земельный вопрос на Учредительном собрании, отвлечь крестьян от революции. В одной из земельных комиссий А. А. Кауфман выступил с докладом, в котором охарактеризовал три типа помещичьих хозяйств. Один тип, по словам Кауфмана, «количественно преобладающий» — кабально-крепостнический, с раздачей земли в мелкую аренду, обработкой земли крестьянским скотом и инвентарем. Поместья этого типа, как «решительно вредные», докладчик предлагал конфисковать в фонд для наделения крестьян.

«Другой, резко противоположный тип, это тот, который я позволю себе назвать культурно-капиталистическим, где хозяйство носит в той или иной степени передовой характер, идет впереди крестьянских хозяйств, в той или другой мере выполняет притом определенные специальные хозяйственные функции; имения, где сельское хозяйство с техническими производствами, где ведется семенное хозяйство, где организовано племенное скотоводство и т. п. Можно считать более или менее несомненным, что в большей части нашей страны это культурно-капиталистическое хозяйство представляет собой *некоторое исключение, довольно редкое*. В малороссийских и юго-западных губерниях, напротив, оно представляет собой скорее общее правило. Право этих культурно-капиталистических хозяйств на внимание представляется мне не подлежащим сомнению ни с какой стороны»¹⁵⁵.

Были еще хозяйства, которые хотя и велись инвентарем и скотом владельца, но мало или ничем не отличались от крестьянских. Кауфман предлагал и их передать в фонд для наделения крестьян, так как «надеяться отстоять эти имения нельзя»¹⁵⁶.

Высказываниями подобного рода вопрос о системах ведения помещичьего хозяйства, конечно, не решается, но нельзя отрицать, что для характеристики этого хозяйства они имеют определенное значение.

Как уже сказано, мы исходим из допущения, что помещичье хозяйство после кризиса 80-х — 90-х годов, возможно, восстановило прежние позиции и пошло дальше. Можно ожидать, что разработка массового материала подтвердит преобладание капиталистических форм ведения собственного помещичьего хозяйства. Но и при этом условии не устраняется тот факт, что размеры капиталистического хозяйства по сравнению с отработочным плюс кабально-арендным были незначительными.

Количественные сдвиги в землепользовании не могли из-

¹⁵⁵ «Труды комиссий по подготовке земельной реформы», вып. 1. «О крупном землевладении». Доклады А. А. Кауфмана и А. Н. Челинцева и прения по ним. Пг., 1917, стр. 8. (Курсив мой.— А. А.).

¹⁵⁶ Там же, стр. 9.

менить его главного качественного состояния, определявшегося господством мелкой, преимущественно крестьянской, культуры на крупных латифундиях в самых разнообразных формах: собственно отработки на помещичьем поле, обработка кругов, сизок и т. д. крестьянским инвентарем за деньги, за «послугу» и т. д., наем крестьянских жаток и молотилок, сдача в аренду большей части земли на самых различных условиях.

Надлежит учитывать также, что переход крупных дворянских имений в руки других сословий (без парцелляции), внося некоторые отличия, в общем не изменял основных черт землепользования. Это правило сохраняло свое значение и для многих крупных арендаторов.

В итоге нельзя не прийти к выводу, что землепользование помещиков в его подавляющей части сохраняло и в рассматриваемый период полукрепостнический характер, а поскольку главными контрагентами поземельных отношений в сфере помещичьего землевладения были помещики и крестьяне, это предопределяло дальнейшую острую борьбу между ними.

СЕЛЬСКОЕ И ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОМЕЩИКОВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

После освобождения крестьян и потери вследствие этого даровой рабочей силы помещики вынуждены были приспосабливаться к рынку в условиях новой, капиталистической экономики. Какими бы затяжными ни были переходные формы, вроде отработочной системы, испольщины, парцелльной аренды и т. д., конечным пунктом начавшейся перестройки было, в случае успеха, превращение феодальных поместий в капиталистические сельскохозяйственные предприятия. Процесс этой перестройки шел черепашью шаг, с задержками и зигзагами, неодинаковыми темпами в разных районах и хозяйствах, но шел он безостановочно.

С переходом к новому, капиталистическому ведению хозяйства должны были претерпеть изменения все главные элементы сельскохозяйственного производства. Непосредственный производитель в феодальном хозяйстве — крестьянин — должен был замениться свободным наемным рабочим. Примитивная рутинная техника крепостной эпохи должна была уступить место более производительной машинной технике. Не могли не претерпеть изменений системы земледелия, способы обработки земли, состав возделываемых культур, разные отрасли сельского хозяйства.

Еще задолго до реформы 1861 г. помещики и некоторые крестьяне в России пытались заменить древнюю паровую систему чем-то более совершенным, вводили многопольные севообороты, но в условиях крепостничества эти попытки практически не имели успеха. Только после реформы стали широко применяться более характерные для капиталистического способа производства системы земледелия. Из них к рассматриваемому здесь времени в разной мере применялись: улучшенная паровая зерновая, многопольно-травяная, плодосменная системы. Наряду с ними продол-

жали существовать паровая, залежная и даже в виде редкого пережитка подсеčno-огневая системы. Впрочем, подсека служила чаще всего средством расширения посевных площадей при более новых системах.

Ломка старых систем земледелия не могла начаться с крестьянского хозяйства, так как подавляющая масса крестьян после реформы оказалась в тисках общинного землепользования с принудительным севооборотом, с малыми голодными наделами, со скудной материальной базой, подрываемой выкупными и многими иными платежами и полукрепостной эксплуатацией со стороны помещиков. Специалисты сельского хозяйства ждали, что помещики, получив огромный выкуп за землю и за «крещенную собственность», быстро введут новые системы земледелия, соответствующие новым экономическим условиям. А. В. Советов, впервые в 1867 г. введший в науку понятие «системы земледелия», надеялся, что в России на смену паровой системе придет наиболее рациональная система — плодосменная¹. Но прошло еще 12 лет, и в 1879 г. в четвертом издании своего труда «О разведении кормовых трав на полях» он с огорчением констатировал, что переход к плодосменной системе почти не заметен². Главной причиной этого были пережитки ушедшей эпохи в сельском хозяйстве, в самих способах его ведения, пронизанных крепостничеством.

Несколько больше повезло многопольно-травяной системе в разных вариантах. Но ее развитие шло медленно, а в период мирового кризиса местами приостанавливалось совсем. Тульский помещик П. И. Левицкий, хозяйство которого в с. Алексеевском Чернского уезда считалось одним из самых передовых в России, писал в 1899 г.: «К сожалению, травосеяние забыто у нас в последнее время общего оскудения материальных средств, а главное — сельскохозяйственной мысли, и забыто притом именно хозяевами, от которых как бы отлетело всякое творчество в их области деятельности. Лет 20—25 тому назад в нашей местности, по крайней мере, было заметно сильное движение к развитию травосеяния, но затем, лет 10—15 тому назад, отчасти от сельскохозяйственных невзгод вообще, отчасти оттого, что именно в области травосеяния произошли некоторые неблагоприятия, — к нему охладели, и редкое хозяйство теперь не оставило многополья и не представляет собой реакции назад, т. е. не вернулось к прежнему трехполью или, реже, к четырехполью»³.

С улучшением мировой рыночной конъюнктуры развитие новых систем пошло быстрее. Чаще всего встречалась переход-

¹ А. В. Советов. О системах земледелия. — «Избранные сочинения». М., 1950, стр. 381.

² Там же, стр. 29 и др.

³ П. И. Левицкий. Письма из села Алексеевского (Чернского у.). Письмо XLVII. — «Хозяин», 1899, № 2, стр. 42.

ная — улучшенная паровая зерновая система. Улучшение паровой системы достигалось, в частности, введением в севооборот четвертого ярового клина и занятого пара. В некоторой части хозяйств, особенно связанных с производством интенсивных технических культур (свекла, табак, бахчевые и т. д.), продолжалось внедрение плодосменной системы. Наибольшие успехи в ее развитии приходились также на начало XX в. (до мировой войны).

К сожалению, не имеется никаких достойных внимания статистических данных, которые проливали бы свет на соотношение различных систем земледелия. Все обследования и описания имений в лучшем случае содержат сведения о севооборотах, о чередовании культур, что нельзя отождествлять с системой земледелия (например, при паровой зерновой системе севооборот может быть не только трехпольным, но и двух- и четырехпольным). Поэтому распространенность разных систем не удалось точно выяснить даже автору специальной, в целом очень ценной и интересной работы — Ф. С. Крохалеву⁴. Мы можем лишь отметить общий вывод исследователя, что и в XX в. значительно меньше половины посевной площади Европейской России входило в сферу действия новых, более совершенных систем земледелия⁵. По косвенным данным о севооборотах можно, вероятно, считать, что в помещичьих хозяйствах лишь в отдельных районах (например, свекловичный и картофельный) новые, улучшенные системы обеспечили перевес над архаическими, унаследованными от феодальной эпохи. Впрочем, известный исследователь систем земледелия В. М. Слободин высказался осторожнее, отметив лишь, что плодосменная система в этом районе «была развита больше, чем во всех других районах дореволюционной России»⁶.

В районе торгового скотоводства, по его данным, «получили распространение не развитые формы плодосменной системы земледелия, а переходные к ним от трехполья»⁷. Район торгового льноводства ввиду широкого распространения кабалы и отработок характеризовался преобладанием трехполья.

В районе торгового зернового хозяйства распространялась распашка целинных земель с забрасыванием выпашанных участков земель в перелог. Но это не была старая первоначальная переложная система. Будучи спутником развивавшегося капитализма, она на первых порах отвечала целям торгового земледелия. Позднее, в конце XIX — начале XX в., с уменьшением запаса свободных земель и здесь, как увидим ниже, появляются зачатки более рациональных систем и севооборотов.

⁴ Ф. С. Крохалев. О системах земледелия. Исторический очерк. М., 1960.

⁵ Там же, стр. 353.

⁶ «Тезисы докладов и сообщений седьмой (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1964, стр. 257.

⁷ Там же.

Может показаться, что вопрос о севооборотах в плане данной монографии не существен и был бы более уместен в специальной работе по истории земледелия и агрокультуры. Но мы и не предполагаем рассматривать его в узкоспециальном агротехническом плане. Задача состоит в том, чтобы и этот немаловажный элемент был учтен при характеристике уровня капиталистической эволюции помещичьего хозяйства. Тем более, что, как уже сказано, севообороты могут пролить свет и на вопрос о том, в какой степени системы земледелия у русских помещиков стали на уровень мирового капиталистического развития.

Ф. С. Крохалев определил, что посевная площадь, занятая «более совершенными и интенсивными севооборотами», к 1913 г. в России составляла приблизительно 10 млн. дес., или около 10% всей посевной площади⁸.

Этот очень суммарный вывод следовало бы конкретизировать; в частности, установить, какова была картина в разных районах, отдельно в помещичьих и крестьянских хозяйствах разных типов. К сожалению, ни правительственная, ни земская статистика обобщающих данных о севооборотах по всей массе хозяйств не оставила. Еще хуже обстоит дело с данными, которые могли бы раскрыть изменения во времени.

Для начальной хронологической грани нашего исследования имеются ценные сведения о развитии многополья в помещичьих хозяйствах Гжатского уезда Смоленской губернии (табл. 38).

Таблица в известной мере характеризует процессы, происходившие в помещичьем хозяйстве Гжатского уезда в период, когда все еще сильно сказывалось неблагоприятное влияние низких мировых хлебных цен, но появились уже некоторые признаки улучшения рыночной конъюнктуры.

В пределах одного уезда одни экономии, приспособляясь к изменившимся условиям, переходят к ведению торгового скотоводства, отчасти льноводства, в связи с чем вводят у себя многопольные выгонно-травяные севообороты или расширяют свою запашку. Таких хозяйств насчитывается 30%. Другие, наоборот, не выдержав конкурентной борьбы, бросают введенное многополье и сокращают запашку. Но таких меньше (18,3%). Наконец, около половины хозяйств (45,2%) вовсе не продвинулись по пути агротехнического прогресса и остались при прежних размерах запашки, а некоторые имения (6,5%) даже сократили запашку.

Таким образом, налицо различные тенденции развития помещичьего хозяйства: одна часть владельцев пытается рационализировать и интенсифицировать производство, другая же упорно держится старых, рутинных его форм или даже отказывается от

⁸ Ф. С. Крохалев. Указ. соч., стр. 355.

Таблица 38

**Изменения систем полеводства и размеров запашки в имениях
Гжатского уезда Смоленской губернии к 1901 г. ***

Группы хозяйств по земледельческому, дес.	Перешли к многополью или расширили запашку		Бросили многополье или сократили запашку		Остались при той же системе и не сократили запашку		Остались при той же системе, но сократили запашку	
	хозяйства	%	хозяйства	%	хозяйства	%	хозяйства	%
До 10	1	6,2	1	6,2	13	81,4	1	6,2
10—50	17	40,5	5	11,9	20	47,6	—	—
50—150	7	29,2	2	8,3	14	58,3	1	4,2
150—300	8	36,4	5	22,7	7	31,8	2	9,1
300—600	5	33,3	4	26,7	3	20,0	3	20,0
600—1000	2	14,3	6	42,9	6	42,8	—	—
Свыше 1000	6	30,0	5	25,0	6	30,0	3	15,0
Итого	46	30,0	28	18,3	69	45,2	10	6,5

* «Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть. Гжатский уезд», вып. II. Рязань, 1910, стр. 33.

сделанных нововведений. К сожалению, рассмотренным примечанием ограничиваются земские сведения такого рода.

Для позднейшего времени представляет интерес сводка, сделанная в ведомстве земледелия в результате анкетного опроса хозяев, проведенного в 1912—1914 гг. Сведения о севооборотах дали 4561 человек. Надо сразу же сказать, что, поскольку ответы присылали хозяева, которые вели учет или во всяком случае могли рассчитывать стоимость производства хлебов, большинство из них, по-видимому, вели хозяйство наемным трудом, капиталистическим способом. Таким образом, мы будем иметь дело со сведениями о самой передовой части хозяйств, представляющими максимум того, что было достигнуто в России в части организации посевной площади (табл. 39).

Сведения в источнике разбиты на две группы: с количеством пашни до 50 и свыше 50 дес. Судя по составу корреспондентов, можно считать, что в первой группе представлены главным образом крестьяне, во второй — частные владельцы. При рассмотрении таблицы мы будем условно называть первую группу мелкими хозяйствами, вторую — крупными.

Таблица наглядно показывает, что нечерноземная полоса отличалась более совершенными севооборотами, чем черноземная (без Юго-западного района). Представленную в первой полосе

Распределение хозяйств по видам севооборотов *

Районы	Хозяйства				Залежь		Двухполье		Трехполье		Четырех- полье		Многополье			
	с определенным севооборотом				до 50 дес. свыше 50 дес.		до 50 дес. свыше 50 дес.		до 50 дес. свыше 50 дес.		до 50 дес. свыше 50 дес.		зерновое		травяное	
	всего	до 50 дес.	свыше 50 дес.	свыше 50 дес.												
Промышленный	487	413	27	1	1	1	—	—	339	8	33	3	3	2	32	13
Белорусский	289	167	84	1	—	7	—	—	113	12	24	9	3	1	19	62
Литовский	114	57	51	—	—	—	1	—	41	10	6	10	3	—	7	30
Приозерный	375	293	33	3	—	—	—	—	209	3	30	2	11	2	37	26
Прибалтийский	189	119	42	—	—	—	—	—	4	—	8	—	5	1	102	41
Приуральский	533	469	15	3	—	7	1	1	433	7	20	1	1	2	5	4
Северный	259	235	6	5	—	2	—	—	203	5	14	—	4	—	2	1
Итого по нечерноземному	2246	1753	258	12	1	20	2	2	1347	45	140	25	30	8	204	177
в %	100	100	100	0,8	0,3	1,2	0,8	0,8	76,8	17,4	7,9	9,8	1,7	3,1	11,6	63,6
Центрально-земледельческий	474	287	166	—	1	2	—	—	253	73	22	42	4	19	6	31
Средневолжский	843	715	80	3	2	8	—	—	649	54	35	15	9	3	11	6
Нижневолжский	147	91	32	12	17	6	2	2	58	8	9	2	3	1	3	2
Новоросийский (Бессараб- ская и Херсонская губ.) . .	166	71	43	2	—	4	1	1	25	4	20	13	18	21	2	4
Юго-западный	191	80	87	—	—	1	—	—	55	30	12	13	2	14	10	30
Малоросийский	494	315	80	6	1	2	—	—	211	27	53	36	31	10	7	6
Итого по черноземному	2315	1559	488	23	21	23	3	3	1251	196	156	121	67	63	39	79
в %	100	100	100	1,5	4,3	1,5	0,7	0,7	80,2	40,1	10,0	24,8	4,3	13,9	2,5	16,2
Итого по Европейской России	4561	3312	746	35	22	43	5	5	2598	241	296	146	97	76	243	256
	100	100	100	1,1	2,9	1,3	0,7	0,7	78,4	32,3	8,9	19,6	2,9	10,2	7,4	34,3

* «Стоимость производства главных хлебов», вып. 1. Пг., 1915, стр. 442, 449. Районы даны по источнику.

несколькими случаями залежь, очевидно, следует понимать как пашню, запущенную под сенокос по малой выгодности ее возделывания (такие случаи были здесь нередки и в конце XIX и в начале XX в.). $\frac{2}{3}$ крупных и $\frac{1}{6}$ мелких хозяйств перешли к многопольным севооборотам, $\frac{1}{10}$ крупных и $\frac{1}{12}$ мелких ввели четырехполье. По развитию многополья, особенно травяного, на первом месте был Прибалтийский район, где такие севообороты были у всех крупных и у $\frac{9}{10}$ мелких хозяйств. За ним следовали Приозерный (соответственно $\frac{4}{5}$ и $\frac{1}{6}$), Белорусский ($\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{7}$) и Промышленный ($\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{12}$).

В последних трех районах выделялись губернии с развитым льноводством — Псковская, Смоленская и Тверская, — где подавляющее число крупных владельцев, а в Псковской и $\frac{1}{4}$ мелких завели травяные многопольные севообороты.

Улучшенные севообороты нечерноземной зоны имели за собой солидное прошлое. Вначале это были четырехпольные севообороты с клевером. Еще в дореформенное время практиковались севообороты В. А. Левшина, С. И. Гагарина и И. И. Самарина (пар, озимь, клевер, яровое) с некоторыми вариациями⁹, в конечном счете не оправдавшие себя вследствие частого возвращения клевера на то же поле («клевероутомление»). Впоследствии в нечерноземной зоне большой популярностью стал пользоваться разработанный А. Н. Энгельгардтом семипольный севооборот (например, в льноводческом районе — пар, озимь, яровое, клевер, клевер, клевер, лен).

Введение в севооборот большой доли клевера способствовало улучшению содержания скота и накоплению в почве азотистых веществ. Кроме того, клевер явился прекрасным предшественником для льна. Критике этот севооборот подвергался за его повышенную экстенсивность: из семи полей три занимали травы и одно поле — пар.

В черноземной полосе, как видно из таблицы, введение многопольных севооборотов даже в передовых хозяйствах было в самой начальной фазе. На первый план выдвинулось зерновое многополье. В Средневожском районе только $\frac{1}{10}$ крупных и $\frac{1}{35}$ мелких хозяйств ввели многополье, в Нижневожском соответственно $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{15}$, в Малороссийском — $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{8}$ хозяйств. Более развиты были улучшенные севообороты у помещиков Центрально-земледельческого района, где они применялись в $\frac{1}{3}$ крупных хозяйств и лишь в $\frac{1}{30}$ мелких. В Херсонской губернии более половины крупных хозяев завели многополье, преимущественно зерновое, в Бессарабской — $\frac{2}{3}$ исключительно зерновое, за ними последовала $\frac{1}{3}$ мелких хозяйств.

⁹ Ф. С. Крохалев. Указ. соч., стр. 73.

Особо следует остановиться на Юго-западном районе. В черноземной полосе этот район занимал первое место по многополью ($\frac{1}{3}$ крупных и $\frac{1}{8}$ мелких хозяйств). По четырехпольным севооборотам, судя по сводке, район занимал среднее положение. Но здесь надо отметить большую поляризацию хозяйств. Многие имения в Правобережье были обременены сервитутами, другие страдали исключительной чересполосностью, что сильно мешало рационализации хозяйства.

Важное место занимали здесь крупные свекловодческие и картофелеводческие хозяйства Правобережья и Левобережья, имевшие наиболее рациональные севообороты. Для них можно считать более или менее установившимся четырехпольный севооборот: пар, озимь, свекла, яровое.

Как пример перехода к этому севообороту можно привести имение Белый Колодезь Волчанского уезда Харьковской губернии: В 80-х годах здесь были севообороты: трехпольный — на ближних полях, четырехпольный — на средних и одиннадцатипольный с посевом трав и выгонами — на дальних. Но уже к концу XIX в., чтобы увеличить посевы свеклы, был введен один четырехпольный севооборот, в котором свекле отводилась $\frac{1}{4}$ всей площади. Культура многолетних трав из севооборота была изгнана ¹⁰.

В картофелеводческих хозяйствах третье поле занимал картофель.

Насколько можно судить по итогам обследования «картофельных» хозяйств с винокуренными заводами в Киевской губернии, там четырехпольный севооборот численно преобладал над другими. Однако были широко распространены клеверные и люпиновые, 5—16-польные ¹¹. В частности, в Шпиковском имении Н. П. Балашова (Подольская губерния) применялись на разных участках 4-, 8-, 10-, 11- и 16-польные севообороты.

Севообороты в помещичьих имениях большинства районов чаще всего устанавливались в зависимости от того, сколько пашни можно было сдать в аренду крестьянам. Обычно на своей запашке владелец заводил многопольный севооборот с травами, пропашными культурами, занятыми парами и т. д. На площади же, сдаваемой в аренду крестьянам, продолжало господствовать трехполье или самое беспорядочное пестрополье. Так, в Колыбельской экономии Е. Н. Тевяшова (Острогожский уезд Воронежской губернии) к 1906 г. на экономической пашне (1635 дес.) был 12-польный севооборот, а на сдаваемой крестьянам (1700 дес.) — трехпольный ¹². Умножать примеры здесь нет не-

¹⁰ Ф. С. Крохалев. Указ. соч., стр. 328—329.

¹¹ «Труды Комиссии по изучению хозяйств Юго-западного края», вып. I. Киев, 1912, стр. 12; вып. III. Киев, 1912, стр. 15.

¹² «Описание хозяйства Колыбельской экономии Е. Н. Тевяшова и наследни-

обходимости, так как подобное положение было всюду, где имела место сдача земли крестьянам в мелкую аренду. В степных районах на сдаваемых землях часто не было никакого правильного чередования полей. Все зависело от того, под какой хлеб крестьяне снимут землю. Более того, и севообороты на экономической запашке не были постоянными и ломались, если, например, крестьяне увеличат спрос на аренду земли на выгодных для владельца условиях.

Несмотря на то, что многопольные севообороты далеко не были новинкой в российском земледелии, стародедовская трехполка оставалась основным севооборотом в мелких хозяйствах и далеко еще не была изгнана из крупных. В черноземной полосе она занимала 40% полей крупных хозяйств. А если к ним прибавить 5% залежей и двуполья и 11,6% неустроенных севооборотов, то окажется, что больше половины пашни даже у передовых хозяйств было вне сферы рациональных севооборотов.

В 1912 г. журнал «Южное хозяйство» писал: «Теперь, когда в хозяйствах в большинстве случаев никакого чередования растений почти нет, хозяевам аренда земли с определенным чередованием полей кажется трудной и даже непонятной...»¹³

Едва ли есть необходимость специально останавливаться на районах с преобладанием отработочной системы. Тенденция к введению рациональных севооборотов была и там, но проявлялась слишком слабо, а архаические способы организации полеводства преобладали не только на арендуемых крестьянами землях, но и в собственном хозяйстве помещиков.

Многопольные севообороты здесь часто сочетались с отработками. В одном из лучших свеклосахарных хозяйств Курской губернии — Шебекинском имении графов А. А. и Н. А. Ребиндер был установлен 10-польный севооборот, а «обработка полей, уход за растениями и уборка производятся частью собственным, частью наемным инвентарем»¹⁴. Выше говорилось о Ракитянском имении Юсуповых, где многополье уживалось с наполовину отработочным ведением хозяйства. Упоминалось также имение В. Н. Гагарина. О рядовых же хозяйствах говорить не приходится. Правда, и здесь уже не были большой редкостью капиталистически организованные хозяйства. Укажем хотя бы на имения И. И. Шатилова, П. И. Левицкого и Ю. А. Олсуфьева в Тульской губернии, имение Бессоновку О. И. Иоста в Курской губернии и др.

Огромные суммы получаемой с крестьян арендной платы за

ков Н. Н. Тевяшова. С 1895 по 1905 г. включительно». Царское село, 1907, стр. 3—4.

¹³ «Южное хозяйство». Екатеринослав, 1912, № 22, стр. 4.

¹⁴ «Основы Шебекинского хозяйства Курской губернии Белгородского уезда имения генерал-лейтенанта Александра и коллежского советника Николая Алексеевича Ребиндер». Б/м. и г., стр. 20.

землю и другие доходы позволяли многим помещикам заводить у себя на небольшой части земли передовые способы полеводства. Но те же доходы одновременно и избавляли их от необходимости заниматься этим делом всерьез, по-настоящему рационализировать хозяйство.

Не менее важно, что монополия помещиков на землю сильнейшим образом препятствовала росту агрикультуры на огромных площадях, сдаваемых в аренду крестьянам на короткие сроки. Для них характерны не только стародедовские севообороты или даже всякое отсутствие их, но и примитивная небрежная обработка, отсутствие удобрений и т. п.

Подъему земледельческой культуры, росту интенсификации препятствовала также своеобразная забота помещиков о «поддержании» плодородия сдаваемых в аренду земель. Речь идет о ряде агротехнических ограничений, налагававшихся владельцами на арендаторов. Как высказался корреспондент из Кузнецкого уезда Саратовской губернии, психология владельца-сдатчика выражается в том, что «чем хуже обрабатывается земля, тем лучше для владельца, тем менее истощается почва»¹⁵. Помещики, сдавая землю, ставили условия занимать под интенсивные культуры не более определенной части арендованной земли. Например, подсолнух обычно разрешалось сеять на $\frac{1}{3}$ площади. Ограничивались посевы кукурузы, свеклы, сурепки. Саратовские статистики отмечали, что подобные ограничения «имеют, как самооборона против излишнего хищничества, лишь отрицательно-хозяйственное значение»¹⁶.

Переходя к конкретному рассмотрению полевого хозяйства помещиков, полезно выяснить, насколько благоприятна была для его развития рыночная конъюнктура.

Как уже говорилось, в России с начала 80-х годов (в Европе с конца 70-х) до самой середины 90-х годов продолжалось стремительное падение хлебных цен, затем они несколько стабилизировались и лишь с самого конца десятилетия постепенно пошли вверх. По собранным от хозяев сведениям на 1887 г. статистики ведомства земледелия рассчитали, что только пшеница еще приносила прибыль производителям. Рожь лишь в нескольких южных губерниях давала незначительную прибыль (4—6 руб. на десятину); на Левобережной Украине она приносила убытки в 2—8 руб., в центрально-черноземных губерниях — 1—10 руб., в восточных — 3—7 руб. Убыточным было и производство овса¹⁷.

¹⁵ «Материалы для оценки земель Саратовской губернии», вып. II. «Эксплуатация пашни в частновладельческих хозяйствах и внеадельные аренды». Саратов, 1905, стр. 61.

¹⁶ Там же, стр. 61.

¹⁷ «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. III. СПб., 1890, стр. XIII—XIX, XLII—XLIX.

Аналогичный расчет был сделан по анкетам, разосланным хозяевам в 1912 г. Ограничимся здесь рассмотрением данных по трем районам, а также по черноземной и нечерноземной зонам и только по одной культуре — озимой ржи (табл. 40).

Ответы на анкету давали, как уже сказано, по преимуществу капиталистически хозяйствующие помещики и зажиточные крестьяне. Как видно из данных табл. 40, к 1912—1914 гг. производство ржи было выгодным делом как в показанных трех районах — Промышленном, Центральном-земледельческом, Южном степном, — так и по всей Европейской России, включая обе ее почвенные полосы — черноземную и нечерноземную. Предоставляя читателю сравнение итогов по районам, отметим, что в среднем по Европейской России при затратах на десятину посева в 51 р. 51 к. и среднем урожае 72,7 пуда рыночная стоимость урожая зерна и соломы составляла 75 р. 88 к., т. е. получилась прибыль в 24 р. 37 к. с десятины.

Производство других зерновых также стало выгодным по всем районам. В среднем по Европейской России десятина овса приносила 19 р. 73 к., десятина озимой пшеницы — 44 руб. 97 к. прибыли¹⁸. Поскольку сдача земли крестьянам на один посев могла принести 13 р. 38 к. с десятины, т. е. почти вдвое меньше, чем собственный посев, создались, следовательно, условия для сокращения помещиками и кулаками сдачи земли в краткосрочную аренду. Но слишком велики были противоречия экономической жизни российской деревни, связанные с земельной нуждой крестьянства и слабостью капиталистического предпринимательства в земледелии. Как уже отмечалось, при некотором общем сокращении сдачи земли в аренду именно краткосрочная аренда из года в год расширялась. Голодные крестьянские аренды, доставляя помещикам доходы без хлопот по ведению собственного хозяйства, служили, таким образом, сильнейшим тормозом развития капиталистического земледелия у помещиков.

Однако многие помещики, воспользовавшись повышательной конъюнктурой, значительно расширили производство хлебов за счет сокращения сдачи земли, уничтожения залежей и пастбищ и подняли доходность своих имений. Едва ли не на первом месте была в этом отношении Карловская экономия. Изменения размеров производства, расходов и доходов этого хозяйства показаны в табл. 41.

Площадь посевов в Карловке за 14 лет выросла вдвое и составила к 1914 г. 25,5 тыс. дес. Еще больше выросли вложения капитала: стоимость инвентаря с 1893 г. выросла в 5 раз (до 2,3 млн. руб.), производственные расходы — в 10 раз (до 3,2 млн. руб.). Прибыль показывала колебания с тенденцией к

¹⁸ «Стоимость производства главнейших хлебов», вып. I, стр. 390, 398.

Таблица 40

Стоимость производства озимой ржи

Район	Стоимость работ	Посевной материал	Удобрение с вывозом навоза	Косвенные расходы	Всего расходов
Центрально-земледельческий	20—71	7—00	9—97	7—38	45—06
Южный степной	21—10	5—39	1—73	6—10	34—32
Черноземная полоса	23—32	5—98	7—63	6—51	43—44
Промышленный	25—13	9—35	19—46	6—78	60—72
Нечерноземная полоса	25—87	9—21	18—36	6—13	59—57
Итого	24—59	7—60	13—00	6—32	51—51

* «Стоимость производства главнейших хлебов», вып. I, стр. 362—375. Районы даны

уменьшению процента к авансированному капиталу, но масса ее выросла более чем втрое.

Грандиозного развития достигло хозяйство П. И. Харитоненко. В 10 его имениях, расположенных в Харьковской, Курской, Полтавской и Черниговской губерниях, насчитывалось 89 тыс. дес. земли, в собственную запашку к 1912 г. поступало ежегодно 66 000 дес. Расход на десятину озимой пшеницы составлял 64 р. 13 к., себестоимость пуда — 56 коп. При урожайности в 115 пудов и рыночной цене 80 коп. за пуд владелец с каждой десятины посева мог получать прибыли 27 р. 60 к.¹⁹

Таким образом, если в конце XIX в. добавочные вложения капитала в землю сплошь и рядом не окупались и приносили убыток, то в начале XX в. положение стало иным. Сравним результаты производства яровой пшеницы у крестьян Полтавского уезда в 1902—1908 гг.²⁰ и в Чутовском имении того же уезда в 1910 г.²¹

	У крестьян	В Чутове
Затраты на десятину, руб. . .	23,37	52,48
Урожай, пуд	48	81
Цена за пуд, коп.	80	89
Валовая доходность, руб. . .	38,40	72,09
Чистая доходность, руб. . . .	15,03	19,61
Рента, руб.	14,00	14,00
Прибыль, руб.	1,03	5,61

¹⁹ «Стоимость производства главнейших хлебов», вып. II, стр. 370—371.

²⁰ «Земли Полтавской губернии и их доходность. Полтавский уезд». Полтава, 1911.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 934, оп. 1, д. 321, лл. 23—25.

Средний урожай, пуд.	Цена пуда 1908— 1912 гг., коп.	Стоимость урожая зерна	Стоимость урожая соломы	Всего стоимость	Съемная или сдаточная цена десятины на 1 посев	Прибыль без учета съем- ной цены
73,4	79	57—98	9—90	67—88	20—98	22—82
66,6	79	52—61	7—67	60—28	16—12	25—96
72,5	78	56—55	9—93	66—48	15—62	23—04
71,0	95	67—45	11—63	79—08	8—87	18—36
72,9	95,9	69—91	15—57	85—48	11—13	25—91
72,7	87,0	63—25	12—63	75—88	13—38	24—37

по источнику.

Главной отраслью частновладельческого хозяйства являлось земледелие, точнее полевое растениеводство. Рассмотрим вопрос о размерах посевных площадей и их структуре. Единственным источником, содержащим сведения о посевных площадях под отдельными культурами в частновладельческих хозяйствах для периода до первой мировой войны, являются издания Центрального статистического комитета министерства внутренних дел (ЦСК МВД) «Урожай ... года». Методика собирания и обработки данных для этих изданий была явно порочной. Посевные площади делились на две категории: посевы на крестьянских наделных землях и владельческие посевы. В последнюю категорию включались все посевы, произведенные не на наделных землях. Таким образом, значительная часть крестьянских посевов, произведенных на купчих и арендованных землях, оказывалась в числе владельческих посевных площадей, в результате чего, как будет показано ниже, доля частновладельческих посевов сильно преувеличивалась. Поэтому данными Центрального статистического комитета, по нашему убеждению, можно пользоваться только в целях характеристики основных изменений в структуре посевных площадей и в размещении отдельных культур по районам страны.

Таблица 42, составленная по указанным источникам, представляет собой сравнение владельческих посевных площадей под отдельными культурами к 1900 и 1913 гг.

Главное направление изменений в структуре посевных площадей, как это явствует из приведенных в таблице данных, состояло в том, что в частновладельческом хозяйстве в течение рассматриваемого периода все большее значение приобретали

Расходы и доходы Карловского имения (руб.) *

Вид расходов	1893/94 г.	1899/1900 г.	1913/14 г.
Всего посева, дес.	11 737	12 441	25 548
Содержание служащих экономий главной канторы, врачебной и ветеринарной частей, охрана, комиссия, отопление, освещение	85 468	124 473	302 858
на десятину	7,28	10,00	11,85
Производственные расходы по полеводству и скотоводству (без откорма при заводах)	338 878	370 187	3 247 234
на десятину	28,87	29,76	127,10
Налоги и сборы	31 586	36 110	94 731
Ремонт и страхование инвентаря и сооружений, возведение новых построек	18 991	53 279	112 710
Всего расходов	474 923	584 049	3 757 533
Стоимость инвентаря	441 900	670 700	2 313 800
Всего авансированного капитала	916 800	1 254 700	6 071 300
Прибавочная стоимость, включая ренту	172 400	480 000	602 300
%	18,8	38,3	9,9

* ЦГИА СССР, ф. 556 (Мекленбург-Стрелицких), оп. 1, [д. 854, лл. 11 об. — 16; д. 915, лл. 110 об. — 115; д. 963, лл. 1 об. — 7.

торговые экспортные хлеба, особенно яровая пшеница и ячмень, заметно определялась специализация районов по производству отдельных видов сельскохозяйственной продукции, к которым приспособлялись другие.

«Владельческая» посевная площадь яровой пшеницы увеличилась по Европейской России с 4,1 млн. до 5,5 млн. дес., или на 34%. Из 50 губерний прирост наблюдался в 25, из 11 районов — в 6. Особенно большой прирост посевов дали Нижневолжский район с Заволжьем — с 1,2 млн. до 2,2 млн. дес., или на 90%, в том числе Самарская губерния почти удвоила посевы пшеницы (с 563, 6 тыс. до 1036,0 тыс. дес.), а Уфимская — утроила (с 61,8 тыс. до 193,9 тыс. дес.). Значительным был рост посевов в Оренбургской (вдвое), Саратовской (в 1,7 раза) и в других губерниях этого района.

Увеличились посевы яровой пшеницы также в Средневолжском районе с Заволжьем (в три с лишним раза), почти исключительно за счет Пермской губернии (прирост с 23,1 тыс. до 96,2 тыс. дес., т. е. в четыре с лишним раза); расширились

посевные площади в Южном степном, Южно-черноземном и Северо-черноземном районах. В других районах наблюдалось большее или меньшее сокращение посевов. Посевы озимой пшеницы увеличились менее значительно, чем яровой (с 1812,2 тыс. до 1966,3 тыс. дес.), причем почти весь прирост приходился на Южный степной район; здесь посевы озимой пшеницы по темпам роста стали обгонять яровые и к 1913 г. достигли почти трети всех посевов пшеницы. Доля посевов яровой пшеницы во всей массе посевных площадей указанных в таблице культур повысилась в целом с 18,9% в 1900 г. до 22,4% в 1913 г., а вместе с озимой — с 25,2 до 30,4%.

Таблица 42

Посевные площади на частновладельческих землях по культурам в 1900 и 1913 гг.

Культуры	1900 г. *		1913 г. **	
	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу
Рожь озимая	6219,4	28,8	6208,4	25,2
Рожь яровая	45,1	0,2	45,9	0,2
Пшеница озимая	1812,2	8,3	1966,3	8,0
Пшеница яровая	4118,1	18,9	5517,4	22,4
Овес	4486,4	20,6	4261,4	17,3
Ячмень озимый	—	—	11,4	0,1
Ячмень яровой	1986,2	9,1	3245,6	13,2
Полба	48,1	0,2	25,7	0,1
Гречиха	543,6	2,5	463,9	1,9
Просо	617,3	2,7	687,4	2,8
Горох	256,9	1,2	321,1	1,3
Чечевица	109,4	0,5	105,9	0,4
Бобы	38,2	0,2	31,2	0,1
Кукуруза	419,4	1,9	542,0	2,2
Картофель	641,5	2,9	847,5	3,5
Лен	363,3	1,7	274,3	1,1
Конопля	80,4	0,3	58,6	0,2
Итого	21 785,5	100,0	24 614,0	100,0

* «Урожай 1900 года», I. «Озимые хлеба и сено». Изд. ЦСК МВД. «Статистика Российской империи», LI. СПб., 1900, стр. 4—93; там же, II. «Яровые хлеба, картофель, лен и конопля». СПб., 1901, стр. 2—439.

** «Урожай 1913 г. в Европейской и Азиатской России», I. «Озимые хлеба и сено», Изд. ЦСК МВД. «Статистика Российской империи», LXXXI. СПб., 1913, стр. 2—93; там же, II. «Яровые хлеба, картофель, подсолнух, конопля и хлопок». СПб., 1914, стр. 2—497.

Относительный рост посевной площади ячменя был еще большим — с 1986,2 тыс. до 3257 тыс. дес., т. е. на 63%. Максимальный прирост дал Южный степной район — с 1253,3 тыс. до 2368,9 тыс. дес., т. е. на 88%. Некоторый прирост посевов ячменя был и в других районах черноземной полосы, тогда как во всей нечерноземной полосе его посевы сократились. В целом по Европейской России доля посевов ячменя в общей посевной площади увеличилась с 9,1 до 13,3%.

Посевы ржи в основном остались без изменения; они увеличились лишь в четырех районах: Западном, Средневолжском с Заволжьем, Южночерноземном и Нижневолжском с Заволжьем и сократились в остальных семи районах. Однако доля посевов ржи в общей посевной площади в связи с абсолютным ростом последней сократилась с 30 до 25,4%. Посевы овса в целом сократились, и доля его в посевных площадях снизилась с 20,6 до 17,3%. Но в районах, производивших овес преимущественно на экспорт (Южный степной, Нижневолжский с Заволжьем), посевы овса были расширены.

В течение рассматриваемого периода подходил к концу процесс вытеснения посевов полбы более ценными хлебами. Уменьшились посевы гречихи, бобов, чечевицы, но увеличились посевы проса и гороха.

Признаком интенсификации частновладельческого земледелия явилось расширение посевов картофеля с 641,5 тыс. до 847,5 тыс. дес., т. е. на 32%. Наибольший абсолютный прирост дали районы развитого винокурения — Западный и Северочерноземный. Наряду с этим наблюдались и процессы противоположного характера — снижение посевов технических культур. Так, посевы льна сократились с 363,3 тыс. до 274,3 тыс. дес., составив в 1913 г. лишь 75% посевной площади 1900 г. Доля посевов льна во всей посевной площади уменьшилась с 1,7% до 1,1%. Сократились и без того небольшие размеры посевов конопли.

Приведенные сведения дают возможность проследить процесс специализации частновладельческого хозяйства разных районов на производстве тех или иных сельскохозяйственных продуктов. Обращает на себя внимание односторонний характер специализации, ставящий под угрозу ее экономическую целесообразность. Особенно это видно на примере районов, где развивалось производство товарных хлебов с выделением одной торговой монокультуры. Так, в Южном степном районе уже в 1900 г. зерновые хлеба составляли 5821,3 тыс. дес. из 6110,1 тыс. дес. всей посевной площади, т. е. 95,2%, тогда как крупяные и бобовые занимали лишь 2%, технические (картофель, лен и конопля) — 2,8%. К 1913 г. зерновые хлеба составляли 7426,9 тыс. дес. из 7618,8 тыс. дес. общей площади, т. е. 97,5%, тогда как на долю крупяных и бобовых приходилось уже только 1,1% и на долю технических — всего лишь 1,4%. Некогда Южный степной рай-

он славился производством льна-кудряша на семя; за 13 лет посе­вы этой ценной культуры сократились со 114,7 тыс. до 46,3 тыс. дес., т. е. в 2,5 раза.

Для перспектив дальнейшего развития сельскохозяйственно­го производства односторонняя специализация была осо­бенно неблагоприятной в Поволжье с его капризными кли­матическими условиями. Но и здесь, в Нижневолжском районе с Заволжьем, за исключением Казанской и Симбирской губер­ний, в 1900 г. посе­вы зерновых занимали 89,4% всей площади, посе­вы же крупяных и бобовых — 8,5%, технических — 2,1%.

Специализация сельскохозяйственных районов происходила и по другим культурам. Выше уже указывалось на увеличение производства картофеля в районах винокурения и крахмало­паточного производства. Характерным явлением было измене­ние в размещении производства льна-долгунца. В конце XIX в. больше всего его сеяли в Западном районе (в 1900 г. 47,2 тыс. дес.). К 1913 г. первенство перешло к Промышленному району: здесь посе­вы льна увеличились с 36,5 тыс. до 59,3 тыс. дес., т. е. в 1,6 раза, тогда как в Западном районе посе­вы остались почти на прежнем уровне.

Процесс специализации районов особенно отчетливо просле­живается при сравнении площади под главным продуктом со всей посевной площадью.

Как правило, посевная площадь под культурой, на возделы­вании которой было сосредоточено особое внимание частных вла­дельцев, возрастала значительно быстрее, чем вся посевная пло­щадь (табл. 43). Так, в Херсонской губернии вся посевная пло­щадь с 1900 по 1913 г. увеличилась на 19%, а площадь посе­вов ячменя — в 2,3 раза. В Смоленской губернии посе­вы увели­чились на 12%, в том числе под культурой льна в 2,1 раза и т. д.

Ввиду специального интереса к крупному помещичьему хо­зяйству полезно рассмотреть структуру посевных площадей по разным группам хозяйств. Для подавляющего большинства их массовые данные по этому вопросу имеются в упоминавшемся «Своде по России», а также в аналогичной сводке по Централь­но-промышленному району²² (табл. 44).

В частновладельческом секторе наблюдался довольно высо­кий уровень концентрации производства. В 69 089 хозяйствах с посевом до 250 дес. было 3013,6 тыс. дес. посевов, тогда как в 7124 хозяйствах с посевом свыше 250 дес. — 3991,9 тыс. дес.

²² ЦГИА СССР, ф. 433 (Сельско-продовольственной части МВД), оп. 3, д. 73, лл. 1—10. Правда, в «Своде по России» сумма процентов в итоге не дает 100, но расхождение составляет менее одного процента, что для наше­го анализа не имеет никакого значения. Во всяком случае данные «Свода по России», основанные на итогах переписи 1916 г., намного точнее сведений Центрального статистического комитета.

Т а б л и ц а 43

Изменение площадей под главной торговой культурой по некоторым губерниям
(в тыс дес.)*

Губернии	Направление специализации	Под ведущей культурой			Под всеми культурами			Доля посевов ведущей культуры в общей площади, в %	
		1900 г.	1913 г.	в % к 1900 г.	1900 г.	1913 г.	в % к 1900 г.	1900 г.	1913 г.
Минская	Картофель	49,9	77,4	155	498,6	484,0	97	10,0	16,0
Смоленская	Лен . . .	16,4	33,9	207	244,6	243,9	100	6,7	13,9
Тамбовская	Рожь . . .	346,1	401,1	116	748,6	837,4	112	46,2	47,9
Херсонская	Ячмень . .	346,8	786,3	227	1837,4	2190,1	119	18,9	35,9
Самарская	Пшеница .	563,7	1038,6	184	913,6	1537,3	168	61,7	67,6

* Составлена по тем же источникам, что и табл. 42.

Пропорция сельскохозяйственных культур по посевным

Группы хозяйств по посеву, дес.	Число хозяйств	Всего посева, тыс. дес.	В том числе по культурам, в %								
			Рожь озимая	Рожь яровая	Пшеница озимая	Пшеница яровая	Овес	Ячмень	Просо	Гречиха	Горох
Без посева	7 970	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
До 10	16 463	65,8	29,64	0,51	3,04	3,46	26,75	6,56	1,52	2,19	0,71
10—50	28 275	658,9	25,77	0,34	7,83	11,08	22,13	10,23	1,92	2,22	0,43
50—100	14 065	792,0	20,27	0,25	12,15	14,29	18,44	16,10	1,78	1,22	0,32
100—250	10 286	1496,9	20,61	0,90	14,12	9,58	21,22	13,36	1,98	1,15	0,61
250—500	4 411	1543,3	16,45	0,13	19,27	7,89	21,42	10,42	2,67	1,13	1,44
500—1000	2 020	1324,2	13,45	0,14	21,35	8,75	19,63	8,72	3,19	0,86	2,11
1000—5000	682	1054,0	13,39	0,14	17,23	13,23	16,64	8,91	3,32	0,59	1,32
Свыше 5000	11	70,4	14,88	0,19	11,72	16,21	16,48	5,49	4,98	0,01	0,85
И т о г о	84 183	7005,5	17,91	0,19	15,90	10,43	20,02	11,16	2,53	1,14	1,10
Центральный промышленный район	12 095	195,6	27,08	0,14	0,36	0,39	29,97	1,87	0,59	0,49	0,17

ЦГИА СССР, ф. 433 (Сельско-продовольственной части МВД), оп. 3, д. 73, лл. 1—20.

Поскольку крупные запашки в 500, 1000 и более десятин трудно вести при помощи крестьянского инвентаря, приведенные цифры свидетельствуют о значительном развитии капиталистического земледелия.

Как показывают данные табл. 44, в крупных хозяйствах более, чем в мелких и средних, заметен переход от так называемых серых хлебов (ржи и овса) к более ценным торговым культурам, прежде всего пшенице.

Доля посевов овса и ячменя, несколько возрастающая в низших посевных группах, снижалась начиная с группы 250—500 дес. тем больше, чем крупнее группа имений. Противоположную тенденцию дают посевы проса. Гречиха и картофель, имевшие преимущественно потребительское значение, сеялись больше в мелких и совсем мало — в крупных хозяйствах. Лен возделывался больше всего в мелких и самых крупных хозяйствах и меньше — в средних.

Производство сахарной свеклы, как уже говорилось, было сосредоточено в крупных помещичьих хозяйствах. В трех высших группах, вместе взятых, доля этой культуры была вдвое больше, чем по всем хозяйствам в целом.

Т а б л и ц а 44
группам частновладельческих хозяйств в 1916 г.*

В том числе по культурам, в %												
Картофель	Лен	Свекла сахарная	Свекла кормовая	Подсолнечник	Кукуруза	Табак	Бахчевые	Огородные	Травы однолетние	Травы многолетние	Неявка	Итого
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9,03	1,73	0,73	0,28	0,34	0,61	0,11	0,53	0,90	2,51	7,86	0,99	100
3,32	1,07	0,38	0,18	0,63	1,19	0,05	0,40	0,26	2,51	7,29	0,77	100
2,17	0,78	0,47	0,19	0,75	1,40	0,01	0,34	0,09	2,50	6,03	0,45	100
2,66	0,47	1,43	0,22	0,61	0,95	0,02	0,21	0,08	2,70	7,20	0,08	100
2,07	0,36	4,75	0,31	0,54	1,25	0,01	0,12	0,18	2,67	6,05	0,82	100
1,50	0,38	8,52	0,33	0,44	1,40	0,04	0,10	0,19	2,67	5,41	0,82	100
1,26	0,72	10,18	0,25	0,47	0,90	0,00	0,09	0,10	2,73	7,82	0,71	100
0,43	0,90	9,90	0,25	1,17	0,88	—	0,02	0,04	1,67	13,30	0,63	100
2,16	0,59	4,51	0,26	0,57	1,17	0,02	0,19	0,15	2,64	6,65	0,71	100
5,43	2,11	0,03	0,26	—	—	—	0,02	0,59	2,66	27,51	0,33	100

Следует отметить ведущее место самой высшей группы в возделывании подсолнечника. Напротив, в производстве табака, бахчевых и огородных культур роль крупных посевищиков была совсем незначительна.

По посевам трав, особенно многолетних, на первом месте были самые крупные, за ними следовали мелкие, а потом среднего размера хозяйства. Можно думать, что если в низших группах травосеяние было сравнительно широко развито главным образом вследствие недостатка кормовых угодий, в средних оно более или менее соответствовало требованиям рационализации севооборотов, то в крупнейших хозяйствах его развитие связано с исключительным многоземельем, с невозможностью обработать своими силами громадную площадь имений.

Таковы краткие наблюдения над распределением культур по посевным группам.

Коснемся вкратце вопроса об удобрениях. Главным видом удобрения полей как в крестьянском, так и в частновладельческом хозяйстве являлся навоз. Как показывают данные, собранные от хозяев отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики министерства земледелия и государственных имуществ в 1897 г., применение навозного удобрения было неравномерным. По его распространенности территория Европейской России делилась на несколько полос²³. Самая большая полоса, где внесение навоза считалось обязательным, охватывала все нечерноземные губернии (кроме южных уездов приуральских губерний) и значительную часть нестепных черноземных губерний.

Далее к юго-востоку простирались две сравнительно узкие полосы, в которых навозное удобрение практиковалось или «большинством частных владельцев и многими из крестьян», или (нижняя полоса) «многими землевладельцами и меньшинством крестьян». Затем шла полоса той же примерно ширины, где навоз применяли «многие или некоторые землевладельцы и только немногие, скорее даже единичные, крестьянские хозяйства».

В остальной части черноземной полосы, в том числе в южных уездах Харьковской, Воронежской и Саратовской губерний, на западе Херсонской и Таврической губерний, на территории почти всей Екатеринославской, а также юго-восточных губерний навозное удобрение применялось только в качестве первых опытов.

Уже из приведенного обзора очевидно, что помещичьи хо-

²³ «Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. X. «Распространенность навозного удобрения в России». СПб., 1901, карта.

зайства применяли, как правило, больше навозного удобрения, чем крестьянские. По сообщениям корреспондентов подсчитано, что для первых средняя норма увала пашни навозом составила 2800 пудов на десятину в черноземной полосе России и около 2000 пудов в нечерноземной, а для вторых — соответственно 2200 и около 1400 пудов²⁴. Такая разница объяснялась тем, что в нечерноземной полосе унавоживали всю или как можно большую часть парового поля, а в черноземной — значительно меньшую часть, на ближайших к усадьбе участках. Было подсчитано также, что владельческие поля получали навоза больше, нежели крестьянские, в нечерноземной полосе на 27 %, а в черноземной — на 43 %²⁵.

Конечно, эти цифры относятся лишь к той площади, которая получала удобрение. Важнее было бы установить, какая доля пашни удобрялась у помещиков в сравнении с количеством имевшейся у них пашни в собственности, с размером собственной запашки и с крестьянским хозяйством. Однако по этим вопросам надежных, тем более массовых, данных не имеется.

В черноземной полосе значительные площади частновладельческой земли не унавоживались потому, что владельцы не считали это необходимым из-за жирности почв, а также обилия земли.

Помещики, более богатые капиталами, раньше крестьян и в больших масштабах стали применять и искусственные удобрения. Попытаемся конкретно определить меру этих передовых явлений, их экономическое значение.

Возьмем на выборку несколько нечерноземных губерний и посмотрим, в каком отношении к пашне было поголовье скота (в переводе на крупный) в крестьянских и помещичьих хозяйствах. Перепись 1917 г. дала следующие результаты:

Губернии	У крестьян		У помещиков	
	пашни, тыс. дес.	скота, тыс. шт.	пашни, тыс. дес.	скота тыс. шт.
Витебская	586	468	193	80
Калужская	1080	603	75	18
Нижегородская . .	1401	589	105	10
Курская	1933	1197	539	67
Саратовская	3097	1451	797	73

Едва ли есть необходимость продолжать список. Данные имеются по 27 губерниям и везде картина приблизительно такая же.

По отношению к пашне скота у помещиков было в несколько раз меньше, чем у крестьян, следовательно, во столько же раз

²⁴ Там же, стр. VII.

²⁵ Там же, стр. VIII.

меньше навоза. Конечно, часть пашни помещики сдавали и сами не обрабатывали, однако дефицит органических удобрений был налицо. Продажа навоза крестьянами к началу XX в. становилась все более редким явлением, этот резерв иссякал²⁶. Если произвести расчет на посевную площадь, то сравнение опять будет не в пользу помещиков. В 1916 г. на 100 десятин посева приходилось (голов)²⁷:

	У крестьян	У помещиков
Крупного рогатого скота . . .	55,9	28,8
Свиней	24,2	10,9
Овец	90,0	44,2
Коз	2,5	0,6

Нехватка скота и навозного удобрения была не последней причиной того, что помещики сдавали в аренду огромные площади, которые сплошь и рядом не получали удобрений. Лишение этих площадей удобрения, понижение их плодородия, как следствие помещичьей монополии на землю, приносило, вероятно, больше вреда, чем вся польза от «прогрессивных течений» в собственном хозяйстве помещиков.

Есть и еще один аспект этого вопроса. Крестьяне тоже испытывали недостаток в навозном удобрении, но нередко и имеющееся не могли внести в почву из-за дальнотемелья. Автор одной из записок, поданных министру финансов в 1904 г., указывал, что «таких дальних и непригодных поэтому для удобрения крестьянских земель в общем выводе, судя по имеющимся данным, следует считать не менее половины всей надельной земли; если же к этим землям прибавить еще и земли помещичьи, но арендуемые крестьянами, то всех земель, находящихся в настоящее время в условиях, невыгодных для удобрения навозом, в одной Европейской России следует принять приблизительно около $\frac{2}{3}$ всего удобного для земледельческой культуры пространства»²⁸.

Ограниченность ресурсов навозного удобрения наряду с не-

²⁶ В связи с этим упомянем о так называемой теории безнавозного хозяйства, автором которой был А. П. Мертваго. Она была вызвана к жизни именно недостатком скота у помещиков. Нечего говорить, что судьба этой «теории» была печальна. Купив в 80-х годах имение в Смоленской губернии, Мертваго пытался на практике показать возможность такого хозяйства, но, несмотря на свои солидные агротехнические знания, был вынужден через несколько лет отказаться и от теории и от хозяйства.

²⁷ А. Н. Челинцев. Сельское хозяйство России перед революцией. М., 1922. Было бы неправильно на основе этих цифр утверждать, как это делал Челинцев, что крестьянское хозяйство велось интенсивнее помещичьего. Вывод может быть один: помещики были способны обеспечить обильное удобрение лишь на части своей земли и только эта часть велась интенсивно.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 560 (Общей канцелярии министра финансов), оп. 26, д. 541, 1904 г., л. 191 об.

хваткой капитала вообще была одной из причин того, что наблюдавшаяся рационализация, особенно в латифундиях, принимала весьма своеобразные формы. Так, введение травяного многополья в одних хозяйствах вызывалось потребностью сократить площадь под паром, чтобы экономнее использовать поля. В описании одного имения Харьковской губернии указывалось, например: «При современной высокой земельной ренте незанятый черный пар, с экономической точки зрения, является мало рентабельным»²⁹. В связи с этим и введен был многопольный севооборот, в котором 17% площади занимали травы. В этом имении пришли к выводу, что занимать травами 3—4 поля из 10 невыгодно, и в 1911 г. посевы под ними были сведены до 7,2%, в 1912 г. — до 3,3% и в 1913 г. — до 2,9%³⁰. В имении А. А. Мааса Ямпольского уезда Подольской губернии был севооборот, «в котором нет ни пара, ни озими, а за сахарной свеклой, поставленной в голову севооборота, следует яровое с подсевом клевера и клевер на укос, всего — 3 поля. На удобрение (кроме навоза, хватающего всего на 40 дес.) идет много искусственных туков, в среднем на 10 тыс. руб. в год»³¹. Таких хозяйств, где введение новых севооборотов означало рост вложений капитала в земледелие, было немало, особенно в районах свеклосахарного и картофельного хозяйства.

Но в то же время встречался и другой вид рационализации, вызванный стремлением поддержать плодородие почвы без добавочных вложений капитала. Так, в частности, обстоит дело в Гжатском уезде, где из 100 дес. пашни в севообороте находилось (в %) ³²:

Размер имений, дес.	Под озимым	Под яровым	Под клевером	Под паром
10—50	22,8	37,4	20,6	19,2
50—300	15,6	33,6	35,9	14,9
Свыше 300	12,2	29,5	44,5	13,8

Итак, в средних имениях — половину, а в крупных $\frac{2}{5}$ пашни занимали травы и пар, что весьма далеко от рациональной организации полеводства даже в условиях Смоленской губернии с развитым льноводством и скотоводством. К тому же именно в крупных имениях указанные отрасли были развиты относительно меньше и больше было естественных сенокосов и пастбищ.

²⁹ В. В. Головин. Описание Дмитриевского имения графа М. М. Толстого Лебединского уезда, Харьковской губ. Сумы, 1914, стр. 13.

³⁰ Там же, стр. 12.

³¹ «Вся Россия», т. II. СПб., 1912. Список землевладельцев.

³² «Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии» Смоленск, 1912, стр. 77.

Зато помещичье хозяйство было одним из главных потребителей искусственных удобрений. Их ввоз с 6 млн. пудов в 1900 г. возрос до 35 млн. пудов в 1912 г., внутреннее производство к этому времени составило 32 млн. пудов. В нашем распоряжении нет сводных данных, каковы были доли в потреблении туков в крестьянских и помещичьих хозяйствах, а также в разных группах хозяйств. Но отдельные дошедшие до нас подсчеты указывают, что главными потребителями искусственных удобрений были помещичьи экономии. Так, в Полтавской губернии в 1910 г. было внесено удобрений на площади полей и плантаций (в тыс. дес.) ³³:

Размер имений, дес.	Навозного	Искусствен- ного	% посевной площади, удобренной туками
50—100	5,8	0,4	0,3
100—200	3,5	0,2	0,3
200—300	2,1	0,1	0,1
300—500	2,6	0,2	0,6
500—1000	4,4	0,6	1,5
Свыше 1000	20,4	9,2	7,8
Итого	38,8	10,6	2,9
Крестьяне	66,6	0,5	0,03

Таким образом, на долю хозяйств с землевладением свыше 1000 дес. унавоженной площади приходилось немногим более половины, а доля удобренной туками пашни составила 87%. Минеральными туками помещики удобряли 2,9% посевной площади, а крупнейшие даже 7,8%, тогда как крестьяне всего лишь 0,03%.

Владельцы крупнейших имений, связанные со свеклосахарным и винокурением производством, вполне оценили минеральные удобрения и охотно ими пользовались. Так, в Карловской экономии весь расход на удобрение полей достигал в 1899/1900 г. 17,5 тыс. руб., а в 1913/14 г.—77,1 тыс. руб., причем искусственные удобрения составляли все возрастающую долю в их общей массе ³⁴. В имении графов Бобринских в м. Смела (Киевская губ.) стоимость туков на десятину посева свекловицы с 1895 по 1912 г. увеличилась с 7 р. 17 к. до 13 р. 24 к., а пшеницы с 11 р. 32 к. до 17 р. 58 к. ³⁵

И все же применение искусственных удобрений имело локально ограниченный характер. Их основная масса (около 30%) потреблялась в Польше, приблизительно 25% — в Прибалтике,

³³ «Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года». Полтава, 1914, стр. 404—405, 422—423.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 556, оп. 1, д. 915, л. 113 об.; д. 968, л. 4.

³⁵ «Смела». Киев, 1913, стр. 82.

12% — в Белоруссии, 17% — в свеклосахарном районе, на всю остальную Россию приходилось всего лишь 10%, из них значительная часть — на псковско-тверской льняной район. По данным перевозок 1912 г., главными потребителями были губернии: Киевская (2357 тыс. пудов), Подольская (1487 тыс. пуд.), Харьковская (1169 тыс. пуд.), Псковская (951 тыс. пуд.), Курская (826 тыс. пуд.)³⁶. Но даже в районе крупного картофеле-винокуренного производства (Киевско-Волынское Полесье) в 1913 г. вносились менее пуда удобрений на десятину пашни³⁷. В других районах они применялись в совершенно мизерных количествах. В общем итоге по всей стране применение химических средств было ничтожно в сравнении с громадной территорией: при средней норме 24 пуда на десятину 40 млн. пудов туков хватило бы для удобрения около 1,7 млн. дес. пашни, т. е. 2% всей посевной площади.

Наряду с удобрениями для полевого хозяйства большое значение имеет качество семенного материала. Семеноводство в рассматриваемое время все более упрочивалось как самостоятельная отрасль зернового производства. В помещичьих имениях были выведены такие высококачественные сорта зерновых культур, как овес «шатиловский», озимая пшеница «высоколитовская» (имение Высоколитовское графини Потоцкой), рожь «ивановская» (имение Ивановка П. И. Харитоненко). Усиленно велась работа по приспособлению к местным условиям громадного разнообразия заграничных сортов. Впрочем, увлечение заграничными семенами было явно чрезмерным и далеко не всегда шло на пользу.

Производство семян различных культур на продажу было в ряде помещичьих хозяйств специальной и неплохо поставленной отраслью производства. Их продукцией прежде всего пользовались другие помещики, что обеспечивало повышенные урожаи, а также немало кулацких хозяйств. Большинство же крестьян было не до качества, им важно было прежде всего иметь семена, чтобы не оставить поля незасеянными. Так, в имении графа А. А. Мусина-Пушкина (Мологский уезд Ярославской губернии) сменного хозяйства не велось, но для соседних крестьян оно было единственным источником получения семян³⁸.

³⁶ «Труды совещания по организации посевной площади в 1917 году». М., 1917, стр. 186—187.

³⁷ «Труды комиссии по изучению хозяйств Юго-западного края», вып. IV. Киев, 1915, стр. 70—71.

³⁸ Показателен приговор крестьян соседней деревни Блохиной от 12 августа 1905 г., в котором они просили земского начальника «походатайствовать» перед графом «отпустить нам озимого хлеба на обсеменение полей в количестве 123 пуда по 90 коп. на сумму 110 р. 60 к., каковую сумму обязуемся отработать в течение года, т. е. по 12 августа 1906 г.» (ЦГАДА, ф. Мусиных-Пушкиных, оп. 1, д. 9681, л. 2).

Между тем и помещичьи хозяйства далеко не всегда были обеспечены хорошим отечественным посевным материалом. Даже среди свекловодческих хозяйств лишь немногие сумели организовать производство семян из собственных высадок. Производство исходного материала — элиты — почти целиком находилось в руках немецкой фирмы «Рабетке и Гезике» в Подольской губернии. Снабжая хозяев элитными семенами, фирма требовала соблюдения определенных агротехнических правил, вмешиваясь в дела экономий.

Техника земледелия к началу рассматриваемого периода в огромном большинстве хозяйств была чрезвычайно низкой, и особенно примитивна в Черноземном центре. Паровое поле здесь, как, впрочем, во многих других местах, начинали пахать, когда скошена часть лугов и скот можно перегонять с пара на отаву³⁹. Утоптанная скотом, уплотненная пашня высыхала настолько, что не поддавалась надлежащей обработке, особенно сохой и деревянной бороной. Через месяц следовало двоение, но боронование не производилось до самого сева, и весь пахотный слой высыхал на 1,5—2 вершка. Уборка и особенно молотьба сильно затягивались.

Лишь в отдельных хозяйствах проявлялась забота об улучшении агротехники. Например, корреспондент из Тамбовской губернии сообщал в 1903 г. в Московское общество сельского хозяйства, что явившийся к нему воспитанник сельскохозяйственного училища, «развитой, честный молодой человек», дал следующий отзыв о положении хозяйства частных землевладельцев Шацкого уезда: «Кроме хутора гр. Шуваловой и полей купца Назарова, в остальных способ обработки земли варварский». От себя корреспондент добавил: «Варварский, а ведь в числе остальных — имения председателя и членов общества сельского хозяйства, председателя и членов земской управы»⁴⁰.

И все же помещичье хозяйство заметно превосходило еще более низкий уровень агротехники крестьянского хозяйства. Так, в Смоленской губернии число предпосевных вспашек под рожь в 1900 г. у крестьян равнялось 2, а у частных владельцев в среднем 2,4⁴¹.

В ряде имений владельцы, а чаще наемные специалисты вели серьезную работу по рационализации хозяйства, особенно в районе свеклосеяния и на южных окраинах. В частности, была успешно решена проблема повышения сахаристости свекловицы; внедрен не получивший распространения на Западе способ вне-

³⁹ «Описание отдельных русских хозяйств», вып. 1. СПб., 1897, стр. 4.

⁴⁰ ГИАМО, ф. 419 (МОСХ), оп. 1, д. 2469, 1903 г., л. 6 об.

⁴¹ «Сельскохозяйственный обзор Смоленской губернии по сведениям, доставленным добровольными корреспондентами в 1900 году». Смоленск, 1902, стр. 44—45.

сения минеральных туков рядовыми сеялками вместе с семенами свеклы; на юге все шире распространялся посев пшеницы по чистым парам; испытывались кулисные так называемые американский и херсонский пары; найдено оптимальное распределение растений кукурузы и т. д.

Свеклосахарные экономии добивались довольно высокой урожайности и рентабельности полевого хозяйства путем увеличенного вложения капитала. Так, в упоминавшемся Шпиковском имении показатели полеводства были следующие (в среднем за год) ⁴²:

	1902—1904 гг.	1905—1907 гг.	1908—1911 гг.
Расход на рабочую силу на 1 дес. пашни, руб. . .	32,62	37,52	34,07
Стоимость удобрений под свеклу, руб.	0,95	13,45	21,60
Урожайность свеклы, 12-пудовых берковцев . .	92,3	108,8	127,7
Урожайность пшеницы, пуд	151,6	90,8	117,0
Прибыли (+) и убытки (—) с 1 дес. пшеницы, руб.	+44,36	—7,0	+52,27

Эти итоги представляют интерес во многих отношениях. Взять хотя бы расходы на рабочую силу, которые незначительно возросли в годы революции 1905—1907 гг. Но позднейшие издержки по этой статье снизились при одновременном росте цен на средства потребления. Главное стремление владельца было направлено на увеличение урожая свеклы, удобрения под которую стали вноситься в больших размерах. В силу того, что свеклосахарное производство пользовалось щедрой поддержкой правительства, сопутствующие свекле культуры могли быть и действительно были на втором плане. Но, поскольку под свеклу вносились большие количества удобрений, следовавшая за ней пшеница, тоже получавшая в некоторых хозяйствах определенную подкормку, давала очень неплохие урожаи. Но количество подобных имений было невелико. Общий уровень хозяйства был низок.

Рассмотрим важнейший показатель развития земледелия, в котором ярче всего выражаются не только агротехнические, но и социально-экономические условия производства. Этим показателем, как известно, является урожайность.

Здесь нет необходимости анализировать недостатки царской правительственной урожайной статистики — они достаточно хорошо известны из литературы. Главный ее недостаток для целей

⁴² И. В. Лещенко. Описание Шпиковского имения Н. П. Балашова в Подольской губернии. Немиров, 1896.

данной работы состоит в том, что показатели урожайности относились к двум большим весьма внутренне неоднородным категориям посевов — на крестьянской наделной и на частновладельческой земле. Между тем производительность земли была различной у бедноты и кулаков, у помещиков с отработочной и капиталистической системами хозяйства, на землях, сдаваемых в мелкую погодную аренду крестьянам и в долгосрочную капиталистическим предпринимателям, и т. п.

Но и в этой статистике мы сталкиваемся с положением, которое народная мудрость выразила в пословице «нет худа без добра». Осреднив сведения, царские чиновники показали, хотя и весьма приблизительно, каков был обычный уровень производительности огромной массы земель, принадлежавших частным владельцам, поэтому можно судить, насколько она могла быть увеличена, если бы земледелие было поднято до уровня передовых капиталистических хозяйств.

Помещичье-буржуазные историки и экономисты, как известно, всячески подчеркивали, что помещичье хозяйство отличалось от крестьянского более высокой урожайностью и более быстрыми темпами роста. Действительно, средняя по десятилетиям урожайность хлебов с 1861 по 1910 г. на крестьянских полях возросла с 29 до 43 пудов, т. е. на 48%, а на частновладельческих — с 33 до 54 пудов, или на 64%. А. А. Кауфман, вычисливший это соотношение, писал: «Значит, даже взятое в общем и целом, хозяйство на владельческих землях прогрессирует сильнее, и крестьянское хозяйство не только не нагоняет, но пока отстает от него все сильнее и сильнее»⁴³.

Рассмотрим и мы соответствующие данные, относящиеся к изучаемому здесь периоду. Для сравнительного анализа возьмем озимую рожь — культуру, которая возделывалась в достаточно большом количестве во всех районах (табл. 45).

В табл. 45 данные на конец XIX в. не полностью сопоставимы с последующими по районам, но средние по 41 губернии показывают, что в первом пятилетии XX в. урожайность как на крестьянских, так и на частновладельческих полях осталась прежней — соответственно 43 и 63 пуда. По высоте урожайности выделились лишь Правобережье и отчасти Левобережье Украины. Остальные районы больших расхождений не показывают, за исключением южных и юго-восточных губерний с их рекордно низкой урожайностью. Второе пятилетие дало повсеместное снижение урожайности, местами очень значительное, а в среднем у крестьян на 11,5%, у частных владельцев (точнее, на их землях) — на 9,5%. В третьем пятилетии XX в. урожайность восстановилась и даже превзошла уровень 1901—1905 гг.: у крестьян на 11,5%, у частных владельцев — на 11,1%. В распределении

⁴³ А. А. Кауфман. Аграрный вопрос в России. М., 1918, стр. 221.

районов по высоте урожаев произошли лишь незначительные изменения.

Итак, прогресс хозяйства на тех и других землях был налицо. Но он шел со спадами вплоть до полных неурожаев в отдельных районах, а темпы этого прогресса нельзя назвать иначе, как черепашными. Урожайность на помещичьей земле не обнаружила более быстрых, чем у крестьян, темпов роста, несмотря на успехи

Т а б л и ц а 45

Средняя годовая урожайность озимой ржи в Европейской России на наделных и частновладельческих землях (в пудах с дес.) *

Район	Число губерний	Конец XIX в.		1901—1905 гг.		1906—1910 гг.		1911—1915 гг.	
		крестьяне	частные владельцы	крестьяне	частные владельцы	крестьяне	частные владельцы	крестьяне	частные владельцы
Правобережная Украина	3	62	74	75	87	64	70	77	86
Левобережная Украина	3	52	62	60	74	50	63	70	85
Южный степной район	4	46	58	42	53	40	51	50	67
Центрально-земледельческий	6	52	61	56	68	48	65	59	78
Средневолжский	6	54	60	56	65	47	59	55	68
Нижневолжский (Самарская губ.)	1	(25)	(33)	42	50	34	43	49	61
Итого по черноземной полосе	23	—	—	56	67	48	61	60	75
Белорусский	4	48	61	45	55	39	48	57	67
Приозерный	4	51	65	44	54	49	59	58	66
Центрально-промышленный	6	53	67	52	64	38	49	54	67
Северный	2	(55)	(65)	48	54	48	52	53	55
Приуральский	2	51	57	54	57	51	57	58	66
Итого по нечерноземной полосе	18	—	—	48	58	43	52	56	65
По 41 губернии Европейской России	41	52	63	52	63	46	57	58	70
В % к 1901—1905 гг.	—	—	—	100	100	88,5	90,5	111,5	111,1
Частновладельческой в % к крестьянской	—	—	—	100	121,2	100	123,9	100	120,7

*Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века». СПб., 1903, стр. 76—123; «Сельское хозяйство в России в XX веке». М., 1923 (Порайонные данные выведены нами из погубернских). Районы даны по источнику.

земледелия в отдельных капиталистических хозяйствах. Не возросло и превышение урожайности на помещичьих землях над крестьянскими. Поскольку все же такое превышение оставалось, экономист типа Кауфмана повторил бы, что помещичье хозяйство необходимо сохранить, ибо без него невозможно обеспечить дальнейший прогресс земледелия, так как крестьянское хозяйство развивалось очень медленно. Последнее действительно так. С конца XIX в. по пятилетие 1911—1915 гг. урожаи у крестьян поднялись на весьма малую величину — с 52 до 58 пудов. Этот рост мог быть значительно большим, не будь в руках помещиков громадных площадей земли, служившей средством эксплуатации крестьян. Чтобы двинуть вперед дело прогресса крестьянского хозяйства, надо было ликвидировать помещичье землевладение вместе с помещичьим хозяйством, служившим средством поддержания и укрепления этого землевладения.

В пользу такой ломки говорили и ближайшие практические хозяйственные соображения. В. И. Ленин на конкретных данных показал, что *«помещичьи земли, обрабатываемые крепостнически (испольщина и мелкая аренда), дают меньшие урожаи, чем наделные земли!»*⁴⁴. Переход этих земель к крестьянам и подъем урожайности на них, хотя бы до уровня урожаев на наделных землях, в течение короткого времени дал бы большой экономический плюс. Еще больший эффект мог дать неизбежный подъем урожаев на наделных землях. Помещики вели земледелие круглым счетом на 8 млн. дес., а крестьяне — на 80 млн. Поднятие производительности земли крестьянами, хотя бы до уровня продуктивности взятых в целом частновладельческих земель, обеспечивало огромный прирост продукции сельского хозяйства. Рассмотрим вопрос о том, каков был удельный вес помещичьего хозяйства в целом и его капиталистического слоя в общем объеме сельскохозяйственного производства страны, ограничившись сведениями на 1909—1913 гг. и за 1917 г.

Для первого случая возьмем расчеты (правда, не бесспорные) С. Н. Прокоповича. По его исчислениям, помещичье хозяйство Европейской России давало в 1909—1913 гг. по всем отраслям сельского хозяйства 10,9% продукции. По зерновому производству, применительно к данным переписи 1916 г., автор исчисляет долю помещиков в 9,5%. Зато в производстве торгово-промышленных растений их доля составляла 18,5%, в садоводстве, огородничестве, виноградарстве, пчеловодстве и шелководстве, взятых вместе, — 20,7%⁴⁵.

Если допустить, что капиталистическое земледелие занимало

⁴⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 17, стр. 77.

⁴⁵ «Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1913 гг.». Под ред. С. Н. Прокоповича. М., 1918, стр. 80—83.

половину помещичьей посевной площади, то окажется, что на его долю приходилась $\frac{1}{20}$ всех посевов. Естественно, что ни о каком определяющем, решающем влиянии капиталистического земледелия помещиков на все сельскохозяйственное производство страны речи быть не могло.

Подходя к более подробным данным за 1917 г., можно встретиться с сообщением о том, что 1917 г. не очень показателен, так как именно помещичье хозяйство больше всего понизило производительность во время первой мировой войны. Но это не доказывает ничего другого, как слабость его капиталистической организации. К тому же полезно знать, каким был действительный удельный вес класса помещиков в сельскохозяйственном производстве в самый канун его ликвидации в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Рассмотрим данные Центрального статистического управления за 1917 г. по полевому, садово-огородному и луговому хозяйствам помещиков в сравнении со всем сельским хозяйством Европейской России (табл. 46).

Итак, в зерновом производстве помещичье хозяйство занимало 8,2%. Если при этом иметь в виду капиталистическое производство, то нельзя не признать, что в общей массе производимой продукции доля его была незначительной, зато в нем были больше развиты торговые культуры — пшеница, ячмень, овес, бобовые. Доминирующая роль принадлежала частным владельцам в выращивании сахарной свеклы. Как будет показано ниже, в этом главную роль играло покровительство сахарной промышленности со стороны правительства. Заметной была доля помещиков в травосеении. По целому ряду интенсивных культур роль их была явно ничтожной. Так, льна-волока они производили всего лишь 1,2%, волокна конопли — 1%, хлопка — 2,1%. Малой была их доля в выращивании масличных культур (семян льна, конопли и подсолнечника). При незначительном удельном весе во всем земледельческом производстве помещичье хозяйство занимало видное место на хлебном рынке. Многие экономии отличались весьма высокой товарностью земледелия. Так, урожай 1911 г. в Андрушевском имении А. Н. Терещенко предполагалось распределить следующим образом (в тыс. пудов) ⁴⁶:

	Всего зерна	Из него для посева	предназначено: для имения	на продажу
Пшеница	235,2	15,0	1,7	218,5
Рожь	28,6	2,2	26,4	—
Овес	117,8	14,0	103,8	—
Ячмень, горох, просо . . .	191,7	21,6	31,1	139,0
Итого	573,3	52,8	163,0	357,5
В %	100,0	9,2	28,4	62,4

⁴⁶ ЦГИА УССР, ф. 830 (Терещенко), оп. 1, д. 72, лл. 17 об.— 18.

Т а б л и ц а 46

Валовая продукция сельского хозяйства
(в пределах границ СССР 1939 г.), в тыс. ц *

Культуры	Всего	В том числе помещичья хозяйства	%
Рожь	158 716	10 525	6,6
Пшеница	184 728	16 340	8,8
Ячмень	74 356	6 789	9,1
Овес	116 766	11 046	9,5
Кукуруза	16 574	1 148	6,9
Гречиха	12 034	635	5,3
Просо	20 154	1 419	7,0
Бобовые	4 314	678	15,7
Прочие зерновые	4 119	140	3,4
Итого зерновых	591 761	48 720	8,2
Лен-волокно	3 333	40	1,2
Конопля-волокно	3 070	31	1,0
Хлопок	6 606	139	2,1
Лен-семя	4 828	135	2,8
Конопля-семя	2 816	28	1,0
Подсолнечник	8 569	470	5,5
Сахарная свекла	73 825	61 845	83,8
Табак	923	35	3,8
Цикорий	655	65	9,9
Картофель	190 112	11 597	6,1
Овощи и бахчевые	68 700	4 878	7,1
Фрукты и ягоды	30 000	3 000	10,0
Виноград	5 300	530	10,0
Солома и гуменные остатки	799 600	60 000	7,5
Сено естественного сенокоса	595 300	84 500	14,2
Сено сеяных трав	30 000	8 880	29,6

* ЦГАОР СССР, ф. 1562 (ЦСУ), оп. 19, д. 56, л. 80.

Таким образом, Андрушевское имение выбрасывало на рынок более 350 тыс. пудов хлеба, т. е. свыше $\frac{3}{5}$ урожая. В действительности товарность этого хозяйства была выше, так как огромная масса свеклы и картофеля собственного производства шла в переработку на сахар и спирт.

Аналогичную картину находим в Ракитянском имении Юсуповых. В 1912 г. из 516,6 тыс. пудов собранного зерна было

продано 355,2 тыс. пудов, или 68,6% урожая⁴⁷. Еще выше была товарность Веселовского имения, где главным было не свекловичное, а зерновое хозяйство. Здесь в 1909 г. было продано 74% собранного зерна⁴⁸. Перечень таких высокотоварных предприятий могли бы пополнить многие крупные имения.

Что же касается товарности всего помещичьего хозяйства в целом, то в нашем распоряжении не имеется иных расчетов, кроме таблицы В. С. Немчинова, которую он составил еще в 20-х годах, не разъяснив, однако, своих исходных методических позиций. Таблица настолько широко известна, что приводить ее здесь излишне. Напомним лишь, что доля помещиков в валовом сборе хлебов составляла, по расчетам В. С. Немчинова, 12%, в рыночной (внедеревенской) части — 21,6%, а товарность исчислялась в 47%. Рассмотрим цифры той же таблицы в ином варианте, взятом опять-таки у В. С. Немчинова (в %) ⁴⁹:

	Валовой сбор	Потребление внутри деревни	Товарный хлеб
Помещики	12,0	6,4	5,6
Кулаки	38,0	25,0	13,0
Середняки и беднота . . .	50,0	42,6	7,4
Итого . . .	100,0	74,0	26,0

Обращает на себя внимание тот факт, что даже у помещиков, не говоря уже о кулаках и тем более о бедноте и середняках, потребление внутри деревни превышало продукцию, продаваемую на внедеревенском рынке. Значительная часть продукции шла, как это было показано по Андрушевскому имению, на нужды хозяйства: семена, кормление рабочих (натуральная часть заработной платы) и семьи владельца, корм скоту. Но были и другие каналы, по которым помещичий хлеб уходил на внутридеревенское потребление. Это продажа хлеба местным крестьянам и выдача им же кабальных хлебных ссуд, главным образом под отработки. В описании упоминавшегося выше имения Амшарино Смоленской губернии говорилось: «Навоз вывозится за % % и за отсрочку платежа до рождества за проданный крестьянам весной хлеб... Все зерно продается крестьянам с ожиданием денег до зимы, а за % они обязаны вывезти весь навоз»⁵⁰. В

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 1575, лл. 11 об.—12.

⁴⁸ Там же, д. 4575, л. 142.

⁴⁹ В. С. Немчинов. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М., 1945, стр. 34.

⁵⁰ И. В. Иллинич. Описание некоторых частновладельческих хозяйств Краснинского, Духовщинского, Поречского и Юхновского уездов Смоленской губернии. Смоленск, 1898, стр. 10—11.

имении Зайцево той же губернии «все решительно продается на месте крестьянам»⁵¹, а в имении Кошелево «все зерно раздается крестьянам под работы по ценам вяземским, остальное все сбывается в Вязьме»⁵². Таких свидетельств, с которыми читатель знаком по другим главам, более чем достаточно.

Известно, что подавляющая масса крестьян продавала хлеб с осени для уплаты налогов и долгов, а зимой и весной покупала, но уже по более дорогой цене. Имея возможность кредитоваться, помещики придерживали хлеб и, пользуясь нуждой крестьян, продавали его по повышенной цене. Слышавший рачительным хозяином помещик князь А. П. Мещерский писал об этом, как о вполне обыденном и естественном явлении⁵³.

А князь А. Г. Щербатов в записке «К вопросу о влиянии урожая и хлебных цен на русское народное хозяйство» для витебского Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности писал, что более сильное оборотными средствами частновладельческое хозяйство «запасами кормов и зерна удерживает местные цены в годы неурожайные в известных пределах. Эти запасы всяким понимающим свои интересы хозяином выдаются под отработок на сходных для обеих сторон условиях»⁵⁴. Ниже мы увидим, по каким ценам и с какими результатами для себя продавали помещики хлеб в неурожайные годы. Здесь укажем лишь, что в такие годы хлеб выдавался под отработку по повышенной расценке. Другими словами, если цена хлеба удвоилась, то взявший его крестьянин вынужден был сделать для помещика двойную работу.

Доля товарного хлеба середняков и бедноты, составлявшая всего лишь 7,4% валового продукта, должна была доставлять им средства для покрытия насущных потребностей и уплаты многочисленных повинностей. Между тем и такая товарность была для них непомерно высока, так как являлась в значительной мере принудительной: беднота и середняки вывозили на городской рынок больше, чем они могли, и больше, чем помещики (соответственно 28,4 и 21,6%). «Крестьянин голодал в России... отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу»⁵⁵.

При высокой товарности помещичьего хозяйства главную массу хлеба на рынок доставляли кулаки, меньше — середняки и беднота и еще меньше — помещики.

⁵¹ И. В. Иллинич. Описание некоторых частновладельческих хозяйств Краснинского, Духовщинского, Поречского и Юхновского уездов Смоленской губернии. Смоленск, 1898, стр. 37.

⁵² Там же, стр. 89.

⁵³ А. П. Мещерский. Письма к родным. СПб., 1898, стр. 586—587.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1233, оп. 1, д. 44, 1903—1904 гг., л. 31 об.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 276.

Для характеристики помещичьего животноводства источников явно недостаточно. Особенно трудно осветить динамику его развития.

Рассматриваемый период характеризовался постепенным улучшением условий для торгового скотоводства. Цены на продукты животноводства заметно выросли, что можно видеть из следующих данных (в руб.)⁵⁶:

Петербург	1896 г.	1912 г.
Мясо черкасское за пуд	4,16	6,77
Крупный рогатый скот за штуку .	84,17	133,40
Москва		
Мясо свиное за пуд	3,24	7,31
Масло вологодское за пуд	13,16	17,83

Внешняя торговля скотом сильно тормозилась Германией, которая только с 1913 г. открыла свой рынок для русского скота.

Практически более или менее благоприятные условия для развития животноводства стали складываться в годы столыпинской реформы. «Повсеместное вздорожание мяса,— писал в 1910 г. журнал «Сельский хозяин»,— как и всех остальных **продуктов животноводства**: молока, масла и пр., создает возможность действительного перехода русского скотоводства от навозного к продуктивному. До сих пор этот переход был только в зачатке, и доходные стада можно было пересчитать по пальцам»⁵⁷.

Многие помещики быстро учли повышательную конъюнктуру и взяли курс на увеличение поголовья скота. Так, в Баландинской вотчине С. Д. Шереметева (Саратовская губерния) балансовая стоимость скота с 43 тыс. руб. в конце 1907 г. выросла до 153 тыс. руб. к концу 1911 г. и до 279 тыс. руб. к концу 1913 г.⁵⁸ В приволжских имениях Орловых-Давыдовых стоимость крупного рогатого скота между 1900 и 1911 гг. возросла с 49 тыс. до 176 тыс. руб. Одновременно сокращалось поголовье овец: стоимость его упала со 109 тыс. до 14 тыс. руб.⁵⁹ В имении Андриановское М. М. Устинова (Петровский уезд Саратовской губернии) за 1900—1914 гг. поголовье коров увеличи-

⁵⁶ «Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1912 г.» СПб., 1913, стр. II, III.

⁵⁷ «Сельский хозяин», 1910, № 7, стр. 1890.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1088 (С. Д. Шереметева), оп. 11, л. д. 359, 244; д. 372, л. 253; д. 374, л. 295.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. Орловых-Давыдовых, оп. 1, д. 2592, 2605, 2606.

чилось с 80 до 300, свиней с 400 до 2000 голов, овец — с 18 250 до 20 000 голов⁶⁰.

Многие крупные помещичьи хозяйства были очагами концентрации наиболее ценных и продуктивных пород скота. Помещики держали так называемые заводы племенного скота. К 1899 г. были известны 77 заводов крупного рогатого скота, 27 заводов племенных свиней и 52 завода племенных овец⁶¹.

Характерно, однако, что главное внимание помещики обращали на заграничный скот. В этом сказывалось как издавна присущее многим из них пренебрежение ко всему отечественному и к опыту русских животноводов, так и влияние разного рода ученых вроде академика А. Ф. Миддендорфа, яростно нападавшего на тех, кто верил в возможность улучшения русских пород скота. Целые десятилетия он в своих сочинениях взывал к русским хозяевам: «Отучитесь (за этот совет вы мне скажете огромное спасибо) употреблять выражение „русская порода“, ее пока нет, это миф... Я словом и делом за разведение заграничных пород в России», — писал Миддендорф⁶².

Разведением таких ценных русских пород скота, как ярославская и холмогорская, занимались лишь восемь заводов. Больше всех разводили скот ангельской, голландской, альгауской и других заграничных пород. Некоторые из них были успешно акклиматизированы (например, скот симментальской, джерсейской пород), другие, наоборот, не прижились.

К 1914 г. в Европейской России известных племенных частновладельческих хозяйств по разведению крупного рогатого скота было 483, овец — 119, свиней — 169, лошадей — 293⁶³.

В XX в. работа по улучшению состава стад продолжалась. Об этом процессе, в частности, можно судить по данным трех обследований частновладельческого скотоводства Саратовской губернии, которые показывают процент породистого скота в общем его количестве⁶⁴:

Год обследования	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
1894	25,0	11,2	89,0	58,1
1902	39,2	17,5	84,3	71,6
1910	45,4	33,9	95,1	75,4

⁶⁰ «Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах», вып. 1. СПб., 1900, стр. 323; «Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах». Пг., 1916, стр. 199.

⁶¹ «Вся Россия», т. II. СПб., 1899, стб. 79—84.

⁶² Цит. по кн.: М. Е. Лобашев. Очерки по истории русского животноводства. М.—Л., 1954, стр. 122, 123.

⁶³ «Сельскохозяйственный календарь проф. П. Р. Слезкина, 1914 г.», т. II, ч. 2. Киев, [1914], стр. 88—113.

⁶⁴ «Исследование частновладельческого скотоводства Саратовской губернии, проведенное в 1910 году». Саратов, 1912, стр. XXIV.

Тяга к разведению породистого скота усиливалась в связи с тем, что при быстром росте ренты, цен на землю и вздорожании кормов содержание малопродуктивного местного скота становилось все более невыгодным.

Во многих имениях стало правилом содержание породистых производителей для метизации местного скота. Производители приобретались за границей и с «заводов» других помещиков. В этом деле заметную роль стали играть земства. Так, Курское земство в 1901 г. купило 25 быков симментальской породы и всех их раздало частным владельцам⁶⁵.

Здесь уместно еще раз вернуться к вопросу о «культурно-хозяйственном значении» помещичьих экономий для окрестного населения. Далеко не так велик был хозяйственный консерватизм крестьян, чтобы они не понимали значения породистости скота, особенно в условиях быстро развивавшегося маслоделия. Используя стремление крестьян случить маток с породистыми производителями, монопольными обладателями которых были помещики, последние нередко и этот вид «прогрессивных явлений» в крестьянском хозяйстве превращали в источник отработок. Так, исследователь Курской губернии отметил отработки за пользование экономическим быком как обычное явление⁶⁶.

В описании имения Серебряные Пруды С. Д. Шереметева говорится: «За пользование быком крестьяне должны отработать, т. е. скосить, связать и свезти урожай с 7 десятин...»⁶⁷.

В имении А. И. Дриль Брянского уезда Орловской губернии один из быков-производителей отдавался на лето в крестьянское стадо; «за это крестьяне обязаны ежегодно выставлять на копку картофеля 90 женщин»⁶⁸.

Чаще же всего, опасаясь конкуренции со стороны крестьянского хозяйства, помещики просто отказывали в пользовании производителями. В материалах обследования района нагульного скота говорится, что окрестное население «охотно пользуется владельческими производителями, уплачивая 1—2 рубля или совсем бесплатно. К сожалению, приходится констатировать, что владельцы не так охотно идут навстречу населению и в производителях часто отказывают»⁶⁹. В том, что эта тенденция была характерна и для помещиков других местностей, убеждают материалы обследования животноводства в Киевской губернии, где говорится, что, «несмотря на распространенность здесь частно-

⁶⁵ «Журналы заседаний XXXVIII очередного Курского губернского земского собрания 1902 г.» Курск, 1903, стр. 758—759.

⁶⁶ Н. А. Чуйков. Курская губерния в сельскохозяйственном отношении. М., 1894, стр. 96.

⁶⁷ ГИАМО, ф. 419 (МОСХ), оп. 1, д. 2450, л. 66 об.

⁶⁸ «Описания отдельных русских хозяйств», вып. II. СПб., 1897, стр. 28.

⁶⁹ «Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства Акмолинской области. (Анкета)» [Омск, 1914], стр. 13—14.

владельческих скотоводственных хозяйств, пользование экономическими производителями для крестьянского скота далеко не всюду возможно... и лишь всякими правдами и неправдами (подкупом, знакомством с пастухом и пр.) небольшой группе крестьян удастся случить своих коров с экономическим быком»⁷⁰.

Другую сторону пресловутого «культурно-хозяйственного значения» помещичьего хозяйства составлял распространенный способ ремонта скота путем покупки скота «у крестьян, которые по нужде продают его „себе в убыток“». Это было более выгодно, «чем выращивать скот самим»⁷¹. Владелец имения при селце Крюково Крапивенского уезда Тульской губернии В. А. Тудубьев объяснял это явление тем, что «является невыясненным, насколько повысятся расходы по содержанию (породистого. — А. А.) скота сравнительно с увеличением выходов масла», так как за дорогим скотом потребует лучший уход. При наличии же простого дешевого скота «владелец не очень бывает озабочен, если с коровой случится несчастье»⁷². Главная же выгода помещика состояла в том, что он, использовав большую часть луговой земли (68 дес.) для своего стада, сумел таким путем поднять арендную плату за остальные 27 дес. с 15—30 руб. до 40—50 руб. за десятину. Стадо в 100 коров приносило доход в 331 руб., а сдача луга — 1015 руб. плюс сдача отавы — 200 руб.⁷³ Так, собственное почти бездоходное скотоводство помогло поднять доходность имения за счет земельного голода крестьян.

Сказанное, конечно, не означает, что в России не было высокопродуктивных животноводческих ферм. Так, в Карловке лучшие коровы швицкой породы давали 220—230 пудов молока, а в среднем все стадо в 1902 г. дало по 149 пудов 26 фунтов на корову⁷⁴. Еще выше были удои в имении Приютино М. А. Краузе под Петербургом. Здесь средний удой в 1905 г. составил 257,5 ведер на каждую из 175 дойных коров.

Но здесь же, под Петербургом, находилось хозяйство совсем иного типа — «Лесная ферма» академика архитектуры Ю. Ю. Бенуа с «массой дорогих построек», «все это очень удобно и хорошо, но стоит 40 тысяч и дает помещение только для 120 штук скота». Содержание электростанции обходилось ежегодно в 3 тыс. руб., не считая амортизации и процента на капитал. Поскольку она часто «капризничала», содержались про запас дополнительные приводы, ветряной двигатель. На ферме были

⁷⁰ «Материалы по обследованию животноводства в Киевской губернии», вып. 1. Киев, 1915, стр. 211.

⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 269.

⁷² ГИАМО, ф. 419, оп. 1, д. 2450, л. 79—79 об.

⁷³ Там же, л. 83 об.

⁷⁴ «Земледельческая газета», 1903, № 14, стр. 510.

разные сепараторы, маслобойка, молотилка и большой штат администрации. Заведена птицеферма (свыше 200 кур, гусей и индеек), теплицы с сушкой овощей⁷⁵. Это одно из хозяйств, которые велись ради «барской затей», из «любви к искусству», с явным убытком.

Часто породы скота подбирались без учета климатических условий. Так, на аукционной выставке 1911 г. в Москве помещица Милованова демонстрировала трех буйволов, а Шлиппе — десять голов серого украинского скота. «Этот скот, — писал обозреватель, — мы склонны причислить к капризам владельцев, ибо и те и другие совершенно не годятся для средней России»⁷⁶.

Ознакомление с имеющимися материалами показывает, что ни передовые фермы помещиков, ни хозяйства убыточно-показные не были преобладающими типами помещичьего скотоводческого хозяйства. Как велось молочное скотоводство в большинстве частновладельческих хозяйств, можно видеть из наблюдений инструктора по молочному хозяйству Воронежской губернии Д. С. Утина (1911 г.): «... Большая часть из них ведут молочное хозяйство самым первобытным способом, который мало представляет интересного, а между тем почти в каждом хозяйстве имеются сепараторы разных систем и производительности». Из осмотренных 20 хозяйств лишь «в пяти экономиях, в которых введено в севообороте травосеяние и корнеплоды, зимою содержится скот в теплых дворах и на лучшем содержании, имеются записи удоев, выхода масла с ведра молока и времени отела.

В остальных пятнадцати хозяйствах скот зимою содержится в холодных дворах, кормится исключительно грубыми кормами в виде яровой соломы, ржаной и яровой мякины, поится холодной водой, в некоторых хозяйствах один раз в сутки. Количество дойного скота имеют от 5-ти до 15-ти голов, записей никаких не ведется»⁷⁷.

На частновладельческое скотоводство в России сильное влияние оказывало состояние кормовой базы. Недостаток луговых угодий в крестьянских наделах настолько сильно влиял на повышение арендной платы, что помещикам чаще было выгоднее сдавать луга и пастбища крестьянам, чем всерьез заниматься собственным животноводством. К тому же площадь лугов непрерывно сокращалась вследствие распахек. Так, с 1895 по 1912 г. луговые угодья сократились в Воронежской

⁷⁵ «Нужды деревни», 1906, № 13—14, стр. 489—491.

⁷⁶ «Нужды деревни», 1911, № 17, стр. 496.

⁷⁷ «Отчет о деятельности экономического отдела за время с 1-го декабря 1910 года по 1-е октября 1911 года, с приложениями». Воронеж, 1912, стр. 77—78.

губернии с 472,3 тыс. до 189,8 тыс. дес., в Полтавской — с 459 тыс. до 305,4 тыс. дес., в Херсонской губернии — с 698,4 тыс. до 158,8 тыс. дес.⁷⁸

Немалое значение имело и то обстоятельство, что наиболее ценные корма, жмыхи и отруби почти целиком вывозились в Германию, отменившую на них ввозные пошлины.

Не уделялось внимания улучшению состава и сохранению наличных кормов, в частности, силосованию. Известный своей безграмотностью советчик по вопросам сельского хозяйства Ф. Э. Ромер уверял хозяев, что «силосование кормов: 1) уменьшает их количество; 2) понижает их качество; 3) делает их вредоносными для некоторых животных организмов»⁷⁹. И даже главноуправляющий Карловки М. Е. Шейдеман советовал управляющим экономиями «бросить возиться с силосом»⁸⁰.

Можно, конечно, назвать немало хозяйств, где содержание и кормление скота велись рационально. Особенно это относится к районам Прибалтики, Белоруссии, окрестностям Москвы и Петербурга. Иначе не было бы, например, возможности содержать 1000 штук рогатого скота (из них 450 дойных коров) в имении Щорсы графа К. А. Хрептовича-Бутенева (Новогрудский уезд)⁸¹. Между тем хозяйства и при достаточной кормовой базе не добились того, чтобы с выгодой использовать улучшавшуюся рыночную конъюнктуру и сделать животноводство более рациональным.

Кормление скота даже в лучших хозяйствах было очень скудным. Так, в имении И. А. Стебута скот летом кормился преимущественно по парам и жнивьям, получая небольшую подкормку травой и вико-овсяной смесью. «Телята поятся не более двух недель цельным молоком, а затем переводятся на снятое с овсянкой; к шести неделям телята приучаются понемногу к селу, и с этого времени дача снятого молока прекращается. Ранние телята к концу первого года получают уже яровую солому и мякину»⁸². Такое кормление сам И. А. Стебут признавал «скудным». Коровы у него давали в год не более 80 ведер молока. Овцы содержались и того хуже, пользуясь летом лишь пастбищным кормлением; «зимой, во время ягнения, получали сено, а в остальное время — солому и ухоботье». Настриг грязной шерсти получался очень низким, в среднем 3 фунта с головы⁸³. Свиньи в имении были «метисы йоркширов и беркширов, на-

⁷⁸ «Обзор мероприятий по культуре кормовых растений. 1908—1913». СПб., 1914, стр. 12.

⁷⁹ «Вся Россия», т. II, стб. 265.

⁸⁰ «Журнал заседаний собрания служащих Карловского имения». Полтава, 1904.

⁸¹ «Вся Россия», 1899, т. II. Список землевладельцев, стб. 360.

⁸² «Описание отдельных русских хозяйств», вып. 1, стр. 51.

⁸³ Там же.

столько, однако, выродившихся, что нелегко констатировать примесь иностранной крови»⁸⁴.

Немалый интерес представляет в этом отношении крупнейшее маслодельческое хозяйство Мологского уезда Вологодской губернии — имение Борисоглебское графа А. А. Мусина-Пушкина. Дойных коров здесь в 1899 г. было 230, в 1913 г. — 229. Получено молока соответственно 39 тыс. и 44 тыс. пуд., масла выработано 1067 и 1330 пуд., что составляет на одну корову 5,06 и 6,12 пуд., т. е. производительность стада несколько увеличилась⁸⁵. Это увеличение могло бы быть более значительным, если бы содержание скота отвечало требованиям зоотехники. Между тем, как узнаем из докладной записки обследовавшего хозяйство в 1909 г. специалиста по молочному хозяйству, до этих требований было весьма далеко. «Скотный двор старый, сырой, холодный», «окна с разбитыми стеклами», температура зимой от 2° до 8° Р вместо требуемых 10—12°, скот «почти всегда сырой и грязный». «Скот не подмывается, а смачивается во время дойки... вода в ведерках в продолжение дойки не сменяется, так что к концу дойки... совершенно загрязняется». Температура воды при поении +1 — 3° Р вместо 10—14°. Корма не взвешиваются. У коров «различные заболевания вымени, как-то: воспаление вымени, как поверхностное, так и глубокое, засорение (закупорка) сосцов, утеря четверти и половины вымени, утеря сосцов, камни в сосцах, нагноение в сосудах, бородавки на сосцах», «неправильное теление, выпадение матки, выпадение влагалища, задержание последа и, наконец, выпадение прямой кишки»⁸⁶. Заметим, что стадо состояло из коров ярославской и холмогорской пород, метизированных симменталами, что при таких условиях содержания не давало каких-либо преимуществ.

Общая отсталость скотоводства проявлялась даже в переловых капиталистических хозяйствах. В описании Тростянецкого имения прямо говорится, что «ни одна из отраслей животноводства при существующих условиях рынка не является настолько доходной, чтобы стать самодовлеющей и конкурировать с полевым хозяйством, построенным на широкой продукции свеклы»⁸⁷.

Хотя в имении было 139 коров и быков швицкой и ярославской пород и 63 головы молодняка, однако товарного значения молочное хозяйство не имело⁸⁸; «молочное хозяйство не преследует коммерческих целей, а исключительно имеет в виду удовлетворение потребности собственного хозяйства и своих много-

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ЦГАДА, ф. Мусиных-Пушкиных, оп. I, д. 9200, л. I; д. 10047, л. I.

⁸⁶ Там же, д. 9911, лл. 1—3.

⁸⁷ «Тростянецкое имение Л. Е. Кениг — н-ки. Сельское хозяйство». Харьков, 1913, стр. 254.

⁸⁸ Там же, стр. 273.

численных служащих и рабочих в молоке и молочных продуктах. При отсутствии молочной фермы хозяйство вынуждено было бы содержать коров своих служащих, что во многих отношениях является очень неудобным»⁸⁹.

С целью утилизации отходов свеклосахарного производства и накопления навозного удобрения в Тростянце, как и при всех свеклосахарных и винокуренных заводах, широко практиковался откорм бракованных волов, большей частью покупных, с последующей продажей скотопромышленникам. Число откармливавшихся волов с 1340 голов 1898/99 г. увеличилось до 2060 голов в 1911/12 г., а в среднем в год составляло 1538 голов⁹⁰. Откорм продолжался 4—5 месяцев, давая привес в 6—7 пудов, т. е. приблизительно по 1,25 пуда в месяц. Живой вес вола доходил к моменту снятия с откорма до 37—40 пудов⁹¹.

Благодаря хорошей постановке откорма эта операция в данном хозяйстве в отличие от многих других хозяйств, занимавшихся откормом, приносила доход в среднем с головы в 1898—1912 гг. 1,52 руб. в год, а в 1907—1912 гг. — даже 3,76 руб.⁹² Некоторую прибыль давал откорм и в имении Гуты того же владельца, молочная же ферма, как и в Тростянце, давала убытки, которые, по-видимому, были терпимы, чтобы не отводить пастбищ и не выделять кормов для содержания скота наемного персонала⁹³.

О степени развития частновладельческого скотоводства можно судить хотя бы по передовым в отношении скотоводства имениям Юго-западного района. Напомним, что обследованию подверглись здесь хозяйства, в подавляющем большинстве имевшие винокуренные заводы, т. е. располагавшие наилучшими возможностями для откорма скота. Больше того, эти хозяйства нуждались в большом количестве навозного удобрения и были крайне заинтересованы в успехах скотоводства.

Данные обследования 1913 г., касающиеся 26 имений, показывают, что даже в картофельно-заводских хозяйствах скотоводство было развито весьма недостаточно. Только в имении Голяки графа А. Ф. Гейден (Винницкий уезд Подольской губернии) на 670 дес. сельскохозяйственных угодий насчитывалось 94 головы коров и быков, т. е. по 14 голов на 100 дес. угодий, и 37 голов молодняка крупного рогатого скота. Овец и свиней не было совсем. В имении Голозубинцы В. В. Скибневского (Ущицкий уезд Подольской губернии) имелось 5,8 коров и быков на 100 дес. угодий и 3,9 головы молодняка (при 1815 дес. угодий). Правда, здесь имелось 1422 овцы, т. е. по 78 голов на

⁸⁹ «Тростянецкое имение Л. Е. Кениг — н-ки. Сельское хозяйство». Харьков, 1913, стр. 285.

⁹⁰ Там же, стр. 289.

⁹¹ Там же, стр. 292.

⁹² Там же, стр. 301.

⁹³ «Имение „Гуты“ Л. Е. Кениг — н-ки». Харьков, 1913, стр. 331—334.

100 дес. сельскохозяйственных угодий, и 448 свиней, или 26 голов на 100 дес. пашни.

Наряду с этими хозяйствами, где для того времени и тех условий скота было сравнительно много, были и такие, которые совсем не имели крупного рогатого скота (три крупных хозяйства). В имении Козацкое княгини Т. Г. Куракиной (Звенигородский уезд Киевской губернии) на 5546 дес. сельскохозяйственных угодий, в том числе 5370 дес. пашни, имелась всего лишь 21 корова, т. е. 0,38 головы на 100 дес. угодий, и 45 голов молодняка. Овец не было совсем, свиней было 177, или 3,3 головы на 100 дес. пашни.

Всего по 26 хозяйствам на 43 869 дес. сельскохозяйственных угодий, из которых 39 934 дес. пашни, насчитывалось 1278 голов коров и быков (количество быков отдельно не показано), т. е. 2,9 головы на 100 дес. угодий, 843 головы молодняка, менее 2 голов на 100 дес. Овец имелось 7122 — по 16,2 головы на 100 дес. Свиней насчитывалось 1239, т. е. по 3,1 головы на 100 дес. пашни⁹⁴.

Молочное хозяйство, как самостоятельная, товарная отрасль хозяйства, велось лишь в 8 хозяйствах и то в скромных размерах, а в остальных имениях молочное скотоводство носило потребительский характер, обслуживая потребности хозяйства в молоке. Невысоким было и производство товарного мяса, как об этом можно судить по соотношению поголовья молодняка и взрослого рогатого скота. Большая часть молодняка шла на ремонт взрослого стада и на убой для нужд хозяйства.

Правда, в приведенные расчеты может быть внесена небольшая поправка на то, что в большинстве хозяйств велся откорм бардой волов, доставляемых скотопромышленниками. Но эта операция далеко не достигала таких размеров, какие представлялись условиями винокуренного производства. Так, в хозяйствах Киевской губернии, обследованных в 1911 г., скот посторонних лиц составлял меньше половины (41,6%) собственного гулевого скота⁹⁵. Если примерно таким же было соотношение и в 1913 г., то количество голов на откорме не превышало 400, т. е. по 20 голов на каждый завод.

Вместе с тем нельзя не признать, что развитие винокуренного и свеклосахарного производств было фактором, ускоряющим развитие животноводства, особенно мясного направления. Эти производства получили дополнительный толчок к развитию в годы мирового сельскохозяйственного кризиса, когда подешевевшие на рынке хлебные злаки вынуждены были уступить значительную часть посевных площадей более выгодным техническим

⁹⁴ «Труды комиссии по изучению хозяйств Юго-западного края», вып. IV, Киев, 1915, стр. 8, 54—55.

⁹⁵ Там же, вып. I, Киев, 1912, отд. 2, стр. 38.

культурам — свекловице и картофелю. Вместе с этим рос и откорм скота.

В описании Тростянецкого имения наследников Л. Е. Кениг указывается: «... Если наряду с свеклосахарным производством развиваются и другие отрасли хозяйства, то лишь постольку, поскольку они не мешают ему, а иногда даже вызываются им, как, например, откорм в широких размерах бракованного скота»⁹⁶.

В худшем положении была скотопромышленность юга. Некоторые специалисты справедливо указывали на переживаемый ею тяжелый кризис. В особенно трудном положении оказалось местное овцеводство. Развившееся на юге производство торгово-экспортных зерновых культур сильно подняло земельную ренту, в результате чего овцеводство, которое было исключительно экстенсивной отраслью хозяйства (на десятину пастбища приходилось в среднем не более 2 овец), стало явно невыгодным. Особенно большой урон понесло тонкорунное овцеводство, которое концентрировалось почти целиком в помещичьем хозяйстве. По исчислениям П. Н. Кулешова, в 80-х годах XIX в. в России было до 12 млн. мериносов. Земледелие все более вытесняло овец из южных и юго-восточных степей, и к 1916 г. мериносов осталось не более 4 млн.⁹⁷ Немалую роль в этом сыграла конкуренция заокеанской (главным образом австралийской) шерсти. Падению овцеводства способствовало, по-видимому, и то, что ввозная пошлина на шерсть в России была 3 руб. за пуд, тогда как в США, например, 15 руб. за пуд. Отношение производимой в США шерсти к ввозимой в начале XX в. составляло 8 : 1, тогда как в России — 1 : 2⁹⁸. Ввоз шерсти в Россию (за вычетом вывоза), составлявший в 1900 г. 80,8 тыс. пудов, составил в 1913 г. 2330 тыс. пудов⁹⁹.

Основными типами мериносовой овцы были инфантадо, негретти и рамбулье, а также помеси этих пород. Самостоятельным типом считалась камвольная мазаевская овца, выведенная в хозяйстве братьев П. Д. и Г. Д. Мазаевых еще в середине XIX в.

Большое научно-историческое и хозяйственно-практическое значение имеет вопрос о судьбе романовской овцы. Высокая плодовитость ее, мясные качества и отличное качество овчины явились результатом длительной племенной практики русских крестьян. Однако после реформы 1861 г. крестьянское романовское овцеводство быстро приходило в упадок. На родине этой

⁹⁶ «Тростянецкое имение Л. Е. Кениг — и-ки. Сельское хозяйство», стр. 50.

⁹⁷ П. Н. Кулешов. Овцеводство России. Пг., 1916, стр. 4.

⁹⁸ «Земледельческая газета», 1903, № 5, стр. 157.

⁹⁹ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Пг., 1917, стр. 297, 298, 358.

породы овец, в Ярославском уезде, их поголовье сократилось с 565 тыс. голов в 1861 г. до 187 тыс. в 1902 г. и до 68,6 тыс. голов в 1912 г.¹⁰⁰ Помещичье хозяйство ничем не помогло спасению романовской овцы от деградации как в количественном, так и в породном отношении.

Мы не останавливаемся подробно на такой характерной для помещичьего хозяйства отрасли, как коневодство. Известно, что помещики им охотно занимались и достигали определенных результатов в улучшении пород лошадей. Но именно эта отрасль, наряду с псовыми охотами, как и во времена крепостничества, больше всего служила поддержанию декорума барства, нежели экономики хозяйства. Правда, часть коннозаводчиков получала выгоду от продажи лошадей в другие хозяйства и особенно ремонтных лошадей для армии, на которые правительство специально устанавливало высокие покупные цены. Известный читателю М. Е. Шейдеман говорил своим служащим: «Ввиду того, что за ремонтных лошадей платят теперь хорошо», нужно на эту отрасль обратить «особое внимание»¹⁰¹.

Поистине баловнями судьбы были коннозаводчики, выращивавшие лошадей в казачьих степях по контрактам с военным ведомством. Для этой цели им роздано было в аренду около 800 тыс. дес. задонской войсковой земли участками по 2400 дес. практически даром — по 3 коп. за десятину, плюс 12—15 коп. разных натуральных повинностей, тогда как арендная плата за степные земли к 1913 г. дошла в среднем до 12 руб. Военное же ведомство уплачивало Донскому казачьему войску за землю из народных денег 1791 тыс. руб. Коннозаводчик должен был сдать с участка в ремонт 8—12 лошадей в год по 150—200 руб. за штуку, за что получал право распахать 600 дес. земли, держать, кроме лошадей, 300 голов крупного скота и 600 овец. Скот содержался за счет эксплуатации примерно 1800 дес. из 2400¹⁰². Считая арендную плату по 10 руб. за десятину и плату за 12 лошадей по 200 руб., доход коннозаводчика можно определить в 26 400 руб. при минимальных, символических расходах. Выходит, что каждая ремонтная лошадь обходилась военному ведомству в 2200 руб. Таков был еще один канал, по которому народное богатство переливалось в карманы помещиков и других дельцов коннозаводства в России¹⁰³.

В целом же помещичье коннозаводство оказывало крайне незначительное влияние на состояние коневодства в стране. Более того, в целом конское поголовье в стране все более

¹⁰⁰ П. В. Медведев. Романовская овца. М., 1923, стр. 41.

¹⁰¹ «Журнал заседаний собрания служащих Карловского имения». Полтава, 1903, стр. 86—87.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ «Киевская мысль», 23 августа 1913 г.

Наличие коров в частновладельческих

Группы хозяйств по посевой площади (дес.)	Без крупного рогатого скота		Без коров		С 1—10 коровами		С 11—20 коровами	
	хозяйства	%	хозяйства	%	хозяйства	%	хозяйства	%
Без посева	2454	30,79	134	1,68	4959	62,22	177	2,22
До 10	1413	8,58	165	1,00	14540	88,33	275	1,67
10—50	817	2,89	179	0,63	24403	86,31	2138	7,56
50—100	243	1,73	88	0,63	10661	75,83	1790	12,73
100—250	262	2,56	95	0,92	5425	52,74	2293	22,29
250—500	147	3,33	19	0,43	1543	34,98	1232	27,92
500—1000	79	3,91	44	2,18	589	29,16	462	22,87
1000—5000	23	3,39	22	3,24	119	17,39	108	15,78
Свыше 5000	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	5438	6,46	746	0,95	62239	73,88	8475	10,06

* ЦГИА СССР, ф. 433, оп. 3, д. 73, лл. 5—7.

вырождалось. Военноконские переписи отмечали все больше «недомерков» (лошадей ростом меньше 1 аршина 14 вершков).

Такое положение отмечалось не только в коневодстве. Вырождались лучшие русские породы молочного скота — ярославская и холмогорская. Характерным было положение с мясным нагульным и рабочим скотом серой украинской породы. Его разведением занимались многие помещичьи хозяйства: Мекленбург-Стрелицких, имения А. Д. Строгановой, А. П. Струкова, А. К. Бабушкина, С. В. Паниной, Э. К. Бродского, А. С. и С. С. Деконских, Н. Ф. Сумарокова-Эльстона, В. С. Кочубей и другие. Однако их деятельность не привела к общему улучшению этой породы скота. Наоборот, его качество все более понижалось. Средняя туша скота, поступавшего на московские бойни в 1880—1890 гг., весила 16 пудов, а в 1890—1900 гг. — 15 пудов. «В особенности, — писал специалист, — упало качество серого украинского скота; попадавшие в прежнее время на рынке экземпляры его в 24—26 пудов в туше стали теперь редким исключением, и к первосортному скоту относят уже животных 20—22 пуда, да и животные такого веса поступают на рынок в количестве не более 10—15%»¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Дм. Бодиско. Обзор мероприятий по вывозу продуктов скотоводства за 15 лет в связи с вопросом о предстоящем массовом улучшении отечественного скотоводства. Б/м. и г., стр. 3.

С 21—50 коровами		С 51—100 коровами		Со 101—200 коровами		С 201 и более коровами		Всего хозяйств	Всего коров
хозяйства	%	хозяйства	%	хозяйства	%	хозяйства	%		
135	1,70	39	0,49	18	0,23	5	0,06	7921	27151
78	0,47	13	0,08	5	0,03	2	0,01	16491	51975
757	2,68	55	0,19	8	0,03	2	0,01	28359	166632
1119	7,96	147	1,05	13	0,09	2	0,01	14063	137570
1555	15,12	562	5,46	82	0,80	11	0,11	10285	178611
980	22,21	266	6,02	144	3,26	20	0,45	4351	109059
609	30,15	183	9,06	41	2,03	14	0,69	2021	55723
201	29,50	138	20,21	47	6,93	23	3,39	681	33555
2	18,18	6	54,55	1	9,09	2	18,18	11	1270
5436	6,45	1409	1,67	359	0,43	81	0,10	84183	761546

А. А. Кауфман отмечал, что средний убойный вес степного скота к 1917 г. составлял 18 пудов, обыкновенного великорусского — 7 пудов, тогда как в Германии средний вес быков был 29 пудов, коров — 24 пуда ¹⁰⁵.

В среднем русская корова давала разных продуктов в год на 28 руб., в США — на 94 руб., в Швейцарии — на 150 руб. ¹⁰⁶

Ценные сведения по частновладельческому скотоводству содержит упоминавшийся выше «Свод по России». В таблице 47 приводятся данные о наличии коров в разных группах хозяйств в 1916 г. Следует оговориться, что, поскольку абсолютные значения вычислялись по относительным цифрам «Свода по России», в таблице имеют место некоторые неувязки с числом хозяйств в группах. Общее же расхождение в группировке по скоту с группировкой по посеву в итоге не обнаруживается, что дает основание пренебречь погрешностями источника и принимать его за приблизительно адекватное отражение действительности. С целью сохранения документальной достоверности сооб-

¹⁰⁵ А. А. Кауфман. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства, вып. 1—2. М., 1917, стр. 148.

¹⁰⁶ «Положение молочного хозяйства России до и во время войны». Пг., 1917, стр. 8.

щаемых данных мы воспроизводим проценты в том виде, как они показаны в «Своде».

Таблица 47 раскрывает любопытную картину того, в каком отношении находилось частновладельческое продуктивное скотоводство к земледельческому хозяйству. Больше всего хозяйств, не державших крупный рогатый скот, было в малопосевных группах. Но оказывается, что хозяйств без крупного скота больше было в латифундиях, чем в хозяйствах средних размеров, и только крупнейшие имения, естественно, не могли обойтись без молочного скота. Примечательно и то, что при наличии крупного рогатого скота бескоровные хозяйства встречались чаще в малопосевных и самых крупных по площади посева хозяйствах. Правда, одиннадцать «зерновых фабрик», имевших площадь посева свыше 5000 дес. на каждую, все имели коров, но они представляют исключение. С другой стороны, процент хозяйств с наиболее крупными фермами продуктивного молочного животноводства неуклонно возрастает с увеличением размеров земледельческого хозяйства. Все это свидетельствует, очевидно, об односторонней специализации на зерновом производстве одних хозяйств и на стремлении к многоотраслевому развитию в других. К сожалению, за отсутствием порайонных сведений более подробного анализа сделать невозможно. Если учесть большое разнообразие географических и экономических условий, разнохарактерность развития хозяйств не может вызвать недоумений.

Но следует особо отметить, что крупные посевные хозяйства (с посевом свыше 250 дес.), засевая более половины всей частновладельческой пашни, держали всего лишь 26,2% коров от всего поголовья их в частновладельческом секторе земледелия.

Относительно изменения численности скота у частных владельцев нет сколько-нибудь надежных данных, кроме Саратовской губернии, где между 1902 и 1910 гг. зафиксировано резкое уменьшение всех видов скота, особенно овец и крупного рогатого скота¹⁰⁷. Обратимся поэтому к данным об общей численности скота по Европейской России (табл. 48).

Таблица 48 отражает застойный характер развития скотоводства. Поголовье его с конца XIX в. до начала первой мировой войны почти не изменилось, а по овцам заметно сократилось. Неблагополучие особенно видно по расчету скота на 1000 человек населения: с 665 штук оно сократилось до 553. Налицо был явный хронический кризис животноводства в России.

Частновладельческое скотоводство в Европейской России в 1916 г. по крупному рогатому скоту составляло 6,1% общего количества, в том числе по коровам — 4,3%, по овцам — 5,5%,

¹⁰⁷ «Исследование частновладельческого скотоводства Саратовской губернии, произведенное в 1910 году». Саратов, 1912, стр. XXI.

Таблица 48

Численность скота в Европейской России в 1896—1913 гг.
(в млн. голов) *

	1896— 1898 гг.	1899— 1901 гг.	1902— 1904 гг.	1905— 1907 гг.	1908— 1910 гг.	1911— 1913 гг.
Лошади	18,8	19,8	20,5	20,6	21,4	22,2
Крупный рогатый скот	30,1	31,5	32,0	30,5	30,5	31,3
Овцы и козы	47,1	45,1	48,3	43,8	41,1	41,9
Свиньи	12,7	11,8	11,7	11,6	11,6	12,9
Всего в переводе на крупный рогатый скот	62,7	64,3	66,1	63,7	64,6	66,3
На 1000 человек населе- ния	665	654	639	585	563	553

«Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», стр. 240—241.

по свиньям — 5,8%. Уже одни эти цифры показывают, что, несмотря на все «прогрессивные течения» в помещичьем скотоводстве, оно не в силах было сколько-нибудь серьезно повлиять на общее положение дела, не могло вывести эту отрасль сельского хозяйства страны из кризиса. Медленная капиталистическая эволюция помещичьих латифундий по прусскому образцу, в отличие от Германии, не обеспечивала прогресса животноводства.

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Царская Россия обладала огромными лесными площадями. Но размещение их было таково, что требовались решительные меры для сохранения лесов в одних районах и для искусственного лесоразведения в других. Наметившееся еще в последние десятилетия XIX в. перемещение неурожаев и связанных с ними голодовок миллионов крестьян с севера Европейской России на юго-восток, захвативших затем и Центрально-черноземные области, прямо указывало на неотложность этих мер. Однако осуществление их, если и было в достаточной степени оценено, встречало непреодолимое препятствие — частную собственность на лесные угодья.

Изучение помещичьего лесного хозяйства связано со значительными трудностями. Статистика лесовладения в России была крайне несовершенной, и определить сколько-нибудь точное раз-

мещение частновладельческих лесных площадей — дело нелегкое. Более или менее точные данные о структуре земельных угодий по Европейской России имеются лишь за 1887 г. (табл. 49).

Таблица 49

Распределение земель по угодьям в Европейской России в 1887 г.*

Угодья	Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губ.		Остальные части нечерноземной полосы		Черноземная полоса		Всего	
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
Пахотные	9253,7	5,9	16346,6	21,4	68236,3	57,8	93836,5	27,2
Сенокосы и пастбища	6257,7	4,1	10857,5	14,3	16287,7	13,8	33402,9	9,7
Лесные	87237,4	58,0	34560,9	45,3	19890,0	16,9	141688,3	41,0
Прочие удобные	4759,0	3,2	4265,4	5,6	5271,0	4,5	14295,4	4,2
Неудобные	43387,1	28,8	10249,8	13,4	8299,4	7,0	61936,3	17,9
Итого	150894,9	100,0	76280,2	100,0	117984,4	100,0	345159,4	100,0

* «Сельское хозяйство России в XX веке. (Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг.)». М., 1923, стр. 77.

Как показывает таблица, значительные лесные площади были расположены на севере Европейской России, где они составляли 58% всей территории. Остальные районы нечерноземной полосы также располагали большими площадями лесов (45,3%), хотя в ряде губерний процент лесных площадей был значительно ниже. Черноземная полоса имела явно недостаточную долю лесов на своей территории — всего 16,9%, и сохранение их было делом первостепенной важности для развития сельского хозяйства. Это становится особенно ясным, если рассмотреть отношение лесной площади к пахотной. Если в северных губерниях площадь лесов в 9,4 раза превышала площадь пашни, а в остальной части нечерноземной полосы — в 2,1 раза, то в черноземной полосе леса составляли лишь 22,6% общей площади пашни и лесов. При этом вследствие неравномерности распределения лесов по черноземным губерниям многие из них были в еще более невыгодном положении, особенно южные и юго-восточные губернии.

Но дело даже не в этих числовых соотношениях. Как указано выше, леса наиболее населенных мест Европейской России при-

надлежали почти исключительно помещикам или другим крупным владельцам. Крестьяне имели до 10 млн. дес. лесных площадей, но они располагались преимущественно в северных районах. Крестьяне же средней и южной полос Европейской России, пользовавшиеся до 1861 г. лесами вместе с помещиками, в результате реформы были почти совершенно лишены лесных угодий, что поставило их в тяжелую зависимость от помещиков-лесовладельцев. Это обстоятельство имело для помещиков и помещичьего хозяйства исключительно большое значение. Используя владение лесами, так же как и другими угодьями, в целях личной выгоды, помещики имели огромные возможности для закабаления окрестных крестьян.

Особенно большую роль сыграли русские леса для поддержания помещичьего хозяйства в тяжелые для него годы сельскохозяйственного кризиса 80-х — середины 90-х годов XIX в., сменившегося длительной своеобразной депрессией. Хозяйственные трудности, которые принес с собой кризис, многие помещики смогли пережить главным образом за счет леса, цены на который продолжали подниматься. Если трудности перестройки хозяйства после реформы 1861 г. потребовали от помещиков усиленного расхода лесных запасов, то в годы сельскохозяйственного кризиса началось форсированное истребление лесов.

Журнал «Русский вестник» писал: «Не будь леса у бережливых хозяев, едва ли хоть одно имение уцелело бы от залога. Лес еще дает средства к жизни в относительно густо населенных местностях, так как цены на него в последние годы быстро возвышаются»¹⁰⁸.

Правда, уже в то время были хозяева, которые предвидели более высокие доходы от лесов и принимали некоторые меры к улучшению лесопользования. Мы располагаем несколькими описаниями частновладельческих лесных хозяйств, где на общем фоне безудержного лесопользования лесное хозяйство представляется сравнительно упорядоченным.

Одно из таких хозяйств — лесное хозяйство в имениях Гуты и Тростянец Л. Е. Кениг (Харьковская губ.). К концу XIX в. лесная площадь имений составляла 16,8 тыс. дес., из которых под собственным лесом было 15,1 тыс. дес. В 80-х годах владелец отказался от краткосрочных оборотов рубки и установил в одних дачах 80-летний, в других — 100-летний оборот рубки¹⁰⁹. Владелец прекратил сдачу рубок незаинтересованным в лесовозобновлении лесопромышленникам и вел разработки исключительно собственными средствами, обеспечивая нормальное естественное лесовозобновление. Принимались меры и к искусствен-

¹⁰⁸ «Русский вестник», т. 243, кн. IV, 1896, стр. 293.

¹⁰⁹ М. М. Орлов. Лесное хозяйство в харьковских имениях Л. Е. Кениг — наследники. СПб., 1913, стр. 2, 10.

ному лесоразведению на вырубках, причем размер этих работ быстро нарастал. В первое десятилетие засаживалось в среднем 17 дес. в год, во втором — 110 дес. и в третьем — 215—220 дес. в год¹¹⁰. Наблюдение за лесным хозяйством было поручено крупному специалисту лесного дела проф. М. М. Орлову.

Однако и в этом имении неизбежно проглядывали отрицательные черты, свойственные капиталистическому способу ведения хозяйства. Именно Кениг в расчете на наибольшие прибыли в будущем положил начало планомерной рубке дубовых лесонасаждений в этой части Харьковской губернии. Несмотря на то, что прекрасные дубовые рощи занимали до 60% всей лесной площади имений, Кениг и его наследники систематически вытесняли дуб хвойными породами.

Были в числе помещиков и немногие любители-лесоводы, сочетавшие любовь к лесу со знанием лесного дела. В их числе известен князь П. А. Кочубей, труды которого по лесоразведению на больших площадях в имениях Полтавской губернии были отмечены высшей премией министерства земледелия и государственных имуществ в 1893 г. Старо-Гутская дача Кочубея (Черниговская губ.) с 1886 г. разрабатывалась по плану, со 100-летним оборотом рубки. И хотя для сосны такой возраст спелости нельзя не признать излишним, все же этот уклон в сторону удлинения оборотов рубки был положительным явлением. В Старо-Гутской даче были заведены лесопитомники и проводились систематические лесопосадки. Как отмечал автор описания этой дачи, «в период такой всеобщей лесоистребительной деятельности тем рельефнее выделяются единичные случаи бережливого пользования лесом и ухода за ним»¹¹¹.

Конечно, и в этом случае владелец кроме эстетических мотивов руководствовался более существенными, с точки зрения хозяина, интересами выгоды, что не ускользнуло от внимания автора описания, который отметил, что владельцы дачи, «оберегая и заказывая свои леса, отчасти, вероятно, руководствовались и экономическими соображениями, как бы предвидя скорое уничтожение частновладельческих лесов и возвышение ценности на древесину. И действительно, с истощением в окрестности лесов потребность в разного рода материалах сильно стала расти с каждым годом...»¹¹²

Из числа известных по описаниям лесных имений можно отметить еще Жагоро-Груздевское имение Г. Д. Нарышкина в Шавельском уезде Ковенской губернии с площадью леса 14,9 тыс.

¹¹⁰ М. М. Орлов. Лесное хозяйство в харьковских имениях Л. Е. Кениг — наследники. СПб., 1913, стр. 6.

¹¹¹ П. Э. Павлович. Краткий очерк Старо-Гутской лесной дачи В. П. Кочубея. Киев, 1897, стр. 3.

¹¹² Там же, стр. 39.

дес., представлявшее, по словам автора описания, «лучшее лесовладение губернии»¹¹³. Однако и в этом «лучшем лесовладении», как видно из описания, плана рубки придерживались мало. Так, с 1885 г. в течение 16 рубок следовало вырубить 3172 дес., а вырублено было 3823 дес., т. е. годовичная норма рубки превышалась ежегодно на 40,7 дес., или на 20%. Новые посадки были произведены лишь на площади 63,5 дес. В результате количество спелого леса с 63% в 1885 г. упало в 1902 г. до 37%¹¹⁴. Построенная в лесной даче лесопилка, требовавшая непрерывного поступления леса, снабжалась внеплановой вырубкой делянок и выборочной рубкой пиловочной ели по 65—100 штук с десятины, что наносило большой вред лесному хозяйству имения¹¹⁵.

Вообще описания лесных имений, как, впрочем, и других владений, обычно составлявшиеся с целью рекламы высокой ценности земли и имущества при залогах или образцовой организации хозяйств в представлениях на премии, требуют весьма критического к себе отношения. Нередко одно и то же имение, выглядевшее образцовым по описанию, другими исследователями характеризуется совсем в ином свете. Например, в отношении того же имения Нарышкина, о котором С. Конаржевский писал, как о «лучшем лесовладении», другой исследователь, Хабаров, отмечал, что в нем «лес запущен, не очищен, неустроен, заболочен, с невозможными подъездными путями», «вполне в одичалом виде»¹¹⁶. Однако во всей массе лесных частновладельческих хозяйств даже такие хозяйства встречались в крайне ничтожном числе.

Общим же правилом для частновладельческого лесного хозяйства являлось опустошение лесных площадей. И хотя уничтожение лесов угрожало частновладельческому полевому хозяйству, это не останавливало владельцев лесов, старавшихся извлечь из них максимум дохода в кратчайший срок.

В этом отношении типично имение Буда (Мглинский уезд Черниговской губернии), весьма квалифицированное описание которого, датированное 1913 г., сохранилось в архиве Гагариных¹¹⁷.

В имении Буда насчитывалось 21 132 дес., из которых лесное хозяйство (Красногорская дача) занимало 17 113 дес., в том числе леса — 13 522 дес., редины и поляны — 1508 дес.,

¹¹³ С. Конаржевский. Очерк лесного хозяйства Г. Д. Нарышкина. СПб., 1903, стр. 3.

¹¹⁴ Там же, стр. 22—25.

¹¹⁵ Там же, стр. 68.

¹¹⁶ Цит. по кн.: С. Конаржевский. Очерк лесного хозяйства Г. Д. Нарышкина. СПб., 1903, стр. 125.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. Гагариных, оп. 1, д. 4188. К сожалению, автор описания лесного хозяйства в имении Буда М. А. Буда-Жемчужникова, являвшийся, судя по содержанию, большим знатоком лесного дела, остался неизвестен.

лугов — 929 дес. и пашни — 402 дес.¹¹⁸ Некогда дача принадлежала графу Разумовскому, потом перешла к Перовским, от них — к графу А. Толстому, от него — к Н. М. Жемчужникову и, наконец, к М. А. Буда-Жемчужникову, решившему в 1913 г. с целью упорядочения лесного хозяйства произвести обследование дачи, результатом которого и явилось упомянутое описание. Примечательно замечание автора описания о том, что до самого последнего времени в этом имении «лесное хозяйство представляло картину, общую почти для всех частновладельческих лесов России»¹¹⁹.

В XIX в., когда лесов на Черниговщине было много, сбыт леса представлял для помещиков значительные затруднения. Крестьянское население губернии предъявляло крайне незначительный спрос на лесные материалы, что автор объяснял «его жалким в большинстве случаев экономическим положением, затрудняющим возведение новых построек»¹²⁰. Вследствие этого в лесах была возможна лишь «приисковая» выборочная рубка наиболее ценного пиловочного материала, выдерживавшего перевозку на отдаленные рынки. Такого рода разработки, исключавшие, как правило, нормальное лесовозобновление, если и ограничивали в известной мере исчезновение лесных массивов, зато вели к обесценению лесов, к вытеснению ценных хвойных пород лиственными.

Развитие сети железных дорог в России, увеличив спрос на лес в связи с самим железнодорожным строительством, представляло для владельцев лесов и лесопромышленников новые, невиданные ранее возможности сбыта лесных материалов на отдаленных, в том числе и зарубежных рынках. Так было и в районе описываемого имения, где с проведением в 1910 г. Подольской железной дороги «владельцы дачи приступили к сплошным сводкам. Площадью лесосек и сроками примыкания их не стеснялись, также не задумывались над выбором места сводки, благодаря чему получались громадные площади одновозрастного насаждения и молодняков к одному месту. Понятно, что при громадных площадях сводок и ежегодном примыкании лесосек вместо сводимых сосновых насаждений молодняки получались лиственные и главным образом осиновые, да и те большей частью весьма неравномерно сомкнутые и корявые, благодаря тому, что сейчас же после сводки в них пускали скот и производили сенокошение»¹²¹.

С изданием в 1888 г. лесоохранительного закона, по которому части лесов объявлялись защитными и водоохранными, для лес-

¹¹⁸ ЦГАДА, ф. Гагариных, оп. 1, д. 4188, л. 8—8 об.

¹¹⁹ Там же, л. 19.

¹²⁰ Там же, л. 6 об.

¹²¹ Там же, л. 19—19 об.

ных дач стали составляться упрощенные планы хозяйства. Однако их введение оказалось делом весьма трудным, поскольку владельцы лесов не сочувствовали этому начинанию. Упрощенный план хозяйства был введен и в Буде, но положение от этого не изменилось, если не считать некоторого сокращения общей площади вырубки. Рубка по-прежнему велась бессистемно, без соблюдения очередности, огромные площади лесосек примыкали друг к другу, мер для возобновления лесонасаждений не принималось и даже остатки от разработки оставались неубранными, глуша молодняк и способствуя развитию вредных насекомых. Не проводилось и посадок по рубкам, «и лишь при теперешнем владельце... были сделаны первые опыты посадок», но «ни одна посадка не удалась»; что же касается «мер ухода за лесом, то до настоящего времени о таковых говорить не приходится — их не существовало»¹²².

Огромный вред лесу приносили неупорядоченная пастьба скота по лесу и сенокосение, в особенности когда лесопользование отдавалось по контакту арендатору-лесопромышленнику, который уже от себя сдавал пастбища и сенокосы крестьянам. По молоднякам и зарастающим редицам «скашивалось все, что попадало под косу», а пастьба скота «разрешалась везде, не исключая вновь сведенных лесосек»¹²³.

В результате такого ведения хозяйства появлялось множество редиц, необлесившихся вырубок, захламленных и заболоченных пустошей.

В начале 900-х годов помещичье хозяйство стало понемногу оправляться от ударов мирового сельскохозяйственного кризиса. Конъюнктура на мировом рынке стала изменяться в пользу хлебопроизводителей. Но мы ошиблись бы, предположив, что улучшение хлеботорговой конъюнктуры они использовали, чтобы прекратить или сократить хищническое истребление лесов. Не такова была природа русских помещиков и купцов — лесовладельцев и лесопромышленников, чтобы отказаться от уже достигнутого уровня доходов. Как известно, доход от леса получить значительно легче, чем от земли. Поэтому истребление лесов в XX в. не только не прекратилось, но, наоборот, приняло еще большие размеры, а доходы от леса стали играть еще большую роль в бюджете помещичьего хозяйства. То, что происходило в имении Буда, наблюдалось во всем помещичьем лесовладении. Член Государственного совета В. И. Денисов писал в 1911 г., что в Евронейской России «параллельно прогрессивному росту населения и быстрому увеличению площади зерновой культуры идет беспощадное лесоистребление, и еще недавние сравнительно лесистые районы превращены в настоящее время в совершенно

¹²² Там же, л. 20.

¹²³ Там же, лл. 20 об.—21.

открытые места»¹²⁴. По его подсчетам, в одной Волынской губернии с 1904 по 1910 г. леса были истреблены на площади в 350 тыс. дес., превращенной затем в пашню¹²⁵. Из поречских и бельских лесов Смоленской губернии в 1905—1910 гг. по Днепру ежегодно сплавлялось 2 млн. бревен, и леса эти почти совершенно свели. По Висле немецкие лесопромышленные фирмы скупали на сруб у графов Пляттер и других владельцев тысячи десятин леса. От них не отставали и русские фирмы, развернувшие активную лесоистребительную деятельность, особенно на западе и северо-западе. Ход вырубки спелых лесов по Северо-западному району В. И. Денисов представлял в виде следующих примерных цифр (в %) ¹²⁶:

Годы	Отпуск древесины	Прирост древесины	Годы	Отпуск древесины	Прирост древесины
1890	38	25	1905	52	20
1900	44	22	1910	80	16

Приведенные цифры показывают, что если в 1890 г. сводка спелых пород превышала прирост в полтора раза, то в 1910 г.—уже в пять раз.

«В верховьях р. Оки в Орловской губернии,—говорилось в одном документе лесного департамента еще в 1902 г.,—местность оказывается почти совершенно степной, леса занимают там только 4% от общей площади, тогда как сто лет тому назад лесистость этой местности можно было считать в среднем равной 16%»¹²⁷. Таким образом, в Орловской губернии к началу XX в. было сведено $\frac{3}{4}$ лесов.

О процессе форсированного лесоистребления можно судить по росту доходов помещичьих хозяйств от разработки и продажи леса. Показательным в этом отношении являлось лесное хозяйство графа С. Д. Шереметева, владевшего огромными лесными массивами в разных частях Европейской России. Архивные материалы дают возможность сравнить доходы по некоторым лесным дачам Шереметева за 1888 и 1909 гг. Так, по Баландинской даче валовой доход по смете 1888 г. составлял 5 тыс. руб., а по смете 1909 г.—20 141 руб., т. е. в 4 раза больше. По Ивановской вотчине (в районе г. Иваново-Вознесенска) доход от леса за тот же период возрос с 18 200 руб. до 112 034 руб., т. е. в 6 с лишним раз; по Михайловской даче (Курская губерния) — с 4 тыс. руб. до 19 322 руб., т. е. в 4,8 раза; по Прудской вотчине (Тульская губерния) соответственные цифры

¹²⁴ В. И. Денисов. Леса России, их эксплуатация и лесная торговля. СПб., 1911, стр. 2.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1233, оп. 1, д. 58, л. 13.

составляли 800 руб. и 11 843 руб.¹²⁸ Чистый доход от продажи и собственной разработки леса в имениях Шереметева в 1909 г. составлял около 250 тыс. руб. Если в 1888 г. главную доходную статью бюджета С. Д. Шереметева составляла сдача земель в аренду, то к 1909 г. — поступления от продажи леса.

В бюджете Юсуповых лес также являлся главным источником дохода, за которым следовали полеводство, аренда, животноводство, дома в городах. Лесное хозяйство как в шереметевских, так и в юсуповских дачах велось практически без всякого плана. Главный бухгалтер Юсуповых в отчете за 1897 г. писал: «Лесное хозяйство, ввиду его неправильной организации, дает доход соответственно, конечно, тоже ненормальный, так как нельзя утверждать, что лесные имения дают доход обеспеченный, т. е. непрерывный, за полной неизвестностью, на сколько времени хватит лесного материала для продажи»¹²⁹.

Таблица 50

**Прибыли от лесного хозяйства Юсуповых
в 1897 и 1916 гг. (в руб.) ***

Имения	1897 г.	1916 г.
Благовещенское	17461	64555
Климовское	11818	38034
Княже-Лисинское	7923	54404
Корсунское	—	29357
Безводнинское	9076	1565
Милятинское	49267	154271
Тюфонское	8132	2382
Итого	103377	344568

* ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 296, л. 39; д. 1144, л. 9 об.

Несмотря на это и многие другие предупреждения, делавшиеся Юсуповым специалистами, лесопользование в их имениях не только не было упорядочено, но принимало все более разрушительный характер. Это показывают цифры дохода от леса по имениям Юсуповых, причем в отличие от шереметевских вотчин, где мы могли сравнить данные лишь по валовому доходу, здесь мы располагаем данными о чистом доходе (табл. 50).

¹²⁸ ЦГАДА, ф. Шереметевых, оп. 2, д. 4, л. 17.

¹²⁹ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 328, л. 1 об.

Таблица показывает, что в имениях Юсуповых, не считая Ракитянского имения и более мелких дач, чистый лесной доход увеличился за 20 лет в 3,3 раза.

В Петровском имении Гагариных (Борисоглебский уезд Тамбовской губернии) чистый доход от лесного хозяйства составлял в 1897/98 г. 14 650 руб.¹³⁰, в 1898/99 г. — 17 780 руб.¹³¹, а в 1913 г. (по смете) — 37 984 руб.¹³² Раньше в этом имении было до 10 тыс. дес. пашни, которая в 1906 г. была почти полностью продана крестьянам. Доход от имения в конце XIX в. составлял 42 тыс. руб., а после продажи пашни снизился всего лишь до 36,5 тыс. руб., причем почти весь доход давал теперь лес, которого в имении оставалось до 3 тыс. дес.

Может возникнуть вопрос, не объясняется ли резкое увеличение доходности лесных имений не столько истреблением лесов, сколько ростом цен на лес. Чтобы на этот счет не оставалось никаких сомнений, приведем данные о ценах на русские материалы на мировом рынке (табл. 51).

Таблица 51

Динамика цен русского леса на мировом рынке в начале XX в. *

Годы	Среднегодовой вывоз лесных материалов		Стоимость вывезенных материалов		Цена 100 пуд.	
	тыс. пуд.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
1901—1905	242367,8	100,0	65865,4	100,0	271,8	100,0
1906—1910	369542,4	152,5	116412,2	176,7	315,0	115,9
1911—1913	436257,0	180,0	153559,0	233,1	352,0	129,5
Всего вывезено за 1901—1913 гг.	4368322,0	—	1372565,0	—	314,2	—

* «Сельское хозяйство России в XX веке», стр. 300—303.

Приведенная таблица очень наглядно показывает взаимодействие спроса и предложения на международном рынке лесных материалов. Цифры говорят о непрерывном росте цен: на 15,9% во втором пятилетии и на 29,5% за 1911—1913 гг. по сравнению с первым пятилетием. Эта весьма благоприятная рыночная конъюнктура вызвала значительное увеличение вывоза леса за границу, который, по среднегодовому расчету, вырос на 52,5% во втором пятилетии и на 80% — в 1911—1913 гг. Если в 1901 г.

¹³⁰ ЦГАДА, ф. Гагариных, оп. 1, д. 933, лл. 116 об.—117.

¹³¹ Там же, д. 3690, лл. 7—10.

¹³² Там же, д. 944, лл. 1—2. Не включены общие расходы по имению.

было вывезено 225,4 млн. пудов леса, то в 1913 г. вывоз достиг 463,8 млн. пудов, превысив уровень 1901 г. в два с лишним раза. Еще быстрее росла рыночная стоимость леса, обусловленная как ростом количества, так и ростом цен вывозившегося леса. Во втором пятилетии экспортеры выручали в год на 76,7% больше денег, чем в первом пятилетии, а в трехлетии 1911—1913 гг. — в 2,33 раза больше. В 1901 г. экспортеры получили 57,3 млн. руб., а в 1913 г.—164,9 млн. руб., т. е. почти в три раза больше. Таким образом, валовая выручка экспортеров и лесовладельцев от торговли лесом за границей в течение 13 лет почти утроилась. Владельцы лесов старались всемерно использовать высокую конъюнктуру на лесном рынке. «Высокие цены, взвинченные экспортерами,—писал В. И. Денисов,—совершенно сбили с толка владельцев, и они спешат с вырубкой своих лесов...»¹³³

Спрос на лесные материалы возрастал не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. Об общем росте спроса и предложения можно судить по росту перевозок лесных грузов по железным дорогам и водным путям.

Как видно из табл. 52, перевозки леса быстро нарастали. По сравнению с пятилетием 1882—1886 гг. они в первые годы XX в. увеличились в 2 раза, а в 1913 г.—в 3,8 раза. В течение 20-летия 1882—1901 гг. было перевезено 21 млрд. пудов леса, т. е. в среднем по 1056 млн. пудов в год, а за 12 лет XX в.

Таблица 52

Перевозка лесных грузов по железным дорогам и внутренним водным путям России за 1882—1913 гг.
(в млн. пуд.)*

Годы	По железным дорогам	По водным путям	Итого	%
1882—1886	242,2	528,1	770,3	100,0
1887—1891	277,2	660,0	937,2	121,7
1892—1896	312,4	763,4	1075,8	139,7
1897—1901	461,6	979,4	1441,0	187,1
1902—1906	592,1	1055,4	1647,5	213,9
1907—1911	886,8	1405,0	2291,8	297,5
1912	1091,1	1573,1	2664,2	345,9
1913	1185,2	1739,1	2924,3	379,6

* «Статистический сборник Министерства путей сообщения», вып. 138, ч. 2. Пг., 1917, стр. 15—16. Данные о водных перевозках по Европейской России.

(1902—1913 гг.) — 26 млрд. пудов, в среднем по 2190 млн. пудов в год, т. е. более чем в два раза по сравнению с предшествующим 20-летием.

Понятно, что резко увеличившийся спрос мог удовлетворяться почти исключительно за счет частновладельческих и казенных лесов, поскольку немногочисленные крестьянские лесные наделы имели потребительское значение. Повышательную конъюнктуру на лесном рынке старались использовать прежде всего частные владельцы, причем от лесовладельцев северных лесных районов не отставали помещики даже тех губерний, где сохранение лесов и лесоразведение являлось важнейшей народнохозяйственной задачей. Чтобы доказать, что это было именно так, сравним данные об отправке лесных материалов на судах и в плотах из трех приволжских губерний — Симбирской, Самарской и Саратовской в 1900 и 1913 гг. (табл. 53).

Таблица 53

Отправка лесных материалов и дров с пристаней Симбирской, Самарской и Саратовской губерний в 1900 и в 1913 гг. (в тыс. пуд.)

Губернии	1900 г.*			1913 г.**			1913 г. в % к 1900 г.
	Дрова	Строительный лес	Итого	Дрова	Строительный лес	Итого	
Симбирская . . .	838	2036	2874	7790	2471	10261	357,0
Самарская	520	2151	2671	2447	2940	5387	201,7
Саратовская . . .	606	4322	4928	1355	7247	8602	174,8
Итого . . .	1964	8509	10473	11592	12658	24250	231,5

* «Статистический сборник Министерства путей сообщения», вып. 67, СПб., 1902, стр. 152—167.

** Там же, вып. 139, ч. 1. Пг., 1916, стр. 2—16, табл. II.

Из таблицы 52 видно, что на рубеже XX в. отправка леса на судах и в плотах с пристаней Европейской России была равна примерно 1 млн. пудов в год, а к 1913 г. она увеличилась в 1,7 раза. Вывозка же по водным путям из трех приволжских губерний за тот же период возросла в 2,3 раза, а из Симбирской губернии даже в 3,6 раза, т. е. значительно больше, чем по Европейской России в целом. Даже из малолесистой Саратовской губернии в 1913 г. было отправлено в 1,7 раза больше лесных материалов и дров, чем в 1900 г.

Данные показывают резкое увеличение вывозки дров, которых в 1913 г. было отправлено из указанных трех губерний в 5,9 раза больше, чем в 1900 г. Это означало, что на сруб

пошли молодые леса. А поскольку речь идет о транспортировке леса по речным путям, то большая, если не подавляющая, часть леса шла из водоохранных и защитных зон. Впрочем, значение водоохранных и защитных лесов в условиях Поволжья нужно было признать за всеми лесами без исключения. Тем не менее истребление их шло все ускоряющимися темпами.

В условиях выгодной торговли лесными материалами владельцы открыто игнорировали даже упрощенные планы лесоводства. В Саратовской губернии в начале 900-х годов из 617,1 тыс. дес. частновладельческих лесов упрощенные планы были введены лишь на площади 286,4 тыс. дес., т. е. на 45,2% лесной площади, а в Царицынском уезде площадь «устроенных» лесов составляла всего 0,5% ¹³⁴. В материалах по оценке земель этой губернии говорилось: «Вообще то, что дает нам изучение распределения лесной площади по породам и по возрасту древесных насаждений, свидетельствует о господстве бессистемного хозяйничанья, в результате которого постепенно вырубались более ценные породы, главным образом сосна на севере губернии» ¹³⁵.

А. П. Гладилин, специально изучавший вопрос о влиянии лесоохранительного закона на сохранение лесов, писал: «...Убыль лесов в России после введения лесоохранительного закона продолжает идти тем же, если только не еще более ускоренным ходом, как и до введения этого закона, но более половины лесов убывает на законном основании с разрешения лесоохранительных комитетов» ¹³⁶.

Не удивительно, что лесоохранительный закон и лесоохранительные комитеты получили в словарном обиходе современников наименование «лесоистребительных». Но даже там, где были составлены упрощенные планы лесоводства, они просто не соблюдались. Нарушения эти были обычным явлением. Иногда они выражались не в превышении установленных размеров вырубаемых площадей, а в замене одних делянок другими, с неправильным оборотом рубки. Так, в Корсунском имении Юсуповых (Ярославская губерния) лесоустроительным планом 1900/01 г. на ближайшие 10 лет было намечено к вырубке 93 дес. хвойных пород и 454 дес. лиственных. Фактически же было вырублено 197 дес. хвойных пород и 350 дес. лиственных. Следовательно, по хвойным лесосекам был допущен переруб 104 дес., а по лиственным — недоруб 104 дес. Отступления от плана, по словам главного лесничего Юсуповых Е. В. Ивонина, «объясняются

¹³⁴ «Материалы для оценки земель Саратовской губернии», вып. VI. «Основания оценки и нормы доходности земельных угодий». Саратов, 1908, стр. 331—332.

¹³⁵ Там же, стр. 328.

¹³⁶ А. П. Гладилин. О влиянии лесоохранительного закона на сохранение лесов в России. СПб., 1911, стр. 13.

стремлением администрации имения увеличить доходность от леса...»¹³⁷

Кроме сплошных рубок в имении широко велись выборочные рубки в пяти кварталах. «Вследствие изреженности насаждений выборочными рубками,— отмечал Ивонин,— в указанных кварталах много леса ветровального, валежного, замечены также значительные повреждения елового леса короедом. Пни срубленных деревьев не клеймятся, что лишает возможности контроля»¹³⁸.

«Вырубки истекшего десятилетия имеют крайне печальный вид,— отмечалось далее в докладе,— почти вся площадь рубок не облесилась вследствие производящихся на лесосеках пастбы скота и сенокосения. Очень часто на вырубках бывают пожары. Полагаю, что пожары эти не есть случайное явление. Арендаторы, пользуясь свободой сенокосения на вырубках, в целях улучшения сенокосения и увеличения площади такового в арендуемом урочище, очевидно, умышленно огнем уничтожают лесную растительность»¹³⁹.

Все эти нарушения проходили, как правило, безнаказанно как для владельца, так и для арендаторов-лесопромышленников. В Корсунском имении очередная ревизия хозяйства для установления нового плана рубки должна была проводиться в 1910 г., но даже в 1914 г., к которому относится доклад лесничего, эта ревизия еще не была проведена¹⁴⁰.

В Климовском имении Юсуповых (Юхновский уезд Смоленской губернии), занимавшем 11 099 дес., в том числе 7906 дес. леса, лесоустроительные работы впервые были произведены в 1885 г., и до 1903 г. ревизии хозяйства лесоохранительным комитетом не производилось. Да и ревизия 1903 г., по свидетельству того же Ивонина, «произведена крайне небрежно... При ревизии не было составлено плана хозяйства, рубки на десятилетие не проектировались, ежегодно отводились без всякой системы, разной площади; направление, очертания и ширина лесосек — самые разнообразные. В 1907, 1908 и 1909 годах в кварталах 76, 77, 79, 80, 81 и 82 на площади 218 дес. произведена выборочная рубка сосны и ели от 6 вершков и выше в количестве 45 633 деревьев на сумму 62 392 р. 24 к. Рубкой этой указанные кварталы совершенно обесценены, опустошены, площадь эта должна быть отнесена к разряду сплошных вырубок»¹⁴¹.

Впрочем, владелец мог и не прямо нарушать утвержденный для него план рубки. Ему достаточно было продать в другие

¹³⁷ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 5261, л. 1 об.

¹³⁸ Там же, л. 2.

¹³⁹ Там же, лл. 2—2 об.

¹⁴⁰ Там же, л. 3.

¹⁴¹ Там же, д. 2501, л. 149 об.

руки часть лесной площади, и весь план шел насмарку. Под разными предлогами вырубались даже водоохранные и защитные участки леса ¹⁴².

Лес истреблялся не только во внутренних губерниях Европейской России, но и на Урале, где в лесопользовании вообще не было никакого порядка. Примером этого может служить огромная, в 257 тыс. дес., Симская горнозаводская дача Балашовых, описанная в 1905 г. И. Ф. Фридрихом. С 1844 по 1861 г. в даче существовал кое-какой порядок, но с отменой крепостного права крестьяне отказались возить лес с дальних лесосек, и рубки снова, как и до 1844 г., начались в местах, расположенных ближе к заводам. Только в 1900 г. владельцы Симского горного округа Н. П. и И. П. Балашовы решили ввести плановую рубку и с 1905 г. планировали вырубать ежегодно 3053 дес. леса ¹⁴³. Однако и этому плану не суждено было осуществиться.

Быстрое нарастание темпов истребления уральских лесов можно видеть на примере крупнейшего лесного владения — Пермского имения графа Строганова. В 1903 г. лесное хозяйство дало Строганову доход 77,2 тыс. руб., в 1904 г. — 160,7 тыс., в 1905 г. — 139,8 тыс., а в 1906 г. — 296,8 тыс. руб. ¹⁴⁴ Уже в эти годы заметно значительное увеличение лесных разработок и продаж. Тяжелый удар уральским лесам нанесла жестокая конкурентная борьба южных горнометаллургических монополий с горнорудной и железоделательной промышленностью Урала. Не выдерживая этой конкуренции, Строганов в 1910 г. решил закрыть Кыновский, Очерский и Павловский заводы и, как отмечал в отчете главный лесничий Пермского имения, «перейти в этих округах исключительно на лесное хозяйство...» ¹⁴⁵. Это означало, что лес должен был дать владельцу то, чего он лишился с закрытием указанных заводов и падением доходов на других предприятиях в связи с конкуренцией Юга. И действительно, разработки и продажи леса уже в 1910 г. резко возросли. Если в течение 1903—1906 гг. владелец получал от лесного хозяйства чистого дохода в среднем 168,6 тыс. руб. в год, то в 1910 г. этот доход составил огромную сумму 599,5 тыс. руб. ¹⁴⁶

Приведенные данные показывают, что крупное помещичье землевладение не только являлось величайшей преградой про-

¹⁴² С 1888 по 1908 г. в 50 губерниях Европейской России и в 10 польских губерниях было признано водоохранными 733 365 дес. и защитными 570 807 дес., т. е. лишь около 0,8% частновладельческих и общественных лесов (см. «Протоколы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев в С.-Петербурге 23—27 января 1911 г.» СПб., 1911, стр. 18—19).

¹⁴³ И. Ф. Фридрих. Симская горно-заводская дача Н. П. и И. П. Балашовых. Уфа, 1905, стр. 67.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. Строгановых, оп. 8, д. 17, л. 70 об.

¹⁴⁵ Там же, оп. 12, д. 6899, л. 12.

¹⁴⁶ Там же, л. 26.

грессу в сельском хозяйстве, но оказывало тормозящее влияние и на прогресс в промышленности, давая возможность владельцам предприятий выдерживать конкурентную борьбу, сохраняя устарелое оборудование и несовершенную технику производства, сдерживая обновление основного капитала предприятий, затрудняя переход этих предприятий к таким владельцам, которые не могли вести производство без технических усовершенствований, диктуемых конкуренцией.

Следует отметить также исключительную мизерность прини-мавшихся в имениях Строганова мер для искусственного возобновления лесов. В 1910 г., например, искусственное лесоразведение было произведено всего лишь в двух округах из десяти на площади в 37 дес., да еще посеяно было вместе с хлебами 43 фунта сосновых и еловых семян¹⁴⁷. По масштабам лесоразработок и при огромной величине лесных пространств имения эти меры выглядят совершенно ничтожными.

«Урал,— писал В. И. Денисов,— по заявлению приуральских земств, накануне полного уничтожения частных лесов. После 1905 г. значительная часть заводов сократила свою деятельность, и владельцы сосредоточили свое внимание исключительно на эксплуатации принадлежавших им лесов. Так, граф Строганов только из одних соликамских имений сплавил в 1910 г. по Каме лучшего строевого леса на 800 тыс. руб.; Балашовы продали английской компании Оркин на 3 млн. руб. лесных материалов. Уральские посессионеры спешно вырубает лес в тех участках, которые должны отойти в надел населению»¹⁴⁸.

Царское правительство, покровительствовавшее помещикам, сквозь пальцы смотрело на безудержную оргию разграбления народного богатства страны лесовладельцами, лесопромышленниками и торговцами. Убедительным доказательством этому являются материалы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев, состоявшегося в Петербурге в январе 1911 г. Этот съезд, по словам его председателя В. И. Ковалевского, должен был «выработать главнейшие, руководящие положения для государственного вмешательства в частное лесовладение и лесное хозяйство»¹⁴⁹.

На съезде ярко наметились два рода мнений. Сравнительно небольшая группа участников съезда, преимущественно из числа лесничих и деятелей лесной науки, стояла за усиление лесоохранительного закона, критиковала закон и нарушавших его лесовладельцев. Отсутствовавший член съезда лесовод И. В. Филиппов в своем письме съезду писал: «Существующим лесохра-

¹⁴⁷ ЦГАДА, ф. Строгановых, оп. 12, д. 6899, л. 33.

¹⁴⁸ В. И. Денисов. Указ. соч., стр. 29.

¹⁴⁹ «Протоколы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев в С.-Петербурге 23—27 января 1911 г.» СПб., 1911, стр. 6.

нительным законом совершенно не обеспечивается и не достигается главная цель охранения леса»¹⁵⁰. А. П. Мещерский говорил, что «закон не мешает истреблению леса, ибо этот закон всегда можно обойти. Охранять леса от собственников невозможно»¹⁵¹. Организацию лесного дела критиковал лесной ревизор К. С. Яцунский. Докладчик В. И. Гомилевский предлагал казне выкупить защитные и водоохранные леса.

Однако более могущественной была группа участников съезда, состоявшая преимущественно из лесовладельцев или их подпевал и требовавшая неограниченной свободы распоряжения лесами. Так, Курляндское общество сельского хозяйства в своем послании прямо потребовало отмены «ограничения пользования лесами, за исключением защитных и водоохранных», т. е. упразднения всех упрощенных планов лесопользования. Против «опеки» над частновладельческими лесами выступили представитель Полтавского общества сельского хозяйства и ряд лесовладельцев.

«Научную» базу под эти требования пытался подвести проф. Понсет де Сандон, выступивший с требованием «способствовать переходу леса с более плодородных и производительных площадей на мало пригодные для культуры других растений»¹⁵². В условиях почти полного отсутствия мер по лесоразведению такое требование звучало как призыв к усилению истребления русских лесов под предлогом расширения пахотных площадей.

Принятые съездом решения были явной победой этой второй группы его участников. Съезд не предложил никаких радикальных мер по упорядочению частновладельческого лесного хозяйства, решив лишь несколько «улучшить» лесоохранительный закон и оставить в силе малообязательные упрощенные планы лесоводства. Если владелец не пожелает вести хозяйство по упрощенному плану, лес предлагалось выкупать в казну. Доходы помещиков и в том и другом случае обеспечивались вполне надежно. Съезд на словах признал необходимость продолжать перевод части лесов в категории защитных и водоохранных, но, чтобы затруднить и затормозить этот перевод, установил для него срок «не долее» 10 лет, т. е. срок, за который можно было полностью свести лес в водоохранной и защитной зоне.

На основании имеющихся данных трудно составить представление о дальнейшем сокращении лесных площадей, но дело не в количестве этих площадей, а в том, что на этих площадях произрастало, так как и вырубленные массивы с молодой порослью также считались лесными площадями. Что в действительности представляли собой леса к концу рассматриваемого здесь перио-

¹⁵⁰ Там же, стр. 11.

¹⁵¹ Там же, стр. 29.

¹⁵² Там же, стр. 25.

да, можно видеть по материалам оценки земель, проводившейся в фискальных целях.

Так, в Гжатском уезде Смоленской губернии 63,4% частных владельческих лесов, составлявших $\frac{2}{3}$ всех лесов уезда, были моложе 30 лет. Лесов свыше 50-летнего возраста было всего 14,4%. Имений, в которых велась рубка леса в возрасте свыше 50 лет, насчитывались единицы. Многие дачи вырубались полностью. «В пустоши Камышах Рождественской волости,— говорится в материалах обследования, изданных в 1909 г.,— вырубается в настоящее время сплошь всю площадь спелого леса... В пустоши Соколках Ново-Покровской волости весь лес продан лесопромышленнику, который обязан срубить его сплошь в три года». Некоторые лесные дачи вырубались с целью продажи Крестьянскому банку или под видом такой продажи. Из 180 дач с известными способами рубки о 81 даче было сообщено, что рубки не производятся, поскольку уже нечего рубить¹⁵³.

В Старобельском уезде Харьковской губернии возраст лесонасаждений был таков, что хозяйство могло вестись или «для получения хворости и хмыза... или для получения дров и материала для мелких поделок. Высокоствольное хозяйство с более чем 40-летним оборотом рубки встречается как исключение...»¹⁵⁴

Упомянутый выше А. П. Гладилин спрашивал: «А помещичьи леса, разве не приведены они во многих местах в полное расстройство опустошительными рубками? Этой статистики никто не производил, да и вряд ли возможно ее произвести, но я думаю, что если бы она была каким-нибудь способом произведена, то результаты ее были бы прямо ужасающими»¹⁵⁵.

Как показывают изложенные здесь данные, практика ведения частновладельческого лесного хозяйства не оставляла никакого сомнения в том, что в самом непродолжительном времени были бы истреблены все ценнейшие леса в Европейской России и прежде всего в бассейнах рек и водоемов и в районах усиливающегося влияния засух, чем был бы нанесен еще больший урон сельскохозяйственному производству. Только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, ликвидировавшей частную собственность на леса и вырвавшей их из рук хищников, мотов и наживал, оставшийся русский лес был спасен от истребления и было положено начало плановому и высококультурному лесопользованию в интересах трудящихся.

¹⁵³ «Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть. Гжатский уезд», вып. 1. «Нормы оценки леса». Рязань, 1909, стр. 23—24.

¹⁵⁴ «Материалы для оценки земель, Харьковской губернии. Старобельский уезд», вып. V. Харьков, 1908, стр. 48.

¹⁵⁵ А. П. Г л а д и л и н. Указ. соч., стр. 14.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ПОМЕЩИКОВ

Сельское и лесное хозяйство были далеко не единственными сферами хозяйственно-предпринимательской деятельности помещиков в России. В. И. Ленин в 1914 г. писал: «„Соседи по имению“ в наш капиталистический век все чаще сами становятся заводчиками, винокурами, сахароварами т. п., все больше принимают участия во всевозможных торгово-промышленных, финансовых, железнодорожных предприятиях. Крупнейшее дворянство тесно переплетается с крупнейшей буржуазией»¹.

Немало представителей верхов дворянства были в большей мере промышленниками, чем помещиками. Таковы прежде всего магнаты уральской промышленности — Строгановы, Абамелек-Лазаревы, Демидовы, Белосельские-Белозерские, Балашовы и др. Это, однако, не мешало им быть наиболее яркими крепостниками. Именно на Урале дольше всего оставались почти нетронутыми крепостные аграрные порядки. По этому поводу В. И. Ленин писал в 1913 г.: «На святой матушке-Руси много еще таких уголков, где точно вчера было крепостное право. Возьмите, например, Урал... Крестьяне до сих пор в зависимости от помещиков, до сих пор не наделены землей.

А Урал — не маленький „уголок“, это — громаднейшая и богатейшая область»².

Владельцами расположенных в имениях промышленных предприятий, особенно крупных, были по большей части крупные помещики. Рассмотрим данные переписи 1910 г. в Полтавской губернии (табл. 54).

Таблица 54 показывает, что в имениях площадью свыше 500 дес., составляющих 6,1% всех хозяйств, было сосредоточено

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 139.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 373.

Таблица 54

Распределение промышленных предприятий по группам помещичьих хозяйств Полтавской губернии *

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Число имений	В них предприятий		
		мелких с конными двигателями	мелких с паровыми двигателями	крупных
50—100	3481	29	34	1
100—150	820	8	36	3
150—200	307	5	22	—
200—300	341	5	32	5
300—500	249	9	37	6
500—1000	192	8	61	19
Свыше 1000	159	6	81	43
Итого . .	5549	70	303	77

* «Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года. Свод по губернии». Полтава, 1914, стр. 406, 423.

до половины мелких предприятий с паровыми двигателями и $\frac{4}{5}$ всех крупных.

Традиционными помещичьими отраслями промышленности являлись винокурение, пивоварение, сахарное производство, мельницы, т. е. предприятия, связанные главным образом с переработкой продуктов сельского хозяйства.

ВИНОКУРЕНИЕ

Винокурение при крепостном праве было привилегией дворянства. В. И. Ленин отмечал, что и к концу XIX в. винокуренные заводы принадлежали «почти исключительно помещикам и главным образом дворянам»³.

Для винокуренной промышленности была характерна конкуренция между «сельскохозяйственными», т. е. помещичьими, заводами и «промышленными», в которой выигрывали последние, как более крупные и лучше оборудованные. Дело в том, что после отмены откупов и введения акциза обложение заводов было основано на «нормальном» выходе спирта. Перекур против нормы составлял так называемые безакцизные отчисления в пользу заводчика, которые были, естественно, выше на заводах, распо-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 285.

женных в городах. Учитывая жалобы помещиков, правительство еще в 1890 г. отменило безакцизные отчисления для крупных заводов, сохранив эту привилегию для более мелких, т. е. помещичьих. С того же года было запрещено открывать винокуренные заводы в городах, а также образовывать акционерные компании для устройства винокуренных заводов. Сокращавшееся до того времени число «сельскохозяйственных» заводов опять пошло вверх, чему способствовало дальнейшее понижение цен на зерно, шедшее для перекура⁴. В начале XX в. строительство заводов продолжалось, увеличилось и производство спирта⁵:

Винокуренные заводы	Число заводов		Выкурено спирта, млн. ведер	
	1896/97 г.	1913/14 г.	1896/97 г.	1913/14 г.
Сельскохозяйственные	1474	2477	13,5	76,9
Смешанные	404	342	10,8	38,7
Промышленные	159	159	5,5	22,4
Итого	2037	2978	29,8	138,0

Таким образом, число сельскохозяйственных заводов выросло почти на тысячу, количество промышленных осталось прежним, а смешанных — сократилось. Производство спирта возросло с 30 млн. до 140 млн. ведер.

Почти весь прирост произошел за счет перекуриваемого картофеля. Так, если в 1896/97 г. было переработано хлебных продуктов 42 млн. пуд. и картофеля 102 млн. пуд., то в 1913/14 г. соответственные цифры составили 55 и 189. Увеличился откорм скота отходами производства. Это означало дальнейшее развитие интенсивного торгового земледелия и животноводства в районах винокурения, расширение сферы применения наемного труда.

Винокуренное производство, особенно помещичье, как уже можно было видеть, окружалось трогательной заботой правительства. Немало выгод выпало на долю винокуренных заводчиков и в связи с введением с 1895 г. государственной винной монополии, которая, распространяясь постепенно, к 1904 г. охватила в основном всю империю. Как известно, в ряде районов, как правило, не было откупов (кроме городов), и помещики пользовались «правом пропинации», т. е. правом на монопольное производство и продажу водки через свои или сдаваемые

⁴ «Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения». 1897 г. Публикация М. Я. Гефтера и И. Ф. Гиндина.— «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 138—142.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 285; «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Пг., 1917, стр. 175.

в аренду корчмы («привилегированные» губернии — белорусские, украинские, Бессарабия). При введении монополии помещики «привилегированных» губерний получили от казны крупные вознаграждения за утрату «права пропинации». Это по сути дела была разновидность выкупа, произведенного государством, конечно, прежде всего за счет главного налогоплательщика — крестьянина. Графиня Тышкевич, купцы Енни и Рукавишниковы, владельцы г. Бердичева, получили 330 тыс. руб., князь Любомирский, владелец г. Ровно, — 249 тыс. руб., Живкович, Граве и Попова, владельцы г. Оргеева, — 238 тыс. руб., Катарджи, Крупенская и Мазараки, владевшие г. Бельцы, — 290 тыс. руб., князь Васильчиков, владелец г. Юрбург, — 133 тыс. руб., графы Бобринские по местечку Смела — 146 тыс. руб. и т. д. На вознаграждение помещиков трех прибалтийских губерний русская казна выделила 8062 тыс. руб. Весь же расход казначейства по выкупу феодального права пропинации, по сведениям за 1897—1911 гг., составил 41,5 млн. руб.⁶

Главным обеспечением доходов винокуренных заводчиков были откровенно покровительственные цены на спирт, которые устанавливались вне всякой зависимости от себестоимости, а применительно к аппетитам помещиков. На совещании по вопросу о заготовке спирта для казны и нормировке винокурения, проходившем под руководством В. Н. Коковцова 15—20 марта 1902 г., министерство финансов даже не поставило на обсуждение вопрос о цене на спирт, считая его «слишком деликатным». Да он и не особенно волновал заводчиков. Князь А. С. Оболенский прямо говорил: «Министерство ценами нас не обижало»⁷. Заводчик Ф. И. Ломакин вторил: «Правительство дает хорошую цену за спирт, и за это нужно благодарить министерство финансов»⁸. Никаких сетований по поводу цен не было. Заводчиков интересовал прежде всего вопрос об отмене торгов на спирт, сбываемый в казну сверх нормировки, чем пользовались перекупщики спирта в ущерб помещикам. Продолжалась борьба между помещиками и «коммерческими», т. е. городскими заводчиками. Один из участников совещания заявил, что коммерческие заводы надо ликвидировать — «их польза — нам вред»; «рано или поздно с ними нужно прикончить»; «или мы или они»⁹. Крупные заводчики оборонялись. А. Ф. Зан из Польши говорил: «Но если мы прогрессом становимся в то положение, что мы можем производить спирт дешевле других заводчиков,

⁶ ЦГИА СССР, ф. 575 (Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей министерства финансов), оп. 6, д. 462, 1909—1911 гг., лл. 1—63.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 575, оп. 2, д. 1622, л. 5.

⁸ Там же, л. 14.

⁹ Там же, л. 147.

то это наша заслуга, а не упрек нам»¹⁰. Одним словом, помещики, отстаивая привилегии для своих несовершеннолетних производств, практически являлись тормозом технического прогресса в винокурении. И они добились многого в сохранении и умножении этих привилегий. С 1904 г. были отменены торги на неразверсточный спирт, весь спирт мелких и средних заводов принимался в казну. Цены на него непрерывно повышались. Когда заводчики не выполняли договоров с казной на ректификацию спирта, штрафы и неустойки обычно не взыскивались. За проводимую заводчиками ректификацию спирта казна платила им почти вдвое больше, чем стоила эта операция на казенных заводах. В связи с тем, что размещение производства спирта определялось не спросом на него, а расположением помещичьих имений, казна брала на себя большие расходы по перевозке спирта. Был установлен целый ряд безакционных отчислений: общие и «сельскохозяйственные» (специально для помещиков); при ректификации; по фруктово-виноградному производству; по спирту, вывозимому за границу. За один 1913 г. безакционные отчисления принесли заводчикам 17,4 млн. руб. Как свидетельствовал исследовавший винную монополию проф. М. И. Фридман, все эти льготы «являлись последствием давления отдельных влиятельных лиц», т. е. крупнейших помещиков¹¹.

Цена на водку в казенной продаже с 7 р. 60 к. за ведро в 1900 г. была доведена до 8 р. 40 к. в 1908 г. Только за счет повышения цены казна увеличила доход с 13,9 млн. руб. в 1904 г. до 103 млн. руб. в 1913 г.¹² Соответственно возрастали и доходы заводчиков.

Привилегии были главным стимулом к открытию новых заводов, хотя помещики в ходатайствах обычно приводили иные мотивы. Так, С. Д. Шереметев в прошении министру финансов о постройке в Серебрянопрудской вотчине завода производительною в 5 млн. градусов писал: «Единственная цель постройки завода — это поднятие упавшего сельскохозяйственного промысла в округе моей вотчины, где, благодаря использованию пахотных земель, начиная со времени освобождения крестьян, стереотипным трехпольным хозяйством, без введения столь необходимого на этих землях навоза, земля настолько истощилась, что средняя урожайность их за последние десять лет упала ниже 40 пуд. овса и 40 пуд. ржи с десятины»¹³.

Приведенное объяснение служит суровым обвинительным актом для полукрепостнической латифундии, предъявленным самим владельцем. Именно в Серебрянопрудской вотчине проводились упомянутые выше эксперименты над крестьянами

¹⁰ Там же, л. 98.

¹¹ М. И. Фридман. Винная монополия, т. II. Пг., 1916, стр. 396.

¹² Там же, стр. 301.

¹³ ЦГАДА, ф. Шереметевых, оп. 2, д. 887, 1899 г., л. 1.

(«рациональное» исполное хозяйство, выгодное одному лишь помещику), доведшие их до восстания против экономии в начале 1906 г. Винокуренный завод был построен, затем еще два; потребовалось расширение собственной запашки под картофель с соответствующим уменьшением площади сдаваемой крестьянам земли под посев и пастбище. Если в 1900 г. крестьяне уплатили 31 081 руб. за снятые 6189 дес., то в 1913 г. плата составила 36 169 руб. за 4776 дес., но уже менее ценных угодий¹⁴. Таким образом, промышленные предприятия послужили сразу двум целям: укреплению экономики помещичьей латифундии и одновременному усилению полукрепостнической эксплуатации окрестного населения через голодную аренду. Ни о каком улучшении крестьянского сельского хозяйства в таких условиях не могло быть и речи, так же как и о «гуманности» помещика, выраженной в прощении. Крестьяне по-прежнему оставались в кабале у экономии, обрабатывая свою и арендованную землю примитивными орудиями и получая мизерные урожаи.

Деятельность винокуренных заводов не могла, конечно, не оказывать влияния на хозяйство окрестного крестьянства поощрением развития посевов картофеля, продаж барды, наймом рабочих на свои поля и заводы и т. д. Но это прогрессивное влияние не может идти в сравнение хотя бы с тем, что выкачивали у того же крестьянства заводчики и казна в виде платежей за водку. Приведем несколько цифр. За 1904—1911 гг. в России было продано 669,2 млн. ведер водки (40°), за которую казна получила валового дохода 8019 млн. руб. За вычетом расходов (4010 млн. руб.) чистый доход казны составил 4009 млн. руб., т. е. 100% к расходу, в том числе акциз — 2944 млн. руб., прибыль казны от винной монополии — 1065 млн. руб.¹⁵ По расчетам А. Л. Вайнштейна, в 1912 г. крестьяне Европейской России понесли расходов только в виде косвенного налога на водку более 241 млн. руб.¹⁶

Сами эти астрономические цифры достаточно выразительны. Поэтому, думается, прав был М. И. Фридман, указывая: «Однако все эти благие результаты винокурения обусловлены тем, что на спирт устанавливается государством высокая цена, дающая возможность щедро оплачивать картофель и дешево получать барду. Иначе говоря, сельское хозяйство выигрывает в той мере, в какой теряет население, потребляющее водку и платящее за нее»¹⁷.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1088 (С. Д. Шереметева), оп. 13, д. 1049, л. 3 об.; д. 1094, л. 2 об.

¹⁵ «Краткий очерк 50-летней системы взимания налога с крепких напитков». СПб., 1913, стр. 154—155.

¹⁶ А. Л. Вайнштейн. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924, стр. 29.

¹⁷ М. И. Фридман. Указ. соч., стр. 413.

Другой отраслью производства, где предприятия также принадлежали главным образом крупным помещикам, и прежде всего дворянам, была сахарная промышленность.

В отличие от винокуренной сахарная промышленность концентрировалась у небольшой кучки сахарных магнатов, которые играли крупную роль в промышленно-финансовых кругах и оказывали значительное влияние на правительственные органы.

История монополизации сахарной промышленности России специально исследована М. Я. Гефтером¹⁸. Мы коснемся лишь немногих вопросов, прямо связанных с темой данной работы.

Первый вопрос — о влиянии сахарной нормировки и синдиката рафинеров на развитие промышленности и свекловичного хозяйства, в том числе хозяйства помещиков. К сахарной нормировке правительство перешло по закону 20 ноября 1895 г. после развала первого синдиката сахарозаводчиков. Суть ее заключалась в следующем. На каждый период сахароварения правительством устанавливался предельный размер выпуска сахара на внутренний рынок, размер обязательного неприкосновенного запаса, предельные цены сахара на внутреннем рынке, при которых этот запас остается неприкосновенным, условия его выпуска на рынок и размер общего производства сахара. Продажа сверх определенного количества влекла за собой усиленное обложение в виде удвоения акциза, «нормальный» размер которого составлял 1 р. 75 к. с пуда сахара-песка. Дополнительный, сверх установленного, выпуск сахара разрешался правительством, если цена на рынке начинала превышать предельную.

Каждый завод имел право выпускать на внутренний рынок 80 тыс. пудов. Остальная часть разверстывалась между заводами соответственно их производительности, но не свыше «нормальной» по предшествующим разверсткам сахара. Излишне произведенный сахар мог вывозиться за границу, в этом случае заводчику возвращался ранее уплаченный акциз. Новые предприятия не должны были иметь производительность свыше 160 000 пудов в год.

Нормировка, следовательно, не поощряла строительства новых заводов. Действительно, число их с 1898 до 1912 г. возросло всего лишь на 42 (с 237 до 279). Зато сильно менялась мощность предприятий. Если в 1888 г. заводов с суточной производительностью до 1000 берковцев было 65, а свыше 4000 берковцев — 1, то в 1912 г. соответственные цифры — 1 и 60, т. е. картина

¹⁸ М. Я. Гефтер. Из истории монополистического капитализма в России. (Сахарный синдикат). — «Исторические записки», 38, стр. 104—153.

Таблица 54а

Производственно-финансовые среднегодовые показатели по четырем сахарным заводам графов Бобринских (в руб.) *

Показатели	Первая половина 1901 г. — 1905/06 г.	1906/07— 1910/11 гг.	1911/12 г.
Переработано свеклы, 12-пудовых берковцев	393 773	486 710	865 720
Выработано сахара, пуд.	571 482	830 582	1 422 504
% по весу	11,94	14,22	13,69
Расходы	2 311 067	3 112 985	5 404 882
Акциз	927 024	1 350 492	2 489 382
Налоги	25 432	36 800	44 593
Свекловица	603 893	848 994	1 528 512
Дрова	82 166	79 052	49 487
Каменный уголь	2 193	41 046	145 808
Известь	39 186	48 202	75 916
Жалование администрации и служа- щим	82 500	103 679	113 055
Зарплата рабочим	64 371	96 304	121 355
Лечение рабочих	4 875	15 742	20 688
Пенсии рабочим и служащим	5 446	12 479	15 440
Охрана заводов	вместе с прочими	17 504	15 958
Ремонт и постановка новых машин	136 431	125 251	167 524
Прочие расходы	154 989	203 886	363 597
Страхование имущества	—	9 639	14 409
Амортизация	36 456	64 257	87 726
Работы по сносу завода «Манури» . .	25 132	9 149	—
Итого расходов	2 189 644	3 062 476	5 253 440
Выручка за жом, патоку и проч. . .	71 755	95 033	162 413
Итого	2 117 889	2 967 443	5 091 027
Чистая прибыль	193 178	145 542	313 855

* «Смела». Киев, 1913, стр. 113.

обратная ¹⁹. Увеличилось число предприятий в руках крупных сахарозаводчиков: в 1911/12 г. у Бродского было 16 заводов, у

¹⁹ М. Я. Гефтер. Указ. статья, стр. 108.

семьи Терещенко — 10, у Харитоненко — 8, у Бобринских — 7. Увеличился размер заводских плантаций — в среднем с 1379 дес. в 1896 г. до 2220 дес. в 1913 г. Но так как заметно выросла доля посевов свеклы у крестьян (с 15,4 до 23%) при неизменившейся доле плантаторских (у помещиков без заводов), удельный вес заводских посевов свеклы несколько снизился (с 37 до 30,4%)²⁰.

Развитие и концентрацию производства целесообразно рассмотреть на конкретном материале сахарных заводов. Приведем данные по четырем заводам смелянской группы гр. Бобринских (табл. 54а).

Таблица показывает быстрое развитие производства на заводах Бобринских. С первого пятилетия до 1911/12 г. переработка свеклы удвоилась, еще больше увеличился выход песка (по весу с 11,94 до 13,69%) и составил в последнем периоде более 1,4 млн. пудов, а выручка за него превысила 5 млн. руб. Акциз занимал в составе прибыли довольно большое место (для владельца это был расход, там он и показан). Зато налоги были ничтожны — около 1% валового дохода, или 2% всей массы прибыли.

В «двойной бухгалтерии» заводчиков трудно ожидать ясности. Нет ее и в учете Бобринских. Известно, что в отчетах для уменьшения сумм прибыли заводчики завышали в расходах стоимость свеклы с собственных плантаций. Не исключен этот прием и здесь. В частности, сомнительно увеличение себестоимости свеклы. В статьях заработной платы фигурирует администрация, хотя известно, что директора обычно получали условленный процент прибыли, и нередко директор получал столько, сколько все рабочие завода вместе. Не ясно, что скрывается в статье прочих расходов.

Все же, по имеющимся данным, можно попытаться хотя бы приблизительно представить соотношения отдельных частей функционировавшего капитала, сделав некоторые допущения. Поскольку неизвестна стоимость строений, машин и оборудования, примем за нее четырнадцатикратную сумму амортизационных отчислений (износ машин 10% и зданий — 5% в год); сложив ее с суммой производственных расходов, получим примерную величину всего авансированного капитала (с+v). Переменный капитал (v) легко определяется сложением статей расходов на рабочую силу, а прибыль — суммой акциза, налогов и чистой прибыли. Расчет дает следующие отношения (в %):

	1902—1906 гг.	1907—1911 гг.	1912 г.
Норма прибавочной стоимости	715	614	1037
Норма прибыли	65,6	59,5	72,1
Норма чистой прибыли . .	11,1	5,7	8,0

²⁰ Там же, стр. 109.

Как видим, норма прибавочной стоимости была поразительно высока, а доля заработной платы рабочих и служащих в массе произведенного продукта — ничтожна. Особенно обездолены были рабочие, которые получали все вместе меньше, чем служащие. Действительно, многочисленные материалы говорят об ужасном положении и беспощадной эксплуатации рабочих на сахарных заводах.

Отсылая читателя к работе О. А. Парасунько²¹, в которой специально изучено положение рабочих на сахарных заводах, дополним содержащиеся в ней материалы лишь одним выразительным документом — сообщением «Орловского вестника», перепечатанным в журнале «Хозяин». «Единственный ресурс нашего крестьянства, — говорится в сообщении, — это его руки и будущее лето. Вот и приходится кредитоваться под будущие работы, просить в экономиках отработок для получения задатков, караулить появление в волостном правлении подрядчиков на сахарные заводы, которые законтрактовывают в Киевскую и Харьковскую губернии рабочих обыкновенно зимою, выдавая по 10 руб. задатка на человека; дорога туда на счет рядчика, а обратно своя, плата по 6 руб. в месяц, продолжительность работы, в зависимости от урожая свеклы, от 2 до 3 месяцев, так что, вычитая обратный проезд, рабочему ничего не остается. Но главную роль тут играет задаток 10 руб., давая возможность в трудное время „перевернуться“ крестьянину, не закладывая ничего из движимости и не отдавая надела за бесценок местному „собирателю земли“»²².

Нищенская заработная плата рабочих, с одной стороны, и высокие цены на сахар, с другой, давали такую прибыль, которая ежегодно достигала $\frac{3}{5}$ — $\frac{3}{4}$ всего авансированного капитала. Эту прибыль царизм и заводчики делили настолько «честно», что заводчиков никак нельзя считать обиженными. Если принять на веру суммы чистой прибыли, показанные в последней строке табл. 54а, то видно, что она была весьма внушительной, достигнув в 1911/12 г. 314 тыс. руб. Отношение ее ко всему капиталу в 1912 г. составило 8%.

За счет прибылей заводчики расширяли предприятия, посевы свекловицы и других культур, от которых, улучшая агротехнику их возделывания, получали увеличивавшиеся доходы. Об этом свидетельствуют, в частности, данные по трем Карловским, Чутовскому, Ракитянскому, Тростянецкому и ряду других заводов.

Не приводя их здесь, перейдем к рассмотрению и оценке общих итогов действия нормировки на производство и потребление сахара в России (табл. 55).

²¹ О. А. Парасунько. Положение и борьба рабочего класса Украины (60—90-е годы XIX в.). Киев, 1963, стр. 84—88, 134—147.

²² «Хозяин», 1899, № 11, стр. 372.

Потребление сахара в России в 1895—1914 гг.*

Сезоны производства	Установлен- ная норма внутреннего потребления, млн. пуд.	Продано на внутреннем рынке, тыс. пуд.	Предельная цена после 1 января, руб. за пуд	Среднегодо- вая цена сахара-песка, руб. за пуд	Потребление на душу, фунтов
1895/96	25,5	27273	Нет. свед.	4,56	—
1896/97	28,0	30384	» »	4,69	—
1897/98	31,0	32479	4,80	4,65	—
1898/99	34,0	35105	4,70	4,49	—
1899/1900	35,5	37411	4,60	4,37	—
1900/01	36,0	40091	4,55	4,43	12,0
1901/02	39,0	42854	4,50	4,36	—
1902/03	43,0	44501	4,45	4,31	—
1903/04	45,0	46567	4,35	4,21	—
1904/05	45,0	51719	4,35	4,26	—
1905/06	50,0	52510	4,30	4,22	14,5
1906/07	52,0	53427	4,30	4,06	14,3
1907/08	53,0	58048	4,30	3,90	15,2
1908/09	51,0	60746	4,20	4,10	15,5
1909/10	58,0	67971	4,20	4,26	17,0
1910/11	70,0	70746	4,20	4,01	17,8
1911/12	73,0	75673	4,15	3,85	18,0
1912/13	73,0	80804	4,10	4,07	19,3
1913/14	85,0	83530	4,10	3,99	18,9

* М. Я. Гефтер. Указ. статья, стр. 122; «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», стр. 224.

На первый взгляд все было как нельзя лучше: продажа сахара из года в год возрастала, среднегодовые цены не только не повышались, но даже несколько снижались и почти никогда не достигали установленной предельной цены, росло потребление сахара на душу населения. Кажущееся благополучие заставляет внимательнее рассмотреть данные таблицы.

Прислужники сахарных магнатов без устали вещали о том, что установление предельной цены преследует цель оградить потребителя от возможного спекулятивного вздувания цен на сахар. В действительности предельная цена в интересах сахарозаводчиков устанавливалась очень высокой. Свою задачу заводчики видели в том, чтобы, во-первых, добиться установления предельной цены на возможно высоком уровне и, во-вторых, обеспечить приближение к этому уровню действительных продажных цен. Сложный механизм нормировки, главным двигателем которого

были сами сахарозаводчики, вполне обеспечивал им достижение этой цели. Одним из главных средств было установление контингента внутреннего потребления. Как видно из таблицы, он, как правило, всегда был меньше действительного потребления, т. е. ограничивал предложение сахара на рынке, подогревая спрос и поднимая цены. Когда цена поднималась до предельной, немедленно следовали разрешения на дополнительные выпуски запасов сахара на рынок, приносившие заводчикам повышенные доходы. Таким образом, рынок всегда находился в напряжении. Производство и потребление сахара преднамеренно ограничивались и тормозились. Поэтому и душевое потребление сахара в России, особенно в деревне, было в четыре-пять раз ниже, чем в Западной Европе. Кажущийся быстрым рост потребления на душу объясняется исключительно низким исходным уровнем (12 фунтов в 1901 г.). Потребляя голодную норму сахара, население платило государству и заводчикам огромную дань. Сахарный доход казны составил в 1912 г. сумму около 128 млн. руб.

Осуществление казенного «регулирования» сахарной промышленности проходило в действительности более сложно, чем это изображено здесь. Дело в том, что, наряду с государственной, существовала частная монополия — полулегальный синдикат рафинеров, оформившийся в 1902 г. и ставший фактически хозяином всей свеклосахарной промышленности. Скупая около 80% всего сахарного песка, рафинеры диктовали свои условия, особенно мелким и средним предприятиям. В свою очередь, чтобы поднять цены, рафинеры ограничивали производство рафинада и выпуск его на рынок. Так, соглашением 1902 г. было предусмотрено уменьшение производства рафинадных заводов на 20%, в 1906 г. нормы производства были понижены на 5%, в апреле 1907 г. — на 7,5% и в конце 1907 г. еще на 10%. Давление на сахарный рынок производилось систематическим удержанием в запасе готового продукта. Используя свое положение монопольного скупщика песка, синдикат понуждал к тому же сахарозаводчиков. Так, в 1907 г. в целях повышения цен рафинеры навязали 167 сахарозаводчикам соглашение об изъятии из обращения 1 млн. пудов сахара-песка²³. А так как большинство сахарозаводчиков были одновременно плантаторами, синдикат добился сокращения посевной площади свекловицы (в 1909 г. площадь ее действительно сократилась по стране на 60 тыс. дес.). По-видимому, не без влияния синдиката произошло и сокращение посевов свекловицы в 1913 г. на 22 тыс. дес. В свою очередь сахарные заводы, как потребители свеклы, контрактами с плантаторами — помещиками и крестьянами — могли переложить на них часть невыгодной операции по сокращению посевов свекловицы.

²³ М. Я. Гефтер. Указ. статья, стр. 133.

Синдикат рафинеров, обладатель $\frac{4}{5}$ всей сахарной продукции, сам устанавливал продажные цены рафинада, определяв разницу между песком и рафинадом в 1 руб. на пуд. Правда, законы конкуренции и неизбежные в связи с этим распри внутри синдиката мешали сохранению этой разницы, нанося ущерб самим участникам соглашения. Тогда в действие вступала всеобщая капиталистическая доминанта — прибыль, и соглашение восстанавливалось. «Полюбовно» распределялись рынки сбыта, «регулировалось» производство, и цены держались на уровне, удовлетворявшем рафинеров.

И хотя предельные цены и контингенты выпуска сахара на внутренний рынок устанавливались по сути дела не в министерстве финансов, а во Всероссийском обществе сахарозаводчиков, именно синдикат рафинеров, орудием которого было названное общество, определял условия государственной нормировки. Рафинеры же получали и наибольшие выгоды от этой нормировки.

Насколько выгодным было рафинадное производство, можно видеть, в частности, из сравнения приведенных выше данных по четырем сахарным заводам Бобринских за 1911/12 г. с итогами по их же смелянскому рафинадному заводу за тот же операционный год. На сахарных заводах выработка 1423 тыс. пудов песка потребовала расходов 5091 тыс. руб. (с акцизом) и принесла прибыли 314 тыс. руб., т. е. 8%; на рафинадном заводе на выработку 1265 тыс. пудов рафинада было затрачено 728 тыс. руб., а прибыли получено 116 тыс. руб., т. е. около 16% ²⁴.

Однако нельзя отгораживать синдикат рафинеров от сахарозаводчиков. В 1911/1912 г. рафинадных заводов было всего лишь 21 и ими владели большей частью те же сахарозаводчики. Рафинадные заводы пяти крупнейших сахарных магнатов — Бродского, Терещенко, Харитоненко, Ярошинского, Бобринских — выпускали до 60% всего производимого в стране рафинада. Преимуществами, которые отвоёвывал синдикат на сахарном рынке, пользовались и многие помещичьи сахарные заводы, при которых были оборудованы рафинадные отделения, что усиливало общность интересов сахарозаводчиков и рафинеров и обеспечивало солидарность в отношениях с правительственными органами в области «регулирования». Живым олицетворением этой солидарности был, в частности, А. А. Бобринский. Будучи несменяемым председателем Всероссийского общества сахарозаводчиков, он входил в состав комитета рафинеров, а его положение главы «Совета объединенного дворянства», к голосу которого чутко прислушивалось правительство, помогало сахарозаводчикам добиваться наивыгоднейших условий нормировки.

²⁴ «Смела». Киев, 1913, стр. 134, табл.

Сахарная промышленность была одной из главных сфер, где помещичье хозяйство вступало в тесные связи с банковским капиталом. Вначале связь сахарных заводов с частными коммерческими банками ограничивалась сферой кредита, в котором нуждались сахарозаводчики для пополнения оборотных средств. Эта сфера была весьма широка, так как подавляющее большинство заводов работало на заемные деньги. С начала XX в. банки стали обуславливать предоставление кредита передачей им сахара на комиссионную продажу и к началу первой мировой войны развили эту операцию очень широко. Так, в сезон 1913/14 г. (сентябрь — май) на Киевской бирже заводами было продано сахара ²⁵:

	Тыс. пудов	%
Банкам	3420,2	45,3
Спекулянтам, торговым фирмам и др.	1898,1	25,1
Заводам	2215,9	29,4

Следующей ступенью проникновения банковского капитала в сахарную промышленность стало непосредственное участие банков в сахарных предприятиях, главным образом в рафинадных, или приобретение их банками в собственность. В скупке предприятий наибольшую активность проявляли Русский для внешней торговли банк, Русско-Азиатский и Торгово-промышленный. К ним перешли заводы Бродских, товарищества «Братья Терещенко» и др.

Путем участия в предприятиях, скупки их, спекуляции сахаром и широкого кредитования предприятий банковский капитал присваивал себе немалую долю сверхприбыли, которая создавалась при помощи государственного «регулирования» сахарного производства. Наряду с помещиками-сахарозаводчиками воротилы банковского капитала становились, таким образом, соучастниками в совместном с царизмом ограблении трудящихся.

Тот факт, что многие сахарные заводы принадлежали вчерашним крепостникам и титулованной знати, у которых еще не выработались привычки и навыки коммерческого расчета, сказывался на состоянии предприятий. Многие из них постоянно испытывали денежные затруднения не по бездоходности, а из-за непомерных личных трат владельцев, из-за убытков в плохо организованном сельском хозяйстве и пр.

Так, Славогородский сахарный завод наследников Голицына (В. В. Голицыной и С. В. Галл), по свидетельству управляющего одного из имений Юсуповых В. Яблонского, был еще в хорошем состоянии, но из-за расстройств всего хозяйства

²⁵ «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып. II. М., 1915, стр. 162.

в имении удержать его владельцы не могли — в 1905 г. завод был сдан арендатору Г. З. Златопольскому, входившему в правление товарищества Александровско-Екатерининского сахарного завода²⁶. С большим финансовым напряжением работал Чутовский завод генерала П. П. Дурново. К этому же времени относится учреждение администрации по делам братьев Бобринских, в которую вошли кредиторы владельцев капиталисты М. В. Сабашников, А. И. Ценкер и А. Л. Форштетер (с 1914 г. вместо Сабашникова — совладелец В. Л. Бобринский)²⁷. Вопрос о сделке с кредиторами возбудил сахарозаводчик М. Н. Скалон.

Но самой любопытной в этом плане была история с имением Рамонь (Воронежская губерния) принцессы Ольденбургской. Рамоньское имение было приобретено ею в 1878 г. за 500 тыс. руб. и имело 4000 дес. земли, небольшой сахарный и винокуренный заводы. В имение было вложено еще около 400 тыс. руб. В 1897 г. хозяйство принял новый управляющий Кох, взявшийся за дело с большим размахом. Был перестроен свеклосахарный завод. Заново оборудовано рафинадное отделение, построены ковровая и конфетная фабрики, куплено еще около 4000 дес. земли и винокуренный завод. Все это требовало таких денег, каких у владелицы не было. Кох прибег к кредиту. Ссуды из Дворянского банка в 633 тыс. руб. не хватило, и управляющий занялся спекуляцией сахаром: он покупал сахар в кредит, на векселя, которые учитывал в банках, причем часто продавал не существующий еще песок, получая под него авансы наличными или векселями. Наконец, с 1906 г. в ход пошли бронзовые векселя (см. далее). При покупке сахара в кредит Коху, естественно, приходилось переплачивать, а при продаже за наличные — недополучать. Убытки были огромны. Разница шла в основном в карман главного контрагента Коха, уже упоминавшегося дельца Златопольского. В 1905 г. выяснилось, что дела Рамони плохи. На помощь сиятельной особе пришло удельное ведомство, выдавшее ей по «высочайшему» повелению «пособие» в 2,5 млн. руб., а Государственный банк открыл кредит в 2 млн. руб. Из полученных денег одному Златопольскому по операциям с ним надо было выплатить 2055 тыс. руб., около 1 млн. руб. банкам, 800 тыс. руб. сахарозаводчикам и т. д. Кроме того, назначенная комиссия приняла в нуле векселя, полученные от Бобринских, Скалона и Дурново, как безнадежные. Итак, приняв имение с активом в 800 с лишним тысяч рублей, Кох сдал его через 9 лет с активом в 4,4 млн. руб., зато с пассивом 8,6 млн. руб., т. е. с дефицитом в 4,2 млн. руб. Не был сведен баланс и с учетом ока-

²⁶ ЦГАДА, ф. Голицыных, оп. 3, д. 398, 1904 г., лл. 3—5.

²⁷ ГИАМО, ф. 277. (Московского земельного банка), оп. 1, д. 4536, лл. 13 об., 14.

занной помощи. В результате, чтобы оградить особу из царствующей фамилии от банкротства, решено было «купить» Рамонь в уделы, которые и приняли на себя все убытки²⁸.

Стремление «урвать у барина» всегда было присуще русской буржуазии, и она делала это в любом удобном случае. Компания Кох — Златопольский продемонстрировала это с блестящим успехом и с беспримерной наглостью. Заводы и фабрики Рамони работали полным ходом, доходы текли в карманы ловких дельцов, а на баланс владельца накручивались миллионные убытки.

Пережитки старого барства облегчали капиталистам прибирать к рукам обремененные долгами предприятия, все более вытесняя из сахарной промышленности помещичье-дворянские элементы (если это не случилось с Рамонью, то только благодаря принадлежности владелицы к царскому двору). Так, ввиду обнаружившегося крупного дефицита в балансе Юсуповых, достигшего в 1901 г. 1033 тыс. руб., был продан Невский сахарный завод в Петербурге, а также только что перезаложенное имение Розеньки (Донская область)²⁹.

ДРУГИЕ ВИДЫ ПОМЕЩИЧЬЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Рассмотренными двумя отраслями помещичья промышленности, конечно, далеко не ограничивается. В имениях были пивоваренные, крахмальные, крахмало-паточные, дрожжевые заводы, предприятия по производству виноградных вин, по выработке фруктовых консервов, растительного и животного масла, сыроварни, кожевенные заводы. Кое-где как реликвии крепостной эпохи сохранились сукновальные и ковровые фабрики. Большое распространение имели мельницы, водяные и паровые. Многие помещики вполне оценили выгоду от переработки производимой продукции на своих предприятиях. В частности, администрация Карловки задалась «целью не выпускать из имения зерна в сыром виде». Имевшаяся здесь паровая крупчатая мельница перемалывала до 1000 пудов зерна в сутки, выпуская шесть сортов муки.

Одной из форм укрепления связей дворянского землевладения с торгово-промышленным капиталом было образование акционерных обществ и товариществ для эксплуатации помещичьих имений и расположенных в них предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья или для разработки ископаемых богатств. Так, с очевидной целью привлечения капиталов для расширения дела в 1912 г. на базе сахарного завода в имении Козацкое княгини Т. Г. Куракиной было создано акционерное

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 801, лл. 34—47 об.

²⁹ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 421, лл. 2—3.

общество «Козачинского рафинадно-песочного сахарного завода» с капиталом в 600 тыс. руб. Учредителями общества были Т. Г. Куракина, М. А. Куракин и их дочь Д. М. Нирод³⁰. Чаще же всего такие преобразования делались с непосредственным участием капиталистов. Например, в числе учредителей «Товарищества на паях Курско-Ржавского сахарного и рафинадного заводов», созданного в 1911 г. «для арендного содержания и развития принадлежащего егермейстеру, графу К. П. Клейнмихелю сахарного и рафинадного завода в его имении при с. Ржава, Обоянского и Тимского уездов Курской губ.», кроме мужа и жены Клейнмихелей встречаем курского купца 1-й гильдии Г. Г. Балаховского³¹.

Многие помещики участвовали своими капиталами и в отраслях промышленности, непосредственно не связанных с сельским хозяйством — в транспортных, страховых, торговых и других объединениях.

Крупные суммы титулованной знати были вложены в частные железные дороги. Гарантированные правительством железнодорожные займы, субсидии из государственного бюджета обеспечивали держателям акций стабильные и высокие доходы. Среди членов советов управлений, директоров и т. д., по данным на 1894 г., встречаем многих представителей знати: генерала Д. П. Палицына (председатель), графа Ф. В. Чацкого (Варшавско-Венская железная дорога), генерала А. А. Орлова, барона А. Ф. Таубе, барона С. Р. Штейнгеля и его брата И. Р. Штейнгеля (Владикавказская), князя С. Н. Мещерского, Д. А. Бенкендорфа (родственник гофмаршала имп. двора графа С. К. Бенкендорфа), графа Н. М. Сольского (брата Д. М. Сольского, председателя департамента государственной экономии Государственного совета), князя К. С. Крапоткина, графа Л. Ц. Пляттера де Брозль (Ивангородо-Домбровская), барона Н. П. Фредерикса (председатель, родственник министра императорского двора барона В. Б. Фредерикса) (Лозово-Севастопольская), князя П. П. Голенищева-Кутузова-Толстого (директор) (Московско-Брестская); С. Г. Ростовцева, графа М. С. Ланского, В. А. Дурасова, графа П. А. Беннигсена (Московско-Казанская).

В центральных управлениях других частных железных дорог состояли князь В. К. Святополк-Четвертинский, М. И. Огинский, Л. Н. Оболенский, генерал И. В. Воронцов-Вельяминов, Е. Э. Картавцев, М. М. Бибииков и другие³².

Конечно, списки личного состава могут дать лишь весьма слабое представление о доле участия помещичье-дворянских ка-

³⁰ ГИАМО, ф. 450 (Московской конторы Госбанка), оп. 9, д. 1107, л. 183.

³¹ Там же, лл. 330—331.

³² «Список личного состава центральных управлений частных железных дорог». СПб., 1894.

питалов в железнодорожном деле. Видимо, не все перечисленные лица были и крупными акционерами. Наиболее крупные участники дела чаще всего не входили в состав администрации. А это были, наряду с банковыми и промышленными дельцами, члены царской фамилии, высшая бюрократия, земельные магнаты. В частности, несколько великих князей и других лиц царской фамилии держали акции одной из самых доходных железных дорог — Ростово-Владикавказской.

О том, какие доходы текли в карманы акционеров частных железных дорог, можно судить по отчетным данным главной конторы вел. кн. Владимира Александровича. У него к моменту его смерти (1909 г.) имелось 1755 акций Ростово-Владикавказской дороги на сумму 1 333 800 руб. Дивиденды по акциям, если их сумму считать постоянной, составили по пятилетиям (в тыс. руб.) ³³:

Годы	Всего	В среднем в год	% к стоимости акций
1899—1903	366	73,2	5,5
1904—1908	613	122,6	9,2
Итого	979	97,9	7,4

Учитывая известное указание Маркса об особых условиях образования прибыли на капитал, вложенный в железные дороги ³⁴, доходы акционеров Владикавказской дороги нельзя не признать высокими.

Связи помещиков с миром промышленного капитала, конечно, не ограничивались рассмотренными отраслями. Более того, трудно назвать такую отрасль промышленности, где бы не участвовали в той или иной мере капиталы помещиков, особенно крупных. Достаточно просмотреть справочники о действовавших в России акционерных обществах, товариществах и торговых домах, чтобы убедиться в этом. Вот далеко не полный перечень. В горнометаллургической промышленности Урала кроме всем известных уральских магнатов участвовали граф А. А. Бобринский, князь А. П. Урусов, князь А. Д. Голицын, граф В. С. Татищев, граф М. Н. Граббе, князь П. Б. Щербатов, барон В. В. Меллер-Закомельский, П. С. Анненков и др.

Каменноугольные копи разрабатывались с участием капиталов князя А. Д. Голицына, князя С. В. Кудашева, В. Ф. Трепова, М. П. Булацеля.

В золотопромышленности встречаются имена графов В. Гудовича, А. В. Гендрикова, В. С. Татищева, князя П. Б. Щербатова.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 652 (в кн. Владимира Александровича), оп. 1, д. 1022, лл. 16—18.

³⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 263.

В металлургии юга помещичье-дворянский элемент был представлен слабее, но и здесь встречаем барона А. А. Фредерикса, князя А. А. Оболенского, князя В. Н. Тенишева, П. Н. Крупенского.

В нефтепромышленности участвовали своими капиталами князь Н. А. Волконский, граф И. И. Воронцов-Дашков, барон Н. Е. Врангель, барон К. К. Фелейзен, князь К. М. Шаховской.

В машиностроение вложили капиталы Ф. Ф. Безобразов, князя Э. Д. Баратов и Б. Б. Голицын, граф В. А. Дмитриев-Мамонов, князя А. А. Долгоруков, С. В. Кудашев, Г. С. Ливен, М. Л. Оболенский, граф А. П. Рузский, князь Д. Н. Шаховской, М. В. Шидловский.

В электротехнической промышленности обращались капиталы графа А. Л. Толстого, князей И. Д. Авалова, Э. Д. Баратова, П. И. Туманова.

Судостроение связано с именами князя А. П. Мещерского, Е. Э. Картавцева, первый также особенно известен участием в сельскохозяйственном машиностроении.

В паровых компаниях участвовали тот же князь А. П. Мещерский, князь Н. А. Волконский, граф А. М. Апраксин, граф А. С. Гендриков, В. М. Хитрово.

Помещичье-дворянские капиталы в той или иной мере встречаются в самых разнообразных отраслях промышленности, например, в швейной (граф В. С. Татищев), соляной (князь С. Н. Урусов), строительной индустрии (граф А. А. Ребиндер, барон А. А. Кусов), авиационной промышленности (М. А. Стахович), пороховой (барон Н. Р. Ренненкампп), химической (граф В. С. Татищев) и т. д. и т. п.

Здесь перечислены только лица, зафиксированные справочниками в числе руководителей тех или иных объединений. Не поддается, конечно, обозрению широкая сфера участия помещиков в качестве акционеров и пайщиков компаний. Лишь некоторые сведения будут приведены ниже.

Характер и размеры этого участия были самыми различными. Нередко участие того или иного крупного помещика или представителя высшей бюрократии в делах акционерных обществ в отношении капитала было чисто символическим. Тем не менее многие «дела» были обязаны своим возникновением влиятельным лицам. Когда же речь заходила о той или иной доле барыша, сословный барьер, которым отгораживала себя аристократия от остального общества, помехой не являлся.

Комбинации этого рода тщательно скрывались, и лишь по косвенным данным можно догадываться о действительной роли высокопоставленного члена совета или правления того или иного предприятия. Но встречаются и прямые фактические данные. Так, некий «крестьянин» Сердобского уезда Саратовской губернии, разведав золотоносный участок земли на кабинетских зем-

лях в Змеиногорском уезде Томской губернии и заарендовал его в 1894 г., не смог начать добычу золота, пока в 1900 г. не составил товарищество на вере с графом Д. С. Шереметевым, уступив ему три пая по 1000 руб. из 100 паев и право на 3% доходов, а 97 паев оставив себе³⁵.

Справочники дают обильный материал об участии дворян в торговле³⁶. Ею занимались главным образом мелкие помещики, но встречаются и крупные, выходившие даже на внешний рынок (Б. А. Римский-Корсаков, княгиня С. К. Голицына и др.).

На одном из первых мест в этом роде предпринимательства была хлебная торговля. Многие крупные помещики торговали как своим, так и покупным хлебом, а один из них, князь А. Д. Оболенский, был членом общества Московской хлебной биржи³⁷. Помещики входили и в организацию купцов-биржевиков — Всероссийское общество биржевой торговли и сельского хозяйства.

Некоторые помещики изымали капитал из земледелия и вкладывали его в хлебную торговлю. В записке «Сельские хлеботорговцы» (без подписи), поданной в 1903 г. в Московское общество сельского хозяйства, самарский житель писал: «За последние пять, шесть лет в очень многих селах Николаевского уезда, например, Липовке, Брыковке, Росляковке, Селезнихе, Ивантевке, Захаркине и др., некоторые из местных жителей, ранее севшие пшеницу в значительном количестве («посевщики»), прекратили посевы и занялись хлеботорговлей, вложив в это деньги, освободившиеся от прекращения посевов. А один из довольно крупных землевладельцев продал часть земли и на вырученные деньги покупает хлеб»³⁸.

Важным источником доходов помещиков, особенно крупных, были городские земли и возведенные на них строения — жилые дома, лавки, склады и т. п. С развитием промышленности и ростом населения городов быстро возрастала рента с городских земель, воплощенная в арендной и квартирной плате, чем и была обусловлена тяга помещиков к покупке или возведению доходных домов в городах. В особенно выигрышном положении оказывались помещики, издавна владевшие землей в городах.

Князьям Белосельским-Белозерским принадлежала большая часть Крестовского острова в Петербурге, где по Белосельскому проспекту, Архангельской, Александровской и Вязовской улицам ими были возведены свыше 60 жилых домов. Между Морским и Крестовским проспектами разбит парк, также являвший-

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 3, д. 1022, 1900 г., л. 1.

³⁶ «Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере)». Пг., 1915.

³⁷ «Отчет о деятельности биржевого комитета Московской хлебной биржи за 1914 год». М., 1915, стр. 60.

³⁸ ГИАМО, ф. 419 (МОСХ), оп. 1, д. 2420.

ся собственностью Белосельского³⁹. Четыре дома и одно «пустопорожнее место» имел в столице П. П. Дурново, четыре дома принадлежали наследникам Л. Е. Кенига, многие помещики владели 2—3 доходными домами. По данным городской Думы, в Москве было большое число домов и строений, принадлежавших дворянам и облагавшихся дворянскими сословными сборами⁴⁰.

В Москве и ее пригородах были массивы городской земли, находившиеся в частной собственности дворянской знати. Это, прежде всего, Марьино роща и Останкино, владения графа А. Д. Шереметева.

В Марьиной роще было 322 участка земли, причем почти все они были застроены арендаторами, которые платили по 30—35 коп. за кв. сажень в год. По данным на 1899 г., арендаторам сдавалось 54 дес. 22 саж. земли, приносящей дохода 26 тыс. руб. Имелись собственные строения, сдававшиеся в аренду, — 23 овощных, 7 винных лавок, галантерейные лавки, чайные, а всего 46 лавок и магазинов. Купец Смирнов, например, платил за помещения трактира, двух винных и одной железоскобяной лавки 2975 руб. в год⁴¹.

В Останкине в 1899 г. было 262 участка, также почти все застроенные арендаторами. Плата здесь была ниже — около 10 коп. за кв. сажень в год. Участки под застройку отводились размерами от 200 до 1000 кв. саж., но наибольшее число участков было по 600 кв. саж. За 34 дес. 1981 саж. сдаваемой земли в 1899 г. предполагалось получить 11,7 тыс. руб.⁴² Кроме того, жильцам сдавались собственные флигели, а также огородная земля — по 120 руб. за десятину⁴³.

Арендаторы отдельных участков в Марьиной роще и Останкине ближе всего подходили под категорию чиншевиков Западного края, плативших неизменную плату за занимаемую землю. Это положение в условиях непрерывного и быстрого роста доходности городских земель не могло удовлетворять владельца, и он стал повышать арендную плату, не считаясь со сложившимся обычным правом, а затем решил вообще изгонять арендаторов. Найдя себе компаньонов в лице французских капиталистов, Шереметев возбудил в 1912 г. ходатайство о разрешении действий созданного ими акционерного Шереметевского поземельного общества для эксплуатации его имений, расположенных в Москве и Московской губернии. Ближайшими целями общества были снос арендаторских строений, обычно небольших, и за-

³⁹ «Весь Петербург». СПб., 1913. (Подсчитано по списку домовладельцев).

⁴⁰ Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 229 (Московской городской думы), оп. 1, д. 286—288.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1118 (А. Д. Шереметева), оп. 1, д. 2537, лл. 41 об.—46.

⁴² Там же, л. 21.

⁴³ Там же, л. 45.

стройка участков современными большими доходными домами. В связи с указанным ходатайством директор канцелярии министерства внутренних дел Зубовский 25 сентября 1912 г. писал в департамент общих дел, что «удовлетворение ходатайства Шереметевского поземельного общества не только отдаст в руки иностранных капиталистов часть нашей древней столицы, но и повлечет за собой разорение нескольких тысяч домовладельцев Марьиной рощи, каковое обязательство грозит правительству сильными серьезными осложнениями»⁴⁴.

О том, каковы были доходы владельцев от городских домов, можно судить по отчетным данным Юсуповых. В Петербурге у них было пять больших доходных домов: Мойка, 92; Невский, 84, 86; Фонтанка, 85 (ныне филиал библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина); Минский пер., 1/36. Балансовая стоимость их составляла на 1 января 1915 г. 1981 тыс. руб.⁴⁵ В Москве по Тверскому бульвару были дома, числившиеся за Ф. Ф. Юсуповым-младшим. За 1910—1914 гг. чистая прибыль по домам составила (в руб.)⁴⁶:

Год	Петербургские	Московские	Итого
1910	93 149	5080	98 229
1911	120 249	5181	125 430
1912	126 382	6333	132 715
1913	123 000	6176	129 176
1914	120 279	5898	126 177
В среднем за год	116 611	5734	122 345

Таким образом, прибыль от эксплуатации домов, судя по петербургским, составляла в среднем около 6% их капитальной стоимости. И хотя этот уровень прибыли нельзя назвать особенно высоким, важно то, что доход от домов был всегда обеспеченным и постоянным по размерам и срокам поступления.

Правда, надо учитывать, что крупные помещики чаще всего имели в городах не доходные дома, а постоянные или зимние резиденции, требовавшие огромных расходов. Так, в 1914 г. Юсуповыми было израсходовано на содержание (в тыс. руб.)⁴⁷:

Именья Архангельское	104,8
Московского дома (в Харитоньевском переулке)	28,9
Большого дома в Петербурге (Мойка, 94)	62,3
Крымских дач Коккоз и Кореиз	111,1
Царскосельской дачи	12,3

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1282 (Канцелярии МВД), оп. 2, д. 1274, л. 6—6 об.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 1088, л. 24 об.

⁴⁶ Там же, д. 1084, лл. 16 об.—18.

⁴⁷ Там же, д. 1081, лл. 5 об., 7 об.

Понесено убытка по домам на Бассейной улице и Литейном проспекте	5,1
По другим дачам	0,6
Итого	325,1

Как видим, расходы по резиденциям почти в три раза превышали прибыли, получаемые от доходных городских домов. Более того, они забирали почти всю прибыль, получаемую от имений, фабрик, заводов и доходных домов, которая в 1914 г. составила 379 тыс. руб.⁴⁸

Едва ли не самым крупным помещичьим домовладением в Москве был доходный дом графа С. Д. Шереметева (угол Никольской улицы и Б. Черкасского переулка). По закладной 1908 г. дом был оценен в 2252,5 тыс. руб. С 1908 по 1912 г. к нему были сделаны новые пристройки, стоившие еще 303,3 тыс. руб.⁴⁹ Судя по характеру строения и расположению его в «деловом» районе столицы, основной доход, по-видимому, получался от сдачи помещений под склады, конторы, торговые помещения. Размеры этого дохода и изменения его во времени можно оценить по бюджетам (тыс. руб.)⁵⁰:

	1900 г.	1910 г.
Всего дохода . . .	171,6	357,7
Расход	44,8	107,3
Чистый доход . .	126,8	250,4

Итак, четверть миллиона чистой прибыли приносил владельцу один городской дом. Такого дохода не давало Шереметеву ни одно из его многочисленных имений.

Около 125 тыс. руб. квартирной платы получал С. Д. Шереметев с домов в Петербурге (на Фонтанке и Литейном проспекте) и с дома на Воздвиженке в Москве. Но так как часть этих домов занимали владельцы, получался дефицит, составивший в 1910 г. 36 тыс. руб.⁵¹ Свыше 70 тыс. руб. расходов требовало подмосковное имение Михайловское⁵².

С. Д. Шереметев, как его брат и многие другие помещики, присваивал часть торговой прибыли путем сдачи лавок, питейных домов, трактиров, мест для торговли с возов на базарных площадях. Так, на земле, прилегавшей к шереметевскому странноприимному дому в Москве (ныне институт имени Н. В. Склифосовского), в 1909 г. за 19 сдаваемых в аренду торговых помещений, за право торговли на тротуаре и внутри переднего двора

⁴⁸ Там же, л. 6.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 9, л. 2713, л. 2 об.

⁵⁰ Там же, оп. 4, д. 35, л. 231; д. 46, л. 235.

⁵¹ Там же, д. 46, лл. 239 об., 249 об.

⁵² Там же, л. 157.

ожидалось поступление в доход странноприимного дома 28,8 тыс. руб. и за аренду участков земли — 18 тыс. руб.⁵³

В подмосковной Кусковской вотчине главной статьей дохода была сдача участков под застройку дач в Вешняках, близ Перова, в Старой и Новой Слободках, в Гаях, Чухлинке и вдоль линий железных дорог (всего 363 дачных участка, в среднем по 954 кв. саж., с суммой арендной платы в 1909 г. 27,8 тыс. руб.)⁵⁴.

По Ивановской вотчине за усадьбы и огородные земли в гор. Иваново-Вознесенске и прилегавших к нему пустоши Ушаковой и Графском поселке, где шла усиленная застройка, с арендаторов по бюджету на 1916 г. предполагалось получить 42,5 тыс. руб., за сданные два корпуса под торговые помещения — 3,2 тыс. руб. и даже за пробег вагонов по ветке, проходящей по земле владельца, 600 руб.⁵⁵

В Серебрянопрудской вотчине прибыль от сдачи лавок, питейных домов, трактиров, мест для торговли на базаре составила в 1900 г. 10,4 тыс. руб., в 1913 г. — 15 тыс. руб.⁵⁶

По Баландинской вотчине за шесть лет, с 1907 по 1913 г., сбор за места для торговли на двух ярмарках увеличился с 1,4 до 4,1 тыс. руб., за лавки и места под лавками на базаре в Баланде — с 10 до 12,4 тыс. руб.⁵⁷

Рост доходов от городских строений заметно обгонял увеличение расходов на их содержание. Так, по Невскому дому графов Зубовых расходы с 1890 по 1910 г. возросли с 10,4 тыс. руб. до 15,8 тыс. руб., тогда как чистый доход поднялся с 35,6 тыс. руб. до 62 тыс. руб.⁵⁸ Ко всему капиталу (балансовая стоимость дома 487 тыс. руб. плюс расходы на содержание) прибыль в 1910 г. составила 12,5%⁵⁹.

Дворянско-помещичьи элементы проникали и в «высшие сферы» господства капитала — банки. В советах, правлениях и ревизионных комиссиях частных коммерческих банков (по данным 1915—1917 гг.)⁶⁰ состояли: князь И. З. Андронников, Д. А. Бенкендорф, граф Э. П. Беннигсен, граф А. А. Бобринский, барон А. А. Буксгевден, князь П. М. Волконский, князь С. М. Воронцов, барон Г. Г. Врангель, князь А. Д. Голицын, графы З. С. и С. С. Грохольские, В. И. Гурко, В. Я. Демченко, Д. Н. Дурново, В. Г. Евреинов, Л. П. Забелло, Д. Н. Загоскин, Н. А. Звегинцев, Е. С. Каратыгин, Е. Э. Картавцев, граф В. Н. Коковцов, барон Э. В. Крюденер, графы А. М. и

⁵³ ЦГАДА, ф. Шереметевых, оп. 2, д. 17, л. 5 об.

⁵⁴ Там же, лл. 103 об.—106 об.

⁵⁵ Там же, оп. 5, д. 2, л. 1 об.

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 13, д. 1049, л. 4 об.; д. 1094, л. 3 об.

⁵⁷ Там же, оп. 11, д. 359, л. 270 об.; д. 374, л. 339 об.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 942 (Зубовых), оп. 1, д. 552. л. 76.

⁵⁹ Там же, д. 306, л. 4.

⁶⁰ «Акционерно-паевые предприятия в России». Пг., 1915; Пг., 1917.

М. М. Ланские, И. П. и П. И. Леляновы, князь С. Е. Львов, барон Г. К. Майдель, князь А. П. Мещерский, барон Э. К. Нолькен, князя М. В., М. Л. и П. В. Оболенские, граф Д. А. Олсуфьев, граф Л. Г. Пляттер-Зибберг, Н. А. Протопопов, барон Н. Н. Рауш фон Траунбенберг, С. А. Римский-Корсаков, барон И. В. Розен, А. Н. Романович-Словатинский, С. Д. Самарин, граф В. Ф. Соллогуб, И. И. и Ф. В. Стахеевы, граф В. С. Татищев, барон Г. Таубе, граф А. Н. Тышкевич, князь А. П. Урусов, барон К. П. Унгерн-Штернберг, А. И. Шамшин, князь Д. Н. Шаховской, К. М. Шидловский, барон С. Шиллинг, бароны В. К., М. К. и В. Ф. Штакельберг, князя Н. С. и Н. Б. Щербатовы, Э. Э. Эттинген.

Этот список можно было бы дополнить длинным перечнем дворян-помещиков, которые, не входя в состав советов и правлений, были крупными акционерами частных коммерческих банков, а также исполнявших должности их доверенных и агентов.

Нельзя в заключение не сказать об одном из самых старых и широко распространенных видов помещичьего предпринимательства — ростовщичестве. К сожалению, этот источник дохода по понятным причинам невозможно уловить в отчетных сведениях даже тех имений, в архивах которых сохранились рессовые книги. Тем более не могли зафиксировать размеры ростовщических операций немногочисленные обследования помещичьих хозяйств. Отсюда, конечно, не следует, что «благородное сословие» гнушалось этим способом наживы.

И. А. Гурвич еще в конце 80-х годов писал: «В черноземной деревне ростовщиками являются все представители земледельческого капитала: помещики, купцы, кулаки. Ростовщичество встречается здесь обыкновенно в соединении с другими земледельческими операциями около мужика»⁶¹.

Земские обследования крестьянских хозяйств также подтверждают широкое участие помещиков в ростовщических операциях в деревне. Так, в материалах по Болховскому уезду Орловской губернии говорилось: «Все поголовно крестьяне дер. Верхней-Шкавы Мыринской волости занимали у карачевских помещиков С., К. и П. хлебом, соломой и деньгами, причем пуд хлеба, стоящий 40 коп., С. ценил в 85 коп., К. в 75, и, кроме того, за каждые 10 пудов — 1—2 дня косить. Занимают вообще по распискам, а также делают мелкие займы под залог одежды и холста...»⁶².

Очень развито было ростовщичество хлебом. «Вот торговать хлебом,— писал В. И. Ленин,— это благородное занятие, особен-

⁶¹ И. А. Гурвич. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888, стр. 52.

⁶² «Сборник статистических сведений по Орловской губернии», т. VI. «Болховский уезд», вып. 2. Орел, 1892, стр. 184.

но в неурожайные годы, когда можно нажиться на счет голодающих. А еще более благородное занятие — ростовщичествовать хлебом, ссужать его зимой голодным крестьянам под летнюю работу и рассчитывать эту работу втрое дешевле против вольных цен. Именно в той центрально-черноземной полосе... наши помещики с особенным усердием всегда занимались и занимаются этим благороднейшим видом ростовщичества»⁶³.

В тех же «Случайных заметках» В. И. Ленин писал, что «благородный помещик такой же ростовщик, грабитель и хищник, как и любой деревенский мироед, только неизмеримо более сильный, сильный своим землевладением, своими, веками сложившимися, привилегиями, своей близостью к царской власти, своей привычкой к господству и умением прикрывать свое нутро Иудушки целой доктриной романтизма и великодушия...»⁶⁴

Экономическое значение ростовщичества в российской деревне состояло прежде всего в том, что оно подрывало и без того слабую материальную базу основных масс крестьянства, тормозя, таким образом, развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Помимо этого, являясь одним из способов обеспечения имения рабочей силой, ростовщичество способствовало сохранению отработочной системы ведения помещичьего хозяйства. Наконец, огромная нужда крестьян в деньгах создавала возможность для помещения крупных капиталов в сферу ростовщического кредита, в ущерб вложениям в сельскохозяйственное производство. Тем самым ростовщичество задерживало капиталистическое развитие хозяйства помещиков и кулаков, также широко участвовавших в ростовщических операциях.

Из сказанного становится понятной незаинтересованность помещиков в развитии «правильных», современных капиталистических форм кредита в деревне. Именно этим и можно объяснить тот общеизвестный факт, что существовавшие в России учреждения мелкого кредита владели жалкое существование и по сути дела не имели ни малейшего значения для ослабления гнета ростовщиков⁶⁵. Правительство, отражая интересы помещиков, делало вид, что оно печется об этих учреждениях, не оказывая им на деле никакой реальной помощи. Только возникавшие в годы столыпинской реформы самостоятельные крестьянские кредитные учреждения стали играть кое-какую роль на денежном рынке, несколько потеснив ростовщиков.

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 418.

⁶⁴ Там же, стр. 420.

⁶⁵ В. Вдовин. Крестьянский поземельный банк. М., 1959, стр. 12, 13, 20.

Следует особо остановиться на формах организации помещиков в области производства и торговли сельскохозяйственными продуктами. Здесь мы не будем подробно останавливаться на так называемых сельскохозяйственных обществах, которые существовали почти во всех губерниях и во множестве уездов. Они носили, как правило, культуртрегерский, просветительный характер. В их состав входили помещики, агрономы, зоотехники, зажиточные крестьяне. Сама по себе деятельность обществ не должна игнорироваться — в пределах своего района она оказывала известное положительное влияние на развитие сельского хозяйства. Многочисленные печатные органы региональных сельскохозяйственных обществ помогали хозяевам совершенствовать полеводство, животноводство, побочные отрасли сельского хозяйства. Их деятельность вполне заслуживает специального изучения.

Для данной работы больший интерес представляют попытки объединения помещиков в области производства, сбыта сельскохозяйственной продукции, снабжения сельскохозяйственными машинами, удобрениями, семенами и т. д.

Торгово-промышленных объединений помещиков известно немного. Одним из них было учрежденное в 1898 г. «Южно-Русское общество для торговли домашними животными и продуктами животноводства». Председателем правления Общества был президент Московского общества сельского хозяйства князь А. Г. Щербатов, в правлении Общества состояли известный ученый-животновод П. Н. Кулешов, его брат Н. Н. Кулешов, крупные помещики-предприниматели барон В. Р. Штейнгель и С. С. Деконский, а также доверенный Юсуповых П. Верещагин. Располагая своим капиталом в 150 тыс. руб.⁶⁶, Общество получило высочайшую субсидию через министерство финансов в 30 тыс. руб.⁶⁷ Операции Общества состояли в откорме скупленного скота, скупке откормленного и в продаже его на рынках. Так, в 1900 г. на винокуренном заводе купца Д. Н. Скорикова в г. Екатеринодаре, на арендованных участках в Кубанской области и на отавах, арендовавшихся у В. П. Глебова в Каширском уезде, было откормлено 4260 волов. Эта операция принесла обществу прибыль в 11,4 тыс. руб. В экономиях Кенига, бр. Сабашниковых, Юсупова и Фирсова были скуплены 1883 головы откормленных волов и перепроданы в Москве и Петербурге с прибылью в 4,8 тыс. руб. Предпринимались попытки прорыть заграничный рынок. В Египет было отправлено из Екатеринодара 320

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 685, 1909 г., л. 4 об. При организации Общества капитал был 150 000 руб. (ГИАМО, ф. 419, оп. 1, д. 2487, 1903 г., л. 1).

⁶⁷ ГИАМО, ф. 419, оп. 1, д. 2487, 1903 г., л. 1.

волов, но так как египетский мясной рынок был монополизирован сговором нескольких купцов, господ этого рынка, операция завершилась колоссальным по сравнению с количеством товара убытком — 8256 руб., по 26 руб. на голову скота. Крупным дефицитом в 8785 руб. закончилась и другая операция такого рода — экспорт во Францию 1319 валухов⁶⁸. Но на этом деле Общество не пострадало, так как обе суммы были списаны за счет субсидий министерства финансов.

В дальнейшем операции Общества продолжались в том же направлении и приблизительно в таком же объеме. На Кавказе был организован откорм овец, в Грязях устроены бойни. К 1908 г. капитал Общества составлял 262 тыс. руб. В 1908/09 г. в летнем нагуле содержалось 2166 быков, в основном стаде — 575 быков и коров, 2379 овец; 1788 быков было поставлено военно-морскому интендантству. Неблагоприятные условия экспортной торговли скотом и ограниченность спроса на внутреннем рынке сковывали деятельность Общества, энтузиазм учредителей явно остывал, и оно свернуло свою деятельность.

Только названия некоторых из обществ указывают на производственный характер объединения. Таковы, в частности, акционерные общества «Урожай» и «Колос», созданные по инициативе Стахеевых, «Культура земли» (1914 г., капитал 2240 тыс. руб.) с участием И. Л. Толстого, В. А. Анзиминова, П. В. Воейкова и др., сельскохозяйственное и торгово-промышленное акционерное общество «Араздайн-Шереметевское» с капиталом в 5,5 млн. руб. с участием графа Б. С. Шереметева (1913 г., выращивание хлопка и выработка масла). Известно одно объединение непомещичьего типа — сельскохозяйственное и торгово-промышленное товарищество «Будущность» с капиталом 200 тыс. руб., образованное в 1912 г. Н. И. Гучковым, А. И. Гордеевым и Н. Н. Горячевым для производства сельскохозяйственных продуктов, в том числе сахарной свеклы, а также для торговли зерном и сельскохозяйственными орудиями.

Большее распространение получили объединения в области снабжения и сбыта. Одной из форм таких объединений были так называемые сельскохозяйственные синдикаты. Уже к концу XIX в. их насчитывалось около десятка⁶⁹.

Об одном из таких синдикатов, Киевском, журнал «Хозяин» писал, что он «состоит из группы частных, обыкновенно более или менее крупных землевладельцев или капиталистов, вносящих в дело определенные паи, организующих на эти средства те или другие сельскохозяйственно-коммерческие предприятия, которые, конечно, должны давать известный доход»⁷⁰.

⁶⁸ ГИАМО, ф. 419, оп. 1, д. 2487, 1903 г., л. 7—7 об.

⁶⁹ «Земледельческие синдикаты». Киев, 1897, стр. 3.

⁷⁰ «Хозяин», 1904, № 4, стр. 125.

Круг деятельности синдикатов, по словам одного из членов Киевского синдиката В. Краинского, состоял «в снабжении сельских хозяев земледельческими орудиями, посевными семенами и заведовании торговыми сношениями» ⁷¹.

Помещики извлекали известную выгоду благодаря тому, что синдикаты более или менее успешно устраняли спекулянтов — посредников между помещиками и потребителями. Орган Киевского синдиката писал, что случавшиеся потери синдикатов «совершенно ничтожны по сравнению с той громадной пользой, которую приносят эти учреждения землевладельцу одним лишь своим существованием... В прошлом и наступившем году исключительно благодаря тому, что в Киеве существует земледельческий синдикат... на одних только ценах за клеверы, бобовые и масличные растения сохранено в карманах землевладельцев не десятки, а сотни тысяч рублей, наверняка переселившиеся бы в карманы спекулянтов, если бы такого учреждения в Киеве не существовало» ⁷². Масштабы деятельности Киевского синдиката были довольно значительны.

О характере операций и их удельном весе в обороте синдикатов можно судить по отчетным данным Винницкого синдиката за 1910/11 г. по отделам (тыс. руб.) ⁷³:

земледельческих машин . . .	72,7	запасных частей	12,1
разных товаров	156,1	комиссионных товаров . . .	34,4
семян	24,7		

Всего оборота 300,0

По-видимому, масштабы деятельности Винницкого синдиката были намного меньше Киевского и характер был иным, так как операции по комиссионной продаже составили в 1910/11 г. всего лишь 34,4 тыс. руб., или 11% от общей суммы оборота.

Значительную активность проявлял на юге Одесский земледельческий синдикат. Существовал Симбирский синдикат, но о его деятельности данных не имеется.

Сельскохозяйственное товарищество при Северном обществе сельских хозяев по снабжению своих членов семенами, машинами и т. п. ⁷⁴ вело торговлю молочными продуктами в Петербурге из имений своих членов. Более развиты были снабженческо-сбытовые объединения помещиков в Прибалтике и Западной Бело-

⁷¹ В. Краинский. Киевский земледельческий синдикат. Киев, 1898, стр. 8—9.

⁷² «Вестник сельского хозяйства и промышленности». Киев, 1900, № 15.

⁷³ «Отчет Винницкого земледельческого синдиката за 1910/11 г.» Винница, 1912.

⁷⁴ «Отчет сельскохозяйственного товарищества при Северном сельскохозяйственном обществе в Петербурге. За 8-й отчетный год». Пг., 1914.

руссии. Одним из них было «Экономическое товарищество латышских сельских хозяев», начавшее операции с 1906 г.⁷⁵

Помещики Петербургской, Эстляндской и Лифляндской губерний в 90-х годах образовали товарищество «Помещик» (директор фон Рентельн), имеющее целью «наибольшее сближение между производителями и потребителями сельскохозяйственных продуктов». Товарищество поставляло в Петербург молочные продукты из имений своих членов⁷⁶. Уже в первый 1900/01 операционный год товарищество продало товаров на 270 тыс. руб. В 1904 г. оно скупило продуктов на 114 тыс. руб. и приняло от своих участников для комиссионной продажи на 311 тыс. руб. При капитале в 81 тыс. руб. товарищество получило прибыли 8,2 тыс. руб.⁷⁷

В Ковенской губернии функционировало «Товарищество приобретения и сбыта предметов сельского хозяйства», называвшееся также Ковенским синдикатом. Его операции имели целью устранение посредников и развивались довольно быстро. По приблизительным данным Московского общества сельского хозяйства, в 1893 г. синдикат продал товаров на 50 тыс. руб., в 1900 г. — более чем на 100 тыс. руб., а в 1902 г. — почти на 500 тыс. руб.⁷⁸

В 1902 г. в той же Ковенской губернии было основано товарищество «Бирута» для сбыта продуктов молочного хозяйства⁷⁹.

Около 1900 г. дворяне Гродненской губернии организовали на паях «Торгово-промышленное товарищество сельских хозяев» с капиталом в 50 тыс. руб. с целью понижения цен на сельскохозяйственные машины. По словам губернского предводителя дворянства, «и действительно цены на оные понизились»⁸⁰.

Около 1904 г. было составлено «Товарищество виноградарей и виноделов Черноморского побережья Кавказа» с собственными подвалами на 45 тыс. ведер вина. В числе членов товарищества были А. И. Звегинцев, генерал-майор Е. Н. Волков, И. М. Катков, профессора А. И. Лебедев и П. И. Ковалевский, С. М. Протопопов и другие, всего 46 человек⁸¹.

Приведенные сведения о помещичьих объединениях показательны уже тем, что они знаменовали новый этап в развитии капиталистических форм ведения помещичьего хозяйства, характе-

⁷⁵ «Отчет о деятельности экономического товарищества латышских сельских хозяев в 1909 г. Год IV». [Рига, 1910].

⁷⁶ ГИАМО, ф. 419, оп. 1, д. 505, 1903 г., л. 15.

⁷⁷ «Отчет сельскохозяйственного товарищества прибалтийских дворянских имений под фирмою „Помещик“ с 1 сентября 1900 г. по 31 декабря 1901 г.». СПб., 1902, стр. 4; то же за 1904 г. СПб., 1905, стр. 9—16.

⁷⁸ ГИАМО, ф. 419, оп. 1, д. 2404, 1902 г., л. 8.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, д. 2496, 1903 г., л. 5.

⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 932 (Звегинцева), оп. 1, д. 668, лл. 1—10.

ризующийся попытками монополизировать рынок тех или иных сельскохозяйственных товаров. Такую попытку мы видим в объединении прибалтийских и петербургских производителей продуктов молочного хозяйства. Однако, если им это в какой-то мере удавалось в части снабжения столицы натуральным молоком, сметаной и сливками, они были бессильны в борьбе с фирмами, снабжавшими столицу вологодским и сибирским маслом.

Новым явлением была и начавшаяся с 90-х годов организация синдикатов и товариществ с целью устранения торговых посредников, что свидетельствовало об укреплении позиций производительного капитала, перешедшего к попыткам подчинить себе торговый капитал, обращавшийся в сфере торговли продуктами сельскохозяйственного производства. Но сами эти попытки свидетельствовали о засилье торгового капитала в сельском хозяйстве. Вялая деятельность синдикатов показывала, что «промышленному» (в сельскохозяйственной сфере) капиталу России было весьма далеко до подчинения себе торгового капитала. К тому же многочисленная армия скупщиков и перекупщиков всякого рода сама теряла самостоятельность, переходя на положение торговой агентуры коммерческих банков и биржевиков, имевших свои мощные объединения, среди которых особенно выделялось Всероссийское общество биржевой торговли и сельского хозяйства. В борьбе против этого объединения помещичьи синдикаты представляли весьма незначительную силу.

И, наконец, вопрос о территориальном размещении помещичьих объединений. Нетрудно заметить, что подавляющее большинство их возникло в немногих районах с наиболее развитыми капиталистическими формами ведения помещичьего хозяйства — Прибалтике и Петербургской губернии, Западной Белоруссии, Правобережной Украине, Степном Причерноморье. Все остальные районы, где больше всего сохранялись пережитки крепостничества, не знали или почти не знали объединений подобного рода. Как указывал в журнале «Хозяин» В. Краинский, помещики центра, которые больше всего жалуются на тяжелые условия, сами не принимают никаких мер к объединению.

В той или иной форме, но стремление к объединению существовало. На VI съезде Объединенного дворянства (1910 г.) был заслушан специальный доклад Н. А. Павлова «Об объединении дворянства на почве экономической», в котором предлагалось создание общероссийской организации, подобной, например, Совету съездов представителей промышленности и торговли. Однако основная идея доклада не встретила поддержки: дворянство представляло еще собой экономически неоднородную массу, с разным строем хозяйства в разных районах, а потому и с разными взглядами по вопросу объединения.

Часть доходов крупных помещиков, не поглощенная огромными личными расходами, в значительной мере оседала в сейфах в виде различного рода ценных бумаг — акций банков и торгово-промышленных предприятий, страховых компаний, пароходных обществ, железных дорог и т. д., закладных листов и свидетельств земельных банков, облигаций государственных займов и др.

Из крупных помещиков, чьи отчетные документы отложились в центральных архивах, едва ли не самым крупным держателем ценных бумаг был граф А. Д. Шереметев. В 1894 г. у него было бумаг на 7578,7 тыс. руб., принесших доход в 353,6 тыс. руб.⁸² С 1902 по 1913 г. номинальная цена имевшихся у него бумаг с 9432,5 тыс. руб. возросла до 19 335,3 тыс. руб., а доход от них с 400 тыс. руб. повысился до 944,3 тыс. руб.⁸³ Большинство бумаг составляли свидетельства Крестьянского поземельного банка (6,2 млн. руб.), закладные листы Дворянского (1,2 млн. руб.) и частных земельных банков. С бумагами велась крупная игра: в 1913 г. было куплено их на 4123 тыс. руб. и продано на 4390 тыс. руб.⁸⁴

У С. Д. Шереметева только капитал странноприимного дома состоял в основном из ценных бумаг (в 1908 г. — на сумму 1360 тыс. руб.), главным образом 4-процентной государственной ренты и 6-процентных свидетельств Крестьянского банка⁸⁵. Главная контора имела бумаг сравнительно немного, по-видимому, в пределах, необходимых в обеспечение онкольного счета⁸⁶.

У Юсуповых к 1901 г. имелось ценных бумаг всего лишь на 41,1 тыс. руб.⁸⁷ Затем в результате залога Невского сахарного завода (1901 г.), продажи (после революции 1905—1907 гг.) и залога целого ряда имений у них образовался большой капитал в виде закладных Петербургского городского кредитного общества, Дворянского банка и 6-процентных свидетельств Крестьянского банка. В 1909 г. последние на сумму 1337 тыс. руб. были проданы банкиру Вавельбергу по курсу от 83 1/2 до 95 3/4 руб. за 100 руб. номинала. Уже тогда Юсупов написал на справке: «Продажа 6% именных обязательств поземельного Крестьянского банка есть темное и скверное дело»⁸⁸. В дальнейшем был взят курс на увеличение капитала в ценных бумагах, который к 1915 г. составил 5122 тыс. руб. Это были акции Белгород-Сум-

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1118, оп. 2, д. 21, л. 5 об.

⁸³ Там же, д. 27, л. 36 об.

⁸⁴ Там же, лл. 36—38.

⁸⁵ ЦГАДА, ф. Шереметевых, оп. 2, д. 17, л. 3 об.

⁸⁶ Там же, л. 25 об.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 347, л. 9 об.

⁸⁸ Там же.

ской железной дороги (370 тыс. руб.), Азовско-Донского банка (75 тыс. руб.), Петроградского международного банка (75 тыс. руб.), Мальцевских заводов (13 тыс. руб.)⁸⁹, остальное — различные закладные листы и облигации.

Здесь также велась крупная игра на рынке ценных бумаг. В 1910 г. от операций с ними была получена небольшая прибыль в 7,7 тыс. руб.⁹⁰, в 1911 г. — 45,6 тыс. руб.⁹¹ В 1914 г. были проданы все 4½-процентные бумаги Петербургского кредитного общества на сумму 983 тыс. руб. с потерей на курсе 323 тыс. руб. и куплены облигации 5-процентного государственного займа 1906 г. на 1 млн. руб. с потерей на курсе (сверх номинала) 26,4 тыс. руб.⁹² Общим итогом операции с бумагами за 1914 г. был убыток в 254,1 тыс. руб.⁹³ Это, однако, не явилось помехой для дальнейшего развития сделок с бумагами. В 1915 г. были куплены облигации 5 и 5½-процентного займов 1915 г. на сумму 1600 тыс. руб., 4½-процентных закладных четырех земельных банков (Херсонского, Бессарабско-Таврического, Полтавского и Ярославско-Костромского) на общую сумму 1662,5 тыс. руб., а также акций Петроградского вагоностроительного завода на 100 тыс. руб., Бакинского нефтепромышленного общества на 11,4 тыс. руб.⁹⁴ и акционерного общества механических и трубных заводов П. В. Барановского (250 акций по 100 руб.)⁹⁵, а всего на 3,4 млн. руб. В том же 1915 г. было продано процентных бумаг, главным образом закладных Дворянского банка, облигаций 4-процентной государственной ренты и только что купленных облигаций займа 1906 г. на 3769 тыс. руб. Выигрыш на курсе при покупке составил 387 тыс. руб., а проигрыш при продаже по цене ниже номинала — 548 тыс. руб.⁹⁶ Дела Юсуповых шли все хуже. В 1915 г. всего расходов было произведено 5814 тыс. руб., а дохода получено 4687 тыс. руб., дефицит составил 1127 тыс. руб.⁹⁷ 1916 год нес новые убытки, количество ценных бумаг уже к середине этого года сократилось до 3,6 млн. руб., и по смете на 1917 г. на покрытие расходов владельцев не хватало 1738 тыс. руб.⁹⁸ В продажу пошли Должанский каменноугольный рудник и акции Белгород-Сумской железной дороги (вместо 370 тыс. руб. по номиналу за них было получено 190 тыс. руб.)⁹⁹.

⁸⁹ Там же, д. 721.

⁹⁰ Там же, д. 1081, л. 19—19 об.

⁹¹ Там же, д. 1084, лл. 16 об.—18.

⁹² Там же, д. 999, лл. 1 об.—2.

⁹³ Там же, д. 1084, лл. 16 об.—18.

⁹⁴ Там же, д. 1088, л. 14.

⁹⁵ Там же, д. 1144, л. 44.

⁹⁶ Там же, д. 1088, л. 13 об.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, д. 1196, л. 7 об.

⁹⁹ Там же, лл. 4 об., 5 об.

У А. А. Орлова-Давыдова на 1911 г. было процентных бумаг в разной валюте на 1198 тыс. руб., 1151 тыс. франков, 926 тыс. германских марок и 19 тыс. фунтов стерлингов. Проценты по всем бумагам в переводе на русские деньги, составили в 1911 г. 117 тыс. руб.¹⁰⁰ У его сонаследника В. А. Орлова-Давыдова, пользовавшегося половиной доходов от нераздельных имений, накоплений в виде процентных бумаг почти не было¹⁰¹.

Итак, помещики, перестраивая сельское хозяйство на капиталистический лад, одновременно становились владельцами промышленных заведений, торговцами, участниками акционерных компаний, держателями ценных бумаг и т. д. и т. п. Все это должно было приводить и в отдельных случаях действительно приводило к тому, что помещик превращался в капиталистического предпринимателя, его хозяйственные интересы из области кабальной эксплуатации крестьян все больше перемещались в сферу капиталистической эксплуатации наемной рабочей силы. Соответственно изменялась и психология помещика, который из крепостника превращался в дельца-капиталиста. До недавнего времени взгляд на эту эволюцию был несколько схематизирован и упрощен. Она представлялась как простое расслоение дворянства на две группы с противоположными экономическими и политическими интересами: группу крепостников, продолжавших цепляться за старые формы хозяйствования, и группу «новых», обуржуазившихся помещиков. Не отрицая наличия этого процесса, следует, на наш взгляд, большее внимание обратить на его медленный, затяжной характер, на невозможность в условиях российской действительности сколько-нибудь заметного расслоения в среде помещиков на протяжении смены одного-двух поколений. И поэтому естественно, что преобладающим типом крупного помещика был тип полукрепостника с чертами буржуа октябристского толка, но еще более реакционного, чем масса реакционной октябристской буржуазии.

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. Орловых-Давыдовых, оп. 1, отчет за 1911 г., л. 143 об.

¹⁰¹ Возможно, это было связано с тем, что огромных расходов требовало лечение и наблюдение за умственно неполноценным баринком, способным на самые дикие выходки.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ЭКОНОМИКИ КРУПНОГО ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

ВЛАДЕЛЬЦЫ И УПРАВЛЯЮЩИЕ

От изучения отдельных отраслей крупного частновладельческого хозяйства — земледелия, скотоводства, торгово-промышленной деятельности и т. п. — перейдем к исследованию хозяйства в целом. Начнем с некоторых частных вопросов организации хозяйственной деятельности в помещичьих имениях.

Современники не без основания сетовали на так называемый абсентеизм, т. е. самоустранение владельцев от ведения хозяйства с перепоручением его арендаторам или наемным управляющим. На разрыв связи земельного собственника с землей Маркс указывал, как на нормальное следствие развития капитализма в земледелии¹. В Англии этот разрыв обуславливался тем, что землевладельцы, как правило, не вели хозяйство, оно велось арендаторами-фермерами. Россия тоже знала немало примеров такого рода, но для нее гораздо характернее было ведение хозяйства с приложением капитала не к арендованной, а к собственной земле. Будучи одновременно владельцем земли и функционирующего капитала, помещик, казалось, должен быть привязан к хозяйству крепчайшими узами. И, тем не менее, абсентеизм у русских помещиков был развит значительно больше, чем в однотипной по развитию Германии, где рыцари по обыкновению жили в своих поместьях. Что же касается крупнейших российских помещиков, то для них проживание «в столицах и за границах» было общим правилом.

Не задерживаясь на разборе причин этой русской особенности, отметим главные из них: сохранившаяся от недавней крепостной эпохи непривычка и неумение хозяйствовать; унаследо-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 166—167.

ванная от предков страсть к праздности и жизни в «обществе»; чрезвычайно крупные размеры землевладения и обладание несколькими имениями; возможность эксплуатации земли раздачей в аренду крестьянам и др.

Большую роль играли особенности политического строя России с его гигантской бюрократической машиной. Дворянство всегда кичилось тем, что оно поставляло основные кадры на все государственно-административные посты, в генералитет и офицерский корпус. Широко пропагандировалась мысль о том, что без дворянства, умудренного многовековым опытом государственной службы, стране грозит гибель. На деле же было иначе. С. Ю. Витте, в совершенстве знавший механизм управления в России и его руководящие кадры, писал, что на административной службе встречались отдельные хорошие, способные работники из дворянства. «К сожалению, такие дворяне,— добавлял он,— составляют меньшинство, большинство же дворян в смысле государственном представляют кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей, ничего не признают, а потому и направляют все свои усилия относительно получения тех или других милостей за счет народных денег, взыскиваемых с обедневшего русского народа...»²

Добавим от себя, что это были все-таки лучшие силы сословия. Можно представить, каков был уровень помещиков, хозяйствовавших в своих имениях. А. П. Мертваго, который не хуже знал сельских хозяев, чем С. Ю. Витте чиновников, писал: «Кто у нас составляет контингент сельских хозяев? Люди не годные для чиновничества, брак в бюрократическом строе. Но кроме отбросов чиновничества деревня иногда заманивает к себе и настоящих людей, которые работают для будущего и вырабатывают возможные для местности системы хозяйства; которые не руководствуются наживой. Такие хозяева представляются светлыми точками на мрачном фоне русского хозяйства; но все эти Энгельгардты, Путяты, Кожины, Левицкие и другие... случайны и потому с их смертью пропадут и их хозяйства»³.

Центральной фигурой в руководстве производственной и финансовой деятельностью крупных имений был, как правило, управляющий, действующий по доверенности владельца с большей или меньшей широтой передоверяемых ему прав. Среди них встречались весьма умелые организаторы, хорошо знающие свое дело, такие как М. Е. Филиппченко в Мошногородищенском имении Е. А. Балашовой, М. Е. Шейдеман в Карловке и некоторые другие, ведшие хозяйство на уровне современной им науки. Од-

² С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 519—520.

³ А. П. Мертваго. Сельскохозяйственные воспоминания. (1879—1893 гг.) СПб., б/г.— «Бесплатное приложение к журналу „Хозяин“», стр. 7.

нако типичными были не они, а люди либо некомпетентные, либо лихоимцы, всегда готовые обобрать и окружающих крестьян и самого хозяина. Старейший сельскохозяйственный журнал «Земледельческая газета» в редакционной статье писал, что «даже у очень богатых владельцев, платящих управляющим огромные деньги, не редки управляющие не только явно негодные для этого дела, но и прямо такие, каких порядочный крестьянин не взял бы к себе в работники»⁴.

Вся практика ведения помещичьего хозяйства показывала, что такие безграмотные радетели сельского хозяйства отнюдь не были исключением. Многие владельцы даже сравнительно крупных имений считали излишним приглашение специалистов и по старой крепостнической традиции предпочитали выбирать себе в помощники или целиком поручать дело «хозяйственному мужику» «своей» деревни, хотя бы его познания и не шли дальше таблицы-умножения.

Управляющие имениями, как и прочие служащие, не упускали случая поживиться за счет доходов имения и нередко приводили дела владельца в состояние полного расстройтва. Характерным примером в этом отношении может служить история опеки над имениями В. Л. Нарышкина.

Падовским имением Нарышкина (Саратовская губерния) с 1891 г. в течение трех лет управлял некто А. А. Сатин и за эти три года довел имение до развала, а владельца — до несостоятельности. Главным кассиром Сатин устроил своего племянника Зилоти. Смотритель мельницы, Дмитриев, как об этом говорится в отчете о ревизии имения, был «определен г. Сатиным и пользовался большим его доверием»⁵.

Получив в свое полное распоряжение около 80 тыс. десятин земли и леса, большое количество скота и инвентаря, крупную водяную мельницу с годовым размолом до 800 000 пудов зерна, Сатин повел задуманное дело широко и безбоязненно, показав большую ловкость и изворотливость. Первым хозяйственным мероприятием нового управляющего была отмена 12-польной системы с залежью в 7 лет в каждом поле и введение 16-летнего оборота залежи. Эта последняя система осталась, однако, в проекте, зато слом прежней системы дал возможность управляющим отдельными экономиями сдавать землю в аренду без плана и учета. Управляющий имением был от этого не в убытке.

Не имея права кредитоваться за счет владельца, Сатин, беря у купцов деньги, взамен долговых обязательств выдавал «условия» на zapродажу хлеба с неустойками взамен процентов, а деньги на уплату этих неустоек добывались уменьшением

⁴ «Земледельческая газета», 1905, № 5, стр. 173.

⁵ ЦГАДА, ф. Нарышкиных, оп. 1, д. 957, л. 4 об.; ЦГИА СССР, ф. 718 (Воронцовых-Дашковых), оп. 1, д. 3757, лл. 1—23.

доходов по имению, «к чему представлялась полная возможность при том мраке, которым окружены все действия по покупкам и продажам гг. Сатина и Зилоти, при отсутствии всяких документов»⁶. Многие суммы, поступавшие от покупателей продуктов хозяйства, часто или совсем не проводились по книгам, или приходовались, как поступившие из главной кассы владельца. По показаниям бухгалтера, «цены в отчетах ставились им по вдохновению; после же, при заключении счетов, цены увеличивались или уменьшались по указаниям гг. Сатина и Зилоти и смотря по обстоятельствам»⁷.

Страхуя себя от ответственности за присвоение чужой собственности, Сатин, Зилоти и Дмитриев безнадежно запутали учет в имении и на мельнице. Ревизору Сатин заявил, что он «не может представить решительно никаких документов, условий и счетов по имению потому, что всю относящуюся к делам имения переписку он уничтожал»⁸, а «главный кассир Зилоти вообще не вел кассовой книги, составлял взамен ее сперва помесечно, а потом по четвертям года краткие отчетные ведомости...да и эти-то ведомости он составлял крайне несвоевременно»⁸.

После трехлетнего хозяйничания Сатин, принявший имение без долгов и с остатком наличных денег в 17,5 тыс. руб., сдал его с долгом в 572 640 руб., не считая полученных от арендаторов задатков в 34 725 руб. А до нового урожая имению нужно было еще 372 000 руб. оборотных средств.

Характерно, что Сатин, сумевший лишить ревизоров возможности разобраться в расчетах по имению, вышел сухим из воды, поскольку, как писал ревизор, «одно только дурное ведение дел, а также и неправильности и упущения по ведению отчетности управляющими частных имений не составляют по нашим законам преступлений, дающих основание к уголовному преследованию; точно так же нельзя на него сделать почти никакого начета и гражданским порядком ввиду тех весьма широких полномочий, которые представлены ему доверенностью»⁹.

В результате создавшегося положения 4 марта 1894 г. «над личностью, всем имуществом и делами отставного губернского секретаря Василия Нарышкина» была установлена опека (опекунскими стали родственник Нарышкина граф И. И. Воронцов-Дашков и упомянутый ревизор д. с. с. А. Ф. Правосинский). Опека продолжалась 11 лет и была снята лишь 10 февраля 1905 г.

Сильно уязвимым звеном организации помещичьего хозяйства были учет и отчетность, которые для крупных экономий имели первостепенное значение. В передовых крупных хозяйствах

⁶ ЦГАДА, ф. Нарышкиных, оп. 1, д. 957, л. 3 об.

⁷ Там же, лл. 3 об.—4.

⁸ Там же, л. 1.

⁹ Там же, лл. 7—8.

можно было видеть даже образцовую постановку учета. Так, выдающимся для своего времени по состоянию учета и отчетности было Карловское имение. Целый штат конторщиков и бухгалтеров учитывал здесь все хозяйственные операции и материальные ценности. Годовой отчет имения представлял собой колоссальное бухгалтерское творение в нескольких частях (от 10 до 18 томов) с подробнейшими расшифровками всех статей баланса.

Надо, однако, отметить, что управляющие и конторщики в обилии отчетных данных нередко топили свои темные махинации с хозяйским добром. Так, главноуправляющий С. Д. Шереметева заметил, что в отчете по Баландинскому имению за 1913 г., чтобы скрыть убыток в 100 тыс. руб., 6490 павших овец вместо 10 р. 76 к. были расценены по 1 р. 29 к., а имевшийся налицо скот, наоборот, был оценен дороже его стоимости. В результате вместо убытка получилась прибыль в 2284 руб.¹⁰

Журнал «Хозяин», разбирая государственную роспись доходов и расходов на 1902 г., писал: «Читаешь ее так же гладко, как бухгалтерский отчет „образцового“ имения, где все арифметические действия произведены верно и неизменно в итоге счета прибылей и убытков значится прибыль. Эти отчеты по имениям так успокоительно действует своим цифровым материалом, что владелец, даже если приплатил наличными на ведение „образцового“ хозяйства, забывает об этой неприятности,— так на него влияет благоприятный результат окончательного итога»¹¹.

Более характерным было полное отсутствие или крайняя примитивность учета даже в крупных хозяйствах, как это видно на примере Падовского имения Нарышкиных. Так, из 20 имений Киевской губернии с винокуренными заводами «в большей части обследованных хозяйств не ведется правильного счетоводства». Только в одном хозяйстве графа И. А. Шембек велось счетоводство «однообразно уже около 20 лет»¹².

Ввиду такого положения с учетом и отчетностью к имеющимся экономическим показателям помещичьих хозяйств приходится подходить с сугубой осторожностью, особенно к данным о рентабельности хозяйств.

РЕНТА И ПРИБЫЛЬ В КРУПНОЙ ЛАТИФУНДИИ

Важнейшей чертой экономики помещичьего хозяйства в условиях его развития по прусскому пути является соединение монополии землевладения с монополией хозяйства на земле. Тот

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 11, д. 374, лл. 356, 371, 386.

¹¹ «Хозяин», 1902, № 1, стр. 2.

¹² «Труды комиссии по изучению хозяйств Юго-западного края», вып. I Киев, 1912, стр. 4—5.

факт, что одно и то же лицо является получателем одновременно и ренты и прибыли, оказывает большое влияние на организацию хозяйства и на результаты его ведения.

Если капиталист-арендатор в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств не получает средней прибыли на капитал, он либо изымает его из земледелия и помещает в другое дело, либо разоряется. У ведущих хозяйство собственников земли налицо то преимущество, что они имеют такую мощную «запасную позицию», как земельная рента. Владелец латифундии может не получить средней прибыли на функционирующий капитал или даже нести в течение некоторого периода времени убытки от производства — и не уйти с земли благодаря ренте. В этом кроется одна из самых главных причин устойчивости и живучести крупного землевладения. Другая состоит в самих размерах крупного землевладения. Владелец крупного имения может позволить себе «роскошь» получать прибыль или ренту с единицы площади в размерах, меньших среднего, нормального уровня, так как благодаря размерам площади масса прибыли или ренты остается громадной, ее убыль тем менее ощутительна, чем больше размеры владения.

Сочетание рента + прибыль давало большие возможности для развития хозяйства. И некоторые помещики, не тратившие много на непроезжие цели, сумели их реализовать. Но русские помещики привыкли больше тратить, чем получать. Для них указанное преимущество оборачивалось совсем другой, на первый взгляд неожиданно противоположной стороной, превращалось в своеобразное «преимущество» меньше тратиться на хозяйство, не слишком заботиться о хозяйственной целесообразности тех или иных вложений и о рентабельности производства. В результате в крупных латифундиях, которые нередко были и крупнейшими очагами капитала в земледелии, хозяйство велось кое-как.

Зубр Объединенного дворянства Н. А. Павлов писал в своих «Записках землевладельца»: «Я сказал бы, что все латифундии нашего центра бездоходны, если бы не знал из сотни таких имений всего 2 или 3 поставленных серьезно и доходно. Если же от больших имений отнять побочные отрасли, оброчные статьи, мельницы и винокурение, то доходность полевая таких имений свелась бы к нулю, даже при наступивших сравнительно выгодных условиях хозяйства»¹³.

Благодаря своему исключительноному положению владельцы крупных имений могли нанимать рабочие руки по завышенным против других имений ценам, устанавливать более высокую плату служащим, мириться с нерасчетливостью и злоупотреблениями администрации имения, продавать хлеб по пониженной цене

¹³ Н. А. Павлов. Записки землевладельца, ч. I. Пг., 1915, стр. 20.

и т. д. Это не только ухудшало результаты ведения своего хозяйства, но ставило в трудное положение соседние, более мелкие и потому менее конкурентоспособные хозяйства. «Беда тому помещику,— жаловался Павлов,— кто имеет соседнюю латифундию: там и цены на все работы дороже, там и грабежи, и распущенность всякого рода служащих... и все хозяйство хаос... Именин заглазные и особенно крупные сыграли роковую роль в среде частного землевладения, являясь воспитательными домами всяких бесчинств, воровства и уничтожения необходимой в нашем деле дисциплины»¹⁴.

Однако, как бы ни велико было имение, и для него существовал известный предел бесхозяйственности и расточительства, перешагнув который владение неминуемо терпело крах. В литературе описан случай «выдающегося разорительного влияния, которое оказывала экономия гг. Борисовских (Изюмский уезд Харьковской губернии.— А. А.) на соседних землевладельцев, она положительно убила мелкие хозяйства и кончила тем, что совершенно разорилась сама, и над имением назначена администрация»¹⁵.

Таким образом, крупное землевладение вместе с его хозяйством не только стояло на пути прогресса крестьянского хозяйства, но в известной мере тормозило развитие капиталистического хозяйства в мелких и средних частновладельческих имениях. Действуя понижающим образом на среднюю прибыль, крупное землевладение препятствовало ведению и организации капиталистических хозяйств, привлечению капитала в земледелие.

Помещичье хозяйство, основанное на крупных латифундиях, если не совсем, то в значительной мере высвобождалось из-под действия законов капиталистической экономики и конкуренции. Такие категории, как средняя норма прибыли, норма ренты и т. д. не имели для него той обязательной и непреодолимой силы, как для мелких и средних хозяйств. Любопытное доказательство этого положения можно привести из области страхового дела.

Как известно, ни одно капиталистическое предприятие не может отказаться от страхования имущества без риска потерять его в случае стихийного бедствия. Страховое дело — неотъемлемая отрасль капиталистической экономики, регулируемая, как и все другие ее отрасли, конкуренцией капиталов. В результате этой конкуренции норма страховой премии держится на определенном уровне, обеспечивающем среднюю прибыль страховым компаниям. По этой норме страхователи вынуждены отдавать компании часть получаемой ими прибавочной стоимости.

¹⁴ Там же, стр. 52.

¹⁵ П. Логашев. Крупное частновладельческое хозяйство и влияние его на экономический быт населения.— «Экономический журнал», 1890, кн. I, стр. 62.

Что же касается помещиков с крупными капиталами, то для них, оказывается, прибегать к гарантии акционерного страхового капитала не было абсолютной необходимостью: их собственный капитал служил не менее надежной гарантией. Многоотраслевое, рассредоточенное по разным местам крупное хозяйство не подвергалось опасности одновременного уничтожения в результате стихийного бедствия. Поэтому крупные владельцы поняли, что они переуступают страховым обществам слишком большую часть прибыли, создаваемой в их хозяйствах. Наиболее крупные помещики стали отказываться от страхования своих недвижимостей. А те из них, которые вели отчетность по каждой экономии в отдельности, стали организовывать страхование в пределах своего хозяйственного комплекса.

Так, в имении Гуты наследников Л. Е. Кениг, насчитывавшем 13 экономий с самостоятельной отчетностью, с 1884 г., т. е. через три года после покупки имения, было введено собственное страхование всего сельскохозяйственного имущества, кроме заводов и других промышленных предприятий, которые владелец страховал в обычном порядке. Это нововведение «оказалось очень удобным и выгодным». В роли страхового учреждения выступала главная контора имения. За 16 лет (с 1897 по 1912 г.) начислено было страховых премий 196 539 р. 77 к., а понесено пожарных убытков на 53 390 руб., т. е. 27,2% к сумме страховых премий. Таким образом, «имение удержало в своих оборотных средствах за все это время около полутора ста тысяч рублей, которые иначе ушли бы на уплату страховым обществам...»¹⁶

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПАРАЗИТИЗМ ПОМЕЩИКОВ

Развитие капиталистического хозяйства на помещичьей земле происходило с использованием худших, варварских способов эксплуатации крестьян и наемных рабочих. Для экономики помещичьего хозяйства характерным было явление, которое Ленин назвал «хозяйственным паразитизмом». Присущий даже октябристской буржуазии, этот паразитизм был особенно развит в помещичьем хозяйстве.

Главным проявлением паразитизма были отработки и кабала. Громадные суммы изымались помещиками из сельского хозяйства в виде арендной платы. Расчеты показывают, что за 1901—1913 гг. помещики получили свыше 2 млрд. руб. в виде арендной платы (с натуральной арендой). От залога земли они получили ссуд в Дворянском банке 900 млн. руб. и в частных банках — около 450 млн. руб. За вычетом погашения в их карманах

¹⁶ «Имение „Гуты“ Л. Е. Кениг — н-ки». Харьков, 1913, стр. 135.

осталось свыше 700 тыс. руб. Лишь незначительная часть этих сумм пошла на производственные цели.

Хозяйственный паразитизм имел в помещичьем хозяйстве и другие, весьма разнообразные формы, включая самое обыкновенное ростовщичество.

Кабальные натуральные ссуды и отработки за них были обычным явлением как в мелких, так и в крупных имениях. Так, крупнейший землевладелец Ярославской губернии граф А. А. Мусин-Пушкин в 1908 г. отдал распоряжение: «Обратить внимание на запущенные долги и взыскать их при... продаже земель и при всяких удобных случаях, с переводом на отработки»¹⁷. Управляющий имением в свою очередь писал владельцу: «Предложение конторы должникам за овес, рожь и жнитво отработать долг возкою зерна и кирпича из Мусина принято ими весьма охотно...»¹⁸

Известное представление об экономической анатомии крупного хозяйства может дать рассмотрение бюджетов помещичьих имений.

Возьмем для начала бюджет владельцев сельскохозяйственных имений, мало связанных с промышленным предпринимательством, — братьев А. А. и В. А. Орловых-Давыдовых.

Наиболее полные данные имеются в годовом отчете за 1910 г., где показано распределение расходов на полеводство, скотоводство, лесное хозяйство и другие отрасли, а также доходов и прибыли по ним без учета общих расходов. Беря сумму последних, показанную в отчете в целом для каждого имения (всего 261 122 руб.), а также списания по безнадежным долгам (15 318 руб.) и распределяя их пропорционально прямым расходам, получаем валовой расход по каждой отрасли (табл. 56). Имея данные о валовом доходе, нетрудно вычислить и чистую прибыль по каждой статье.

Вычисленные данные представляют исключительный интерес тем, что позволяют понять мотивы, которыми руководствовалась администрация главной конторы, организуя эксплуатацию земельных богатств владельцев.

Как видно из таблицы 56, наибольшие суммы валового дохода поступали от сдачи земли, от полеводства и от лесного хозяйства. Лесоразработки приносили значительную прибыль (до 100 тыс. руб.). Полеводство принесло валового дохода 610 тыс. руб., т. е. дало прибыль всего лишь 4 тыс. руб. Зато сдача земли в аренду крестьянам при затратах в 117 тыс. руб. дала валового дохода 667 тыс. руб. Оказалось убыточным разведение крупного рогатого скота и овец. Зная характер аренды в имениях Орловых-Давыдовых, мы еще раз убеждаемся, что имеем дело с целым комплексом полукрепостнических латифундий, основанных преи-

¹⁷ ЦГАДА, ф. Мусиных-Пушкиных, д. 9850, л. 3.

¹⁸ Там же, д. 9789, л. 20.

Таблица 56

Доходность отраслей хозяйства в имениях Орловых-Давыдовых по отчетным данным за 1910 г.*

	Валовой расход и общие расходы	Валовой доход	Прибыль (+) или убыток (—)	Прибыль (+) или убыток (—) за 1899— 1900 гг.
Полеводство	606 579	610 596	+4 017	+24 132
Сдача земли	117 305	667 644	+550 339	+374 957
Арендные статьи	9 182	10 643	+1 461	+8 343
Скотоводство	59 294	34 905	—24 389	—6 515
Овцеводство	12 032	7 656	—4 376	—7 642
Лесоводство	492 300	588 582	+96 282	+181 183
Хлеба урожая прошлых лет . .	225 379	225 087	—292	—12 051
Скотопромышленность	70 187	65 482	—4 705	—
Мельницы и кирпичные заводы	28 621	26 743	—1 878	+442
Железнодорожная ветка . . .	16 333	22 632	+6 299	—
Итого	1 637 212	2 259 970	+622 758	+562 849
Прибыль по имениям				
Усолье			+97 138	+129 066
Жегули			+75 863	+99 592
Наталино			+55 001	+36 151
Благовещенское займище . . .			+35 395	+15 960
Борковка			+146 845	+105 808
Рязаново-Городище			+82 195	+42 953
Икорецкая степь			+78 855	+79 818
Каменная степь			+48 282	+24 499
Отрада			—3 115	+29 002
Бахилловская железнодорожная ветка			+6 299	—
Итого			+622 758	+562 849

* ЦГАДА, ф. Орловых-Давыдовых, оп. 1, д. 2605, лл. 74 об. — 104; там же, д. 2592, лл. 269 об., — 274.

мущественно на выжимании из крестьян ренты, носившей в значительной мере полуфеодалный характер.

Любопытно, что здесь начислялась рента за землю под экономическими посевами, лугами и пастбищами по существующим в округе арендным ценам. В 1910 г. за 8320 дес. земли, занятой в собственном полеводстве, было начислено 82 тыс. руб. ренты;

эта сумма включена в общую сумму расходов по полеводству. Показанный в таблице очень скромный доход от полеводства в 4 тыс. руб. есть, следовательно, прибыль на капитал, вложенный владельцами в земледелие. Вместе с рентой она едва превышает сумму, которую без хлопот и риска могли получить владельцы, сдав землю в аренду крестьянам.

Отчетные данные показывают, что за 1900—1910 гг., т. е. за 11 лет, владельцы получили чистой прибыли не менее 5 млн. руб. Много ли из них пошло на расширение и интенсификацию хозяйства? Как видно из таблицы 57, перед нами случай, когда собственное хозяйство сокращается, а капитал концентрируется на меньшей площади.

Таблица 57

Капитал в приволжских имениях Орловых-Давыдовых *

	Единица измерения	1900 г.	1911 г.	1911 г. в % к 1900 г.
Земли в собственном хозяйстве . .	дес.	37315	22218	59,5
Капитал в постройках, живой и мертвый инвентарь, продуктивный скот	тыс. руб.	739,5	1193,4	161,4
Капитал в расчете на десятину в собственном хозяйстве	руб.	19,82	53,71	271,0
То же на всю удобную площадь без леса	руб.	8,29	13,12	158,0

* ЦГАДА, ф. Орловых-Давыдовых, оп. 1, д. 592, лл. 109—121; д. 2605, лл. 185—188; д. 2606, лл. 93—169.

Итак, из 5 млн. прибыли на развитие хозяйства пошло менее 0,5 млн. руб. Вероятно, не больше пошло на увеличение оборотных средств. Остальные 4 млн. руб., взятые с крестьян в виде аренды за землю и полученные от лесного хозяйства, были отняты у земледелия. Часть их, как мы видели, была превращена в процентные бумаги.

Говоря о доходах Орловых-Давыдовых, отметим одно немало-важное обстоятельство, на которое указывал в своих «Записках» Н. А. Павлов: «Но все же лучший год для землевладельца надо считать средним и даже так называемый недород. В эти годы... у помещика все преимущества — умеренной цены работ, качества зерна, цены на хлеб — и годами этими надо всячески пользоваться для всех полезных по улучшению работ: земляных, посадочных, ремонтных и других»¹⁹. «В неурожайные годы — вей из крестьян веревки и в рабочих недостатка нет»²⁰.

¹⁹ Н. А. Павлов. Указ. соч., стр. 197.

²⁰ Там же, стр. 38.

Это циничное признание помещика можно подтвердить точными данными по приволжским вотчинам Орловых-Давыдовых. Как известно, в 1891—1892 гг. имел место один из самых грозных неурожаев, сильнее всего поразивший Поволжье. У крестьян погибли все посевы. Напротив, помещики, у которых земля была лучшего качества и лучше обрабатывалась, собрали некоторый урожай. Так, в Студенечком удельном имении (Самарский удельный округ) у крестьян-арендаторов хлеб не уродился вовсе, а в соседнем имении Д. Ф. Самарина (с. Спасское) было собрано по 65,5 пудов хлеба с десятины²¹. Вероятно, был урожай и у Орловых-Давыдовых, который вместе с остатками прошлых лет составил резерв для продажи по баснословно высоким ценам, что резко повысило доходность имений. По их приволжским вотчинам, тоже пораженным засухой 1891 г. (Борковская, Рязано-Городищенская, Усольская, Жегулевская, Натальинская и Благовещенское займище), чистая доходность за четыре года (1887—1890 гг.), предшествовавшие неурожайному, составила в среднем 228,7 тыс. руб. в год, в последующем 1891 г.—513,6 тыс. руб., а в 1892 г.—258,4 тыс. руб. В среднем за 1891 и 1892 гг. владелец получил дохода 386 тыс. руб. в год. Таким образом, неурожай 1891 г. не только не понизил доходов помещика, но увеличил его на 69% по расчету за два года.

Приведем свидетельства, относящиеся к неурожайным 1905 и 1906 гг. Составители сборника сведений по Саратовской губернии за 1906 г., основываясь на сообщениях ряда корреспондентов, писали, что «отрицательное влияние плохого урожая на владельческое хозяйство в значительной степени компенсировалось как стоявшими в прошлом году почти повсеместно хорошими ценами на хлеб, так и избытком во многих местах дешевых рабочих рук»²². Корреспондент из Озерской волости Саратовского уезда сообщал: «Влияние неурожая на положение владельческого хозяйства осталось бесследно, потому что высокие цены на хлеб обогатили оное»²³.

В голодный 1911 г. главноуправляющий князя Гагарина Н. И. Капгер сердито и резонно выговаривал управляющему Петровским имением (Тамбовская губерния): «Неурожай в соседнем районе давал мне основание ожидать, что Вы используете возможность приобретения скота по значительно пониженным ценам. Вами куплено только три коровы по 90 руб.»²⁴

Бюджетные данные имеются также по огромному комплексу имений графа С. Д. Шереметева. Из 22 сельскохозяйственных

²¹ «Сельскохозяйственный сборник Удельного ведомства», вып. 1. СПб., 1905, стр. 34.

²² «Сборник сведений по Саратовской губернии за 1906 г.», вып. 1. [Саратов, 1906], стр. 137—138.

²³ Там же, стр. 138.

²⁴ ЦГАДА, ф. Гагариных, оп. 1, д. 946, л. 1 об.

имений Шереметева стоящее внимания хозяйство велось лишь в двух: Серебрянопрудском (Тульская губерния) и Баландинском (Саратовская губерния). Но даже в них почти половина земли сдавалась в аренду, не говоря уже о других имениях. Громадные площади были под лесом, который либо продавался на сруб, либо разрабатывался за свой счет.

Учет был весьма несовершенным, чистая доходность по отраслям хозяйства не выводилась, поэтому об экономике этого хозяйства можно судить лишь по валовому доходу, который на 1909 г. проектировался (в тыс. руб.)²⁵:

от сдачи земли	241,9
от сдачи мельниц, торговых лавок, домов, базарных площадей, дач	539,3
от винокуренного завода и мелких предприятий	65,1
от собственной разработки и продажи леса	371,1
от продажи хлеба, сена, овощей, фруктов	196,7
от животноводства	25,1
от продажи вина	50,0
прочие доходы	14,4
всего доходов от имений и доходных домов	1503,6
» расходов по имениям и доходным домам	1053,9
ожидается доход в распоряжении владельца	449,7

Наибольший доход давали городские дома, базарные площади в селах, дачи в Кускове, городские земли в Иваново-Вознесенске и т. д. На втором месте, если учесть расходы, очевидно, был доход от сдачи земли, затем от леса и только потом от сельского хозяйства. И тут мы видим, что половину чистого дохода владелец получал в виде паразитического дохода от сдачи земли.

Несмотря на это, Баландинское имение долгое время не давало дохода. Расходы на свое хозяйство превышали не только доходы от него, но и всю ренту, собираемую с крестьян. П. Ф. Бартенев писал в связи с этим Шереметеву: «Свой посев и связанная с ним администрация, инвентарь, постройки — это такая бочка Данаид, которую не заполнит никакой доход от арендных статей», — и советовал «отрешиться от несчастной идеи, выгодной только управляющим, будто раз имеешь землю, то необходимо на ней хозяйничать»²⁶.

Мы специально обращаем внимание читателя на слова: «...не заполнит никакой доход от арендных статей». Покрытие убытков от собственного хозяйства доходами от сдачи земли в латифундиях было самым заурядным явлением. Само существование капиталистического хозяйства на части земли обуславливалось,

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 2, д. 17.

²⁶ Там же, оп. 11, д. 344, л. 67.

следовательно, возможностью продолжать полукрепостническую эксплуатацию крестьян путем сдачи отрезков, пастбищ и т. п. из другой ее части или других имений.

Впрочем, вопрос о том, заполнит или не заполнит доход от сдачи земли дефицит от хозяйства, для Шереметева, как это видно из перечня доходов, не был тем роковым вопросом, который вставал перед каким-нибудь владельцем одного имения, без иных источников покрытия убытков. Общий дефицит неизбежно приводил такое владение к залогу, а затем и к ликвидации. Иное дело у Шереметева и подобных ему крупных собственников. Тут вступает в действие своеобразный закон преимущества крупного крепостнического землевладения перед более мелким. Не хватит дохода от арендных статей в одном имении — есть такие доходы в других. Кроме того, есть колоссальный (у Шереметева 30-миллионный) капитал, из которого можно долго черпать средства для покрытия убытков отдельных лет или периодов, и прежде всего такой капитал, как земля, с ее самовозрастающей ценностью.

Обратимся опять к Баландинской вотчине Шереметева. Получая неутешительные годовые отчеты, владелец, вероятно, не раз подумывал, не последовать ли совету Бартенева и, сдав землю в аренду, отказаться от «несчастной идеи» вести хозяйство. Но оказывалось, что и это требовало все больше забот. Так, просматривая отчет за 1907 г., владелец не мог не видеть, что за крестьянами накопилось 225 тыс. руб. недоимок за аренду земли, — сумма, в два с лишним раза превышавшая годовой размер крестьянских платежей.

В результате принимается решение не только не сокращать, а, наоборот, расширять собственную запашку. Количество земли в собственном пользовании (пашня, сенокос, пастбище) в имении увеличилось с 7400 дес. в 1907 г. до 14 200 дес. в 1913 г.

Начали устройство оросительной системы. С 1908 г. проводились опыты по окучиванию зерновых (360 дес.) по «системе» Демчинского. Вместо озимой пшеницы ввели посевы яровой пшеницы-кубанки, в четыре раза увеличили посев ржи. Начали выращивать картофель. Но каковы были результаты? По хлебопашеству и сенокосению прибыли оказались следующими (в тыс. руб.)²⁷:

	1907 г.	1911 г.	1913 г.
Всего прибыли	67,0	19,5	35,4
в том числе от испольного покоса	13,5	9,5	13,0
Рента за земли собственного пользования	37,5	57,6	98,7
Рента за сдаваемые земли	105,2	163,7	104,5
Количество сданной земли, тыс. дес.	18,2	16,3	7,3

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 11, д. 359, л. 287; д. 372, л. 442 об.; д. 374, л. 355 об.

Приведенные цифры показывают, что прибыль от собственного полевого хозяйства, включая ренту за свою землю, повысилась с 104,5 тыс. в 1907 г. до 134,1 тыс. руб. в 1913 г. Если же исключить ренту, прибыль хозяина-предпринимателя не только не увеличилась, но даже уменьшилась почти вдвое. Учитывая почти трехкратное увеличение вложенного капитала, результат получился явно разочаровывающий. Доходы именины теперь подкреплялись прибылью от построенных трех винокуренных заводов (в 1913 г. — 13,2 тыс. руб.), водяной и паровой мельниц (7,9 тыс.). Но полеводство явно не удовлетворяло владельцев, и в 1914 г. Б. С. Шереметев потребовал от управляющего Бажанова «дать сведения о том, как удобнее, целесообразнее вложить в Баланду капитал, даже в ущерб сельскому хозяйству»²⁸. Не придумавший рецепта Бажанов был снят с должности управляющего и назначен с понижением.

Были оставлены опыты по сумасбродной «системе» Демчинского, отложены работы по орошению. Руководивший ими специалист-ирригатор Амейе, по словам управляющего, грозился, что он выступит в Московском обществе сельского хозяйства и «укажет вообще на косность русских землевладельцев»²⁹.

Итак, косность, инертность, как одна из характерных черт ведения хозяйства помещиков, констатирована специалистом даже на опыте экономии, которая своими успехами заметно выделялась на фоне многих других латифундий края. В крупном землевладении не было заложено каких-либо внутренних свойств, которые вели бы его по пути превращения в капиталистическое хозяйство. Если это превращение все же происходило, то шло оно только под давлением внешних сил и обстоятельств. Приверженность к старому, сопротивление новому, применение нового под давлением извне, возврат к старому при удобном случае — таковы качества этого хозяйственного организма.

Но старое, чтобы выжить, вынуждено использовать новое — этому диалектическому закону жизнь выучила даже русского дикого помещика. Так, сохранение аренды в прежних размерах в Баландинской вотчине неминуемо повлекло бы крупные недоимки по арендной плате, убытки и, может быть, ликвидацию владения. Увеличение размеров собственного хозяйства, хотя оно и не дало ожидавшегося эффекта, помогло сохранить вотчину и продолжать полукрепостническую эксплуатацию громадной массы крестьян окрестных волостей, главным образом путем сдачи земли в аренду на один посев и исполу. И хотя, как уже отмечалось, количество сдаваемой земли уменьшилось в два с половиной раза, арендная плата благодаря стремительному росту арендных цен осталась прежней.

²⁸ Там же, д. 355, л. 95 об.

²⁹ Там же, л. 61.

Орловы-Давыдовы укрепили положение своих имений тем, что увеличили количество собственного инвентаря как противовес крестьянскому на случай его нехватки, а также тем, что свели почти на нет испольные посевы (в 1900 г. — 7 тыс. дес.), доведя сдачу на один посев до 62 тыс. дес. в 1910 г. против 50 тыс. в 1900 г. Полукрепостнический характер эксплуатации десятков тысяч крестьян остался, хотя и видоизменился.

Таким образом, организуемое капиталистическое хозяйство крупных владельцев оборачивалось средством для сохранения своих земельных владений, способом для продолжения, а нередко и усиления полукрепостнической эксплуатации крестьян. Отсюда следует, что само хозяйство помещиков, если даже оно организовано на капиталистических началах на какой-то части земли, надо рассматривать как силу, прогрессивность которой весьма относительна.

Небезынтересно сопоставить состав капитала представителей групп разного хозяйственного направления. На 1 марта 1917 г. у С. Д. Шереметева состав капитала был следующим (тыс. руб.)³⁰:

Земля	15831
Городские дома	10469
Недвижимое в имениях . .	2832
Движимое » »	896
Скот	511

Итого 30539

Главным богатством владельца была земля, но основное внимание его было направлено не на развитие хозяйства на этой земле, а на городские доходные дома. Стоимость построек и сооружений в имениях вместе с винокурными заводами была почти вчетверо меньше, чем в городах. Имелся еще «оборотный капитал» в 7,4 млн. руб., но весь этот капитал не был собственным, так как его превышали долги кредиторам (9,4 млн. руб.). Характерно, что в имениях собственно оборотного капитала было всего лишь 54,6 тыс. руб.

Цифры показывают, насколько тесно материальные интересы этого крупнейшего земельного магната переплетались с интересами городской буржуазии, представленной крупными домовладельцами.

Несколько иную картину дают сведения о доходах и капиталах другого представителя этой фамилии — графа А. Д. Шереметева.

По неполным данным, в 10 его имениях насчитывалось свы-

³⁰ ЦГАДА, ф. Шереметева, оп. 2, д. 19, лл. 2—3. Главная книга.

ше 120 тыс. дес. земли и леса. Сельскохозяйственные имения площадью свыше 40 тыс. дес. были главным образом в Курской и Воронежской губерниях. Собственное хозяйство владельца было невелико. Из принадлежащих ему 9656 дес. в Грайворонском и Белгородском уездах Курской губернии сдавалось крестьянам пашни на один посев 5844 дес. по ценам от 15 до 60 руб. за десятину и сенокоса 454 дес.³¹ Две экономии (2596 дес.) сдавались в аренду товариществу Головинского свеклосахарного завода графа М. П. Толстого³² и три экономии (2342 дес.) арендовал П. И. Харитоненко³³. Только в двух экономиях (при деревнях Орловке и Солохино, 2489 дес.) за счет владельца засеивалось 2076 дес., причем, судя по крайне низким урожаям, хозяйство велось кое-как³⁴.

Остальные имения, за исключением вотчины Останкинской, были преимущественно лесные.

Доходы А. Д. Шереметева в 1913 г. сложились следующим образом (тыс. руб.)³⁵:

Сельскохозяйственные имения	401
Лесные имения	89
Дачи, лавки и пр.	42
Городские доходные дома	53
Проценты по ценным бумагам и вкладам . . .	965
Итого	1550

Судя по бюджету на 1902 г.³⁶, доход от сельскохозяйственных имений был почти равен доходу от ценных бумаг (356 и 400 тыс. руб.). К 1913 г. первый вид дохода остался почти тот же (401 тыс. руб.), а второй более чем удвоился (965 тыс. руб.) и стал в 2,4 раза больше первого. Процентные бумаги и текущие счета приносили 62% всех доходов.

Таким образом, петербургская главная контора А. Д. Шереметева была своего рода машиной по выкачиванию из сельского хозяйства прибавочной стоимости и превращению ее в фиктивный капитал, приносящий проценты. Наличие у владельца капитала, не вложенного в хозяйство, имело для латифундий двоякое значение. Во-первых, он служил гарантией сохранения земельной собственности в руках владельца при неблагоприятных обстоятельствах. Во-вторых, благодаря ему создавалась возможность для небрежного, нерасчетливого хозяйства

³¹ Архив ЦСУ. Отдел сельского хозяйства, оп. 1, д. 90, 1917 г., л. 272.

³² Там же.

³³ Там же, лл. 272, 410.

³⁴ Там же, лл. 397, 427.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1118, оп. 1, д. 27.

³⁶ Там же, оп. 1, д. 2926.

на земле латифундии. И в том и в другом случаях реакционная роль этого капитала совершенно очевидна.

Рассмотрим состав капитала у наследников графа П. Зубова (данные на 1910 г. в тыс. руб.)³⁷:

	Капитал (без ипотечных долгов)	Прибыль
Городские дома	1410	46
Имена	1811	66
Процентные бумаги	1089	45
Итого	4310	157

Оставаясь крупнейшими помещиками, Зубовы по источникам своих доходов выступали преимущественно как домовладельцы и рентые. Здесь мы наблюдаем не просто перекачку земельной ренты в сейфы с процентными бумагами и в городскую недвижимость, как у А. Д. Шереметева, не продававшего земли. В 1907—1908 гг. Зубовы почти целиком продали Крестьянскому банку свое Рязанское имение (1490 дес.), а также большую часть Симбирского имения, в котором вместо 12,1 тыс. дес. осталось 3,3 тыс. дес. Сдача земли у Зубовых в отличие от Орловых-Давыдовых, происходила концентрация капитала на меньшей площади, хозяйство в большей мере стало капиталистическим. В новой ситуации оказались и крестьяне. Тем, чье хозяйство поддерживалось благодаря аренде земли, грозило разорение. На крестьян, которые купили землю Зубовых через Крестьянский банк, был наложен выкуп в виде платежей по ссуде. Зажиточная часть покупателей земли могла выиграть и нажиться на этой операции, зато остальные могли разориться из-за высоких банковских платежей.

Данные архива князей Гагариных, доходы которых по смете за 1898—1899 гг. представлены в таблице 58, позволяют более глубоко проникнуть в экономику помещичьего хозяйства.

Первое, что бросается в глаза, это явное преобладание паразитических доходов от сдачи земли и разработки (или продажи на сруб) леса. Правда, значительное место (около $\frac{1}{4}$ валового дохода) занимали доходы от собственного полевого хозяйства. Но следует учесть, что на его счет должна быть отнесена большая часть общих расходов, так как расходы, связанные со сдачей земли, были ничтожны. К тому же, немалая часть экономического посева в трех имениях обрабатывалась крестьянами за отработки. Особое внимание приходится обратить на один знаменательный факт: в двух имениях Тамбовской губернии, где преобладали отработки, крестьяне должны были произ-

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 942, оп. 1, д. 306, лл. 1 об.— 10, 18, 19.

Таблица 58

Структура доходов по имениям князей Гагариных за 1898—1899 гг. (в руб.) *

	Андреевское Саратовской губ.	Бугское Тамбовской губ.	Митинское Рязанской губ.	Обер-Пален- ское Лиф- ляндской губ.	Петровское Тамбовской губ.	Докровское Рязанской губ.	Плещеевское Ярославской губ.	Итого
Сдача земли за деньги	12091	700	8188	5004	17321	11869	2988	58161
» » под отрабо- тки	—	4474	—	3785	2934	—	—	11193
Сдача выгонов и пастбищ	2525	—	—	—	250	625	—	3400
» мельниц, домов, лавок и пр.	175	365	1000	6115	200	825	60	8740
Сдача садов	—	—	3100	—	150	300	—	3550
Итого доходов по аренде	14791	5539	12288	14904	20855	13619	3048	85044
Доходы за вычетом про- изводственных расходов:								
по экономическим по- севам	7954	9978	—2414	5069	15415	2044	—	38046
скотоводство	103	—230	280	—1069	—15	14	—	—917
овцеводство	7543	341	—	—	2241	141	—	10266
садоводство	—	—123	—3	—	—417	—302	—	—845
лесоводство	1013	12823	1929	831	17780	57	7346	41779
мельницы	5800	—	—	—	1949	—	—	7749
винокурение	—	—464	—	5273	—	—	—	4809
пивоварение	—	—	—	555	—	—	—	555
Итого от собствен- ного хозяйства . . .	22413	22325	—208	10659	36953	1954	7346	101442
Прочие доходы	1000	560	450	11377	—	—	100	13487
Общие расходы	7934	5311	4067	7503	16065	6811	1636	49327
Чистый доход	30270	23113	8463	29437	41743	8762	8858	150646

* ЦГАДА, ф. Гагариных, оп. 1, д. 3990, лл. 6—11.

вести работ за снятую землю на 7,4 тыс. руб., а в одном имении в Лифляндской губернии — на 3,8 тыс. руб. Это вносит некото-
рые поправки в широко распространенные представления об ис-
ключительном преобладании капиталистического способа веде-
ния хозяйства в Прибалтике. Скотоводство приносило убытки,
вероятно, потому оно было развито крайне слабо. В свою оче-

редь это обстоятельство не могло не отражаться отрицательно на земледелии.

Заметную долю составляли доходы от овцеводства, особенно в имении Андреевское Саратовской губернии, а также от эксплуатировавшихся за счет владельца мельниц и винокуренных заводов.

Любопытную картину представляет собой комплекс владений князей Юсуповых. Свод доходов по сметам имений на 1897 г. (все 25 имений, а также астраханские и московские дома) показывает следующее (тыс. руб.)³⁸:

Аренда земли	138,0
Полеводство и луговоеводство	136,8
Лесоводство	131,8
Лесопильные и кирпичные заводы, картонно-бумажная фабрика	67,8
Виноградники и виноделие	—9,2
Скотоводство	30,7

Итого 495,9

За вычетом общих расходов по имениям 452,4

Анализируя эти цифры, следует иметь в виду, по-первых, преимущественно кабальные условия сдачи земли в аренду, во-вторых, преобладание отработочных форм ведения собственного хозяйства владельцев. Надо к тому же учесть большую долю дохода, получавшегося Юсуповыми от лесного хозяйства. Паразитический характер землевладения и хозяйства Юсуповых выступает с полной определенностью.

Рассмотрим состав капитала Юсуповых (на 1 января 1915 г.)³⁹:

Земли лесной, дес.	68109
» полевой и проч., дес.	116250

Всего земли 184359

Оценка земли по балансу, тыс. руб.	9884,7
Постройки » »	10692,0
Живой инвентарь » »	463,4
Мертвый инвентарь » »	1358,5

Итого в активе » » 22398,6

Прибыль за 1913 г. » »	309,0
» » 1914 г. » »	730,1

³⁸ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, л. 296, л. 39.

³⁹ Там же, д. 1088, лл. 22 об.—26.

Налицо большие капиталовложения в промышленные предприятия, городские дома и отчасти в земледелие. Нелишне отметить, что из 730 тыс. прибыли за 1914 г. 479 тыс. принес Ракитянский сахарный завод и 214 тыс. руб. Должанский рудник. Что касается городских домов и сдававшихся дач, то одни из них принесли прибыль в 179 тыс. руб., другие же, служившие владельцам резиденциями и дачами, включая Архангельское, дали убыток в 264 тыс. руб.

Как уже говорилось, за 1907—1915 гг. в Ракитянском было куплено машин и орудий на 120 тыс. руб., или в среднем по 15 тыс. руб. в год. Но если сопоставить эту сумму с массой полученных владельцами доходов, она окажется поистине ничтожной. Вообще Юсуповыми было установлено, что имения могли расходовать на капитальные затраты не более 10% прибыли, все остальное передавалось в распоряжение владельцев. Чтобы имения меньше кредитовались в банках, Юсуповы с 1913 г. стали сами выдавать ссуды на капитальные затраты под определенный процент. Это новшество мы расцениваем как еще одно доказательство того, что крупное землевладение с его хозяйством благодаря громадной массе капитала в той или иной мере высвобождается из-под действия имманентных законов капиталистической экономики, приобретая тем самым определенное преимущество перед более мелким хозяйством.

Более подробные сведения об экономике крупного помещичьего хозяйства сохранились по Чутовскому имению П. П. Дурново. Сопоставимые данные о доходности имения по отраслям хозяйства имеются за 1904—1910 гг. (табл. 59).

Полевое хозяйство экономий, за исключением 1906/07 г., давало в общем обеспеченный доход от 100 до 280 тыс. руб. в год. В целях увеличения доходности имения владельцы пошли на ликвидацию овцеводства, переставшего приносить прибыль. Заведенное с 1907 г. свиноводство также было резко сокращено. Хозяйство все более приобретало одностороннее свекловично-пшеничное направление. Другим средством увеличения дохода явилась начатая с 1907 г. усиленная разработка леса. Доход от него повысился в 4—5 раз. Наконец, была сильно увеличена раздача земель в мелкую одногодичную аренду, служившую в то же время средством обеспечения хозяйства рабочими руками.

Основу хозяйственной деятельности владельцев и главную доходную статью представлял крупный свекловичный завод с рафинадным отделением и отчасти винокуренный завод. В 1905/06 г. на свеклосахарном заводе было выработано 230 тыс. пудов песка⁴⁰, т. е. почти половина того количества, которое давали в среднем в 1906—1910 гг. четыре завода

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 934 (Дурново), оп. 1, д. 316, л. 13.

Таблица 59

**Прибыли и убытки по отраслям хозяйства Чутовского имения
за 1904—1910 гг.***

Отрасли хозяйства	1904/05 г.	1905/06 г.	1906/07 г.	1907/08 г.	1908/09 г.	1909/10 г.	1910 г.
Получено прибыли:							
хозяйство в экономиях	154795	163416	—	20152	98032	200089	282646
сдача в аренду земли и другие статьи	6117	6997	5516	15103	15495	15691	15270
овцеводство	—	4673	—	1345	—	—	—
лесоводство	5841	—	3397	39236	19061	22445	24937
кирпичный завод	—	—	—	64	—	—	—
прочие прибыли	—	—	—	—	197	—	—
Всего прибыли	166753	175086	8913	75900	132785	238225	322853
Понесено убытка:							
хозяйство в экономиях	—	—	47125	—	—	—	—
лесоводство	—	283	—	—	—	—	—
овцеводство	4920	—	2875	—	—	—	—
свиноводство	—	—	—	3189	1864	1518	—
кирпичный завод	—	—	—	—	972	1407	1960
прочие убытки	—	—	—	4700	6728	1253	3354
Всего убытков	4920	283	50000	7889	9564	4178	5314
Итого прибыли (+) или убытка (—) . .	+161833	+174803	—41087	+68011	+123221	+234047	+317539

ЦГИА СССР, ф. 934 (Дурново), оп. 1, д. 830, лл. 120 об. —121.

графов Бобринских в районе м. Смелы (Киевская губерния) ⁴¹. Прибыль же от производства сахара за 1906 и 1910 гг. поднялась с 85,7 тыс. до 302,3 тыс. руб. ⁴² На рафинадном заводе в 1907/08 г. было приготовлено 283,4 тыс. пудов рафинада на сумму

⁴¹ «Смела». Киев, 1913, стр. 113.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 934, оп. 1, д. 386, л. 12 об.; д. 948, л. 448.

1382,8 тыс. руб. Прибыль с 1908 по 1910 г. возросла с 30,1 тыс. до 57,7 тыс. руб.⁴³

Заводы давали в 2 раза больший доход, чем полевое хозяйство, лес и скотоводство Чутовского имения. В связи с этим становится понятным письмо С. П. Дурново главному управляющему А. А. Брандесу из Чутова от 27 сентября 1912 г. Владелица писала, что «завод есть наше главное учреждение, питающее всю машину, петербургская же всепоглощающая машина, генеральская и опекунская, должна подчиняться нашим обстоятельствам и разделять наши невзгоды, так же как и пользоваться нашими благами... Когда заводу трудно, то Петербург требовать не может, а должен нам помогать. Не будь завода, то генерал, опека... и т. д. полетели бы в трубу, почему я здесь и составляю бюджет согласно местным условиям и обстоятельствам и буду исполнять требования петербургские по мере возможности»⁴⁴.

Письмо проливает некоторый свет на отличительную особенность крупного помещичьего хозяйства XX в. — несоответствие расходов владельцев с доходностью их хозяйства, или, другими словами, жизнь не по средствам, расходы не по карману. Одно Чутовское имение с его заводами давало владельцам более чем полумиллионный годовой доход, и, однако, Дурново испытывали постоянные денежные затруднения.

Именно поэтому Дурново в 1906 г. вынужден был пойти на обмен так называемыми, бронзовыми векселями с Кохом, управляющим Рамоньским имением принцессы Е. М. Ольденбургской, который выдал такие векселя М. Н. Скалону, братьям Бобринским (тульским) и Дурново на 1635 тыс. руб., получив от них взамен векселя на ту же сумму. По всем этим векселям Кох и его контрагенты не преминули получить деньги в банках⁴⁵. Как уже говорилось, комиссия по Рамони приняла векселя Скалона, Бобринских и Дурново в нуле, как безнадежные.

По тем же причинам владельцы продали Больше-Дмитриевское имение. Наконец, в 1908 г. 19 764 дес. из саратовских имений (за исключением Тюремской дачи и Кочубеевского имения) было продано некоему Бишлеру за 1 877 627 р. 50 к., из коих 80 тыс. руб. было уплачено в виде куртажа Рывкинду, известному коммерсанту, специальностью которого была организация сделок по купле-продаже имений. За погашением долгов по залогам, повинностей и проч. владельцам осталось 617 тыс. руб.⁴⁶ Однако все эти продажи не вели к окончательному разорению помещика. Мы не знаем всех источников доходов Дурново, но,

⁴³ Там же, д. 972, л. 105, 111 об.; д. 948, л. 448.

⁴⁴ Там же, лл. 426—427.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 801, л. 45 об.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 934, оп. 1, д. 554, лл. 1 об., 5.

по-видимому, разорить их было не так легко. Помещичье государство обычно не допускало до долговой ямы родовитых особ из дворян и виднейших чиновников. По-видимому, не был забыт и Дурново. В связи с прощением долга Рамони и покупкой ее в уделы, возможно, отпала необходимость оплачивать векселя принцессе Ольденбургской.

В общем при рассмотрении крупного помещичьего хозяйства следует иметь в виду ценное наблюдение Ф. Энгельса о том, что, как показала практика, класс крупных землевладельцев «всегда выходит из положения благодаря капиталу, который другие люди вложили в землю...»⁴⁷. Это практическое наблюдение имеет твердую научную основу в Марксовой теории земельной ренты. Развитие капитализма в земледелии ведет к росту земельной ренты и соответственно цены земли, представляющей собой капитализированную ренту. В дореволюционной России в составе ренты были весьма значительные элементы докапиталистической феодальной ренты, как следствие господства полукрепостнических латифундий и крестьянского малоземелья. В этих условиях рента и цена земли вырастали в очень слабой зависимости от ее доходности.

Как бы ни значительны были вложения Дурново в хозяйство, они составляли весьма малую часть получаемого владельцем дохода. Громадная несоразмерность затрат на поддержание и расширение хозяйства с массой получаемых доходов была показана на примере хозяйства Юсуповых. У А. Д. Шереметева эта несоразмерность, как видно из приведенных выше данных, была еще больше. То же показали, в частности, и отчеты по имениям Орловых-Давыдовых. По-видимому, отмеченное явление было не исключением, а правилом для большинства русских крупных землевладельцев.

НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ РАСХОДЫ

Общеизвестно, что огромные суммы доходов, получавшихся помещиками, расходовались ими в подавляющей массе на непроизводительные цели. Так, расходы по личному бюджету Юсуповых составили⁴⁸ (в тыс. руб.):

1910 г.	347,4	1913 г.	530,7
1911 г.	440,6	1914 г. (за 10 месяцев)	1166,0
1912 г.	516,3		

Личные расходы Юсуповых стремительно возрастали и в 1914 г. составили колоссальную цифру — свыше миллиона руб-

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 281.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 1007, лл. 1 об.—4.

лей. Тут, конечно, сыграли роль экстраординарные расходы. В 218,8 тыс. руб. по перестройке большого дома на Фонтанке в связи с женитьбой Ф. Ф. Юсупова-младшего на великой княжне Ирине Александровне. Ради того, чтобы породниться с царской семьей, денег жалеть не приходилось. Личные расходы Юсупова-младшего, единственного наследника, в 1910 г. составляли 21,8 тыс. руб., в 1911 г.—45,4 тыс., в 1912 г.—40,6 тыс., в 1913 г.—79,4 тыс.⁴⁹ и в 1914 г.—219,5 тыс. руб. Тысячам крестьян и рабочих надо было надрываться в тяжелом труде, чтобы обеспечить приятное времяпрепровождение одному представителю знати.

Приведем другие данные, включающие расходы на дворцы и дачи, теперь уже в сопоставлении с суммами основного капитала Юсуповых (табл. 60).

Таблица 60

Личные расходы Юсуповых и капитал имений (в тыс. руб.) *

Год	Прибыль	Расходы князей	Капитал владельца уменьшился (—), увеличился (+)
1910	865,6	608,5	+257,1
1911	797,3	877,3	—80,0
1912	560,7	891,1	—330,4
1913	229,9	910,9	—681,0
1914	378,3	1166,0	—787,7
Итого за пять лет . . .	2831,8	4453,8	—1622,0

* ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 1007, л. 3.

Личные расходы Юсуповых с каждым годом возрастали, тогда как доходность имений падала. Только в 1910 г. расходы князей были меньше суммы доходов, а в последующие годы намного превышали доходы и производились за счет основного капитала, который за пять лет уменьшился на 1,6 млн. руб. Паразитический образ жизни этих представителей «высшего света» получает, таким образом, неопровержимое статистическое подтверждение.

Юсуповы были не исключением в общей массе представителей высшей знати, проматывавшей свое состояние. Приведем другой пример, относящийся, правда, к более раннему периоду, но очень ярко характеризующий исключительную расточитель-

⁴⁹ Там же, лл. 1 об.—4.

ность крупного русского дворянства. Как известно из предыдущего изложения, над имуществом и личностью В. Л. Нарышкина была учреждена опека. Однако это обстоятельство, по-видимому, мало ограничивало опекаемого владельца в личных расходах, которые выразились в следующих суммах: с 106,2 тыс. руб. в 1894—1895 гг., неуклонно возрастая, они достигли 233,2 тыс. руб. в 1900—1901 гг.

По поводу этих расходов один из опекунов, А. Правошинский, указывал в отчете: «Увеличение денежных расходов на содержание владельца было вызвано, преимущественно, семейными его обстоятельствами...»⁵⁰ И здесь, как и у Юсуповых, одним из «семейных обстоятельств» был молодой наследник, который, не имея прямого доступа к кассе опекунской конторы, гарантировал свои долги векселями без ведома опекунов. В связи с этим опекуну пришлось потребовать с разгулявшегося наследника подписки, которая гласила: «13 декабря 1902 г. Даю честное слово моему дяде графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову в том, что с сего дня никаких векселей или долговых обязательств подписывать не буду. Лев Нарышкин»⁵¹.

Т а б л и ц а 61

Личные расходы Строгановых в 1906—1914 гг. (в тыс. руб.) *

Год	Личные расходы С. А. Строга- нова	Штатные выдачи чле- нам рода	Итого	В % к 1906 г.
1906	218,7	26,4	245,1	100,0
1907	210,3	33,9	244,2	99,6
1908	247,6	40,1	287,7	117,4
1909	320,4	56,2	376,6	153,7
1910	319,7	59,0	378,7	154,5
1911	523,2	39,5	562,7	229,5
1912	384,8	87,7	472,5	192,8
1913	356,5	93,3	449,8	183,5
1914 (10 месяцев)	411,7	100,0	511,7	208,8
Всего	2992,9	536,1	3529,0	—

* ЦГАДА, ф. Строгановых, оп. 10, д. 427, лл. 3 об.—4. Крупным непроизводительным расходом Строганова было ассигнование в 1905 г. 1677,1 тыс. руб. на покупку крейсера «Русь» (там же, л. 1).

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. Воронцова-Дашкова, оп. 1, д. 3757, л. 20 об.

⁵¹ Там же, оп. 1, д. 3756, л. 1.

О росте непроизводительных расходов свидетельствуют отчетные данные главной конторы графа С. А. Строганова (табл. 61).

Следует указать, что приведенный в таблице 61 рост непроизводительных расходов Строганова совпадает со временем, когда принадлежавшие ему уральские заводы находились в стадии упадка, принося возраставшие с каждым годом убытки, и владелец их держался исключительно за счет усиленного истребления лесных богатств Урала, что и раньше составляло главную доходную статью Строгановых⁵².

Приведем сохранившуюся любопытную сводку прихода и расхода графа С. Д. Шереметева (табл. 62).

Т а б л и ц а 62

Сравнительная ведомость приходных и расходных сумм
С. Д. Шереметева (в тыс. руб.) *

Год	Общий приход	Общий расход (без новых построек Ни- кольского дома)	Общий долг	Платеж % по обязатель- ствам
1903	427,6	620,0	2908,0	128,0
1904	441,4	672,0	3136,0	195,0
1905	346,8	616,0	3500,0	172,2
1906	380,1	580,0	3910,0	180,5
1907	445,3	620,0	4340,0	226,0
1908	464,4	735,0	4694,0	272,5
1909	666,2	722,0	4810,0	252,8
1910	595,1	794,8	5125,0	253,3
1911	657,4	793,9	5486,0	299,0
1912	637,2	830,5	5970,0	327,7
1913	526,0	824,0	6485,0	329,5
1914	640,7	896,1	6485,0	379,6
1915	607,0	966,4	6939,5	406,9
Итого	6835,2	9670,7	—	3423,0

* ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 4, д. 175, лл. 3 об. —4.

Итак, за весь тринадцатилетний период не было ни одного года, когда расходы владельца были бы покрыты полученными доходами, а общий дефицит составил немалую сумму в

⁵² Только в 1913 г. заводское хозяйство стало снова приносить доход (123,4 тыс. руб.) в связи с расширением производства на Добрянском заводе (ЦГАДА, ф. Строгановых, оп. 10, д. 425, л. 4).

2835,5 тыс. руб. — в среднем по 218,1 тыс. руб. в год. Долги за это время возросли на 4 млн. руб. и составили около 7 млн. руб., а платежи процентов по ним — 407 тыс. руб. (1915 г.). Владельцы проматывали доставшиеся им богатства, плоды присвоенной ими земли и труда множества эксплуатируемых людей. При обычных средних размерах капиталистического хозяйства такая нерасчетливая практика очень скоро привела бы к банкротству. Но не так просто разорить крупную латифундию. Шереметевым было что проживать, не впадая в отчаяние из-за какого-то двухсоттысячного дефицита. Основной капитал графа, как уже было показано, составлял 30,6 млн. руб., в том числе земля — 15,8 млн. руб. и городские дома — 10,5 млн. руб.⁵³

Мы не знаем, производилась ли в рассматриваемый период переоценка земли в имениях Шереметева, и сделаем это сами применительно к изменению цен на землю по Европейской России. Средняя цена десятины земли по балансу владельца на 1 марта 1917 г. определяется в 109 р. 78 к. В 1898—1902 гг. средняя цена десятины земли в Европейской России равнялась 80 р. 80 к.⁵⁴, а в 1910 г. — 118 р. 05 к.⁵⁵ Первая цифра составляет 68,45% от второй. При таком соотношении цена земли у Шереметевых 11 лет назад составила бы 75 р. 14 к. за десятину, а ценность всей земли (144 216 дес.) — 10,8 млн. руб. Таким образом, одно только возрастание цен на землю давало владельцу за 11 лет прирост капитала в 5 млн. руб., тогда как дефицит в бюджете за 13 лет составил, как было показано, 2,8 млн. руб. Одно только право собственности на землю обеспечивало помещику рост его богатства.

Итак, паразитическое присваивание и непроизводительное растрачивание народного богатства — такова еще одна черта в облике «благородного сословия», державшего власть над огромной массой угнетаемого им народа.

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 2, д. 19, л. 2.

⁵⁴ «Материалы по статистике движения землевладения в России», вып. XIII. СПб., 1907, прилож., табл. IV.

⁵⁵ Там же, вып. XXV. Пг., 1917, стр. 76.

КРЕДИТ, ЗАЛОГ И МОБИЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ

Помещичье хозяйство, вынужденное после реформы 1861 г. стать на путь капиталистического развития, предъявило большой и возрастающий спрос на денежном рынке. Кредит в его различных формах получил по сравнению с дореформенным временем неизмеримо большее значение. Изменились и его целевые назначения: возросла доля, шедшая на производственные цели — капитальные вложения в сельское хозяйство, образование и пополнение оборотных фондов. Не только не сокращалась, но, как показано выше, значительно увеличивалась потребность в деньгах и для непроизводительного паразитического потребления.

Здесь мы остановимся, главным образом, на банковском кредите — долгосрочном под залог земли и других недвижимых имуществ и разного рода краткосрочных ссудах. Область частных долгов, за отсутствием статистики, характеризуется менее подробно.

Из форм долгосрочного кредита на первое место, естественно, выдвигается кредит под залог земли. Залоговые операции широко практиковались помещиками и до реформы 1861 г. Но в отличие, например, от Германии, где предметом залога была земля, на которую уже в XVIII в. там существовали определенные цены, в России предметом залога стали крепостные «души». Накануне реформы в банках были заложены до 62% крепостных, долг на населенных имениях составлял 398 млн. руб., а вся задолженность достигла 425 млн. руб. На ее погашение пошла значительная часть полученных помещиками выкупных платежей. Так, в 1871 г. из начисленной к тому времени суммы выкупных платежей в 543 млн. руб. на уплату дореформенных долгов дворянства ушло до 248 млн. руб.¹ Из оставшихся после зачета

¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1952, стр. 600.

долгов большая часть была истрачена помещиками непроизводительно и лишь незначительная нашла производственное применение в сельском хозяйстве или в промышленных отраслях.

До 1872 г., ввиду закрытия дореформенных государственных кредитных учреждений, залог земли был затруднен. Операции по залогоу вели только Земский банк Херсонской губернии, открывшийся в 1864 г., и Общество взаимного поземельного кредита, учрежденное в 1866 г. Земли пошли в залог полным ходом с 1871—1873 гг., в течение которых открыли операции сразу 10 частных акционерных земельных банков. Кредит в частных банках был довольно дорог (8,5% годовых), помещики стали дружно жаловаться на разорительность этого кредита и требовать его удешевления. «В уважение к интересам» помещиков в 1885 г., к столетию екатерининской жалованной грамоты дворянству был открыт специальный государственный Дворянский земельный банк, выдававший ссуды на особо льготных условиях. Судный процент, установленный вначале в 6,5, был сведен к началу XX в. до 4% годовых.

С начала операций до конца XIX в. частные банки приняли в залог в Европейской России около 18 млн. дес. частновладельческой земли, выдав под нее свыше 450 млн. руб. Быстро пошли операции Дворянского банка. За 15 лет (1886—1900 гг.) он принял в залог 28,2 млн. дес. дворянских земель под ссуды, составившие 978,9 млн. руб.²

В последующие 13 лет дворяне заложили в банке еще 14,9 млн. дес., получив ссуд 902,7 млн. руб.³

Двумя годами раньше, в 1883 г., открыл операции Крестьянский поземельный банк, через который помещики продали крестьянам свыше 16 млн. дес. земли, получив за нее около 1,8 млрд. руб., не считая «верхов», которые приплачивали крестьяне сверх оценки банка, в секрете от последнего⁴. Вся эта земля оставалась в залоге у Крестьянского банка до погашения заемщиками ссуд на ее покупку.

Сводя данные о залоге земли по всем банкам, получим следующую таблицу 63⁵.

Таблица свидетельствует о том, что в сферу ипотечного кредита в России к началу первой мировой войны были вовлечены

² «Отчет Государственного Дворянского земельного банка» за 1886—1899 гг. СПб. 1888—1902.

³ То же за 1901—1913 гг. СПб., 1903—1915.

⁴ «Отчет Крестьянского поземельного банка» за 1883—1813 гг. СПб.—Пг., 1885—1915.

⁵ Автор считает своим долгом отметить, что в опубликованной им ранее таблице расчета залогов и ипотечных платежей (см. А. М. Анфилов. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962, стр. 156) вкралась грубая ошибка, на которую первым указал И. Ф. Гиндин, за что автор выражает ему искреннюю благодарность.

громадные площади частновладельческой и купчей крестьянской земли — около 60 млн. дес., оцененных банками в 5,1 млрд. руб. Выданные под залог земли ссуды составили в целом сумму около 3,5 млрд. руб., из которых около 2 млрд. руб. выбрали частные владельцы. Около половины заложенной земли (свыше 27 млн. дес.) сконцентрировалось у частных земельных кредитных объединений. Таким образом, банковский капитал глубоко вторгся в частное землевладение страны и стал сильным компаньоном в дележе образуемой в сельском хозяйстве земельной ренты. На долю частных банков приходилось свыше 60 млн. руб. платежей по ссудам, а все банки выкачивали из земледелия ежегодно около 200 млн. руб.

Таблица 63

Залог земли и ипотечные платежи на 1 января 1914 г. *

Земельные банки	Количество заложенной земли, тыс. дес.	Оценка, тыс. руб.	Ссуды, тыс. руб.	Оклад платежей заемщиков в 1913 г., тыс. руб.	На одну десятину, руб.
Дворянский . . .	14 301,6	1 432 998,4	822 698,4	48 232,2	3,37
Частные акционерные (10)	24 388,9	1 721 802,3	958 826,4	51 463,6	2,11
Земский банк Херсонской губ. . . .	3 248,9	276 288,0	230 240,0	11 512,0	3,54
Крестьянский . . .	16 242,1	1 677 681,2	1 398 067,7	61 169,5	3,77
Итого	58 181,5	5 108 769,9	3 409 832,5	172 377,3	2,96

* Данные о количестве земли, оценке, ссудах и окладе платежей по Дворянскому и Крестьянскому банкам взяты из отчетов этих банков за 1913 г., по частным акционерным и Земскому банку Херсонской губернии — из «Статистики долгосрочного кредита в России, 1915 г.», вып. 1. Пг., 1915. За неизвестностью условий залога не включены данные по трем Обществам взаимного поземельного кредита прибалтийских губерний.

Переходя к рассмотрению данных о залоге земли по отдельным частям страны, заметим, что выделить из этих данных отдельно крупное землевладение не представляется возможным. Поэтому приходится брать показатели по всему частновладельческому хозяйству. Рассмотрим сведения о залоге частновладельческой земли в банках, кроме Крестьянского (табл. 64).

Как показывает таблица 64, меньше половины всей земли было заложено в Северном, Северо-западном, Центрально-

Залог частновладельческой земли в частных и Дворянском банках по районам Европейской России на 1 января 1914 г.*

Район	Число губер- ний	Земли в частной личной собствен- ности, тыс. дес.	Заложено земли, тыс. дес.	% заложен- ной земли	Оценка заложеной земли, тыс. руб.	Сумма выданных ссуд, тыс. руб.	% от оценки	На одну десятину	
								оценки, руб.	ссуды, руб.
Северный	2	1969,2	201,2	10,2	4 684,9	2 404,2	51,3	23,28	11,95
Северо-западный	3	8249,0	2516,6	30,5	94 907,3	55 103,3	58,0	37,71	21,90
Западный	6	12327,5	6754,7	54,8	375 233,3	214 624,8	57,1	55,50	31,77
Прибалтийский	3	3500,0	3026,8	86,5	161 704,4	83 783,9	51,8	53,42	27,88
Центрально-промышленный	8	12716,3	3644,8	28,7	204 873,2	116 506,5	56,8	56,21	31,96
Приуральский	3	11587,7	6477,7	55,9	131 041,4	69 077,4	52,7	50,23	10,86
Итого по нечерноземному району	25	50349,7	22621,8	44,9	972 444,5	541 500,1	55,7	42,99	23,94
Центрально-черноземный	6	6931,8	3715,8	53,6	458 293,7	260 216,6	56,8	123,34	70,03
Средневожский	3	2092,4	1451,4	69,4	129 982,4	72 928,9	56,1	89,55	50,25
Нижевожский	4	6190,2	2894,8	46,8	207 977,3	113 060,6	54,4	71,84	39,06
Левобережная Украина	3	4198,3	2257,6	53,8	341 301,2	198 959,0	58,3	151,18	88,13
Правобережная Украина	3	5679,9	3964,8	69,8	505 688,3	295 786,8	58,5	127,54	74,60
Южный степной	5	10886,4	7634,9	70,1	894 691,0	579 746,6	64,8	117,18	75,93
Итого по черноземному району	24	35979,0	21919,3	60,9	2 537 933,9	1 520 698,5	59,9	115,79	69,38
Всего	49	86328,7	44541,1	51,6	3 510 378,4	2 062 198,6	58,7	78,81	46,30

* Статистика долгосрочного кредита в России. 1915 г., вып. 1. Пр., 1915. Таблица составлена из губернских данных. Группировка губерний по районам несколько отличается от принятой выше в связи с особым характером сведений.

промышленном и Нижневолжском районах. Но и здесь встречаются губернии, где заложенная часть превышала половину всей площади (Саратовская и Астраханская губернии). В большинстве районов в залоге находилось от половины до $\frac{3}{4}$ всей земли (меньше половины было заложено в Вятской, Рязанской, Курской, Могилевской, Ковенской, Черниговской губерниях, больше $\frac{3}{4}$ — в Симбирской и Херсонской губерниях). В Прибалтийском районе было заложено: в Эстляндской губернии — 78,3%, в Лифляндской — 86,8% и в Курляндской — 95,6% земли. В целом по нечерноземной полосе в залоге находилось около половины (44,9%), по черноземной — $\frac{3}{5}$ (60,9%), а всего по Европейской России немногим более половины (51,6%) частновладельческой земли.

Таким образом, несмотря на интенсивное развитие ипотеки в пореформенной России, оставалась еще половина помещичьих земель, не обремененных ипотечным долгом. Горькие жалобы помещиков на их затруднительное положение в связи с поземельной задолженностью банкам нельзя, следовательно, относить ко всем помещикам. К тому же не вся масса задолжавших была действительно маломощной.

Данные таблицы 64 косвенно отвечают и на вопрос, какие типы помещичьих хозяйств чаще всего прибегали к залогу земли.

Больше всего земли было заложено в районах, где сильнее было развито капиталистическое земледелие — в Прибалтийском, Южном степном и на Правобережье Украины, и меньше — в районах с преобладанием отработочного хозяйства. Это и понятно, так как хозяйство, основанное на труде и инвентаре соседних крестьян, в принципе вообще не требует вложения капитала. И если все же помещики отработочных губерний заложили до половины своей земли, то это, очевидно, было вызвано не столько потребностями перестраивавшегося на капиталистический лад хозяйства, сколько нуждой в деньгах для непроизводительного потребления.

Банки, как правило, выдавали ссуду не выше 60% оценки земли. Спосособов оценки существовало два, так называемые нормальная и специальная. Нормальные оценки определялись Дворянским банком на тот или иной период по районам и были сравнительно невысоки. Владелец, которого не удовлетворяла огульная нормальная оценка, чтобы получить ссуду в большем размере, мог потребовать специальной оценки имения. Дворянский банк в ряде случаев выдавал ссуды и выше 60% оценки — до 75%, а по «высочайшим» повелениям — и более 75%.

Помещики, как правило, стремились добиться самой высокой специальной оценки и максимального размера ссуды. И все же к 1896 г. из заложенных в Дворянском банке 12 865 имений (без Донской области и Бессарабской губернии) более $\frac{1}{3}$ (4532 име-

ния) были заложены по нормальной оценке⁶. В XX в. тяга помещиков к получению максимальных ссуд сильно возросла, что видно из следующего сравнения⁷:

Заложено	1901 г.	1911 г.
По нормальной оценке, тыс. дес. . . .	120,8	23,0
%	17,6	7,0
По специальной оценке, тыс. дес. . . .	563,7	307,0
%	82,4	93,0
Ссуда на одну десятину, руб.:		
по нормальной оценке	27,55	23,37
по специальной оценке	46,13	69,04

Таким образом, выдача ссуд по нормальной оценке, охватывавших в 1901 г. около $\frac{1}{5}$ закладываемой земли, в 1911 г. сошла почти на нет.

Возвращаясь к таблице 63, следует отметить значительную разницу в платежах заемщиков в разных банках. Частные банки, более осторожные в сделках с помещиками, редко выдавали ссуды выше 60% оценки, и платежи заемщиков с десятины заложенной земли были у них самыми низкими — 2 р. 11 к. Дворянский банк был более щедр при выдаче ссуд, а, следовательно, платежи были выше — дворяне платили ему по 2 р. 82 к. с десятины. В Херсонском банке хозяевами были сами помещики, устанавливавшие высокие оценки. Наиболее высокими были платежи в Крестьянском банке — 3 р. 77 к. с десятины: Крестьянский банк при покупке земли у помещиков расценивал ее дороже, а продавал крестьянам еще дороже. Выше были и годовые взносы — 5,75% (в Дворянском банке — 4%).

В Дворянский, частные и Земский Херсонский банки заемщики к началу мировой войны выплачивали свыше 100 млн. руб. годовых взносов (1913 г. — 106 млн. руб.). Определить, какая часть этих взносов приходилась на дворян, чрезвычайно трудно, так как во всех банках имелись в залоге земли крестьян, мещан и других сословий. При продаже помещиком заложенной земли долг перекладывался на покупателя, в частных банках — на прежних условиях, в Дворянском банке — с обязательством погашения в срок не более 10 лет. В результате даже крестьяне оказывались заемщиками Дворянского банка. К концу 1913 г. в этом банке из 14,3 млн. дес. заложенной земли лицам, не при-

⁶ «Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения». 1897 г. Публикация И. Ф. Гиндина и М. Я. Гефтера. — «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 135.

⁷ «Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1901 г.», стр. 69; то же за 1911 г., стр. 7.

надлежащим к дворянскому сословию, принадлежало 2,2 млн. дес. Из отчетных данных банка известно также, что за 1906—1913 гг. дворяне продали 9,1 млн. заложенной земли, в том числе крестьянам — 2,9 млн. дес., причем на 1,9 млн. дес. долг переведен на Крестьянский банк, а должниками за 1 млн. дес. остались крестьяне. В других банках находились в залоге земли крестьян как вследствие аналогичных операций, так и непосредственно заложенные (обычно крестьянскими товариществами). Если, по весьма грубой аналогии с Дворянским банком, принять, что на долю крестьян и мещан приходилась приблизительно $\frac{1}{10}$ платежей, получится, что частные владельцы к началу мировой войны делились с банками 90 млн. руб. земельной ренты и доходов, получаемых ими от сельского и лесного хозяйства. Что касается этих доходов, сумма их весьма неопределенна. С. Н. Прокопович, например, исчислял доход частных владельцев в 1909—1913 гг. только от сельского хозяйства в 615 млн. руб.⁸, цифра, вероятно, преувеличенная. Что касается земельной ренты, то одна лишь арендная плата крестьян за землю на 1912 г. исчисляется, как было сказано выше, огромной суммой в 250 с лишним миллионов рублей.

Казалось бы, ипотечные платежи банкам в 90 млн. руб. не должны быть очень обременительными. Но такое заключение верно лишь применительно ко всем помещикам в целом. Для владельцев плохо поставленных, мало доходных имений (а таких, как мы видели, было множество) и такие размеры платежей были подчас непосильны. В результате — поиски новых займов. Самым простым выходом из положения в условиях роста земельных цен, особенно быстрого в начале XX в., был перезалог земли по новой, повышенной оценке. Характерны следующие данные по дворянским ссудам, вычисленные по отчетам Дворянского банка за соответствующие годы (в млн. руб.)⁹:

Годы	Уплачено банку по ссудам	Получено от банка при перезалогах	% к сумме платежей
1906—1909	125,0	44,6	35,7
1910—1913	143,7	146,7	102,1
Итого	268,7	191,3	71,2

Итак, если в первом четырехлетии перезалоги составляли $\frac{1}{3}$ платежей банку по старым ссудам, то во втором уже превысили сумму этих платежей.

⁸ «Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1913 гг.» Под ред. С. Н. Прокоповича. М., 1918, стр. 83.

⁹ Платежи дворян выделены из общей суммы платежей пропорционально доле капитального долга дворян в общей его сумме. В сумму дополнительных ссуд включены соответствующие ссуды Особого отдела банка (бывшего Общества взаимного поземельного кредита).

Не довольствуясь этой возможностью, многие помещики искали способы получить частный ипотечный кредит под вторые и, по терминологии банковских отчетов, последующие закладные. Так, Дворянским банком было выдано новых ссуд и разрешений на совершение вторых и последующих закладных ¹⁰:

Год	Новые ссуды	Вторые и последующие закладные
1911	1355	1883
1912	1486	2146
1913	1425	2013
1914	1292	1819

Таким образом, число заемщиков, прибегавших к помощи вторых закладных, намного превышало число лиц, обращавшихся за первоначальными ссудами. Из 17 тыс. дворян-заемщиков только за четыре года около 8 тыс. запросили разрешения на частный залог.

В поисках частного кредита помещики сами нередко оказывались в руках ростовщиков. Так, в очерке о мобилизации земли на южном берегу Крыма говорится: «Кроме банков ипотечные операции практикуются в широких размерах ростовщиками разного ранга и калибра, частью исключительно этим промышленными, сделавшими из этого, так сказать, специальность, частью занимающимися этим попутно с другими разнородными профессиями в виде подспорья. Число их достигает полусотни.

Таблица 65

Поступление платежей по ссудам от заемщиков Дворянского земельного банка за 1906—1913 гг.

Виды платежей	Начислено, тыс. руб.	Поступило в уплату		Перечислено в льготные и осталось в недоимке	
		тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Очередные (срочные) платежи . .	274 477	80 048	29,2	194 429	70,8
Просроченные платежи в пределах льготного срока	281 513	41 833	14,9	239 675	85,1
Просроченные платежи, перешедшие льготный срок . .	202 579	140 978	69,6	61 601	30,4

¹⁰ «Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1916 г.» Пг., 1918, стр. 5, 26.

Незачем доказывать, что их кредитные благодеяния обходятся довольно дорого»¹¹.

Ближайшим результатом накопления долгов на имениях была недоимочность по уплате процентов, принимавшая, особенно у дворян, грандиозные размеры. Для характеристики этого явления обратимся опять к данным Дворянского банка, сведенным в таблицу 65 по его отчетам за 1906—1913 гг.

Данные таблицы 65 показывают, что в установленные годовые сроки в кассы банка поступило менее $\frac{1}{3}$ платежей, из рассроченных на следующие полгода заемщики уплатили всего лишь $\frac{1}{7}$ и даже из просроченных сумм внесли лишь 69,5%, а 30,5% осталось в недоимке.

К годовому окладу платежей недоимки составляли в 1906—1908 гг. 60—70%, в последующие годы — 41,6% (1913 г.). Накоплению недоимок способствовали уставные правила банка, предусматривавшие множество всяческих льгот заемщикам, а также многочисленные поблажки в нарушение правил.

Многие заемщики банка годами не платили взносов, накопив огромную задолженность. В частности, к началу войны задолжали: князь А. А. Куракин — 114 тыс. руб., баронесса Е. Н. Крюденер-Струве — 150 тыс. руб., А. А. Матвеев — 100 тыс., Е. Л. Бразоль — 56 тыс., князь С. Д. Оболенский — 52 тыс., граф И. А. Уваров — 49 тыс., граф Ф. А. Уваров — 40 тыс. руб. и т. д.¹²

Продажи имений дворян с торгов были редким явлением. За 1906—1913 гг. было продано всего лишь 400 имений (из 28 тыс.). Данные о потерянными владельцами имениях проливают некоторый свет на то, как употребляли помещики ипотечный кредит и насколько велика была их частная задолженность по сравнению с ипотечной. Из 69 имений, оставшихся за банком по безупречности торгов за 1891—1900 гг., было так называемых сдаточных имений (т. е. без собственного хозяйства) — 42, смешанных (ведущихся за счет владельца, сдаточных и ипольных) — 10, сдаточных за деньги и ипольно — 1, ведущихся за счет владельцев — 2 и с неизвестным способом эксплуатации — 5 (об остальных 9 имениях сведения отсутствуют)¹³. Таким образом, ипотечный кредит не помог владельцам этих имений организовать капиталистическое хозяйство и был, следовательно, прожит, а имения доведены до такого состояния, что не представляли никакого интереса для покупателей и остались за банком.

За 1901—1913 гг. Дворянским банком было продано с торгов

¹¹ «Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России». Одесса, 1910, № 9—10, стр. 53.

¹² По данным особых прибавлений к «Вестнику финансов» за 1914—1916 гг.

¹³ «Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1901 г.», стр. 214—250.

Таблица 66 Залоги земли дворянами в Государственном Дворянском земельном банке в 1896—1915 гг. (в тыс. дес.) *

Группы хозяйств по землевладельцу, дес.	Заложено в 1896—1905 гг.			Заложено в 1906—1915 гг.			Итого заложено в 1896—1915 гг.			Землевладение дворян в 1905 г.			Заложено за 1896—1915 гг., в % к площади 1905 г.
	имений	земли	% к итогу	имений	земли	% к итогу	имений	земли	% к итогу	имений	земли	% к итогу	
До 50	1013	29,0	0,3	405	11,9	0,4	1418	40,9	0,3	49077	795,6	1,5	5,1
50—100	1160	88,0	0,9	395	29,6	1,1	1555	117,6	1,0	11833	867,0	1,6	13,6
100—250 **	2665	461,2	4,9	845	145,9	5,2	3510	607,1	4,9	17130	2751,6	5,2	22,1
250—500 **	2393	864,0	9,1	591	213,9	7,6	2984	1077,9	8,8	11105	4282,8	8,1	25,2
500—1000	1816	1262,9	13,3	475	333,7	11,9	2291	1596,6	13,0	8768	6181,0	11,6	25,8
1000—2000	1011	1410,7	14,9	291	400,5	14,2	1302	1811,2	14,7	5092	7045,0	13,2	25,7
2000—5000	575	1742,9	18,3	186	565,8	20,1	761	2308,7	18,8	2923	8879,3	16,7	26,0
Свыше 5000	286	3634,4	38,3	92	1109,0	39,5	378	4743,4	38,5	1319	22366,7	42,1	21,2
Итого . . .	10919	9493,1	100,0	3280	2810,3	100,0	14199	12303,4	100,0	107247	53169,0	100,0	23,1
В том числе свыше 10 000	34 ***	914,7	10,5	37	711,1	25,3	71	1625,8	14,1	527	16889,0	31,8	9,6 ****

* «Отчеты Государственного Дворянского земельного банка» за 1896—1915 гг.; «Статистика землевладения 1905 года».

** Данные по этим группам хозяйств, отсутствующие в «Статистике землевладения 1905 года», вычислены с учетом плотности распределения имений в соответствующих интервалах.

*** В отчете за 1896 г. имения свыше 10 000 дес. не выделены и, следовательно, в итог не вошли. В 1896 г. было заложено 62 имения размерами свыше 5000 дес. с общей площадью в 777,4 тыс. дес. Относительные цифры по группе свыше 10 000 дес. даны с вычетом этой площади из итогов (9493,1 тыс. дес.; 12303,4).

**** 9,6% — за 19 лет. По всей группе свыше 5000 дес. заложено за 19 лет 17,7% земли.

за невзнос платежей 496,1 тыс. дес. (менее 3% среднего количества заложенной) земли. К моменту залога земля оценивалась в 30,6 млн. руб., ссуд было выдано 19 млн. руб. К моменту продажи за владельцами числились долги банку по поземельным платежам казне и земству 20,7 млн. руб., и, кроме того, они накопили частной задолженности 20,3 млн. руб., а всего 41 млн. руб., т. е. на 10,4 млн. руб. больше капитальной стоимости имений. Продана земля была за 23,7 млн. руб.¹⁴, так что только 3 млн. руб. оставалось на удовлетворение частных кредиторов, которые, таким образом, должны были потерять на операциях с незадачливыми дебиторами 17,3 млн. руб.

В частных банках, ведущих дела на общих коммерческих основаниях и ограниченных собственным запасом средств, порядки были строже, борьба с неаккуратностью в платежах велась более энергично. Но и их руководители не могли не оглядываться на Дворянский банк, который представлял собой сильного конкурента, а в обращении с клиентами они должны были помнить, с кем имеют дело. В результате и в акционерных банках крупные помещики ухитрялись накапливать недоимки, не подвергаясь особому риску потерять имение.

К тому же при поддержке влиятельных лиц можно было избежать продажи имений. Так, помещица Л. С. Головина при помощи двух приятельских записок министру финансов П. Л. Барку выхлопотала дополнительную ссуду в 60 тыс. руб., распоряжения об отмене торгов и рассрочке всех казенных долгов¹⁵. Графини Уваровы дошли до царя и добились полного сложения 46 с лишним тысяч рублей недоимки по платежам Дворянскому банку¹⁶.

В какой мере в сферу ипотечного кредита втягивались разные группы помещичьих владений? Отчеты Дворянского банка содержат сведения о размерах принятых им в залог имений. Сгруппированные по десятилетиям, они представлены в таблице 66.

Показанные в таблице два десятилетия резко отличаются одно от другого по числу залогов земли в Дворянском банке: в первом десятилетии было заложено 9,5 млн. дес., а во втором — только 2,8 млн. дес., т. е. почти в три с половиной раза меньше. Отчеты банка не дают объяснений этому любопытному явлению. Дело, по-видимому, заключалось в том, что усиленное предложение земли в залог в первом десятилетии было связано главным образом с влиянием мирового сельскохозяйственного кризиса. Хотя он и изживался к концу 90-х годов, но еще сильно

¹⁴ «Ежегодник Министерства финансов», вып. 1905 г. СПб., 1906, стр. 310; Там же, вып. 1915 г. Пг., 1915, стр. 171.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 1, д. 19, л. 137.

¹⁶ Там же, лл. 6—7.

сказывался урон, нанесенный им сельскому хозяйству, в том числе и помещицкому.

Что же касается вопроса, какие группы владений обременялись ипотечными долгами, таблица, на первый взгляд, не показывает принципиальных различий. Более того, наблюдается близкое сходство относительных цифр, характеризующих долю каждой группы в заложенной площади по десятилетиям. Между тем это обстоятельство лишний раз показывает, как официальная статистика заслоняла крупное и крупнейшее землевладение. Ограничив группировку рубрикой «свыше 5000 дес.», составители отчетов осредняли в этой группе все крупнейшие латифундии, попадавшие в залог. Если же выделить эти владения, картина существенно изменится. Выбранная нами по текстам отчетов банка и введенная в таблицу группа имений свыше 10 000 дес. в первом десятилетии составляла во всей заложенной площади 10,5%, а во втором — 25,3%. Таким образом, после 1905 г. в залог пошли наиболее крупные имения, общая площадь которых почти достигала площади имений, заложенных за предыдущие девять лет.

По-видимому, главными причинами сокращения залогов во втором десятилетии были, с одной стороны, усилившаяся в результате революции 1905—1907 гг. и в ходе столыпинской реформы мобилизация помещицкой земли, а с другой — преодоление мирового кризиса, улучшение рыночной конъюнктуры, а следовательно, повышение доходности земледелия и особенно рост арендной платы за сдаваемую землю.

Для ориентировочного сравнения в таблице помещены данные о дворянском землевладении на 1905 год. Прямое сравнение заложенной за 20 лет земли со статичными данными на один год было бы, очевидно, неправомерным, так как дворянское землевладение не оставалось неизменным, оно быстро убывало и дробилось на более мелкие владения. Зато, как нам представляется, имеет смысл рассмотреть структуру (состав по размерам) заложенной части земель в сопоставлении со всем землевладением, не забывая, конечно, об известной условности этого сопоставления.

Нетрудно заметить, что в залог поступала значительно меньшая доля мелких владений, чем их было в составе всего землевладения. Это, однако, ни в коей мере не свидетельствует о какой-либо большей устойчивости мелкого частного землевладения. Дело просто в том, что Дворянский банк служил прежде всего интересам крупного поместного дворянства. К тому же ссуда под мелкое владение часто не стоила хлопот по оформлению сделки.

Доля имений средних размеров от 100 до 500 дес. в составе заложенных земель была приблизительно такой же, как и во всем землевладении, а доля более крупных — от 500 до

5000 дес. — несколько превышала соответствующие удельные веса в площади 1905 г.

Правильный ряд неожиданно прерывается на группе имений размером свыше 5000 дес. В заложенной площади эта группа занимала 38,5%, тогда как во всем землевладении — 42,1%. Следовательно, имений этой группы поступало в залог относительно меньше, чем в остальных группах (исключая мелкие). Но особенно важно, что выделенная нами группа крупнейших латифундий (свыше 10 тыс. дес.), занимая в дворянском землевладении почти $\frac{1}{3}$ всей земли (31,8%), в составе заложенной не достигала $\frac{1}{7}$ (14,1%).

Как и в рассмотренной структуре, возрастание доли заложенной земли резко прерывается на группе имений размером свыше 5000 дес. Эта доля оказывается меньшей, чем у всех других групп, исключая мелкие владения (две первые группы). Но особенно любопытно положение в группе крупнейших латифундий. В целях сопоставления берется период 19 лет (без 1896 г., см. примечание к табл. 66). Оказывается, что за эти годы в залог Дворянскому банку ушло земли имений свыше 5 тыс. дес. 17,7%, причем крупнейших имений (свыше 10 000 дес.) — только 9,6%. Сопоставление это, как уже сказано, весьма условное, и цифры тут всего лишь символы, обозначающие разницу в положении рассматриваемых групп землевладения, однако наличие самой этой разницы не подложит никакому сомнению.

Такая же картина обнаруживается и другим путем — сравнением среднего размера заложенных и всех учтенных имений. В 1905 г. средний размер имения в высшей группе (по группировке банка — свыше 5000 дес.) составлял 16 957 дес., тогда как размер заложенных в первом десятилетии равнялся 12 708 дес., а во втором — 12 054 дес. Таким образом, крупнейшие землевладельцы располагали большими, чем все другие, возможностями удержать свои имения от залога.

Рассмотренные данные статистики не отражают, конечно, всей картины частной поземельной задолженности, так как относятся только к дворянам и к одному банку — Дворянскому. Но есть основания полагать, что и по частным земельным банкам положение в основных чертах было таким же, с той лишь разницей, что состав заемщиков в них был более разносословный.

Статистика долгосрочного поземельного кредита, имея дело только с владениями, которые попали в залог, не учитывает, что некоторые заемщики были собственниками не одного, а нескольких имений, одни из которых поступали в залог, другие оставались не заложенными. Иными словами крупнейшее землевладение было еще более устойчивым против вовлечения в ипотечную задолженность, чем это показывает статистика поземельного кредита.

Это, так сказать, «естественная» для крупных владений способность медленнее втягиваться в ипотеку. Добавим, что миллионы десятин земли огромных по размерам латифундий были и искусственно ограждены от залога в силу майоратного законодательства.

Подчеркнем, что речь идет об относительной устойчивости группы крупнейшего землевладения по сравнению со средним и мелким. Иное дело — абсолютное значение рассматриваемого явления. Нельзя забывать, что мы имеем дело с сословием, где главной заботой было суметь занять, предоставляя кредиторам заботу суметь получить. Крупнейшие владения сплошь и рядом оказывались в залоге, и не по одной закладной. Правда, скорость вовлечения их в ипотечный кредит снижалась. К 1896 г. в залоге у Дворянского банка состояло 334 латифундии размером свыше 5000 дес. В 1897—1905 гг. было заложено 286, а в 1906—1915 гг. — еще 92 такие латифундии. Для сравнения напомним, что всего таких латифундий в 1905 г. насчитывалось 1319, следовательно, 54% их находилось в залоге.

Заканчивая рассмотрение вопроса о поземельном кредите, следует отметить еще краткосрочные ссуды акционерных земельных банков под залог частновладельческих земель, хотя этот вид кредита и не получил сколько-нибудь значительного развития. С середины 90-х годов XIX в. до кануна мировой войны сумма выдаваемых ежегодно краткосрочных ссуд увеличилась приблизительно вдвое и в 1913 г. по восьми банкам составила 6252 тыс. руб.¹⁷

В кредитовании помещиков большое участие принимал Государственный банк. Мы почти не касаемся здесь вексельных кредитов, которые банк предоставлял на общих для всей клиентуры основаниях, хотя помещичьи верхи и тут, несомненно, пользовались преимуществом. В данном случае представляет интерес кредитование помещиков на производственные нужды. Показательно, что правительство обязывало Государственный банк вести такие операции, хотя они выходили за пределы обычной деятельности коммерческого банка.

Помещики, жалуясь на «оскудение» и не довольствуясь кредитами частных коммерческих и земельных банков, давно и особенно настойчиво с начала 80-х годов требовали организации для них более доступного и дешевого кредита через Государственный банк. Их домогательства имели успех: с конца 1884 г. в банке была введена новая операция — соло-вексельный кредит под залог имений¹⁸. Целевым назначением кредита было сезон-

¹⁷ «Статистика долгосрочного кредита в России. 1915 г.», вып. 1. Пг., 1915, стр. 10.

¹⁸ И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.). М., 1960, стр. 333.

ное, на срок не более девяти месяцев, пополнение оборотных средств нуждавшихся в них сельских хозяев.

После рассмотрения описания имения, сведений о лежащей на нем задолженности банкам, о недоимках по налогам и т. п. банк открывал кредит владельцу в размере не свыше $\frac{2}{3}$ необходимого для ведения хозяйства оборотного капитала. В пределах суммы открытого кредита владелец мог получать деньги под соло-вексель.

Зная характер этой категории клиентов, руководители банка не без основания опасались, что помещики не преминут попытаться превратить краткосрочный кредит в долгосрочный, и сильно усложнили процедуру открытия кредита, установив к тому же пересмотр его через каждые четыре месяца, а с 1892 г. ежегодно. Банк вел постоянную борьбу с векселедателями за соблюдение краткосрочности кредитов. Что из этого получалось, будет видно из приводимых ниже данных.

Наказом 19 июня 1897 г. были установлены предельные размеры ссуд под неосмотренные имения — 7 руб. на десятину пашни, а под осмотренные — уже не $\frac{2}{3}$, как прежде, а 75% годового оборотного капитала или вместе с другими долгами хозяйства — 75% стоимости имения¹⁹. Первоначальный предельный срок в девять месяцев был продлен до двенадцати. Выдаваемые таким образом ссуды, как отмечается в одном из циркуляров, очень скоро «обратились фактически в долгосрочные долги, дополненные к обременяющим имения ипотечным долгам»²⁰.

Учитывая эту тенденцию, банк сдерживал развитие краткосрочного кредита, и в течение ряда лет выдачи ссуд держались на одном уровне в 9—9,5 млн. руб. В XX в. в связи с дальнейшим развитием капиталистических форм хозяйства и благоприятной конъюнктурой хлебного рынка соло-вексельный кредит расширяется, банк вводит несколько более мягкие правила и делает поблажки, особенно крупным помещикам. Заемщикам разрешался залог их имений в частные руки, сохранялся кредит при залоге имения в Дворянский банк, гарантировалась выдача ссуд под хлеб без погашения соло-вексельных ссуд и т. д. В 1911 г. (циркуляр № 29 от 21 февраля 1911 г.) «во внимание к наблюдаемому в сельском хозяйстве росту издержек производства» были повышены нормы кредита: для зерновых хлебов при трехпольном севообороте — с 10 до 15 руб. на десятину посева, при многопольном — с 15 до 20 руб., для корнеплодов — с 10—15 руб. до 40 руб., на посевные травы — с 3 до 12 руб. На голову крупного скота выдавалось по 3 руб., мелкого — по 1 руб.

¹⁹ «Сборник действующих к 1 января 1912 г. наказов, правил и циркуляров Государственного банка по ссудам на снабжение сельских хозяев оборотными средствами». СПб., 1912, стр. 5—6.

²⁰ Там же, стр. 60.

Циркуляром от 28 марта 1911 г. повышенные ставки кредита были введены для садов, виноградников, хмельников, табачных плантаций и для огородничества²¹.

При всей сдержанности банка за 25 лет помещики сумели получить под соло-векселя не меньше 400 млн. руб. Значительная часть этой суммы не была возвращена в срок и фактически превращалась в долгосрочные ссуды. Упорство банка в борьбе с этим явлением преодолевалось влиянием помещичьих верхов на его руководителей, и к кануну мировой войны уже трудно разобрать, где кончается стремление банка сократить задолженность и начинается прямое попустительство. «О способе действий» по отношению к неисправным заемщикам одним из циркуляров банка предписывалось отделениям ежегодно понемногу сокращать кредит или рассрочивать долг «на определенное число лет, с протестом или без протеста векселей»²². «Конечная цель банка,—говорилось в циркуляре,—заключается в том, чтобы устранить клиентов второй группы постепенно, не давая по возможности поводов к жалобам и сетованиям»²³.

Увеличение норм кредита повлекло за собой рост его абсолютных размеров, а вместе с тем и увеличение задолженности заемщиков по расчетам с банком. Так, на 1 января 1913 г. долг по стране составил 13 млн. руб., в течение 1913 г. было выдано новых ссуд 27,1 млн. руб. и на конец года непогашенный долг составил 16,7 млн. руб.²⁴

Накануне мировой войны Государственный банк стал предоставлять кредиты на приобретение сельскохозяйственных машин и орудий. На 1 января 1913 г. таких ссуд числилось всего лишь на 2330 тыс. руб., но уже в 1913 г. выдано новых ссуд 9501 тыс. руб. Наибольшие суммы по этой операции были выданы местными отделениями и конторами банка в Юго-западном районе (391 тыс. руб.), в Южном степном (326 тыс. руб.) и в Тверской губернии (248 тыс. руб.). Примечательно, что в Центрально-черноземном районе было выдано 196 тыс. руб., что указывает на дальнейшее вытеснение отработочной системы и развитие собственного капиталистического хозяйства у помещиков²⁵.

Значительное развитие получили операции Государственного банка по выдаче ссуд под залог сельскохозяйственных товаров и документов под товары (железнодорожных накладных, коносаментов и т. п.)—так называемые хлебозалоговые операции.

²¹ «Сборник действующих к 1 января 1912 г. наказов, правил и циркуляров Государственного банка по ссудам на снабжение сельских хозяев оборотными средствами», стр. 103.

²² Там же, стр. 77.

²³ Там же.

²⁴ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Пг., 1917, стр. 543.

²⁵ Там же, стр. 544—546.

Подтоварные ссуды выдавались как хлеботорговцам, так и крупным хлебовладельцам-помещикам, а так как раздельного учета банк не вел, выделить данные о кредите последним не представляется возможным. Учитывая, однако, широкое участие крупных помещиков в указанной операции, можно и по имеющимся сведениям сделать некоторые наблюдения, представляющие интерес в плане настоящей работы.

Возможность кредитоваться под залог продуктов своего производства в учреждениях Государственного или частных банков ставила помещиков в преимущественное положение перед крестьянами и своими более мелкими собратьями. В то время как крестьяне, практически лишенные доступа к банковскому кредиту, вынуждены были реализовать урожай после его снятия, т. е. в период самых низких цен, помещики, получив ссуды, имели возможность выждать более выгодной рыночной конъюнктуры.

Любопытное в этом отношении письмо послал в Государственный банк управляющий Уральским отделением 18 июня 1911 г., когда вполне обрисовалось катастрофическое положение с урожаем хлебов в Поволжье. «Ввиду крайне неблагоприятных видов на урожай,— писал он,— и в связи с этим сильного и постоянного повышения цен на хлеба многие заемщики обращаются в отделение с ходатайством об отсрочке ссуд под хлеб до 1 августа. Ходатайства свои они мотивируют желанием реализовать урожаи прежних лет возможно выгоднее, немедленная же и принудительная продажа обеспечивающих ссуды хлебов лишит их возможности продать хлеб по высшей цене»²⁶. В угоду помещикам учетный комитет Уральского отделения «ввиду во всяком случае ниже среднего урожая текущего года высказался в смысле дальнейших отсрочек без частичных погашений» и не только до 1 августа, а «на все время предстоящего зимнего пути»²⁷, т. е. чтобы дать крупным владельцам хлеба возможность выждать еще более высоких цен.

Заметим, кстати, что Государственный банк приходил на помощь своим заемщикам-помещикам как в тех случаях, когда им нужно было задержать продажу хлеба в целях спекуляции, например в 1911 г., так и в годы высоких урожаев, когда реализация хлеба была затруднена его обилием, в частности, в урожайном 1909 г., когда ссуды отсрочивались и дальше 1 августа²⁸.

Что же касается наглых требований 1911 г., то в ответ на них директор отдела местных учреждений Государственного банка Д. Куриленко с завидной оперативностью, уже 8 июля, разослал по отделениям банка в хлебопроизводящих районах телеграмму: «Разрешается выдача ныне же на шестимесячные

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 587 (Государственного банка), оп. 33, д. 887, л. 15.

²⁷ Там же, л. 17.

²⁸ Там же, лл. 45 об.—46.

сроки ссуд под залог урожаев 1909, 1910, 1911 годов», зашифровав слово «шестимесячные»²⁹. Было дано также распоряжение об отсрочках посреднических ссуд, выдававшихся земствами³⁰.

Получив отсрочки и новые ссуды, заемщики не только не продали хлеб голодающим осенью и зимой 1911 г. и не вернули ссуд, но, как говорилось в конфиденциальном письме управляющего Государственным банком А. В. Коншина отделениям от 23 сентября 1911 г., «замечается как раз обратное явление: затраты банка на хлебные ссуды возрастают в текущую кампанию в большей пропорции, чем в прошлом году. Очевидно, что причиной сего служит спекуляция и надежда, что к концу зимы и к весне цены поднимутся на еще большую высоту»³¹. Далее следует весьма колоритное признание, ярко характеризующее классовую природу Государственного банка: «Как бы такое направление хлебной торговли ни было противоположно общегосударственным интересам, ибо несоразмерное поднятие цены продовольственного хлеба внутри страны составляет народное бедствие, тем не менее Государственный банк не мог бы решиться взять на себя руководство хлебной торговлей и запрещением выдачи ссуд под хлеб заставить хлебовладельцев реализовать свои запасы»³².

Продемонстрировав, таким образом, свое полное равнодушие к нуждам голодающего крестьянства, Государственный банк официально одобрил дальнейшие выдачи ссуд под хлеб, который прятали от народа помещики и спекулянты. Более того, от управляющих отделениями требовалось, «не внося резких изменений в существующую политику хлебной операции, принять зависящие от них меры от неблагоприятных последствий возможного возвращения хлебных цен к нормальному уровню...»³³. Единственное предостережение, содержащееся в этом письме, заключалось в том, чтобы отделения старались «оберегать себя от последствий неразумной политики спекулянтов и предвидеть возможность неисполнения их надежд»³⁴.

Итак, признав пагубность для народа взвинченных спекулянтами хлебных цен, управляющий был озабочен лишь тем, как бы спекулянты не проиграли в своей игре на повышение и, обанкротившись, не ввели банк в убыток.

Из приведенных документов видно, что Государственный банк содействовал росту хлебных цен даже в годы неурожая и голодовок, не только мирясь с хлебной спекуляцией, но, по су-

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 587, оп. 33, д. 887, л. 70.

³⁰ Там же, л. 82.

³¹ Там же, д. 881, л. 114.

³² Там же.

³³ Там же, л. 114 об.

³⁴ Там же, л. 114.

шеству, поощряя и возглавляя ее. Недаром Коншин был очень доволен результатами хлебозалоговой операции 1911/12 г. Разжиревшие на голодовке 30 миллионов помещики, хлеботорговцы и мукомолы почти полностью расплатились с банком по ссудам, несмотря на то, что сумма их возросла с 151,3 млн. руб. в 1910 г. до 205,2 млн. руб. в 1911 г. В недоимке осталось за 1911 г. только 4% ссуд, тогда как в 1910 г. недоимки составляли 21%. Коншин назвал эту операцию «очень удачной» и выразил надежду, что «чины» отделений банка и впредь будут стараться вести дело в том же духе и с тем же усердием³⁵.

В связи с изложенным приведем весьма выразительную таблицу, извлеченную из архива Государственного банка и показывающую ход его хлебозалоговых операций за ряд лет. Таблицу мы дополняем данными о валовом сборе хлебов (табл. 67).

Из таблицы видно, что платежеспособность заемщиков, т. е.

Таблица 67

Хлебозалоговые операции Государственного банка и их зависимость от урожая хлебов за 1893—1911 гг. *

Годы	Выдача ссуд под хлеб, млн. руб.	Осталось в недоимке к концу операции, млн. руб.	% недоимки	Валовой сбор хлебов, млрд. пуд.	Оценка года по урожаю
1893	39,8	11,8	27	4,74	Хороший
1894	51,0	21,8	43	4,78	Хороший
1895	61,0	14,4	24	4,29	Хороший
1896	38,7	8,0	25	4,42	Хороший **
1897	38,0	3,0	8,2	3,67	Средний
1898	36,0	4,5	12,5	4,17	Слабый
1899	39,5	5,0	12,4	3,70	Средний
1900	49,0	7,4	15,0	3,50	Плохой
1901	72,8	3,6	5,0	3,60	Плохой
1902	65,3	4,7	7,2	4,17	Средний
1903	75,3	6,4	8,5	3,95	Средний
1904	72,9	9,4	13,0	4,42	Хороший
1905	73,8	10,9	14,0	3,78	Слабый
1906	72,2	5,2	7,1	3,26	Плохой
1907	77,0	5,2	6,9	3,72	Плохой
1908	74,0	4,5	6,0	3,84	Слабый
1909	96,6	20,9	22,0	4,72	Хороший
1910	151,3	32,0	21,0	4,60	Хороший
1911	205,2	8,1	4,0	3,77	Плохой

* * ЦГИА СССР, ф. 587, оп. 33, д. 888, л. 9.

* В тексте ошибочно: слабый.

³⁵ Там же, д. 888, л. 8—8 об.

помещиков и хлеботорговцев, повышалась не в годы хороших урожаев, как можно было ожидать и как должно было бы быть в условиях капиталистической организации земледелия и упорядоченной хлебной торговли, а наоборот, в неурожайные голодные годы. Чем ниже урожай, чем большая часть крестьянства голодает, тем выше хлебные цены и доходы хлебодержателей — помещиков, кулаков, торговцев, — тем меньше недоимок по хлебным ссудам остается к концу операционного года.

Таким образом, в общее и вполне правильное положение о том, что хлебные цены на внутренних рынках России определялись ценами на внешнем мировом рынке, мы должны теперь внести существенный корректив: эти цены действительно определялись мировыми ценами в годы нормальных или хороших урожаев, тогда как в годы неурожая и голодовок цены становились в сильную зависимость от спроса на внутреннем рынке.

Кроме рассмотренных видов кредита Государственный банк по «высочайшим» повелениям выдавал крупнейшим представителям знати так называемые неуставные ссуды на исключительно льготных условиях. Как правило, по этим ссудам следовали рассрочки и пересрочки, а нередко частичное или полное списание по безнадежности долга. С. Ю. Витте вспоминал, что в начале 1906 г. Д. Ф. Трепов хлопотал о выдаче из Государственного банка ссуды офицеру Скалону, женатому на дочери тогдашнего председателя Государственной думы Хомякова. Витте был против выдачи ссуды, однако царь приказал министру финансов И. П. Шипову выдать Скалону 2 млн. руб. Зная состояние дел Скалона, Витте был уверен, что «банк на этой ссуде поплатится, во всяком случае она обратится в долгосрочную», и не ошибся. К тому времени, когда писалась эта глава воспоминаний С. Ю. Витте, ссуда не была погашена Скалоном³⁶.

Проследим судьбу еще одной ссуды. Упоминавшиеся выше С. В. Галл и В. В. Голицына просили ссуду в 200 тыс. руб. на пять лет «для уплаты долгов и ликвидации некоторых дел». Их имение с сахарным заводом в г. Славгороде Харьковской губернии уже было заложено за 1100 тыс. руб. Прошение попало к царю удачно — во дворце проходили торжества по случаю рождения великой княжны Анастасии. 8 июня 1901 г. царь «во внимание к радостному событию» приказал выдать просительницам из Государственного банка 200 тыс. руб. из 5% годовых сроком на 5 лет. Долг не уплатили, и в 1906 г. он был расщрочен еще на 5 лет. Когда прошел и этот срок и векселя были предъявлены ко взысканию, заемщицы, продав остаток имения, уплатили 75 тыс. руб., а остальные 125 тыс. с процентами и издержками были сложены³⁷.

³⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. III. М., 1960, стр. 113—114.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 1. д. 19, лл. 15—16.

В кредитовании помещиков принимало участие также ведомство земледелия, начавшее с 1897 г. выдачу ссуд на мелиоративные цели, но в весьма скромных размерах. Наибольшая сумма мелиоративных ссуд была выдана в 1913 г.—2090,9 тыс. руб., а всего за 1897—1915 гг. таких ссуд было выдано 11362,6 тыс. руб.³⁸ На 1 января 1916 г. числилось ссуд на 16,3 млн. руб., из которых было разрешено частным владельцам 7,8 млн. руб., крестьянским обществам — 2,3 млн. руб., земствам — 5 млн. руб. и маслодельным товариществам — 1,2 млн. руб. Средний размер ссуды частным владельцам составлял около 4 тыс. руб., а целым крестьянским обществам — 1335 руб.³⁹ Налицо явное предпочтение, отдаваемое помещикам. Наибольшие суммы выданных ссуд предназначались на осушение (5,1 млн. руб.), орошение (2,4 млн. руб.), затем, по степени убывания, на сельскохозяйственные постройки, виноградарники, маслоделие, промышленные предприятия, травосеяние, сады, племенной скот, виноделие и разные земельные улучшения.

Определенными суммами для кредитования сельского хозяйства располагали земства, руководимые фактически помещиками. Земства направляли свои ограниченные кредитные резервы на поддержку помещичьего хозяйства.

Большое участие в кредитовании помещичьего хозяйства принимали частные акционерные коммерческие банки.

Помещики кредитовались в различных формах: учет векселей с двумя подписями, онколь под векселя или ценные бумаги, учет соло-векселей, обеспеченных сельскохозяйственными именными, ссуды под залог товаров или товарных документов и пр. Статистика банков, ведущаяся по видам операций, а не по категориям клиентов, не дает возможности выделить те суммы кредита, которые приходились на долю помещиков. Только по сохранившимся в некоторых помещичьих архивах учетным данным можно судить, насколько широко пользовались помещики банковским кредитом.

Для наглядности сравним суммы процентов, уплачивавшиеся Юсуповыми по коммерческому и ипотечному кредитам (тыс. руб.)⁴⁰:

	1913 г.	1914 г.
% по ссудам под земли и дома	122,4	239,6
% по онкольным счетам	129,2	194,5
% по учету векселей	76,4	59,2

Цифры показывают, что платежи процентов у Юсуповых в

³⁸ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», стр. 549.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 1084.

1913 г. по коммерческому кредиту были почти вдвое больше, чем по ипотечному. В 1914 г. долги Юсуповых по залогу имений и городских домов составили около 5,4 млн. руб.⁴¹, а годовой платеж процентов по этим операциям достиг почти 240 тыс. руб. В том же году сумма процентов по коммерческому кредиту составила 253,7 тыс. руб. Принимая учетный процент равным 6, получим, что в течение 1914 г. Юсуповы выбрали кредит по учету векселей около 1 млн. руб. и по онкольным счетам — свыше 3 млн. руб. На 1 января 1914 г. долг Азовско-Донскому банку, в котором был открыт счет под залог ценных бумаг, составлял в круглых цифрах 2257 тыс. руб.; к 1 января 1915 г. долг вырос до 3792 тыс. руб.⁴²

Помещикам, не столь крупным, как Юсуповы, онкольный кредит открывался реже и в более скромных размерах. Так, у П. П. Дурново-младшего преобладал кредит под векселя. В 1906 г. долг его состоял из 611 тыс. руб. по векселям и свыше 200 тыс. руб. по соло-вексельному счету⁴³.

Кредит был важнейшей линией связи крупных помещиков с крупной буржуазией. Кредитуя верхи правящего сословия, владельцы денежного капитала приобретали влиятельных защитников их интересов в правительственных учреждениях и в придворных кругах.

Несмотря на многообразные формы государственного, земского и частного банковского кредита, многие помещики не могли обойтись без займов у частных лиц. Общая бедность страны капиталами обусловила живучесть ростовщичества. Выше говорилось, что помещики кроме специфического для них земельного ростовщичества в виде кабальных аренд часто занимались и ростовщичеством в виде торговли деньгами. Но гораздо чаще они сами оказывались в сетях ростовщического капитала.

Из-за той же нехватки капиталов проценты по ссудам в банках были сравнительно высоки, а по займам у частных лиц еще выше. Даже по заемным сделкам дружественно-родственного характера должники уплачивали довольно значительные проценты. Например, князь П. Д. Волконский на заемную сумму в 250 тыс. руб. платил П. П. Дурново в год 25 тыс. руб., т. е. 10%⁴⁴. Баронесса Н. М. Торнау (урожденная Кирьякова), имение которой (740 дес. в Одесском уезде) кроме долга Дворянскому банку в 62 тыс. руб. было обременено закладной королевне Наталии Обренович (с процентами до 25 тыс. руб.), уплачивала последней, кроме договоренных в закладной 9,5%, еще 5% за отсрочку, а всего 14,5%⁴⁵. Н. Н. Римский-Корсаков по вто-

⁴¹ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 1081, л. 13.

⁴² Там же, д. 999, лл. 2, 93.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 801, л. 1.

⁴⁴ ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 95 (Дурново), п. III, д. 11, док. 6.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 1, д. 76, лл. 133—136.

рой и третьей закладным на свое имение в Карсунском уезде Симбирской губернии уплачивал по 12% годовых ⁴⁶.

Что же касается ростовщиков, то у них проценты, естественно, определялись в зависимости от того, насколько в конкретной ситуации можно «прижать» свою жертву. Н. А. Павлов жаловался, что в стране «растет учетный % банков и ростовщиков: Государственный банк в 1906—1907 гг. взимает до 9%, частные банки до 10 и 11. Ростовщики берут, что хотят». Самая бесшабашная оргия лихоимства, по его словам, началась с конца 90-х годов. «Из ростовщиков работали страшнее всего гг. Ю., К., С., П. М. и еще двое купцов (речь идет о Поволжье. — А. А.). Тут были и 18, и 36, и до 50%, и по закладным 12, и условные доплаты 6 и 12% с такими условиями, что от знакомства с ними волосы становились дыбом» ⁴⁷.

Ссуда у частного лица была обычно последним этапом расстройств дел заложенного имения, за чем следовала продажа. Личные архивы многих владельцев дают возможность проследить, как статьи пассивной части баланса, неумолимо приближаясь по сумме к активу, догоняли его и, наконец, топили в неплатных долгах.

Земля упомянутого выше имения Н. Н. Римского-Корсакова в количестве 1648 дес. была оценена Дворянским банком в 220 тыс. руб., долг банку к 1913 г. составлял 132 тыс. руб., две последующие закладные увеличили долг до 216 тыс. руб. Соло-вексельный кредит, открытый Государственным банком (без учета частной задолженности) в сумме 24 400 руб., поднял пассив имения до 240 тыс. руб. Спасительной опорой владельца послужили построенные в имении винокуренный завод и мельница, приносившие в год до 18 тыс. руб. дохода ⁴⁸.

Два имения М. Д. Мордвинова в Бугульминском и Бугурусланском уездах Самарской губернии общей площадью 7057 дес. при перезалоге в 1908 г. были оценены Дворянским банком круглым счетом в 607 тыс. руб., ссуда выдана в порядке исключения в предельном размере — 75% оценки, долг банку к концу 1909 г. составил 470 тыс. руб. Кроме того, владелец задолжал купцу Шихобалову 96 тыс. руб., врачу, члену Государственной думы П. В. Жданову — 50 тыс. руб. и по четырем закладным Сурошниковой — 120 тыс. руб. Весь долг, таким образом, составил сумму в 736 тыс. руб., на 21% превышавшую стоимость имений ⁴⁹.

В 1909 г. графы Владимир, Петр и Лев Алексеевичи Бобринские возобновили ходатайство о приобретении в удельное

⁴⁶ Там же, ф. 587, оп. 39, д. 1906, л. 2—2 об.

⁴⁷ Н. А. Павлов. Записки землевладельца, ч. 1. Пг., 1915, стр. 65—66.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 587, оп. 39, д. 1906, л. 2—2 об.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 1, д. 76, лл. 84—86 об.

ведомство их Богородицкого и Воловского имений в Тульской губернии с двумя сахарными заводами и Товарковскими каменноугольными копиями (общая площадь имений — 12 612 дес.). Произведенным в связи с этой просьбой обследованием была вскрыта удручающая картина крушения некогда богатейшего состояния. «За последние три года,— говорится во «всепопда-нейшем» докладе исполняющего должность начальника Главного управления уделов Нирода от 26 мая 1909 г.,— правильной отчетности в имении не было и годовые отчеты не заканчивались, так что сведений о доходности за эти три года не имеется»⁵⁰. Приблизительно годовая доходность от имений, заводов и копей определялась в 180 тыс. руб. На имениях лежали долги банкам и частным лицам в 3571 тыс. руб. По этим долгам приходилось выплачивать процентов 225 тыс. руб., что на 45 тыс. превышает годовую доходность. «Кроме того,— говорится в докладе,— со времени учреждения администрации возросли расходы на ее содержание и платеж куртажа по продаже администрацией сахара на 50 000 руб.»⁵¹ И результат — «общее количество перечисленных долгов значительно превышает стоимость самого имущества»⁵².

Эти и подобные им факты, число которых по их обилию не поддается описанию, свидетельствуют об исключительной бесхозяйственности и расточительности большинства русского крупнопоместного дворянства, неспособности его возглавить и организовать правильно функционирующее, рациональное и доходное хозяйство.

Результатом задолженности было накопление недоимок по разного рода платежам. Выше уже говорилось о недоимках по взносам платежей Дворянскому банку, которые в подавляющей массе производились по истечении льготного срока или вообще оставались в недоимке. Аналогичная картина наблюдалась по всем другим платежам, в особенности по казенным налогам и земским сборам. Так, в 1912 г. у крестьян Европейской России из оклада казенных, мирских и страховых сборов в 152,7 млн. руб. осталось в недоимке 2,6 млн. руб., а у частных владельцев — более 2,8 млн. руб. из оклада казенных и земских сборов в 54,6 млн. руб.⁵³

Таким образом, размеры недоимочности у крестьян и помещиков находились в обратном отношении к их материальному положению, не говоря уже о том, что крестьяне несли значительно большее налоговое бремя, чем помещики.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 515 (Главного управления уделов), оп. 1, д. 121, л. 402 об.

⁵¹ Там же, л. 403.

⁵² Там же, л. 403 об.

⁵³ «Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1910—1912 гг.». Пг., 1915, стр. II, VI, XII, XVI.

Выразительные цифры приведены в объяснительной записке к отчетам податных инспекторов Бессарабской губернии за 1911 г. (тыс. руб.) ⁵⁴:

	Оклад всех сборов		Недоимка на 1 января	
	1910 г.	1911 г.	1911 г.	1912 г.
Крестьяне	2373,2	2552,0	463,0	303,3
Частные владельцы	1390,6	1641,1	515,7	537,8

Получается, что недоимки у крестьян составили в 1910 г. 20% и в 1911 г.— 12% оклада, а у помещиков соответственно 37 и 33%. Такая разница, по словам автора записки, существовала потому, что «многие из частных владельцев, пользуясь молчанием полиции, уклоняются от исполнения податных обязанностей» ⁵⁵. Оргеевский податной инспектор в своем отчете писал, что за частновладельческие земли «повинности поступают успешнее после 1 января, когда оклад переходит в недоимку, которую полиция взыскивает более настойчиво, нежели оклад» ⁵⁶. Хотинский податной инспектор сообщает о том, кто задает тон в затягивании платежей: «Столь неудовлетворительное поступление окладных сборов с частновладельческих земель,—говорится в его отчете,—в громадном большинстве случаев объясняется беспечностью и нерадением плательщиков, уклонением от платежа наиболее крупных землевладельцев и привычкою производить уплату налогов лишь после побуждений со стороны администрации» ⁵⁷.

Отдельные крупные помещики накапливали огромные суммы недоимок. Исполняющий должность московского губернатора В. Джунковский жаловался Столыпину в письме от 14 июля 1906 г. на владельца майоратного имения в Клинском уезде «светлейшего» князя И. Н. Меншикова-Корейш. При переходе к нему в 1894 г. имения была исчислена наследственная пошлина в 40 325 руб., по которой к 1906 г. числился долг с пеней 40 тыс. руб. Не платил он и земских сборов, которых было в недоимке 32 750 руб., а с пеней 42 445 руб. С учетом неуплаченного за пять лет квартирного налога (2460 руб.) общий долг Меншикова в казну и земству составлял 85 тыс. руб. ⁵⁸ Как писал Джунковский, Меншиков не погашал долга, «несмотря на все принимаемые полицией меры», а в результате земство испытывало денежные затруднения и «уездная управа уже была од-

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 573 (Департамента окладных сборов), оп. 25, д. 81, лл. 17, 21 об.

⁵⁵ Там же, л. 21 об.

⁵⁶ Там же, л. 125.

⁵⁷ Там же, л. 146.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 402, л. 138.

нажды поставлена в невозможность своевременно выдать даже жалованье своим служащим»⁵⁹.

Оттяжка платежей повинностей была по сути дела особого рода кредитом, предоставленным, однако, без согласия кредитора — казны или земства. Стремясь компенсировать недобор по губернии, власти усиливали взыскание налогов и недоимок с крестьян.

Хроническая недоимочность помещиков заставляла земства повышать ставки земского сбора, т. е. вела к усилению налогового гнета, который несло крестьянство.

Заслуженным уделом многих крупных землевладельцев была бы утрата своих родовых гнезд, если бы не их господствующее положение и не многочисленные меры по ограждению их от разорения. На ряд таких мер мы уже указывали. Остановимся лишь еще на одном учреждении «по спасению утопающих в долгах» помещиков — дворянской опеке.

Следует различать опеку над малолетними наследниками умершего владельца и опеку по несостоятельности и расточительству. Первая нас здесь, естественно, интересовать не может. Вторая же опека, по справедливому определению И. Ф. Гиндина, была явно грабительской. Цель ее состояла не столько в том, чтобы оградить имущество дворянина от дальнейшего обременения долгами и расхищения его владельцем, сколько в том, чтобы сохранить имение в руках владельца и обеспечить при этом его безбедное, приличествующее его званию и сословию, существование. Кредиторам взятого в опеку дворянина никаких гарантий не давалось, и они удовлетворялись в минимальных размерах, если вовсе не теряли одолженных ими сумм. В экономическом смысле дворянская опека была реакционнейшим учреждением для сохранения и поддержания крупного крепостнического помещичьего землевладения. Правильность этой характеристики дворянской опеки подтверждается, в частности, тем, что помещики не только без краски стыда становились опекаемыми, но не прочь были даже добровольно принять опеку. Так, «светлейший» князь П. Д. Волконский, дела которого были сильно расстроены, под предлогом большой занятости на службе государству и «с целью обеспечения постоянного дохода» сам выхлопотал у царя учреждения над ним опеки, что и было сделано в 1898 г.

Оставляя за пределами исследования опеки, устанавливавшиеся местными дворянскими обществами, кратко рассмотрим данные об опеке, учреждавшейся над лицами высшей дворянской знати по «высочайшим» решениям, попавшим в Полное собрание законов⁶⁰. Сравнивая одиннадцатилетний период конца

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 402, л. 31.

⁶⁰ ПСЗ III, 1890—1911 гг., тт. 10—31.

ХІХ в. с таким же периодом начала ХХ в., получаем следующее:

Годы	Установлено или продлено опеку	Упразднено
1890—1900	43	8
1901—1911	28	15
Итого . . .	71	23

В 90-х годах ХІХ в. была установлена или продлена опека над многими представителями дворянской верхушки, в том числе над двумя великими князьями (Михаилом Михайловичем и Николаем Константиновичем), бароном Н. Л. Корфом, В. Л. Нарышкиным, графом Орловым-Давыдовым, графиней М. В. Татищевой, княгиней П. А. Урусовой, князем П. Д. Волконским, графом В. А. Адлерберг и др.

В начале ХХ в. был взят в опеку по его собственному ходатайству «в связи с болезнью» «светлейший» князь Н. П. Лопухин-Демидов (1901 г.). В течение 30 лет правительство поддерживало этого владельца 21 тыс. дес. земли с двумя сахарными заводами (Набутовским и Селищенским). Ему выдали неуставные краткосрочные и долгосрочную ссуды в сумме 1,3 млн. руб. и рассрочили все их на 20 лет, до 1896 г., а также разрешили увеличить долг земельному банку с 543 до 1168 тыс. руб. Оставшийся к 1895 г. долг Государственному банку в 474 тыс. руб. было решено снизить до 241 тыс. руб., которые были рассрочены на 15 лет, т. е. до 1910 г. Однако настоящий капиталистический предприниматель из Лопухина не вышел. К моменту установления опеки стоимость его Корсунского имения оценивалась приблизительно в 4,8 млн. руб., зато долги на имении выросли до 4,3 млн. руб.⁶¹ В 1909 г. жена владельца пожаловалась, что опекуны (великий князь Сергей Михайлович, сенатор Мамонтов и др.) разоряют имение, комиссия во главе с новым опекуном И. А. Гурко произвела ревизию. В докладе о результатах ревизии Гурко отметил, что в области сельскохозяйственной культуры в Корсунском имении «в течение последних лет не заметно особенного прогресса». Капитал имения на 1 января 1908 г. составлял 1468,8 тыс. руб. и за один 1908 г. уменьшился на 310 тыс. руб.⁶² Долги князя выплачены не были. Проценты, начисленные на долги, принятые опекунским управлением и выплаченные им с 1 января 1902 г. по 1 января 1909 г., составили 324,7 тыс. руб., зато содержание семьи князя за 1902—1908 гг. обошлось в 515,8 тыс. руб.⁶³

В 1903 г. в опеку было взято имущество князя К. Э. Бело-

⁶¹ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 317—318.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1163, л. 13.

⁶³ Там же, л. 50.

сельского-Белозерского. Только через 10 лет (в 1913 г.) был изъят из опеки Крестовский остров. Была установлена опека над принцем Петром Ольденбургским, совладельцами г. Бельцы Ольгой и Иваном Катарджи и Анной Крупенской, уральским магнатом графом А. В. Стенбок-Фермором, Николаем и Георгием Склонами, графом П. Клейнмихелем и др.

Приведенные выше цифры ясно указывают на расточительно-паразитическую природу крупной дворянско-помещичьей верхушки: за 22 года опек было учреждено втрое больше, чем снято. Но между двумя сравниваемыми периодами есть заметная разница: на 90-е годы приходится в полтора раза больше учрежденных опеков, чем в первые 11 лет XX в. Это, очевидно, нельзя не поставить в связь с тяжелым состоянием сельского хозяйства в годы мирового сельскохозяйственного кризиса и с улучшением положения в начале XX в. На эту же мысль наводит и удвоение числа упраздненных опеков во втором периоде.

Опека, заповедность, дешевые ссуды и другие меры искусственной поддержки тормозили процесс мобилизации помещичьего землевладения, но законы капитализма брали верх, и громадные площади шли в продажу.

В данном случае весь многообразный и сложный процесс мобилизации земли не может быть рассмотрен во всем объеме. Делается попытка ответить лишь на два, как нам представляется, наиболее важных вопроса, а именно: с какой системой хозяйства и каких размеров имения оказывались наиболее устойчивыми в процессе мобилизации.

На первый вопрос могут дать ответ, хотя и косвенный, данные о продаже помещиками земли Крестьянскому банку и крестьянам с его содействия, а также о переходе дворянской земли, заложенной в Дворянском банке, к другим сословиям. Сведения из отчетов обоих банков за 1906—1913 гг. сгруппированы по районам преобладания той или иной системы ведения собственного помещичьего хозяйства (табл. 68).

Как показывает таблица, в районах с преобладанием капиталистических форм хозяйства частные владельцы через указанные банки продали 12,9% имевшейся у них земли, а в губерниях с отработочной системой — 22%, т. е. в 1,7 раза больше. Губернии со смешанными формами занимали промежуточное положение (20,7%). Достаточно велико и вошедшее в подсчет количество земли, составляющее более $\frac{2}{3}$ всей частновладельческой земли, проданной за указанные годы. Все это дает довольно твердую опору для вывода о большей устойчивости капиталистически организованных хозяйств.

Сведения, положенные в основу таблицы 68, дают представление также об интенсивности мобилизации земли в зависимости от ее природных свойств. В нечерноземных губерниях было продано 10,3% земли, а в черноземных — 22,7%.

Тенденцию к сокращению крепостнического землевладения показывают данные о сокращении дворянского землевладения,

Таблица 68

Продажа помещиками земли через Крестьянский и Дворянский банки в 1906—1913 гг. (в тыс. дес.)*

Группы губерний	Число губерний	Количество земли у помещиков в 1905 г.	Продано крестьянам при содействии Крестьянского банка и самому банку	Перешло к другим сословиям из заложенной в Дворянском банке	Итого отчуждено через Крестьянский и Дворянский банки	% отчужденной земли
Капиталистические	19	24112,1	2377,8	733,9	3111,7	12,9
Смешанные . . .	7	6963,3	1202,9	236,9	1439,9	20,7
Отрабочные . .	17	14046,6	2653,7	441,2	3094,9	22,0
Всего . . .	42	45122,0	6234,4	1412,0	7646,5	16,9

* По отчетам банков.

ибо именно оно было главным оплотом кабально-отрабочных форм хозяйства. Сопоставим данные о сословных сборах по 47 губерниям Европейской России (без Архангельской, Вятской и Эстляндской) за 1895, 1905 и 1912 гг.⁶⁴

	1895 г.	1905 г.	1912 г.
Число имений	125 084	106 717	115 035
Площадь земли, тыс. дес.	59 497,9	51 734,1	41 454,5

За 11 лет (с 1895 по 1905 г.) дворянское землевладение сократилось на 8 млн. дес. (по 700 тыс. дес. в год), а за последующие 7 лет — на 10,3 млн. дес. (по 1,5 млн. дес. в среднем в год), т. е. темп мобилизации почти удвоился. Показательно, что с 1905 по 1912 г. число дворянских владений не только не сократилось, как это было в предшествующее десятилетие, но, наоборот, выросло на 8,3 тыс. Очевидно дело тут не в одном дроблении имений в результате семейных разделов, так как этот процесс, несомненно, шел и раньше, а в возвращении части дворян к сельскому хозяйству после того, как кончился мировой сельскохозяйственный кризис, хлебные цены поднялись и пре-

⁶⁴ «Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1895—1899 гг.». СПб., 1902; то же за 1910—1912 гг.; «Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России». СПб., 1907.

кратилась паника 1905—1907 гг., заставившая многих помещиков продать землю.

Данные, извлеченные из отчетов Дворянского банка, показывают, что помещики выступали не только в качестве продавцов, но и покупателей значительных площадей земли. За 1906—1913 гг. из проданных дворянами земель, заложенных в этом банке, перешло:

	тыс. дес.	%
к потомственным дворянам	3173,3	34,7
к Крестьянскому банку	2037,0	22,3
к крестьянам	2859,9	31,3
к мещанам	136,2	1,5
к купцам	281,8	3,1
к прочим сословиям и учреждениям . .	656,0	7,1
Итого . . .	9144,2	100,0

Как видим, $\frac{1}{3}$ проданных дворянами площадей перешла к представителям этого же сословия. Характерно, что дворяне купили земли в 10 с лишним раз больше, чем купцы. Некоторые крупные помещики вели скупку земли в больших масштабах. Например, несколько имений купил И. И. Воронцов-Дашков. В его личном архиве сохранились описания многих имений, расположенных в разных районах страны и предлагавшихся к продаже.

Н. А. Павлов в своих «Записках» говорит, что он продал свое имение, «потому что хотел купить лучше и купил лучше и во всех отношениях удобнее»⁶⁵. Однако он должен был признать, что и революция сыграла роль: ушел от окружающего имение народа, к которому «потерял уважение и доверие»⁶⁶.

В результате мобилизации средний размер дворянских имений уменьшился с 496 дес. в 1905 г. до 368 дес. в 1912 г. Однако этот размер даже в среднем исчислении весьма велик и, по сути дела, близок к латифундальному владению. Следовательно, и к концу первой мировой войны дворянское землевладение оставалось в массе крупным и сохраняло свою полукрепостническую природу.

Наибольший урон понесло землевладение дворян в Нижневолжском районе с Заволжьем, особенно в губерниях, где наблюдалось наиболее мощное крестьянское движение. В Саратовской губернии дворяне из 1311 тыс. дес. потеряли 573 тыс. дес., в Самарской — из 926 тыс. дес. 334 тыс. дес., в Пензенской — из 787 тыс. дес. 292 тыс. дес. В Уфимской губернии землевладение дворян сократилось с 1382 до 1012 тыс. дес. Большой

⁶⁵ Н. А. Павлов. Указ. соч., стр. 17.

⁶⁶ Там же, стр. 19.

урон понесли районы с преобладанием отработочной системы — Средневолжский с Заволжьем, Северо-черноземный и Южно-черноземный. Так, в Орловской губернии соответственные цифры 1905 и 1912 гг. были 845 и 648 тыс. дес., в Рязанской — 683 и 521 тыс., в Воронежской — 996 и 700 тыс. дес. и т. д. Меньшая устойчивость землевладения с отработочными формами хозяйства подтверждается и этими данными.

Перейдем к вопросу о том, в какой мере процесс перехода земли захватывал разные по размерам группы землевладения.

К сожалению, основной и очень ценный источник по истории движения землевладения в России, хотя и содержит сводные данные о купле — продаже земли по размерам участков, не может быть использован для решения поставленного вопроса⁶⁷. Дело в том, что именные нередко поступали в продажу участками, которые по сенатским объявлениям, послужившим материалом для указанной статистики, попадали в разные группы соответственно размерам продаваемых участков, что затемняет действительную картину вовлечения групп владельцев в торговлю землей. Не учитывается статистикой и дробление земельной собственности вследствие семейных разделов.

Показательнее было бы сравнение данных о размерах владений на определенной территории за какое-то определенное время. Но и здесь встречаются трудности источниковедческого характера. Единственный вид массовых источников о конкретных владениях — списки лиц, имевших право избирать в уездные органы земского управления. Они точнее, чем куриальные списки по выборам в Государственные думы. Но, во-первых, не по всем уездам сохранились такие списки, а если сохранились, то либо на одну дату, либо содержат лишь фамилии избирателей без указания площади принадлежащей им земли.

Практически удалось сделать сводки лишь по некоторым губерниям или частям губерний, которыми, однако, представлены разные районы, за исключением, конечно, тех, где земств не было или они только вводились.

В тех случаях, когда сопоставляются 1906 и 1915 гг., в расчет не могли быть приняты крестьяне, хотя и имевшие соответствующий земельный ценз, так как право участвовать в выборах гласных наравне с купцами и почетными гражданами (во II избирательном собрании) им было предоставлено в конце 1906 г.⁶⁸

Северо-западный район представлен Новгородской губернией, сводка по которой сделана по 10 уездам из 11 (табл. 69).

⁶⁷ «Материалы по статистике движения землевладения в России», вып. XIII. СПб., 1907; вып. XXV. Пг., 1917.

⁶⁸ Указ 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний». — ПСЗ III, т. 25, № 28392.

Таблица 69

**Крупное землевладение в Новгородской губернии (без Боровичского уезда)
в 1906 * и 1915 гг. ****

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Владения			Земля, дес.		
	1906 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1906 г.	1906 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1906 г.
300—500	335	292	87,2	128159	110828	86,5
500—1000	293	287	98,0	208288	203652	97,8
1000—2000	164	161	98,2	227215	222710	98,0
2000—5000	121	108	89,3	364467	330090	90,6
5000—10000	45	20	44,4	325983	143994	44,2
10000—25000	31	30	96,8	426411	420806	98,7
Свыше 25000	5	4	80,0	202935	175482	86,5
Итого	994	902	90,7	1883458	1607562	85,4
В том числе:						
Дворяне . . .	556	474	85,3	997805	841925	84,4
Купцы, мещане и прочие граж- дане	438	428	97,7	885653	765637	86,4

* «Новгородские губернские ведомости», 1906, № 14, 23, 24, 28, 30, 31, 33, 35, 36, 45.

** Там же, 1915, № 9, 14, 17, 19, 20, 25, 26, 28, 30, 31.

Из таблицы видно, что за девять лет в Новгородской губернии убыло 9,3% владений размером свыше 300 дес. и 14,6% земли. Наибольший урон понесла группа латифундий размером от 5 до 10 тыс. дес., потерявшая около половины имений и более половины земли. Наиболее стойкой оказалась группа крупнейших владений (10 тыс.— 25 тыс. дес.), сократившаяся всего лишь на одно имение из 31 и на 1,3% земли. Из пяти земельных гигантов было продано лишь одно (недворянское) имение, сохранились два дворянских (М. Н. Журавлева и графа С. Л. Палена) и два имения купца Н. Д. Полежаева. Вообще дворяне и недворяне потеряли земли почти поровну. Сохранились все владения крупнейших земельных магнатов: С. А. Строганова, Балашовых, Ратьковых-Рожновых, И. И. Воронцова-Дашкова, И. Н. Святополк-Мирского, Б. А. Васильчикова и других. Потеряв часть владений, дворяне в то же время купили четыре имения размерами от 5 до 25 тыс. дес.

Несколько иная картина наблюдалась в Московской губернии. Сопоставимые списки здесь имеются по 11 уездам из 13

(без Московского и Клинского), по которым и сделана сводка (табл. 70).

Таблица 70

Крупное землевладение Московской губернии (без Московского и Клинского уездов) в 1906 * и 1915 гг. **

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Владения			Земля, дес.		
	1906 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1906 г.	1906 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1906 г.
200—300	217	210	96,8	51450	49652	96,5
300—500	153	140	91,5	59009	61080	103,5
500—1000	154	133	86,4	106326	92059	86,6
1000—2000	61	51	83,6	86415	71542	82,8
2000—5000	41	31	75,6	114024	84669	74,3
5000—10000	6	6	100,0	41463	37976	91,6
10000—25000						
Свыше 25000						
Итого . . .	632	571	90,3	458687	396978	86,5
В том числе:						
Дворяне . . .	400	289	72,3	305872	242333	79,2
Мещане, купцы и почетные граждане . . .	232	282	121,6	152815	154645	101,2

* «Московские губернские ведомости», 1906, № 14, 35, 37—41, 44, 46, 54.

** Там же, 1915, № 9, 11, 13—18, 20—22.

В Московской губернии, по данным таблицы 70, цензовое землевладение сократилось даже несколько меньше, чем в Новгородской, — на 13,5%. Наиболее устойчивыми оказались низшие группы, из которых вторая даже выросла на 3,5%. Но тут нужно сделать существенную оговорку. Сохранение или даже увеличение числа владений в низших группах не может служить доказательством большей устойчивости землевладения этих групп по сравнению с крупнейшим землевладением. Поименные списки обычно показывают более интенсивную смену владельцев именно в низших группах. Но те же группы пополнялись за счет дробления более крупных. Так, князю и княжне С. А. и А. А. Щербатовым для сохранения голосов в дворянском избирательном собрании были выделены из родовых имений Щербатовых в Верейском уезде участки размерами, несколько превышающими необходимый ценз (в Московской губернии — обычно 200 дес. и лишь в Богородском уезде — 175 дес.). Чаше

всего перемещение из высших в низшие группы происходило в результате продажи части имения или семейных разделов. Низшие группы пополнялись и за счет имений, покупавшихся помещиками только для ценза и получивших название «болотных цензов». Очевидно таким «болотным цензом» и был купленный А. Д. Самариным в Богородском уезде участок в 175 дес.

Наибольшее сокращение претерпела группа от 2 тыс. до 5 тыс. дес., потерявшая четверть имений и земли. Зато сохранились все шесть более крупных имений, сократился лишь их средний размер и соответственно общая площадь. Одна из дворянских крупнейших латифундий перешла в другую сословную группу. В целом дворянство Московской губернии утратило 20,8% земли, тогда как мещане, купцы и почетные граждане увеличили землевладение на 1,2%. Процесс перехода дворянских земель к другим сословиям здесь шел более интенсивно, но не настолько, чтобы дворянское землевладение утратило свое господствующее положение. Оно более чем в 1,5 раза превосходило по площади землевладение прочих трех сословий. Здесь, как уже известно из главы I, были иммунизированные от мобилизации заповедные имения (майораты) князя И. Н. Меншикова-Корейш (23 538 дес.), графа С. Д. Шереметева (14 916 дес.), графов Орловых-Давыдовых (11 212 дес.) и другие, а также крупные владения Потемкиных, Голицыных, Гагариных, Апраксиных, Долгоруковых, Щербатовых, Юсуповых и многих других представителей высшей дворянской знати. Одной княжне М. А. Прозоровской-Голицыной принадлежала при с. Раменском (Бронницкий уезд) площадь в 8695 дес.; к 1915 г. она сократилась до 7940 дес.

По Центрально-промышленному району имеются данные и по Смоленской губернии. Сопоставимыми здесь оказались списки избирателей только по двум уездам — Краснинскому и Сычевскому, но сопоставление этих уездов дает весьма любопытную картину. Краснинский уезд отличался сравнительно мелким частным землевладением: здесь не было имений с площадью более 2 тыс. дес. и барьеров заповедности. Число цензовых имений с 1907 по 1916 г. сократилось в уезде с 70 до 40, а площадь земли — с 40,2 тыс. до 23,4 тыс. дес., т. е. на 41,8%. Сокращение произошло во всех группах, причем меньше всего коснулось низшей (27,2%) и высшей (30,9%). Средние две группы потеряли 40,9% и 49,8%. Больше земли теряли дворяне. Из 65 имений они лишились 31 и потеряли 44,2% земли, тогда как у других сословий вместо 5 имений стало 6, а земли на 8,7% меньше. Но и к 1916 г. дворяне имели в уезде 21 тыс. дес. земли, обеспечивающей право на непосредственное участие в выборе земских гласных, а недворяне — только 2,5 тыс. дес.⁶⁹

⁶⁹ «Смоленские губернские ведомости», 1907, № 24; 1916, № 6.

В Сычевском уезде цензовых имений было в 1907 г. вдвое меньше, чем в Краснинском, и основную массу их составляли имения до 2 тыс. дес., из них первые три группы (до 1 тыс. дес.) утратили значительное количество земли (34,3%, 41,8% и 13,6%). Зато в группе 1 тыс.— 2 тыс. дес. произошло увеличение за счет дворян (на 12,9% площади). Сохранилось имение размером 2198 дес. и как скалы стояли два майората: князя Д. А. Лобанова-Ростовского (9585 дес.) и князя А. Н. Мещерского (с Дугино, 17 206 дес.). Только эти два заповедных имения составляли $\frac{2}{3}$ всего дворянского землевладения в уезде. Всего же у дворян к 1916 г. было 41,9 тыс. дес. цензовой земли, а у прочих сословий — 6,5 тыс. дес., крупнейшее землевладение (свыше 5 тыс. дес.) в 1907 г. составляло 51% цензовой площади, а в 1916 г.— 55% ⁷⁰. Характерно, что в Краснинском уезде дворяне приобрели за девять лет 8 имений, недворяне — 1, в Сычевском соответственно — 5 и 3.

По Центрально-черноземным губерниям земские списки избирателей особенно неудовлетворительны. Только по шести

Таблица 71

Крупное землевладение Рязанской губернии (по шести уездам) в 1907 * и 1916 гг. **

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Владения			Земля, дес.		
	1907 г.	1916 г.	1916 г. в % к 1907 г.	1907 г.	1916 г.	1916 г. в % к 1907 г.
150—200	57	56	98,2	10155	9989	98,4
200—300	173	118	68,2	41040	27851	67,9
300—500	136	89	65,4	51146	33692	65,9
500—1000	83	62	74,7	57102	41377	72,5
1000—2000	47	27	57,4	65378	37639	57,6
2000—5000	19	14	73,7	59529	43665	73,4
5000—10000	5	1	20,0	35979	7870	21,9
10000—25000	1	1	100,0	10383	10383	100,0
Итого	521	368	70,6	330712	212466	64,2
Дворяне	332	227	68,4	232296	136989	59,0
Купцы	99	71	71,7	64616	47158	73,0
Мещане	32	23	71,9	10043	8691	86,5
Крестьяне	58	47	81,0	23757	19628	82,6

* «Рязанские губернские ведомости», 1907, № 26, 29, 30, 31, 35.

** Там же, 1916, № 7, 8, 9, 16.

⁷⁰ Там же, 1907, № 23; 1916, № 2.

уездам Рязанской губернии (из 12) представилось возможным обобщить материал (табл. 71).

Как показывает таблица 71, в Рязанской губернии с ее казально-крепостнической организацией большинства помещичьих хозяйств процесс мобилизации землевладения был особенно интенсивным: здесь за девять лет помещики потеряли $\frac{1}{3}$ своей земли, причем дворяне еще больше — 41%, хотя урон понесли и все другие сословия, включая крупных землевладельцев — «крестьян». Убыль земли по группам выглядит очень пестрой, но все же обращает на себя внимание ликвидация (или, возможно, раздробление) крупных латифундий: из пяти владений размерами от 5 тыс. до 10 тыс. дес. уцелело одно, в том числе из четырех дворянских — ни одного. Исчез даже майорат князя А. М. Голицына — графа Остерман площадью 8788 дес. Зато крупнейшее владение графини А. И. Шуваловой (урожденной Воронцовой-Дашковой) сохранилось. Впрочем, для Рязанской губернии начала XX в. было характерно преобладание имений не самого

Таблица 72

Крупное землевладение Саратовской губернии (без Камышинского и Царицынского уездов) в 1906 * и 1915 гг. **

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Владения			Земля, дес.		
	1906 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1906 г.	1906 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1906 г.
200—300	166	159	95,8	41552	40091	96,5
300—500	248	190	76,6	99064	74488	75,2
500—1000	217	169	77,9	154023	120594	78,3
1000—2000	154	106	68,8	218211	147670	67,7
2000—5000	79	45	57,0	241376	123709	51,3
5000—10000	34	13	38,2	228158	89986	39,4
10000—25000	16	6	37,5	241818	81291	33,6
Свыше 25000	4	2	50,0	182664	71479	39,1
Итого . . .	918	690	75,2	1406866	749308	53,3
В том числе:						
Дворяне . . .	615	418	68,0	1034797	528516	51,1
Мещане, купцы, почетные граждане . . .	303	272	89,8	372069	220792	59,3

* «Саратовские губернские ведомости», 1906, № 8, 10, 29, 35, 39, 41, 42, 52.

** Там же, 1915, № 11, 13, 19, 21, 22, 27, 31.

крупного размера, и именно такие имения (от 2 тыс. до 5 тыс. дес.) понесли наименьший урон (17,8%). Сохранились владения князей Гагариных, «светлейшего» князя К. А. Горчакова, известного черносотенца Л. Л. Кисловского, графа П. А. Зубова, Н. А. Хомякова, графа М. М. Толстого, А. С. Ермолова, «светлейшего» князя П. П. Волконского и других ревнителей крепостнической старины. Дворянское землевладение, сильно сократившись в размерах, и здесь все еще продолжало количественно преобладать в цензовом землевладении, составляя $\frac{2}{3}$ последнего.

Поволжье представлено у нас Саратовской губернией (табл. 72), сводка по которой включает данные по восьми уездам из десяти (без Камышинского и Царицынского).

Как уже отмечалось выше, дворяне Саратовской губернии, как и соседней с ней Самарской, понесли наибольший земельный урон. Таблица 72 еще раз подтверждает это. Саратовские дворяне утратили добрую половину земли. Не избежали крупных потерь и другие сословия, лишившись $\frac{2}{5}$ площади. Здесь особенно отчетливо видно, как под влиянием крестьянской борьбы за землю, а затем усиленного рыночного спроса на нее в результате давления капитала и кризиса кабально-отработочных форм хозяйства начинало разваливаться крупное латифундиальное помещичье землевладение. Капиталистически организованные хозяйства среднего размера понесли меньший урон, хотя не подлежит сомнению и фактор дробимости крупных владений, компенсировавший убыль мелких. Трудности ведения собственного хозяйства на огромных площадях способствовали распаду крупных латифундий: чем крупнее были имения в группах, тем больше их подвергалось распродаже и дроблению. В дворянском землевладении картина была аналогичной общегубернской. И только самые крупные земельные гиганты (свыше 25 тыс. дес.) понесли вдвое меньший урон по сравнению, например, с группой от 10 тыс. до 25 тыс. дес. Это прежде всего владения графа С. Ф. Шереметева (36 170 дес.), графини Е. И. Шуваловой (46 472 дес.), М. Н. Катковой (28 361 дес.). Кроме них удержали свои огромные латифундии Щербатовы (12 002 дес.), генерал М. М. Устинов (17 835 дес.), князь А. Е. Гагарин (8239 дес.), герцог Лейхтенбергский (6281 дес.), князь П. А. Васильчиков (6676 дес.), Е. А. Балашова (11 587 дес.) и многие другие представители дворянских верхов. Несмотря на происшедшие изменения, доля дворянских земель во всей цензовой площади, составлявшая в 1906 г. 74%, снизилась к 1915 г. всего лишь на 3%.

Очень сложна картина движения землевладения в районе развитого капиталистического зернового хозяйства — юга Украины. Возможность подробного анализа исключена по недостатку источников: сопоставимые данные имеются лишь по трем уездам: Елисаветградскому, Тираспольскому (Херсонская

губерния) и Павлоградскому (Екатеринославская губерния). Данные елисаветградского земства представлены в таблице 73.

Таблица 73

Крупное землевладение Елисаветградского уезда Херсонской губернии в 1907* и 1915 гг.**

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Владения			Земля, дес.			Принадлежало дворянам, дес.	
	1907 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1907 г.	1907 г.	1917 г.	1917 г. в % к 1907 г.	1907 г.	1915 г.
200—300	130	139	106,9	31243	33721	107,9	13247	11565
300—500	121	108	89,3	46839	43402	92,7	21170	15742
500—1000	97	122	125,8	67670	84644	125,1	39392	43819
1000—2000	72	62	86,1	97519	85382	87,6	66823	43652
2000—5000	38	26	68,4	101834	70511	69,2	57890	50113
5000—10000	6	6	100,0	41513	39330	94,7	33613	26129
Свыше 10000	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	464	463	99,8	386618	356990	92,3	232135	191020
Дворяне	243	203	83,5	232135	191020	82,3	—	—
Купцы, мещане и почетные граждане	151	124	82,1	104306	90685	86,9	—	—
Крестьяне	12	42	350,0	5333	16046	300,9	—	—
Колонисты	58	94	162,1	44844	59239	132,1	—	—

* «Херсонские губернские ведомости», 1907, № 2 и 8.

** Там же, 1915, № 70.

Как видно из таблицы, крупное землевладение здесь было более устойчиво, чем в других районах: все цензовые владельцы вместе утратили лишь 7,7% земли. Изменения по группам весьма различны: в первой и третьей группах число владений увеличилось, во второй, четвертой и пятой — сократилось, и особенно сильно (на 30,8%) в пятой. Самые крупные имения, напротив, сохранились, хотя и с меньшей площадью. Значительно увеличили свои площади колонисты, а в относительном исчислении — крестьяне; дворяне и купцы часть имений распродали.

По Тираспольскому уезду обнаруживаются явления, сходные с Елисаветградским. И здесь в невыгодном свете выглядит группа от 2 тыс. до 5 тыс. дес., потерявшая 9 имений из 17, тогда как в двух высших группах из 3 имений 2 остались в руках прежних владельцев. Общее сокращение тоже невелико — 9,4%. Стоя-

щим внимания представляется различие судеб дворянского и купеческого землевладения: первое уменьшилось на 11,5%, а второе — на 47,1%. Учитывая значительный удельный вес земли купцов, мещан и почетных граждан, можно констатировать, что эти категории владельцев откликнулись на резкое усиление спроса повышенным предложением, т. е. земельную спекуляцию предпочли ведению собственного хозяйства на земле⁷¹.

Доля дворянского землевладения в общей площади цензовых земель в обоих уездах уменьшилась незначительно, дворяне продолжали владеть большей половиной земель. Однако дальнейшее капиталистическое развитие сельского хозяйства все больше втягивало крупные владения в процесс купли — продажи земли. Искусственные меры для сохранения крупного землевладения здесь отступали на второй план перед силой капитала, приспособлявшего землевладение к новым формам хозяйства. Земля переходила в руки тех, кто мог успешнее вести капиталистическое земледелие.

Таблица 74

Крупное землевладение Павлоградского уезда Екатеринославской губернии в 1906 * и 1915 гг. **

Группы хозяйств по землевладению, дес.	Владения			Земля, дес.		
	1906 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1906 г.	1906 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1906 г.
150—200	21	31	147,6	3504	5297	151,2
200—300	23	24	104,3	5686	6044	106,3
300—500	28	34	121,4	11261	13206	117,3
500—1000	43	46	107,0	31407	32883	104,7
1000—2000	32	24	75,0	44548	32093	72,0
2000—5000	13	11	84,6	38442	28198	73,4
5000—10000	7	2	28,6	43505	12474	28,7
10000—25000	1	—	—	17994	—	0,0
25000—50000	1	1	100,0	25760	25760	100,0
Итого	169	173	102,4	222107	155955	70,2
Дворяне	111	106	95,5	179930	121358	67,4
Недворяне	58	67	115,5	42177	34597	82,0

* «Екатеринославские губернские ведомости», 1906, № 5.

** Там же, 1915, № 9.

⁷¹ «Херсонские губернские ведомости», 1907, № 19; 1915, № 122.

Это особенно хорошо прослеживается по данным Павлоградского уезда (табл. 74). Они свидетельствуют, что более рациональным и устойчивым в условиях сравнительно высоко развитых форм хозяйства были имения средних размеров, а крупные дробились на более мелкие. В самом деле, в группах имений размерами до 1 тыс. дес. наблюдалось заметное увеличение количества хозяйств и площадей земли, тогда как в более крупных имело место значительное сокращение. Заметим, что персональные списки показывают многочисленные случаи сокращения площади крупных имений за счет частичной продажи земли. Меньше было случаев сохранения имений в прежних размерах. В частности, сохранилось неизменным заповедное имение Е. А. Воронцовой-Дашковой (27 560 дес.). И лишь у отдельных крупных помещиков площади земли увеличились (у Н. Г. Стенбок-Фермор с 5092 до 6724 дес.).

В целом ценовое землевладение уменьшилось в уезде на 29,8%. Дворяне из 180 тыс. потеряли 59 тыс. дес., или 32,6% земли. Но следует отметить, что численность владений, а следовательно, и голосов дворян в земстве сократилась мало. Состав дворян в уезде был более или менее постоянным. При земельных продажах дворяне стремились обеспечить необходимые земельные цензы для сохранения руководящего положения в органах местного управления. Так, в первом (дворянском) избирательном собрании, дававшем при выборах наибольшее число гласных, в 1906 г. участвовало непосредственно по земельному цензу 116 человек, а в 1915 г. — 112, по уполномочию I избирательного съезда дворян — мелких землевладельцев в 1906 г. — 19 человек и в 1915 г. — 24. Таким образом, значительные размеры мобилизации дворянской земли не подрывали их командных позиций в земстве. Аналогичные данные можно привести и по другим уездам и губерниям. Крупное землевладение помещиков-дворян по-прежнему оставалось прочной основой руководящего положения дворянства в органах государственного и местного управления. Меньшевистская концепция автоматического оттеснения крепостников и перерождения власти в буржуазную опровергалась жизнью. Только демократическая революция была способна свергнуть политическое господство реакционного дворянства, основанное на крупном полуфеодальном землевладении.

В заключение главы остается рассмотреть вопрос о так называемом оскудении дворянства, жалобы на которое не прекращались на протяжении всей истории «первого сословия».

Еще Игорева дружина жаловалась: «Отроки Свенелжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази». В 1645 г. появился и сам термин «оскудение»; дворяне и дети боярские разных городов жаловались царю: «Обедняли и одолжали великими долги, и коньми опали; а поместья и вотчины опустели и дома оскуде-

ли и разорены без остатку». Начатые Иваном Грозным и продолженные в XVII в. Шуйским и первыми Романовыми раздачи больших земельных площадей, получившие огромный размах при Петре I и особенно при Екатерине II, не прекратили потока жалоб: чем больше богатело дворянство, тем громче раздавались сетования дворян на их бедственное положение. Так, книга С. Н. Терпигорева-Атавы «Оскудение»⁷² появилась в свет после того, когда помещики по реформе 1861 г. отобрали у крестьян свыше $\frac{1}{5}$ земли и в придачу получили миллиардный выкуп.

Земельные пожалования в разной форме продолжались. С 1857 по 1887 г. пожаловано разным лицам 982 тыс. дес. земли в Европейской России. За 1871—1881 гг. «продано» дворянам башкирских земель в Уфимской и Оренбургской губерниях 451 300 дес. по средней цене 1 р. 88 к. за десятину. Вскоре новые владельцы стали продавать эти земли по 60 руб. за десятину. После польского восстания 1863 г. было «продано» (без торгов) русским дворянам отобранных у польских помещиков земель более $\frac{1}{2}$ млн. дес. тоже по баснословно низким ценам⁷³. Всего, таким образом, дворянство получило не менее 3 млн. дес. земли стоимостью (по ценам 900-х годов) около 350 млн. руб. Для помещиков в эти годы учреждается Дворянский банк, в их же интересах вел дело Крестьянский банк, устроена сахарная нормировка, обеспечен выгодный сбыт водки в казну и т. д. и т. п. И тем не менее съехавшиеся в 1896 г. на коронацию Николая II 27 губернских предводителей дворянства подают ему «Записку», в которой вновь жалуются на всеобщее оскудение поместного дворянства, пишут о переходе «затруднительного положения в нестерпимое» и о появлении «на близком уже расстоянии разорения среднего и крупного землевладения»⁷⁴.

В данном случае мы не стремимся к определению материальных эквивалентов всех многочисленных источников обогащения помещиков: различных пожалований, льгот, доходов от службы и т. д. Рассмотрим лишь вопрос о том, в каком отношении результаты мобилизации помещичьей земли находятся к так называемому оскудению помещиков. Интересующий нас слой крупных владельцев представляли главным образом дворяне; поэтому показатели по всему дворянскому землевладению прежде всего характерны для этого слоя.

⁷² С. Н. Терпигорев-Атава. Оскудение. Очерки помещичьего разорения, т. I—II. М., 1881—1882.

⁷³ В. Святловский. Мобилизация земельной собственности в России. СПб., 1909, стр. 104.

⁷⁴ Цит. по публикации И. Ф. Гиндина и М. А. Гефтера «Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения». 1897 г. — «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 132.

Доказывая факт неуклонного оскудения дворянства, адвокаты поместного землевладения ссылались прежде всего на быстрое сокращение принадлежащей дворянам земли. Однако вопрос о реальной капитальной ценности земли, остающейся в их собственности, нарочито обходил. Таблица 75 ставит в связь оба момента: убыль землевладения и изменение земельных цен.

Таблица 75

Количество и оценка земли дворян Европейской России

	1861 г.	1887 г.	1895 г.	1900 г.	1905 г.	1912 г.
Количество земли, тыс. дес.	791031*	703602*	611483*	540112*	531694*	425735*
Цена одной десятины, руб.	176*	547*	708*	778*	930*	1630*
Оценка всей земли, млн. руб. . .	1345	3799	4280	4159	4945	6939

* «Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России». [СПб.], 1897, стр. 16—17. Без Лифляндской, Эстляндской, Курляндской, Архангельской, Бессарабской и Оренбургской губерний.

** «Статистический справочник». Сост. А. Дядиченко и Л. Чермак, вып. 1. СПб., 1906, стр. 37.

*** «Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1895—1899 гг.», стр. 330—332. По Вятской и Эстляндской губерниям данные исчислены по смежным датам.

**** «Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России», стр. 78.

***** «Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1910—1912 гг.», стр. 184, 185, 207—209.

***** «Борьба за землю». СПб., 1908, стр. 247.

***** «Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1887 г.» СПб., 1888, стр. 9.

***** То же за 1900 г. СПб., 1901, стр. 68.

***** «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», стр. 592.

Зафиксированная таблицей картина поистине напоминает тот сказочный русский пирог, который чем больше ешь, тем больше остается. Дворянское землевладение неуклонно, почти катастрофически сокращалось: площадь его в 1912 г. составляла немногим больше половины площади первых послереформенных лет. В то же время ценность остававшейся у дворян земли стремительно возрастала: если 79 млн. дес., которыми дворяне владели после наделения крестьян, стоили менее 1,5 млрд. руб., то 43 млн. дес., оставшиеся у них к 1912 г., оценивались уже почти в 7 млрд. руб.

Особенно большой скачок в обогащении крепостников был сделан в годы так называемой буржуазной перестройки дерев-

ни — столыпинской земельной реформы. Обогащение шло также и за счет самого уменьшения количества земли, как ни странным это кажется на первый взгляд. Продав 10 млн. дес. земли, стоившей, например, в 1900 г. 7,7 млрд. руб., помещики по средней за весь период 1905—1912 гг. цене земли в 129 руб. получили 12,9 млрд. руб., т. е. заработали на одной лишь разнице цен 5,2 млрд. руб.

Критикуя народников-интеллигентов за сползание на кадетски-либеральные позиции в аграрном вопросе, В. И. Ленин подчеркивал, что они правильно поняли, в чьих интересах проводится столыпинская реформа. «Сам же Караваев говорил,— напоминал Ленин,— и говорил справедливо, что столыпинская политика обогащает (не новые, буржуазные, элементы, не фермеров-капиталистов, а) *теперешних* помещиков, наполовину крепостнически хозяйничающих» ⁷⁵.

Впрочем, и сами помещики проговаривались в этом же смысле. Так, Н. А. Павлов не без самодовольства заявил в докладе на VII съезде Объединенного дворянства (1910 г.): «Обращаясь к условиям времени, я позволю себе коснуться вопроса того спокойствия, которое установилось в дворянской среде в последние, после второго в истории побоища дворянства, годы. Резкое повышение цен на землю, небывалая устойчивость высоких цен при сильных урожаях в течение трех лет дали устойчивость бодрому настроению дворянства. Деньги от продажи частей владений и перезалогов по высокой оценке внесли даже некоторую долю веселости в настроение и во взгляды на будущее» ⁷⁶.

Возрастание богатства крепостников-дворян по существу означало возрастание их власти, усиление зависимости крестьян от помещиков, усиление гнета крепостнических латифундий. Все изложенное может быть резюмировано замечательным по глубине и краткости высказыванием В. И. Ленина по поводу отсрочки, которую на время дала гибнущему крепостничеству столыпинская ломка общины. В статье «Последний клапан» (1912 г.) он писал: «Но этой отсрочкой уменьшено или увеличено общее количество противоречий в деревне? уменьшен или увеличен гнет крепостнических латифундий? уменьшено или увеличено общее количество „пара“? На эти вопросы нельзя ответить иначе, как во втором смысле» ⁷⁷.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 370.

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 560 (Общей канцелярии министра финансов), оп. 26, д. 891.

⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 19.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРАРНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ

Мы познакомились с основными чертами и результатами капиталистической эволюции помещичьего хозяйства России в период империализма. Для того чтобы весомее ощутить и вернее оценить особенности этой эволюции и ее итоги в свете достижений мирового капиталистического прогресса, представляется целесообразным сопоставить в сравнительно-историческом плане капиталистическое развитие сельского хозяйства России с развитием такового в Германии, например.

Капитализм в сельском хозяйстве Европы развивался, как известно, не по одному типу. В Западной Европе, где крестьянство было освобождено от крепостной зависимости в ходе наполеоновских войн, подавляющая часть сельскохозяйственного производства сосредоточилась в мелком крестьянском хозяйстве, на базе которого шло развитие аграрного капитализма при сохранении, однако, большого числа парцелльных хозяйств.

На громадных территориях, расположенных к востоку от Эльбы, утвердился иной тип аграрно-капиталистической эволюции, характеризующийся тем, что основой развития стало помещичье хозяйство путем трансформации крепостной вотчины в капиталистическое сельскохозяйственное предприятие. Но в пределах этого типа также имелись свои — видовые — различия, прежде всего в характере эволюции помещичьего хозяйства. В этом отношении отличалось развитие аграрного капитализма, в частности, в России и Германии.

Корни этих видовых расхождений уходят в далекую пору крепостного права. В Германии оно имело такие особенности, которые, при всем его жестком характере, в некоторых чертах заметно отличали его от крепостничества в России.

Истари основной хозяйственной и податной единицей в Германии был крестьянский двор, вернее, определенная земельная

площадь, в зависимости от размеров которой крестьяне делились на разряды, различавшиеся по величине повинностей в пользу помещика. Повинности, следовательно, носили в Германии не тягловый, подушный характер, как в России, а поземельный. Довольно устойчивым было право наследования крестьянского двора. Помещик, правда, волен был поставить во главе двора другого хозяина, но, во-первых, это случалось нечасто, а во-вторых, двор как хозяйственная единица продолжал существовать. Это придавало ему определенную, хотя и относительную, устойчивость.

Этому же способствовало и то обстоятельство, что право наследования двора принадлежало обычно одному из сыновей, старшему или младшему. Остальные должны были изыскивать себе пропитание как могли, сами или как распорядится помещик. Таким образом, еще в условиях крепостничества всегда имелся контингент людей, готовых предложить свои рабочие руки в наем. Для России же были правилом семейные разделы, дробление хозяйства и земли между делящимися.

Важную особенность Германии составляла регламентация повинностей крестьян. Размер их и порядок исполнения, как правило, фиксировались в вакенбухах. Повинности крестьян и в Германии были велики, но факт их фиксирования имел определенное значение в том смысле, что давал крестьянам известное право на определенные требования к господину. Конечно, помещики нарушали нормы и требовали от крестьян больше повинностей, чем было записано в вакенбухе. Но нередко были случаи отказов крестьян выполнять эти требования, а то и решительные выступления. И «закон» при всем его помещичьем характере имел какое-то значение для защиты крестьян в подобных случаях. Сама возможность обращаться с жалобами на нарушения помещиками вакенбухов в какой-то степени умеряла их аппетиты.

Таким образом, у немецкого крестьянства было больше хозяйственной самостоятельности. Уже в крепостную эпоху в Германии образовался слой зажиточных крестьян. Эти крестьяне, а также и помещики еще тогда в заметных размерах применяли наемный труд. В России эти явления тоже имели место, но в значительно меньших размерах, в зачаточном виде. Даже среди государственных крестьян слой зажиточных был весьма невелик.

Большие различия были и в условиях ликвидации крепостных отношений. В Германии они начались раньше, чем в России. Так, дворцовые крестьяне были освобождены законодательными актами в период 1777—1809 гг., причем последние остатки барщины были отменены в Пруссии в 1805 г. В связи с этим был дан толчок перестройке на капиталистический лад хозяйств дворцовых арендаторов, пользовавшихся раньше барщиной, и некоторой части крупных крестьян. В пользу первых были про-

изведены (в Померании) освобождение их земель от общинного пользования, целесообразная консолидация земли, введена так называемая мекленбургская система хозяйства (Schlagwirtschaft), срок аренды продлен с 6 до 18 лет, хотя арендная плата была несколько повышена. Этим повышением реформаторы воспользовались, чтобы несколько снизить оброк, что благотворно сказалось на крупных крестьянских хозяйствах.

Еще радикальнее, чем в Пруссии и Померании, была произведена реформа дворцовых крестьян в Курмарке. Барщина здесь была отменена даже для домовников в расчете на то, что в свободное время они будут работать в качестве поденщиков. Таким образом, был взят сознательный курс на образование постоянного контингента сельскохозяйственных рабочих. В Силезии также еще в начале XIX в. большинство дворцовых крестьян было освобождено от принудительных повинностей.

Нельзя недооценивать и того факта, что освобождение дворцовых крестьян в Пруссии сопровождалось превращением их в наследственных чиншевиков. Фактически это означало утверждение права крестьянской собственности на землю, хотя и за выкуп, «к чему более зажиточные из них стремились давно»¹.

В литературе нет недостатка в свидетельствах, насколько тяжелой ценой покупалась свобода германскими крестьянами. Кнапп приводит интересное описание проповедником Шютцем хозяйства дворцовых крестьян после освобождения, рисуя действительно тяжелое их положение². Однако здесь же приводятся и такие данные, которые указывают, что «дворцовые крестьяне в Померании, которые еще до войны (имеются в виду наполеоновские войны.—А. А.) сделались свободными от принудительной службы наследственными арендаторами, находились в несравненно лучшем положении, чем частновладельческие крестьяне, пребывавшие еще на старых правах»³. Заметим, что как Шютц, так, видимо, и Кнапп имеют в виду крупных крестьян. Шютц пишет, например, что «крестьяне» держали обычно 6—8 лошадей и 4 вола, а из людей 2 работников, 2 девок и 1 подростка.

Мероприятия по освобождению частновладельческих крестьян начались в Пруссии с 1807 г., когда Фридрих-Вильгельм III подписал указ, отменявший крепостную зависимость крестьян от помещиков. Устанавливалось льготное владение и свободное пользование земельной собственностью. С 1811 г. началось так называемое регулирование. Крестьянину было передано неограниченное право собственности на его двор и отменялись все

¹ Г. Ф. Кнапп, Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях Прусской монархии. СПб., 1900, стр. 91.

² Там же, стр. 198—199.

³ Там же, стр. 200.

обязательные отношения. В виде выкупа дворохозяин должен был отдать помещику $\frac{1}{3}$ наследственного участка и $\frac{1}{2}$ пожизненного. Но в 1816 г. из-под действия закона 1811 г. были выведены мелкие участки, впоследствии присвоенные помещиками, согнавшими с них крестьян. С 1821 г. началась «сепарация» — устранение чересполосицы и дробности крестьянских дворов. Упразднялись или сильно ограничивались права крестьян на общее пользование лесами и пастбищами. Фактически остатки крепостного права в Пруссии дожили до революции 1848 г., под влиянием которой законами 50-х годов они были окончательно уничтожены.

В Баварии крепостное право было отменено конституцией 1808 г., но только в 1848 г. отменен помещичий вотчинный суд (в Пруссии — с 1850 г.). Была отменена барщина (без вознаграждения помещиков) и введен выкуп разных поземельных сборов при помощи особой выкупной кассы. Выкуп сделан принудительным только с 1872 г.

В Вюртемберге крепостное право отменено в 1817 г., выкуп начался в 1836 г. и завершился в 1863 г.

В Бадене с 1820 г. был разрешен выкуп барщины по требованию крестьян. В Саксонии рентный банк для содействия выкупу был устроен в 1832 г., выкупная операция протекала быстро.

Частновладельческие крестьяне, подвергшиеся «регуливанию... после 1811 г.», лишились части земли и несли большие тяготы по выкупу. Но крупные крестьяне часто оставались в выигрыше. Так, в Померании «крестьяне, уступившие помещику половину надела, получают с остальной половины почти столько же, сколько получали раньше со всего...»⁴

В Бранденбургской Марке «крестьянин уменьшил количество содержащего скота, а помещик приобрел только четверть того количества, которое прежде крестьянин держал для него», а производство не сократилось⁵. Менее благоприятны для крестьян были последствия регулирования в Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Здесь многие хозяйства разорились и погибли. Сколько-нибудь точной статистики, отражавшей ход реформы в Германии, не имеется. По расчетам Кнаппа, в пяти старых провинциях (Пруссии, Померании, Бранденбурге, Верхней Силезии и Познани) до конца 1848 г. из всего числа ласситов и арендаторов с полной конной упряжкой регулированию подверглось 70,6 тыс., или 71%⁶.

По сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами это немного, но так как регулированию подлежали хозяйства с пол-

⁴ Там же, стр. 200.

⁵ Там же, стр. 201.

⁶ Там же, стр. 223.

ной упряжкой, а закон 1827 г. ввел еще большее ограничение — владение не менее 25 моргенов земли (для огородников), то в выигрыше оказались наиболее крупные крестьянские хозяйства. Большое число крестьян, пользовавшихся мелкими участками, было согнано с земли. Они составили значительный слой наемных рабочих для сельского хозяйства и городской промышленности.

Хозяйства зажиточных крестьян и помещиков образовали емкий внутренний рынок для промышленности, а обезземеленная, пролетаризирующаяся часть деревни предъявила спрос на промышленные изделия и на продукты сельского хозяйства; для капиталистического развития имело значение и выгодное положение страны по отношению к внешним рынкам. Несмотря на тормозящее влияние некоторых пережитков крепостничества, промышленное развитие страны пошло значительно быстрее, чем в России. В промышленность была инвестирована и немалая доля капитала, полученного помещиками в качестве выкупа с крестьян, тогда как у русских помещиков выкупные суммы по большей части пошли на покрытие долгов и на непроизводительные расходы. Промышленность Германии оттянула на себя избыточное сельское население, и в деревне не образовалось характерного для России аграрного перенаселения.

Едва ли здесь есть необходимость излагать условия освобождения крестьян в России. Читателю они хорошо известны по имеющейся обширной литературе, а из приведенного описания освобождения немецких крестьян можно мысленно представить себе и различия в этих условиях. Остановимся лишь на самых необходимых моментах.

Русские крестьяне, будучи тоже ограбленными, вышли на выкуп значительно позже немецких, причем условия выкупа были для них более тяжелыми. Отличием было также то, что в России наделение крестьян проходило в общем по уравнительной норме, причем землей наделялись почти все крестьяне, за исключением сравнительно небольшого числа дворовых. Реформа 1861 г. не образовала большого слоя обезземеленных сельских пролетариев. Сельскохозяйственный пролетариат должен был еще создаваться. Подавляющая часть крестьян оказалась прикрепленной к клочкам земли на время выкупа.

Одним из важных отличий было то, что в России после освобождения свыше $\frac{4}{5}$ надельной земли оказалось в общинном землепользовании, причем община носила одновременно административно-фискальный и земельно-регуляционный характер (в Германии остатки старых общин — альменд встречались к концу XIX в. в виде пользования общими угодьями как весьма редкий пережиток). До 1907 г. в России почти отсутствовала обычная для Германии свободная мобилизация крестьянской земли.

Мы не останавливаемся на таких сильных ускорителях развития Германии и ее сельского хозяйства, как объединение немецких государств и победоносная война против Франции. При всем их значении определяющими факторами аграрного развития обеих стран, на наш взгляд, явились различия в характере крепостного права, времени и обстоятельствах его ликвидации.

Условия реформы определили и характер развития помещичьего хозяйства в России. Главным обстоятельством, определявшим его своеобразную роль в капиталистическом развитии страны, было то, что это хозяйство было связано с латифундизмским землевладением, являвшимся носителем и оплотом пережитков крепостничества в деревне. Частное помещичье землевладение в России по размерам имений и концентрации земли в руках отдельных лиц не имело себе равных не только в Европе, но и во всем мире, исключая некоторые страны Латинской Америки. Латифундии уже в силу своих огромных размеров не могли быстро перестраиваться на капиталистический лад, хотя такая перестройка, начавшись после крестьянской реформы 1861 г., шла безостановочно. Но главным препятствием были те условия, в которых оказалось после реформы крестьянское хозяйство. Малоземелье крестьян, являвшееся оборотной стороной многоземелья помещиков, ставило большую часть из них в положение арендаторов помещичьей земли, а целая система экономических, фискальных и административных мер давления на крестьян обуславливала кабальный характер их зависимости от соседней помещичьей экономии. Прикрепление крестьян к ничтожному наделу обеспечивало помещикам целых районов возможность обрабатывать землю крестьянским инвентарем и скотом путем отработок за сданную им землю, за ссуду деньгами или хлебом и т. д. Землепользование в помещичьем имении представляло собой обычно сочетание трех компонентов: земли, обрабатываемые наемным трудом и собственным инвентарем; площади, на которых полностью или для отдельных операций использовался крестьянский инвентарь и рабочая сила (за отработки или за деньги); земли, сдаваемые в аренду (также за деньги или за отработки). Удельный вес этих компонентов варьировал в самых широких пределах, вплоть до полного отсутствия того или иного способа. В ряде районов уже к началу рассматриваемого периода преобладающим стал первый, капиталистический способ обработки помещиками своей земли. Но в целом по России львиная доля помещичьих пахотных и луговых земель обрабатывалась крестьянами, их скотом и инвентарем. Это явление, которое В. И. Ленин определял, как преобладание мелкой культуры на крупных латифундиях, имело чрезвычайно важное значение, так как служило экономической основой крестьянской борьбы за землю, за ликвидацию помещичьего землевладения, за

американский, фермерский путь развития сельского хозяйства.

Процесс превращения крепостнической латифундии в капиталистическую экономию был сложным и противоречивым. Сама эта перестройка, находясь в русле общего капиталистического развития страны, была, несомненно, явлением прогрессивным. На той части имения, где заводилось капиталистическое хозяйство, оно велось часто с применением более совершенных, чем у крестьян, орудий и агротехнических приемов, отличалось более высокими урожаями хлебов, удоями и т. п. Опыт некоторых передовых хозяйств перенимали зажиточные крестьяне. Крупные латифундии нередко являлись в то же время и крупнейшими в округе очагами концентрации капитала. Все это и дало некоторым исследователям основание характеризовать помещичье хозяйство как прогрессивное. Между тем, учитывая все изложенное выше, нельзя не признать такой взгляд односторонним и в конечном счете неверным.

Конкретный материал по целому ряду имений показывает, что по самой своей природе латифундии не могли заключать в себе таких внутренних хозяйственных импульсов, которые стимулировали бы их эволюцию и ставили во главе капиталистического прогресса в сельском хозяйстве страны. Помещичье хозяйство, основанное, как правило, на эксплуатации дешевого труда и инвентаря закабаленных окрестных крестьян, не отказывалось, пока существовали возможности, от этого способа ведения хозяйства. Только когда под гнетом той же латифундии у крестьян сокращается количество скота и орудий, экономия восполняет их убыль своими средствами производства и обычно только в той мере, в какой произошла убыль. Именно разорение соседних крестьян становится той силой, которая толкает полукрепостническую латифундию вперед, к новым, более совершенным формам производства. Отсюда инертность, медленность прогресса, косность и рутина в организации большинства экономий. Таким образом, помещичье хозяйство, задерживая капиталистическое развитие крестьянского хозяйства, и само по себе не становилось носителем прогресса производства.

Кабальную эксплуатацию крестьян, которые еще не лишились средств производства, владельцы перестраивающихся имений продолжали нередко в еще более жестких формах. Этому, в частности, способствовала собственная запашка, расширение которой сокращало предложение земли в аренду, вело к повышению арендных цен и увеличению отработок за арендную землю. Эта запашка становилась своеобразным конкурентом соседних крестьян и одновременно усиливала конкуренцию между ними как арендаторами. В качестве таких же конкурентов для крестьян иногда служили собственные помещичьи сельскохозяйственные машины и орудия. Некоторые помещики даже не пользо-

вались машинами, держа их как угрозу пустить в ход в случае стачки крестьян.

Большие размеры хозяйства и сдаваемых в аренду площадей, а следовательно, и значительная масса дохода позволяли владельцам крупнейших имений не придавать особого значения доходности с единицы площади, платить повышенную заработную плату, продавать дешевле продукты, ставя тем самым в невыгодные условия менее крупные хозяйства, подрывая устои капиталистической рационализации. Лишь немногие предприятия, основанные на латифундиях, могли действительно показать преимущества крупного хозяйства в организационно-техническом смысле.

Как уже сказано, больше половины пахотных, луговых и пастбищных угодий сдавалось помещиками в аренду, а в последней, как это с достаточной достоверностью установлено, преобладала голодная, кабальная крестьянская аренда из-за нужды в земле. Небольшая часть земли, составлявшая собственное хозяйство помещиков, в значительной мере обрабатывалась при помощи крестьянского инвентаря. Капиталистически обрабатываемая помещиками земля составляла незначительную долю всего частного землевладения. Даже с учетом той небольшой части сдаваемых в аренду земель, на которой арендаторами велось капиталистическое хозяйство, преобладание оставалось на стороне кабально-крепостнической аренды плюс отработочного хозяйства. Только с такой точки зрения, т. е. с учетом не только способа ведения собственного хозяйства, но и форм использования остальной земли, можно, думается, правильно понять утверждение В. И. Ленина, сделанное в 1906 г.: «В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства. Кто отрицает это, тот не сможет объяснить теперешнего широкого и глубокого революционного крестьянского движения в России»⁷.

Изложенное выше, на наш взгляд, дает основание считать, что приведенное ленинское положение оставалось в силе вплоть до 1917 г. В этом убеждает и широкий размах крестьянской борьбы против помещиков в 1917 г.

В течение рассматриваемого периода помещичье хозяйство сделало определенные успехи в укреплении своей материально-производственной базы, что выразилось прежде всего в значительном расширении применения усовершенствованных машин и орудий. Однако степень обеспеченности ими была недостаточной и далеко не достигала уровня западноевропейских стран. В эксплуатации сельскохозяйственных рабочих широко были распространены кабальные формы (зимняя наемка, натуральная оп-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 249—250.

лата труда, расплата ярлыками и т. д.). Наемный труд в помещичьих экономиках был в значительной мере трудом закабаленных местных крестьян.

Материальная необеспеченность, неравноправие, темнота крестьян, зависимость от помещичьей экономики открывали простор для многочисленных проявлений хозяйственного паразитизма, свойственного, по словам Ленина, русской октябристской буржуазии, которая, однако, не могла сравняться в нем с помещиками.

Нельзя отрицать некоторого культурно-хозяйственного влияния передовых помещичьих экономий на окрестные зажиточные крестьянские хозяйства. Но даже для этих немногочисленных передовых экономий остается проблематичным вопрос о перевесе положительного влияния над отрицательным. Что же касается всей массы помещичьих хозяйств, то частные моменты его прогрессивного, культурно-хозяйственного влияния не могут идти ни в какое сравнение с тем тормозящим всякий прогресс крестьянского хозяйства гнетом крепостнических латифундий, который в рассматриваемый период не только не ослабевал, но еще более усиливался, несмотря на тот удар, который нанесла им революция 1905—1907 гг.

Все это в достаточной мере подтверждает правильность ленинского положения о том, что «это хозяйство *в целом* экономически реакционно»⁸.

Рассмотренные главные различия определили развитие аграрного капитализма в России и Германии хотя и по одному и тому же типу, но с разными темпами, вариациями и результатами.

Попробуем сравнить ход этого развития в обеих странах. Оговоримся, однако, что в нашем распоряжении имеется, в общем, очень ограниченный сопоставимый материал, дающий возможность провести такое сравнение лишь за позднее время и по самым укрупненным показателям. Но и эти показатели рисуют в общем весьма выразительную картину.

Обратимся к помещичьему хозяйству той и другой страны.

Основы эволюции по прусскому пути и здесь и там создавались еще до освобождения крестьян. В период разложения феодализма хозяйство в крупных доходных имениях, производивших сельскохозяйственные товары для продажи, велось на основе роста господской запашки, замены натурального оброка барщинным трудом. Но в хозяйствах немецких помещиков вольнонаемные рабочие и до отмены барщины использовались довольно широко, имелись свои орудия производства соответственно количеству этих рабочих. Ничего этого у русских помещиков не было или почти не было.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 405.

Лишившись дарового барщинного труда, и немецкие и русские помещики оказались перед необходимостью организовывать свое хозяйство целиком на вольнонаемном труде. Понятно, что для немецких хозяев, имевших уже определенную материально-производственную базу, эта задача не представляла очень больших трудностей. Немалую роль сыграли и выкупные платежи, значительная часть которых пошла на развитие помещичьего хозяйства.

Утратив право на барщинный труд, немецкие бароны уже не могли найти в деревне сколько-нибудь значительного слоя крестьянства с его инвентарем, которое можно было бы эксплуатировать. Богатые крестьяне имели возможность уклониться от этого, а обезземеленная и разоренная в ходе реформ масса не имела инвентаря. Выход был найден в создании слоя постоянных батраков, которых помещики сажали на свою землю, предоставляя дом, огород или участок полевой земли, иногда скот. Здесь, конечно, не обходилось без пережитков крепостнической эксплуатации, так как капитализм предполагает не наделение землей, а отделение от нее работника. «Если мы видим, — писал В. И. Ленин, — например, в Германии и особенно в Пруссии, что в число сельскохозяйственных предприятий попадают клочки земли (так наз. *Deputatland*), которые помещик дает батраку в счет заработной платы, то разве это не прямое переживание крепостничества?»⁹ При этом Ленин указывал, что хотя оно «в Германии совершенно ничтожно по сравнению с тем, что мы видим в России с ее знаменитой „отработочной“ системой помещичьего хозяйства, но все же это есть переживание крепостничества»¹⁰.

Особенность России состояла в наличии описанной выше отработочной системы ведения помещичьего хозяйства. Важно напомнить, что она развилась на основе прикрепления к земле огромных масс малоземельных крестьян, не могущих прожить со своего клочка. Вследствие слабого развития городской промышленности в деревне образовывался огромный запас излишних рабочих рук.

Ленин отмечал, что крестьяне пролетарируются, часто не имея возможности уйти из деревни¹¹, причем «они становятся наемными рабочими в условиях сохранения крепостнически-кабальных отношений»¹².

Существенной особенностью России было наличие огромных неосвоенных территорий, позволявших капитализму развиваться вширь, принимавших большие массы переселенцев из Европей-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 331.

¹⁰ Там же, стр. 332.

¹¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 174.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 317.

ской России. С 60-х годов до конца XIX в. в восточные районы ушло (включая ходоков) около 1,4 млн. человек. Большие размеры переселения за Урал приняло в XX в., особенно в годы столыпинской земельной реформы. По сравнению с естественным приростом населения Европейской России переселения за Урал и отлив в города можно представить в следующем виде (табл. 76).

Таблица 76

Прирост и убыль сельского населения Европейской России*

Годы	Естественный прирост сельского населения Евро- пейской России, тыс. человек	Убыль за счет пере- селения за Урал		Убыль за счет перехода в города Европейской России	
		тыс. человек	%	тыс. человек	%
1901—1905	7959,1	273,5	3,4	123,0	1,5
1906—1910	8567,9	2101,0	24,5	1789,8	20,9
1911—1913	5625,0	465,0	8,3	2348,7	41,6
Итого	22152,0	2839,5	12,8	4261,5	19,2

* «Движение населения в Европейской России» за 1901—1910 гг. СПб. — Пг., 1906—1916;
«Статистические ежегодники России» за 1904—1915 гг. СПб. — Пг., 1905—1916.

Таким образом, только в 1906—1910 гг. переселенцы составили около $\frac{1}{4}$ естественного прироста деревенского населения, в последующие же предвоенные годы их доля упала менее чем до $\frac{1}{10}$. Все большую долю крестьян стали поглощать города. Фактический рост городов Европейской России (за исключением естественного прироста городского населения) показывает, что города после кризисных лет начала века стали оттягивать из деревни до $\frac{1}{5}$ прироста, а в годы промышленного подъема поглощали свыше $\frac{2}{5}$ прироста сельского населения. И все-таки свыше половины прибыли населения оставалось в деревне. А так как размеры крестьянского землевладения увеличились в годы реформы не более чем на 6—7%, налицо было дальнейшее земельное утеснение и рост аграрного перенаселения, дальнейшее обострение противоречий на аграрной почве.

Насколько велики были размеры аграрного перенаселения в Европейской России, вернее, как велико было число лиц в деревне, рабочие руки которых были излишни по сравнению с объемом сельскохозяйственных работ, можно видеть из следующего приблизительного расчета:

	1901 г. ¹³	1913 г.	Рост в %
Сельское население, тыс. человек . .	86129,8	110267,5 ¹⁴	28,02
Общая площадь под посевами хлебов, тыс. дес.	67457,9	74971,2 ¹⁵	11,14
Требуется рабочих во время уборки хлебов, тыс. человек	15076,8	16795,6	11,14
Наличное число местных работников обоего пола	44724,8	57256,7	28,02
Занято в местной неземледельческой промышленности (фабрики, заводы, кустарные промыслы и проч.) . .	6609,2	8461,1	28,02
Избыток рабочей силы в деревне, тыс. человек	23038,8	32000,0	13,89

Итак, избыточное рабочее население деревни, составлявшее в начале XX в. 23 млн. человек, к 1913 г., несмотря на массовое переселение и отлив в города, возросло до 32 млн. (и это без учета вытеснения ручного труда машинами и интенсификации

Таблица 77

Городское население Германии и Европейской России в сравнении со всем населением *

Год переписи	Всего населения, тыс. человек	В том числе городского, тыс. человек	% ко всему населению	%
Германия				
				к 1882 г.
1882	45222	25997	57,5	100,0
1895	51770	33269	64,3	128,0
1907	61721	44039	71,3	169,4
Европейская Россия				
				к 1885 г.
1885	81725	9965	12,2	100,0
1897	93443	12049	12,9	120,9
1914	121780	18597	15,3	186,6

* Словарь «Грапат», т. 14, стр. 109; А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, стр. 98.

¹³ «Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России», ч. 1. СПб., 1903, стр. 16, 249.

¹⁴ «Ежегодник Министерства финансов на 1914 г.». Пг., 1914, стр. 3.

¹⁵ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Пг., 1917, стр. 35.

хозяйства, так как потребная норма рабочей силы принята нами неизменной).

Дело было здесь прежде всего в разной емкости городского рынка рабочей силы. Сравним размеры и темпы роста городского населения в Германии и в Европейской России.

Абсолютные данные таблицы 77 не совсем сравнимы, так как для Германии за городское население принята разность между всем и сельским населением, а в последнее не включались проживающие в селах лица, для которых земледелие не было главным занятием. Тем не менее, отчетливое представление об интересующем нас предмете можно составить и по этим данным. По темпам роста городского населения Россия даже несколько опережала Германию, но, если брать абсолютный рост, картина будет иной. В Германии ежегодный прирост неземледельческого населения составлял 722 тыс. человек, а в России — 298 тыс. При населении вдвое меньшем, чем в Европейской России, Германия увеличила неземледельческое население за 25 лет на 18 млн. человек, тогда как в России за 29 лет население городов возросло на 8,6 млн. человек.

Развитие капитализма привело Германию к такому положению, что в деревне обнаружилась нехватка рабочей силы. В 1912 г. в Германии было зарегистрировано 655 179 рабочих, главным образом поляков и украинцев¹⁶.

Движение сельского населения в Германии можно видеть по данным о числе лиц, живших доходами от сельского хозяйства как главного промысла. По годам переписей эти данные выглядят так (табл. 78):

Таблица 78
Сельскохозяйственное население Германии *

Год переписи	Всего населения, тыс. человек	В том числе занято сельским хозяйством, тыс. человек	% сельского населения	% к 1882 г.
1882	45222	19225	42,5	100,0
1895	51770	18501	35,7	96,2
1907	61721	17681	28,7	92,0

* Словарь «Гранат», т. 14, стр. 109.

Как видим из таблицы 79, Россия значительно отличалась от Германии характером движения сельского населения. В обеих странах шло сокращение доли сельского населения во всем на-

¹⁶ Р. Гербер. Германия. М., 1925, стр. 28.

Таблица 79

Сельское население Европейской России *

Год	Всего населения, тыс. человек	В том числе сельского, тыс. человек	% сельского населения	% к 1863 г.
1863	61176	55071	90,0	100,0
1885	81725	71760	87,8	130,3
1897	93443	81394	87,1	147,8
1914	121780	103183	84,7	187,4

* А. Г. Р а ш н и н. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.), стр. 98.

селении, однако в Германии этот процесс шел в 5 раз быстрее, чем в России. Но, самое главное, в Германии имело место абсолютное сокращение сельского населения: за 25 лет оно сократилось на 8%. В России, наоборот, сельское население возрастало абсолютно и за 50 лет увеличилось почти вдвое (на 87,4%).

Крайне неблагоприятные социально-экономические условия, в которых находилось крестьянское хозяйство в России по сравнению с Германией, чрезвычайно затрудняли развитие сельскохозяйственного производства, все более отстававшего от западноевропейского, в том числе и от германского.

Наличие дешевой, почти даровой рабочей силы, пережитки крепостничества в разных формах были тормозом и для развития помещичьего хозяйства. Поэтому сельское хозяйство России продолжало сохранять экстенсивный характер. Интенсификация его происходила чрезвычайно медленно. Это было также связано с указанной выше возможностью для развития капитализма вширь. В Германии имелись некоторые возможности для колонизации ее восточных областей, но они не могли идти ни в какое сравнение с возможной емкостью внутренних колонизационных районов Российской империи. Это обстоятельство также сыграло большую роль в том, что германское сельское хозяйство быстрее пошло по пути интенсификации производства.

Мировой сельскохозяйственный кризис по-разному повлиял на хозяйство обеих стран. Большинство русских помещиков искало выход в сокращении вложений капитала в землю, в переложении тягот кризиса на крестьянство путем возврата к отработкам, во внедрении испольтины, сдачи земли в аренду. Немецкие бароны, не пренебрегая возможностью усилить гнет крестьян, все же в массе шли по пути ускоренной интенсификации земледелия, перехода к более доходным отраслям хозяйства, в частности, к дальнейшему развитию животноводства.

Наиболее важным экономическим показателем капиталистического земледелия является уровень вложения капитала в средства производства. В этом отношении Германия и другие европейские страны далеко опережали Россию. Накануне первой мировой войны капиталовложения в средства производства составляли (в руб.) ¹⁷:

	В России	В Германии
На одного сельскохозяйственного работника	15,0	130,0
На один гектар посева	8,6	31,0

Сильно отставала Россия по применению искусственных удобрений. Половина их ввозилась из-за границы, тогда как Германия не только полностью удовлетворяла спрос своего земледелия, но и вывозила удобрения. Например, в 1913 г. она вывезла около 63 млн. пудов искусственных удобрений ¹⁸, т. е. больше, чем потребляла их вся Россия.

Значительная разница обнаружилась и в области животноводства. Сравним обеспеченность скотом сельского населения России и Германии накануне первой мировой войны ¹⁹:

	Европейская Россия	Германия
Площадь обрабатываемой земли и лугов, тыс. дес.	101006	31521
Сельское население, тыс. человек	103183	25955
Скот всех видов в переводе на крупный, тыс. штук	48725	23195
Приходилось скота:		
на 100 дес. сельскохозяйственной площади	48	84
на 100 человек сельского населения	47	90

Более высокая «плотность» поголовья скота относительно численности сельского населения и сельскохозяйственной территории в Германии имела два важных следствия: большие доходы от самого животноводства и накопление вдвое большего количества органических удобрений.

Сравнительно высокая агротехника, большое количество органических и искусственных удобрений обусловили значительный

¹⁷ «Труды Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов», т. 1. Изд. 2. М., 1936, стр. 77.

¹⁸ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», стр. 428—429.

¹⁹ Расчет составлен по данным: «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Пг., 1917, стр. 2, 236, 249; данные о населении: А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.), стр. 98; А. Петрушов. Аграрные отношения в Германии. М., 1945, стр. 162; по Германии данные о населении за 1910 г., о численности скота — за 1912 г.; по России данные за 1913 г.

рост урожайности полей Германии. Сравним урожайность главных хлебов и картофеля за 1911—1914 гг. (в пуд. с дес.) ²⁰:

	Россия Германия			Россия Германия	
Пшеница	44	146	Овес	51	127
Рожь	53	120	Картофель . .	488	904
Ячмень	55	140			

Как видим, урожайность хлебов в России была в 2,5—3 раза ниже, чем в Германии, картофеля — почти в 2 раза.

Главная причина всех этих различий в пользу Германии состояла в более высокой степени капиталистического развития германской деревни.

О глубине проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство надо судить прежде всего по степени распространения наемного труда. Строго сопоставимых данных привести, к сожалению, невозможно, но из материалов переписей все же можно составить некоторое представление об этом.

Всероссийской переписью населения 1897 г. было учтено в России ²¹:

Лиц, живущих от земледелия и животноводства как главного занятия, тыс. человек	92810,6
В том числе наемных сельскохозяйственных рабочих, тыс. человек	2133,1
%	2,3

С. Г. Струмилиным были учтены поденщики и чернорабочие как по главному занятию, так и по подсобному промыслу. В переводе на годового работника Струмилин насчитал всего 4540,3 тыс. человек сельскохозяйственных рабочих ²². По отношению ко всему сельскохозяйственному населению (97 млн. человек) они составляют 4,7%, ко взрослому населению их доля будет приблизительно равна 9,5%.

В Германии по переписи 1907 г. в сельском хозяйстве насчитывалось рабочих (в тыс. человек) ²³:

Хозяев	2552,4
Семейных рабочих (помощников)	6727,5
Наемных рабочих	3884,5
Всего	13164,4
Доля наемных рабочих, %	29,5

²⁰ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», стр. 117—118.

²¹ «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года», II. СПб., 1905, стр. LI.

²² «Наемный труд в сельском хозяйстве». М., 1926, стр. 8.

²³ А. Петрушов. Указ. соч., стр. 101.

Как видим, применение наемного труда было значительно более развито в Германии, которая в три с лишним раза превосходила Россию в этом отношении. Из этого сопоставления видно, насколько еще велик и долгов был для России путь к перестройке своего сельского хозяйства на капиталистический лад. Тот факт, что помещики пытались направлять развитие по прусскому пути в его худшей русской разновидности, делал этот путь особенно затычным и мучительным для крестьянства.

Было бы чрезвычайно интересно провести сопоставление данных об имущественном и социальном расслоении русского и немецкого крестьянства. К сожалению, в этом смысле наши возможности еще более ограничены, так как сопоставимых материалов не имеется. При беглом же, поверхностном взгляде на итоги переписей можно прийти к ошибочным выводам. Так, обычно бросается в глаза огромная доля мельчайших, parcelлярных хозяйств в Германии, что невольно ведет к аналогии с преобладанием хозяйств беднейшего, находящегося на грани разорения и нищеты крестьянства в России. Но и тут дело оказывается значительно сложнее.

По переписи 1907 г. в Германии насчитывалось всего 5736,1 тыс. хозяйств, в том числе хозяйств, имевших до 2 га земли, — 3378,5 тыс., или 58,9%. По определению В. И. Ленина, это пролетарские хозяйства, за немногими исключениями²⁴. Были такие хозяйства и в России. По переписи 1917 г. на Украине и вошедших в подсчет 278 887 крестьянских хозяйств, имевших посе́вы, насчитывалось с посе́вом до 2 дес. (возьмем для условного сравнения имеющуюся в источниках посе́вную группировку) 107 311 хозяйств²⁵. Если наряду с крестьянскими учесть помещичьи хозяйства (0,8%), получим, что parcelльные дворы составляли 38,1% всех сельскохозяйственных «предприятий» (по терминологии немецкой статистики). Процент достаточно высок, хотя и намного ниже, чем доля 2-гектарных хозяйств Германии.

Но важно отметить другое. «Из „хозяев“, имеющих до 2 гектаров земли, большинство — наемные рабочие по главному своему занятию. Земледелие для них подсобный промысел. Из 3 378 509 предприятий этой группы 2 920 119 представляют из себя побочный промысел (Nebenbetriebe). Самостоятельных земледельцев, в том числе которые имеют *кроме того* побочный промысел в виде неземледельческих занятий, совсем небольшое меньшинство, всего 14%: 475 тыс. из 3,4 миллиона»²⁶.

Обратимся вновь к Украине. Из 107,3 тыс. parcelлярных хозяйств побочные заработки имели 27,5 тыс. хозяйств, или всего

²⁴ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 19, стр. 329, 330.

²⁵ «Підсумки вибіркового підрахунку сільсько-господарського перепису 1917 року». Харків, 1931, стор. 118—123.

²⁶ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 19, стр. 331.

лишь 25,7%. Даже если учесть сокращение занятости работой по найму в связи с войной, все же нельзя не прийти к выводу, что степень пролетаризации деревенских низов, как и возможности для нее, были куда выше в Германии по сравнению с Россией. Разорение хозяина здесь влекло за собой не столько превращение в пролетария, в наемного рабочего, сколько пауперизацию.

Положение трудящегося крестьянства при капитализме всегда и всюду характеризуется более или менее быстрым разорением, хозяйство его существует за счет сокращения потребления ниже физического минимума, за счет тяжелого, изнурительного труда без меры и времени. Немецкое трудовое крестьянство не представляло в этом смысле какого-либо исключения. Однако и в этом отношении имелись весьма существенные различия между двумя странами. Ничего похожего на жизнь русского крестьянина на рубеже XIX и XX столетий нельзя было наблюдать в Германии в это время.

Своеобразные «ножницы», расхождение линий одного и того же прусского пути развития капитализма показывали знаменитые русские голодовки. В то время, когда Западная Европа давным-давно забыла о массовых голодовках крестьян, в России они не только не были изжиты, а наоборот, становились все более грандиозными. Так, после всех «успехов» столыпинской буржуазной перестройки деревни, в 1911 г. в России разразился очередной и самый большой голод, охвативший 20 губерний с населением в 30 млн. человек. Крестьяне за бесценок распродавали наделы, скот и т. п. Продавали даже девушек, как во времена рабства²⁷.

«Почему в России и только в России, — спрашивал Ленин, — сохранились еще эти средневековые голодовки рядом с новейшим прогрессом цивилизации? Потому, что новый вампир — капитал — надвигается на русских крестьян при таких условиях, когда крестьяне связаны по рукам и ногам крепостниками-помещиками, крепостническим, помещичьим, царским самодержавием»²⁸.

«Это, — пояснял Ленин, — голодовка мелких хозяйчиков. Это — картина кризиса *все того же* старого, кабального, нищего и задавленного крепостническими латифундиями крестьянского хозяйства. Таких голодовок при крупных *не*крепостнических поместьях, при капиталистических латифундиях в Европе не бывает и быть не может»²⁹.

Приведенные сравнения показывают несомненно большое превосходство германского сельского хозяйства над российским. Однако причины этого превосходства отнюдь не следует видеть

²⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 196.

²⁸ Там же, стр. 97.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 19.

в каких-либо достоинствах того пути развития капитализма, по которому шло сельское хозяйство Германии. Наоборот, этот путь был, как и в России, путем медленной эволюции, сопровождавшейся мучительным для крестьян, тянувшимся многие десятилетия изживанием многочисленных и тяжелых пережитков крепостничества. Ленин отмечал, что наличие больших масс крестьянских хозяйств, характерное для многих европейских государств, свойственно не всем капиталистическим странам. В США, например, хозяйства с доходом не менее 500 долларов и с площадью земли до 8 га, считавшиеся там мелкими, составляли 11,8%, тогда как в Германии хозяйства с площадью земли до 5 га составляли 76,4% и даже хозяйств размером более 2—5 га насчитывалось свыше 40% от всех хозяйств размером более 2 га³⁰. «Очевидно,— заключал Ленин,— при отсутствии традиций крепостничества (или при более решительном уничтожении всех следов его), при отсутствии (или ослаблении) гнета поземельной ренты над сельскохозяйственным производством капитализм в земледелии может существовать и даже развиваться с особенной быстротой без создания миллионного кадра батраков и поденщиков с надломом»³¹.

Все это дает нам право, учитывая соответствующее высказывание Ленина, сделать вывод, что по сравнению с американским путем развитие сельского хозяйства в Германии надо признать медленным. И, наоборот, по сравнению с Россией это развитие надо признать чрезвычайно быстрым. Уже из одного этого факта можно судить, насколько сильнее и глубже были в России пережитки крепостничества, чем в Германии.

Особенности развития аграрного капитализма России и Германии определили и судьбу прусского пути в этих странах. Обратимся к одному из наиболее важных в настоящем случае ленинских документов — известному письму В. И. Ленина И. И. Скворцову-Степанову. Припомним предмет разногласия. И. И. Скворцов-Степанов был убежден в том, что в России уже утвердился буржуазный аграрный строй, а потому крутой переход от капитализма прусского типа к американскому стал невозможен. Скворцов-Степанов считал, что революционное движение в российской деревне — это движение «пролетариизирующегося крестьянства», а следовательно, оно преследует, упрощенно говоря, не буржуазно-демократические цели, а стремление к социалистическому переустройству общества. Не отрицая факты пролетариизации крестьянства, Ленин вместе с тем решительно отвергал соображения Скворцова-Степанова. «Я не отрицаю,— писал он,— возможности „прусского“ пути... я признаю, что политика Столыпина делает *еще* шаг вперед по „прусскому“ пу-

³⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 334.

³¹ Там же.

ти, и что на этом пути на известной ступени *может* наступить диалектический перелом, *снимающий* с очереди все надежды и виды на „американский“ путь. Но я утверждаю, что *сейчас* этот перелом, *наверное*, еще не наступил и что поэтому абсолютно недопустимо для марксиста, абсолютно неверно теоретически откачиваться от „классической“ постановки вопроса»³².

Для обоснования своей точки зрения Ленин, между прочим, обратился к сопоставлению России и Германии.

Указав, что прусский путь развития окончательно победил в Германии уже к началу 70-х годов XIX в., Ленин писал: «И тогда Либкнехт отказался от бойкота парламента. И тогда *умер* спор лассальянцев с эйзенахцами. И тогда *умер* вопрос об *общедемократической* революции в Германии...»³³

Ленин первый указал на то, что в России, в отличие от Германии и других передовых стран Западной Европы, оставались возможными два пути буржуазной перестройки аграрного строя. Кроме прусского пути в России был возможен иной — американский — крестьянская ломка старого землевладения через общедемократическую, крестьянскую революцию. «У нас, — писал Ленин Скворцову-Степанову, — *еще* идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей. У нас при всяком кризисе *нашей* эпохи... *выступит*, обязательно выступит „о б щ е демократическое“ движение „мужичка“, и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, *на деле* приводящей к меньшевизму...»³⁴

Суммируя сказанное, Ленин настаивал на признании «*п р и н ц и п и а л ь н о й*» разницы в постановке вопроса в Германии и в России, принципиальной не в смысле того, чтобы у нас была некапиталистическая, а в смысле того, что *совсем* иные, принципиально иные *эпохи* капитализма: эпоха *до* окончательного утверждения национального пути капитализма и эпоха *п о с л е* такого утверждения»³⁵.

В Германии, таким образом, прусский путь уже стал прусским *ти п о м* аграрно-капиталистической эволюции; «а в России именно теперь идет революция *из-за того, как* сложится этот буржуазный строй»³⁶.

Различия в социальной структуре деревни обеих стран нашли свое выражение в позиции крестьянства в буржуазно-демократических революциях, происшедших в них в начале XX в.

В зависимости от уровня развития капитализма и других конкретно-исторических условий революционно-демократическое движение крестьянства может принимать различные формы и

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 226—227.

³³ Там же, стр. 231.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 231—232.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 361.

выдвигать разные требования. Оно способно вылиться в крестьянскую аграрную революцию с самыми радикальными требованиями вплоть до конфискации помещичьего землевладения и национализации всех земель, или в выступления за раздел конфискуемых земель в частную собственность крестьян, или ограничиться требованиями частичной конфискации, выкупа и т. д. Крестьянская революция под лозунгом национализации земли, как указывал В. И. Ленин, соответствует более ранней стадии развития капитализма, чем, например, требование раздела земли в частную собственность³⁷.

К моменту буржуазно-демократической революции 1918 г. капиталистическая аграрная эволюция в Германии продвинулась настолько далеко, что уже не могло быть речи о массовом движении крестьянства за национализацию всей земли. Требования сельского населения сводились в основном к частичной конфискации или выкупу помещичьей земли с разделом ее в частную собственность крестьян.

Напротив, в России, в которой, как писал В. И. Ленин в 1902 г., «буржуазная эволюция сельскохозяйственных отношений находится... только еще в начале»³⁸, массовое демократическое движение в деревне, развернувшееся в начале XX в., вылилось в мощную аграрно-крестьянскую революцию 1905—1907 годов, знаменем которой было всеобщее требование конфискации помещичьих имений и национализации всей земли в стране.

Первая русская революция окончилась поражением, но она показала царизму и помещикам, что при сохранении существующих аграрных порядков мира с крестьянством у них не будет. Перед лицом опасности, грозившей помещикам потерей их власти и доходов, царизм предпринял грандиозный по своим масштабам и целям социальный эксперимент, взяв курс на форсированное развитие буржуазных отношений в деревне путем обогащения деревенских верхов за счет отдаваемых на поток и разграбление общинных земель и разорения низших слоев крестьянства. Предполагалось, что создаваемый при этом слой богатых хуторян и отрубников явится новой социальной опорой царизма в деревне, вступит в блок с помещиками против остального крестьянства. С ростом применения наемного труда в хозяйствах «новых помещиков» и массовым переселением крестьян за Урал связывались надежды на ликвидацию аграрного перенаселения и уменьшение земельной тесноты в центре страны.

Послужив определенным толчком дальнейшему развитию капиталистических форм земледелия, столыпинская аграрная реформа, как известно, окончилась грандиозным крахом. Достаточно многочисленного слоя «крепких хозяев», заинтересован-

³⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 298—302.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 318.

ных в сохранении создаваемых реформой земельных порядков, царизму создать не удалось. Аграрное перенаселение в Европейской России не только не уменьшилось, но, наоборот, сильно возросло, а малоземелье крестьян стало еще более острым. Наконец, как показывают приведенные выше данные, помещичьи латифундии в России основой капиталистического хозяйства на земле не стали. Темпы и формы их капиталистической эволюции не обеспечивали буржуазного преобразования аграрного строя страны по прусскому образцу.

Сельское хозяйство страны все более заходило в тупик, выходом из которого могла быть только новая буржуазно-демократическая революция. Опыт, однако, показал, что и эта мера в конкретных условиях России, вступившей в эпоху империализма, оказалась недостаточной. Выше было показано, насколько разнообразными и крепкими были уже связи интересов помещиков и крупной русской буржуазии. Пришедшая к власти в результате Февральской революции буржуазия сделала все, что могла, чтобы сохранить помещичью землю в руках ее владельцев, подавить попытки крестьян захватить эту землю. После известных колебаний и заблуждений трудящееся крестьянство России осознало, что из рук буржуазии оно не получит землю, что только в союзе с рабочим классом, в совместной с ним борьбе против объединенных сил помещиков и буржуазии могут быть осуществлены его вековые чаяния.

Список
крупнейших землевладельцев России конца XIX—начала XX в.

Фамилия	Число имений	В сколь- ких уездах	Общая площадь, тыс. дес.
Абамелек-Лазарев Семен Семенович, князь	11	13	820,5
Абамелек-Лазарева Мария Павловна, княгиня	2	1	45,5
Агарков Степан Федорович	8	4	255,0
Антонович Павел Васильевич	1	1	52,7
Аржанов Лаврентий Семенович	1	1	108,2
Базилевский Виктор Иванович	20	8	88,0
Базилевский Петр Алексеевич	7	5	32,4
Балашов Иван Петрович	2	2	22,4
Балашов Николай Петрович	2	2	14,8
Балашовы И. П. и Н. П.	3	4	309,1
Балашова Екатерина Андреевна	12	10	101,3
Барятинская Елизавета Дмитриевна, княгиня	1	1	42,7
Барятинская Елизавета Андреевна, княгиня	7	5	48,8
Барятинская Надежда Александровна, княгиня	8	7	69,4
Барятинский Александр Владимирович, князь	2	2	36,6
Барятинский Виктор Иванович, князь	6	3	31,4
Баташев Эммануил Иванович	2	2	62,7
Белосельский-Белозерский Константин Эсперович, князь	5	3	372,7
Бер Г. Д.	1	1	46,6
Бобринские («смелянские»), графы	9	4	71,9
Бобринские («тульские»), графы	8	6	57,4
Бобянский Александр Федорович	4	4	110,1
Борошнев Я. И.	2	1	31,2
Брешинский Василий Антонович	7	5	34,1
Браницкая Мария Евстафьевна, графиня	5	3	97,9
Браницкий Владислав Александрович, граф	4	3	75,5
Василевская Ольга Васильевна	4	2	57,4
Васильчиков Борис Александрович, князь	4	4	31,4
Воейкова Варвара Владимировна	2	2	45,3
Волконский Михаил Сергеевич, князь	9	7	42,4
Волконский Петр Михайлович, князь	4	2	33,4
Воронцова-Дашкова Елизавета Андреевна, графиня	8	8	71,4

Фамилия	Число имений	В сколь- ких уездах	Общая площадь, тыс. дес.
Воронцов-Дашков Илларион Иванович, граф	13	11	168,8
Воронцов-Шувалов Михаил Андреевич, князь	12	9	421,5
Всеволожский Александр Всеволодович	2	2	105,5
Вяземский Леонид Дмитриевич, князь	4	3	44,0
Гагарин Александр Петрович, князь	3	3	44,0
Гагарины Вера Федоровна и Сергей Сергеевич, князья	6	5	101,3
Гагарин Николай Николаевич, князь	10	10	64,8
Гельмерсен Виктор Федорович	6	5	75,6
Гогенлоэ Марии Львовны наследники, князья	11	4	58,3
Голицын Сергей Михайлович, князь	8	13	384,7
Демидова Павла Павловича (князя Сан-До- нато) наследники, князья	5	3	ок. 740
Дервиз Сергей Павлович	5	5	80,3
Долгорукие Александр Сергеевич и Ольга Петровна, князья	15	8	63,4
Дружинина Ольга Петровна	2	2	106,8
Друцкой-Лесецкий Эдвин Гиеронимович	2	1	51,6
Дурново Павел Петрович и Софья Петровна	7	4	123,6
Забелло М. И.	1	1	45,7
Зотовы братья	2	2	108,9
Зубова Платона Александровича наследники, графы	4	4	52,7
Каменские братья	2	2	115,1
Канкрин Виктор Иванович, граф	6	5	59,9
Келлер Мария Александровна, графиня	2	2	39,0
Кеневич И. И.	2	1	35,2
Кениг Леон Евгеньевич	2	1	41,5
Клейнмихель Константин Петрович] и Мария Эдуардовна, графы	11	6	64,2
Корф Николай Николаевич, барон	1	1	46,1
Кочубей Виктор Сергеевич, князь	7	4	67,0
Крапоткин, Алексей Иванович, князь	7	7	30,2
Красинская Магдалина Ивановна, графиня	2	1	38,4
Ливен Александра Константиновна, княгиня			
Лопухин-Демидов Николай Петрович, князь	нет свед.	нет свед.	61,8
	2	1	33,1

Фамилия	Число имений	В сколь- ких уездах	Общая площадь, тыс. дес.
Лугинин Владимир Федорович	2	1	195,6
Мальцев Анисим Михайлович	2	2	98,3
Мекленбург-Стрелицкие, герцоги	10	5	123,8
Меллер-Закомельские, бароны	3	3	214,0
Мещерская Мария Александровна, княгиня	5	5	49,3
Мингрельский Николай Давидович, князь	1	1	99,0
Мордвинов Александр Александрович, граф	8	8	164,7
Мусины-Пушкины Алексей Иванович и Любовь Александровна, графы	11	10	131,8
Нарышкин Василий Львович	4	4	134,9
Нарышкин Георгий Дмитриевич	2	2	39,4
Нарышкины Эммануил Дмитриевич и Александра Николаевна	1	1	51,5
Нессельроде Анатолий Дмитриевич, граф	5	4	34,0
Нечаев-Мальцев Юрий Степанович	9	9	141,0
Орлов-Давыдов Сергей Владимирович, граф	13	12	86,0
Орлов-Денисов-Никитин Алексей Фёдорович, граф	3	3	100,1
Орлова-Давыдова Анатолия Владимировича наследники, графы	16	10	242,0
Орловы Алексей Николаевич и Владимир Николаевич, князья	3	2	67,9
Остен-Сакен Христиан Карлович, барон	9	1	64,1
Охотников Владимир Николаевич	7	6	130,0
Пален Мария Ивановна, графиня	2	2	60,4
Панина Наталия Павловна, графиня	3	3	47,6
Паскевич-Эриванский Федор Иванович, князь	1	1	84,5
Пастухов Николай Петрович	1	1	182,1
Пашков Василий Александрович	13	9	425,4
Пляттер де Броэль Виктор Игнатьевич, граф	2	3	31,8
Поклевского-Козелл Альфонса Фомича наследники	6	6	298,5
Попов Юрий Васильевич	5	5	382,8
Потоцкий Иосиф Альфредович, граф	6	4	67,8
Потоцкий Константин Константинович, граф	5	4	188,8
Потоцкий Маврикий, граф	1	1	111,5
Прутченко Мария Федоровна и Сергей Михайлович	5	3	35,7
Пусловский Франц Владиславович	8	2	116,9
Радзивилл Антон Вильгельмович, князь	6	3	99,3

Фамилия	Число имений	В сколь- ких уездах	Общая площадь, тыс. дес.
Раевские Мария Григорьевна и Михаил Николаевич	1	4	85,4
Ратьков-Рожнов Владимир Александрович	7	7	123,4
Регель В. Э.	2	2	52,9
Рибопьер Георгий Иванович, граф	5	4	52,5
Родзянко Мария Павловна	1	1	60,4
Романовы:			
Александр Михайлович, вел. кн.	1	2	100,0
Михаил Николаевич, вел. кн.	3	4	183,0
Николай Николаевич, вел. кн.	2	2	169,0
Рукавишников Иван Васильевич	2	2	111,8
Рукавишников Константин Васильевич	2	2	78,6
Рыбников Валерий Рафаилович	3	2	48,2
Самарин Дмитрий Федорович	3	4	65,7
Сангушко Роман Владиславович, князь	1	1	61,8
Святополк-Мирские Николай Иванович и Клеопатра Михайловна, князья	11	8	53,2
Смеккая Ольга Ивановна	1	1	39,3
Соломирский Дмитрий Павлович	1	1	166,7
Стенбок-Фермор Александр Владимирович	3	3	129,3
Стенбок-Фермор Алексей Александрович	3	3	164,5
Стенбок-Фермор Мария Александровна	4	3	30,3
Столыпин Николай Алексеевич	5	5	31,6
Строганов Сергей Александрович, граф	2	9	1464,8
Струковы Александр и Ананий Петровичи	5	5	72,8
Суханов-Подколзин Борис Гаврилович	6	4	37,0
Сухомлинов Николай Федорович	2	1	37,5
Тимашева Екатерина Александровна	1	2	31,1
Терещенко Николай Артемьевич	3	3	42,8
Терещенко Федора Артемьевича наследники	11	нет св.	66,7
Тышкевич Иван Михайлович, граф	6	4	84,8
Тышкевич Иосиф Иосифович, граф	5	3	97,7
Уваровы Сергей Аполлонович и Софья Владимировна	4	3	119,5
Уваровы Игорь и Федор Алексеевичи, графы	3	3	32,3
Устинов Михаил Александрович	3	2	40,7
Ушковой Марии Григорьевны наследники	3	3	59,6
Фальц-Фейн С. Б.	1	1	56,6
Фальц-Фейн Ф. и К. и Юрицын К.	1	1	38,5
Харитоненко Павел Иванович	10	9	63,0

Фамилия	Число имений	В сколь- ких уездах	Общая площадь, тыс. дес.
Хрептович-Бутенев Константин Аполлинарь- евич	5	5	59,0
Челищев Сергей Михайлович	2	2	119,5
Чернышев-Кругликов Ипполит Иванович, граф	4	4	81,6
Швартц Евгений Григорьевич	?	7 губ.	62,0
Шевич Иван Егорович	6	2	40,9
Шереметев Александр Дмитриевич, граф	29	25	226,1
Шереметев Сергей Дмитриевич, граф	26	22	151,2
Шереметева Василия Петровича наследники	7	3	50,0
Шихобалов Антон Николаевич	8	6	125,3
Шоманский Антон Генрихович	3	2	47,7
Шувалова Елена Ивановна, графиня	1	1	52,0
Шуvalов Павел Андреевич, граф	4	2	30,8
Шуvalов Петр Павлович и Софья Львовна, графы	4	4	514,0
Юрьевич Ф. С.	2	2	31,2
Юсупова Зинаида Николаевна, княгиня	21	21	215,9
Юсупов Феликс Феликсович, князь (граф Сумароков-Эльстон)	4	3	31,2

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абамелек-Лазарев С. С. 45, 123, 125, 181, 382
 Абамелек-Лазарева М. П. 382
 Абамелек-Лазаревы 125, 255
 Авалов И. Д. 273
 Авраменко И. 167
 Агарков С. Ф. 382
 Адлерберг В. А. 343
 Амейе 303
 Андронников И. З. 278
 Анзимилов В. А. 282
 Аникин С. В. 7, 185
 Анненков П. С. 272
 Анненский Н. Ф. 151, 155, 177, 183
 Антонович П. В. 382
 Анфимов А. М. 17, 18, 72, 84, 85, 87, 140, 152, 318
 Апраксин А. М. 273
 Апраксины 350
 Аржанов Л. С. 382
 Бабушкин А. К. 234
 Бажанов 303
 Базилевский В. И. 382
 Базилевский П. А. 382
 Балаховский Г. Г. 271
 Балашов Н. П. 196, 215, 382
 Балашова Е. А. 31, 173, 174, 290, 353, 382
 Балашовы 255, 348
 Балашовы И. П. и Н. П. 30, 31, 251, 252, 382
 Балда Г. 152
 Барановский П. В. 287
 Баратов Э. Д. 273
 Барк П. Л. 327
 Бартенев П. Ф. 301, 302
 Баршов С. 60
 Барышников А. И. 17
 Барятинская Е. А. 382
 Барятинская Е. Д. 382
 Барятинская Н. А. 30, 129, 382
 Барятинские 36, 179
 Барятинский А. В. 44, 382
 Барятинский В. И. 382
 Баталин Ф. А. 60
 Баташев Э. И. 382
 Безобразов А. М. 30
 Безобразов Ф. Ф. 273
 Бекетов В. А. 127, 128, 141
 Белосельские-Белозерские 179, 255, 274
 Белосельский-Белозерский К. Э. 275, 343, 344, 382
 Белавенец Н. Н. 107
 Белавенский Р. П. 88
 Бенкендорф А. Х. 43
 Бенкендорф Д. А. 271, 278
 Бенкендорф С. К. 271
 Беннигсен П. А. 271
 Беннигсен Э. П. 278
 Бенуа Ю. Ю. 226
 Бер Г. Д. 382
 Бертенсон В. А. 84, 159, 162
 Бибииков М. М. 271
 Бишлер 311
 Бобринские 31, 171, 183, 212, 263, 267
 Бобринские («смелянские») 55, 258, 262, 263, 267, 310, 382
 Бобринские А. А. и Л. А. («тульские») 90, 267, 269, 272, 278, 311, 339, 382
 Бобринский В. Л. 269
 Бобянский А. Ф. 382
 Богданов С. М. 75
 Бодиско Д. М. 234

Борисовские 295
 Борошнев Я. И. 382
 Бразоль Е. Л. 325
 Брандес А. А. 311
 Браницкая М. Е. 382
 Браницкие 31
 Браницкий В. А. 382
 Брешинский В. А. 382
 Бродские 267, 268
 Бродский Э. К. 234, 262, 267
 Буда-Жемчужников М. А. 241, 242
 Будаев Д. И. 17
 Будо И. И. 105
 Буксгевден А. А. 278
 Булацель М. П. 272

 Вавельберг 286
 Вайнштейн А. Л. 260
 Васильчиков Б. А. 128, 258, 348, 382
 Васильчиков П. А. 353
 Вдовин В. А. 280
 Верещагин П. 281
 Витте С. Ю. 257, 290, 322, 336, 357
 Воейков А. А. 117
 Воейков П. В. 282
 Воейкова В. В. 382
 Волков Е. Н. 284
 Волконский М. С. 179, 382
 Волконский Н. А. 273
 Волконский П. Д. 338, 342, 343
 Волконский П. М. 278, 382
 Волконский П. П. 353
 Вольф 176
 Воронков А. И. 119
 Воронцов М. С. 43
 Воронцов С. М. 173, 278
 Воронцова Е. К. 43
 Воронцовы 31
 Воронцов-Дашков И. И. 30, 273, 292, 314, 346, 348, 383
 Воронцов-Вельяминов И. В. 271
 Воронцов-Шувалов М. А. 383
 Воронцова-Дашкова Е. А. 30, 356, 382
 Воронцовы-Дашковы 291
 Врангель Г. Г. 278
 Врангель Н. Е. 273
 Всеволожский А. В. 383
 Вяземский Л. Д. 146, 383

 Гавеман Л. Р. 131
 Гагарин А. Е. 353
 Гагарин А. П. 383
 Гагарин В. Н. 197
 Гагарин Н. Н. 121, 300, 383
 Гагарин С. И. 195
 Гагаины 122, 241, 242, 246, 300, 306, 307, 350, 353
 Гагаины С. С. и В. Ф. 383

Галл С. В. 268, 336
 Геденов П. А. 107
 Гельмерсен В. Ф. 383
 Гендриков А. В. 272
 Гендриков А. С. 272, 273
 Гербер Р. 372
 Герц 10
 Гейден А. Ф. 230
 Гефтер М. Я. 257, 261, 262, 265, 266, 322, 357
 Гиндин И. Ф. 257, 318, 322, 330, 342, 357
 Гладиллин А. П. 249, 254
 Глебов В. П. 281
 Гогенлоз М. Л. насл. 383
 Голенищев-Кутузов-Толстой П. П. 271
 Голицын А. Д. 272, 278
 Голицын Б. Б. 273
 Голицын С. С. 43
 Голицын С. М. 31, 383
 Голицын-Остерман А. М. 352
 Голицына В. В. 268, 336
 Голицына С. 43
 Голицына С. К. 274
 Голицыны 269, 350
 Головин В. В. 211
 Головина Л. С. 327
 Гомилевский В. И. 253
 Гордеев А. И. 282
 Гордеев Н. 119
 Горчаков К. А. 353
 Горячев Н. Н. 282
 Граббе 166
 Граббе М. Н. 272
 Граве 258
 Грохольские З. С. и С. С. 278
 Гудович В. 272
 Гуменюк Е. Н. 17
 Гурвич И. А. 121, 279
 Гурко В. И. 52, 53, 278
 Гурко И. А. 343
 Гучков А. И. 186
 Гучков Н. И. 282

 Давид Э. 10
 Деконский А. С. 234
 Деконский С. С. 234, 281
 Демидова сан-Донато П. П. насл. 46, 383
 Демидовы 255
 Демченко В. Я. 278
 Демчинский 302, 303
 Денисов В. И. 243, 244, 247, 252
 Дервиз С. П. 383
 Джунковский В. Ф. 341
 Дим Н. 62
 Дмитриев 291, 292
 Дмитриев К. Д. 180, 181
 Дмитриев-Мамонов В. А. 273

Долгорукая О. П. 118, 119
 Долгоруков А. А. 273
 Долгорукие А. С. и О. П. 383
 Долгоруковы 350
 Драгомиров М. И. 58
 Дриль А. И. 134, 225
 Дроздов И. Г. 61, 62, 149
 Дружинин Н. М. 111
 Дружинина О. П. 383
 Друцкой-Любецкий Э. Г. 383
 Дурасов В. А. 271
 Дурново 154
 Дурново Д. Н. 278
 Дурново П. П. 269, 275, 309, 311, 312, 338, 383
 Дурново П. П. младший 154, 338
 Дурново С. П. 311, 312, 383
 Дюбюк Е. Ф. 146
 Дядиченко А. 40, 358

Евреинов В. Г. 278
 Евстафьев 134
 Енни 258
 Ермолов А. С. 6, 7, 8, 180, 353
 Ерофеев 54
 Ефимов Н. О. 105

Жемчужников Н. М. 242
 Жданов Н. В. 339
 Живкович 258
 Журавлев 54
 Журавлев М. Н. 348

Забелло Л. П. 278
 Забелло М. И. 383
 Забелло Н. Ф. 106
 Загоскин Д. Н. 278
 Заикин Ф. О. 86, 160
 Зан А. Ф. 258
 Захариади 159
 Звегинцев А. И. 284
 Звегинцев Н. А. 278
 Зворыкин Н. Н. 181
 Звягин М. 180
 Зилоти 291, 292
 Златопольский Г. З. 269, 270
 Зотовы 383
 Зубова П. А. насл. 36, 122, 306, 353, 383
 Зубовский М. Н. 276
 Зубовы 122, 278, 306

Иванов А. В. 56
 Иванов Л. М. 15, 16
 Ивония Е. В. 249, 250
 Иени 42
 Иллинич И. В. 105, 106, 108, 110, 221, 222
 Иост О. И. 197

Каган Д. Л. 174
 Казаков А. 50, 60
 Каменские 383
 Канкрин В. И. 383
 Капгер Н. И. 300
 Караваев А. А. 359
 Каратыгин Е. С. 278
 Каргин Г. А. 130
 Картавцев Е. Э. 271, 273, 278
 Катарджи И. 344
 Катарджи О. Н. 42, 258, 344
 Катков И. М. 284
 Каткова М. Н. 353
 Кауфман А. А. 8, 9, 79, 186, 187, 216, 218, 235
 Келлер М. А. 383
 Кеневич И. И. 383
 Кениг Л. Е. насл. 52, 149, 229, 230, 232, 239, 240, 275, 281, 296, 383
 Кисловский Л. Л. 353
 Клейнмихель К. П. и М. Э. 271, 383
 Клейнмихель П. А. 344
 Кнапп Г. Ф. 362
 Ковалев Е. А. 107
 Ковалевский В. И. 252
 Ковалевский П. И. 284
 Козин М. И. 15
 Коковцов В. Н. 258, 278
 Конаржевский С. 241
 Контрольский А. 157
 Коншин А. В. 334, 335
 Короленко С. А. 99, 177, 179
 Корф Н. Л. 343
 Корф Н. Н. 383
 Косинский В. А. 10
 Косич А. И. 42
 Котов П. Н. 76, 165
 Кох 269, 270, 311
 Коцебу 166
 Кочубей В. В. 150
 Кочубей В. П. 29, 30, 31, 240
 Кочубей В. С. 234, 383
 Кочубей Д. Е. 31
 Кочубей М. М. и К. Н. 31
 Кочубей П. А. 240
 Краинский В. Е. 149, 283, 285
 Крапоткин А. И. 383
 Крапоткин К. С. 271
 Красинская М. И. 383
 Краузе М. А. 226
 Крохалев Ф. С. 191, 192, 196
 Крупенская А. Н. 258, 344
 Крупенский П. Н. 273
 Крюденер Э. В. 278
 Крюденер-Струве Е. Н. 325
 Кудашев С. В. 272, 273
 Кулешов Н. Н. 281
 Кулешов П. Н. 232, 281
 Куракин А. А. 325

Куракин М. А. 271
 Куракина Т. Г. 231, 270, 271
 Куриленко Д. 333
 Кусов А. А. 273
 Кухнов И. Г. 122
 Кушелева-Безбородко 31

 Лазаревские 106
 Ламсдорф А. Н. и Д. А. 84
 Ланские А. М. и М. М. 279
 Ланской М. С. 271
 Ларин Ю. 13
 Лебедев А. И. 284
 Левицкий П. И. 190, 197
 Левшин В. А. 195
 Лейттенбергский 353
 Леляновы И. П. и П. И. 279
 Леман Р. А. 113, 114
 Ленин В. И. 5, 8, 9, 11—14, 19, 23, 24, 27, 40, 56, 61, 62, 73, 87, 92, 93, 116, 177, 183, 218, 222, 226, 255—257, 279, 280, 296, 359, 365, 367—369, 376—380
 Ленчнер С. 380
 Лесли М. А. 107
 Лещенко И. В. 215
 Ливен А. К. насл. 383
 Ливен Г. С. 273
 Липковского В. Г. насл. 172
 Лобанов-Ростовский Д. А. 351
 Лобашев М. Е. 224
 Логашев П. 295
 Локоть Г. В. 76
 Ломакин Ф. И. 258
 Лопухин П. 45
 Лопухин-Демидов Н. П. 343, 383
 Лугинин В. Ф. 384
 Любомирский 258
 Львов С. Е. 279
 Лященко П. И. 317

 Маас А. А. 211
 Мазаевы П. Д. и Г. Д. 232
 Мазараки 258
 Майдель Г. К. 279
 Майер Н. В. 160
 Макаров А. А. 42
 Мальцев А. М. 384
 Мамонтов В. Н. 343
 Маркс К. и Энгельс Ф. 10, 80, 81, 272, 289, 312
 Маслов П. П. 12
 Матвеев А. А. 325
 Медведев П. В. 233
 Мейендорф А. Ф. 224
 Мекленбург-Стрелицкие 17, 83, 149, 153, 202, 234, 384
 Меллер-Закомельские 384

Меллер-Закомельский В. В. 272
 Меньшиков А. 44
 Меньшиков-Корейш И. Н. 341, 350
 Мертваго А. П. 180, 181, 183, 210, 290
 Мещерская М. А. 384
 Мещерские 31, 115
 Мещерский А. В. 45
 Мещерский А. Н. 351
 Мещерский А. П. 181, 222, 253, 273, 279
 Мещерский В. А. 115
 Мещерский С. Н. 271
 Миддендорф А. Ф. 224
 Милованова 227
 Минарик Л. П. 16, 17, 28, 41, 42, 127, 177, 179
 Мингрельский Н. Д. 45, 384
 Михайлюк А. Г. 59, 150
 Мординов А. А. 384
 Мординов М. Д. 339
 Мусин-Пушкин А. А. 213, 229, 297
 Мусин-Пушкин 115, 213, 297
 Мусины-Пушкины А. А. и Л. А. 384

 Назаров 214
 Нарышкин В. Л. 179, 291, 292, 314, 343, 384
 Нарышкин Г. Д. 240, 241, 384
 Нарышкин Л. 314
 Нарышкин Э. Д. 384
 Нарышкина О. 44
 Нарышкины 31, 291, 292, 293
 Немчинов В. С. 221
 Неручев М. В. 73, 76, 77, 162, 163
 Нессельроде А. Д. 384
 Нечаев-Мальцев Ю. С. 384
 Николай I 43
 Нирод Д. М. 271
 Нолькен Э. К. 279

 Оболенские М. В., М. Л. и П. В. 279
 Оболенский А. А. 273
 Оболенский А. Д. 274
 Оболенский А. С. 258
 Оболенский Л. Н. 271
 Оболенский М. Л. 273, 279
 Оболенский С. Д. 325
 Обренович Н. 338
 Огановский Н. П. 40, 83, 186
 Огинский М. И. 271
 Ознобишин А. П. 117
 Олсуфьев Д. А. 279
 Олсуфьев Ю. А. 197
 Ольденбургская Е. М. 269, 311, 312
 Ольденбургский П. А. 344
 Опишко Ф. М. 9
 Орлов А. А. 271
 Орлов М. М. 239, 240
 Орлов-Денисов-Никитин А. Ф. 384

Орловы А. Н. и В. Н. 384
 Орлов-Давыдов 343
 Орлов-Давыдов А. В. 131, 133
 Орлов-Давыдов С. В. 30, 384
 Орлова-Давыдова А. В. сыновья 45, 384
 Орловы-Давыдовы 131, 223, 288, 298, 299, 300, 304, 306, 312, 343, 350
 Орловы-Давыдовы А. А. и В. А. 30, 147, 148, 288, 297
 Остен-Сакен Х. К. 384
 Остерман И. А. и Ф. А. 43
 Охотников В. Н. 179, 384
 Павлов Н. А. 285, 294, 295, 299, 339, 346, 359
 Павлович П. Э. 150, 240
 Пален М. И. 384
 Пален С. Л. 348
 Палицын Д. П. 271
 Панина Н. П. 384
 Панина С. В. 234
 Парасунько О. А. 264
 Паскевич-Эриванский Ф. И. 45, 384
 Пастухов Н. П. 384
 Пастуховы 46
 Пашков В. А. 384
 Перовские 242
 Першин П. Н. 17, 18
 Петражицкий Л. И. 185
 Петрункевич И. И. 7
 Петрушов А. 374, 375
 Пешехонов А. В. 183
 Писарев Н. В. 113
 Пляттер-Зибберг Л. Г. 279
 Пляттер 244
 Пляттер де Брозель Л. Ц. 271, 384
 Поклевский-Козелл А. Ф. насл. 384
 Покровский М. Н. 14, 79
 Полежаев Н. Д. 348
 Поляков Л. С. 117
 Понсет де Сандон 253
 Попов А. Н. 106
 Попов П. И. 155, 157
 Попов Ю. В. 384
 Попова 258
 Потемкины 350
 Потоцкая М. К. 213
 Потоцкие 17, 31
 Потоцкий И. А. 45, 384
 Потоцкий К. К. 172, 384
 Потоцкий М. А. 384
 Потоцкий С. 45
 Правошинский А. Ф. 292, 314
 Прозоровская-Голицына М. А. 350
 Прокопович С. Н. 7, 8, 57, 218, 323
 Протопопов Н. А. 279
 Протопопов С. М. 284

Прутченко М. Ф. и С. М. 384
 Птушкин Г. М. 117
 Пусловский Ф. В. 384

Радзивилл А. В. 384
 Раевские М. Г. и М. Н. 385
 Разумовский А. Г. 242
 Ратлер 175
 Ратьков-Рожнов В. А. 385
 Ратьковы-Рожновы 348
 Рауш фон Траунбенберг Н. Н. 279
 Рачинский В. П. 107
 Рашин А. Г. 371, 373, 374
 Ребиндер А. А. 197, 273
 Ребиндер Н. А. 197
 Регель В. Э. 385
 Ренненкамф Н. Р. 273
 Рентальн 284
 Рибопьер Г. И. 179, 385
 Римский-Корсаков Б. А. 274
 Римский-Корсаков Н. Н. 338, 339
 Римский-Корсаков С. А. 279
 Родзянко М. П. 385
 Рожков Н. А. 13, 14
 Розен И. В. 279
 Романович-Словатинский А. Н. 279
 Романовы 357, 385
 Александр Михайлович 385
 Анастасия Николаевна 336
 Владимир Александрович 272
 Георгий Александрович 134
 Ирина Александровна 313
 Михаил Михайлович 343
 Михаил Николаевич 385
 Николай Константинович 343
 Николай Николаевич 385
 Сергей Александрович 133
 Сергей Михайлович 343
 Ромер Ф. Э. 228
 Ростовцев С. Г. 271
 Рузский А. П. 273
 Рукавишников 42
 Рукавишниковы 258
 Рукавишниковы И. В. и К. В. 385
 Рыбников В. Р. 385
 Рывкинд 311
 Рычкова-Защепина А. Д. 59

Сабашников М. В. 269
 Сабашниковы 281
 Савицкий Э. М. 17
 Сажин А. А. 291, 292
 Салтыков А. А. 6
 Салтыков-Шедрин М. Е. 276
 Самариц А. Д. 350
 Самариц Д. Ф. 300, 385
 Самарин И. И. 195
 Самарин С. Д. 142, 279

Самарины 142, 143, 144
 Самодуров И. 118
 Сангушко 31
 Сангушко Р. В. 45, 385
 Сатин А. А. 291
 Святловский В. В. 357
 Святополк-Мирская К. М. 385
 Святополк-Мирский И. Н. 348, 385
 Святополк-Четвертинский В. К. 274
 Сидоров А. Л. 3, 21
 Скадовский Г. Д. 162
 Скалон Г. Н. 344
 Скалон М. Н. 269, 311, 336
 Скалон Н. Д. 90, 344
 Скворцов Д. Н. 269, 311
 Скворцов-Степанов И. И. 378, 379
 Скибневский В. В. 230
 Склифосовский Н. В. 277
 Скориков Д. Н. 281
 Скорняков А. Н. 58
 Слезкин П. Р. 224
 Слободин В. М. 191
 Смирнов 275
 Смедкая О. Н. 385
 Советов А. В. 190
 Соколов 54
 Соколов А. А. 159
 Соллогуб В. Ф. 279
 Соломирский Д. П. 385
 Сольский Д. М. 271
 Сольский Н. М. 271
 Соттири С. Ю. 73
 Стахеевы 282
 Стахеевы И. И. и Ф. В. 279
 Стахович М. А. 273
 Стебут И. А. 180, 228
 Стенбок-Фермор А. А. 385
 Стенбок-Фермор А. В. 344, 385
 Стенбок-Фермор М. А. 385
 Стенбок-Фермор Н. А. 46
 Стенбок-Фермор Н. Г. 356
 Стишинский А. С. 7
 Столыпин П. А. 341, 378
 Столыпин Н. А. 385
 Строганов П. С. 117, 118
 Строганов С. А. 251, 252, 315, 348, 385
 Строганов С. Г. 43
 Строганова С. С. 43
 Строганова А. Д. 234
 Строгановы 43, 252, 255, 314, 315
 Струковы Ан. П. и Ал. П. 234, 385
 Струмилин С. Г. 52, 375
 Сумароков-Эльстон Н. Ф. 234
 Сумароков-Эльстон Ф. Ф. см. Юсупов
 Суорошникова 339
 Суханов-Подколзин Б. Г. 385
 Сухомлинов Н. Ф. 385

Тарасенко М. П. 181
 Тарновский К. Н. 15
 Татищев В. С. 272, 273, 279
 Татищева М. В. 343
 Таубе А. Ф. 271
 Таубе Г. 279
 Тевяшов Е. Н. 196
 Тевяшова Н. Н. насл. 197
 Тенишев В. Н. 273
 Терещенко 59, 150, 169—171, 179, 220, 263, 267, 268
 Терещенко А. Н. 119
 Терещенко А. Н. насл. 169
 Терещенко И. Н. насл. 169
 Терещенко М. И. и Н. И. 169
 Терещенко Н. А. и Ф. А. насл. 169—171, 385
 Терещенко О. Н. 169
 Терещенко Ф. Ф. 169
 Терпигоров-Атава С. Н. 357
 Тимашева Е. А. 385
 Толстой А. 242
 Толстой А. Л. 273
 Толстой Д. И. 30
 Толстой Д. Н. 44
 Толстой И. Л. 282
 Толстой М. М. 211, 353
 Толстой М. П. 305
 Толстой П. 44
 Торнау Н. М. (Кирьякова) 338
 Трепов В. Ф. 272
 Трепов Д. Ф. 336
 Трубейкой П. Н. 83
 Тулубьев В. А. 226
 Туманов П. И. 273
 Тышкевич А. Н. 279
 Тышкевич И. И. 385
 Тышкевич И. М. 44, 385
 Тышкевич М. Н. 42

Уваров И. А. 325, 385
 Уваров Ф. А. 141, 325, 385
 Уваровы 327
 Уваровы С. А. и С. В. 385
 Унгерн-Штернберг К. П. 279
 Урусов А. П. 272, 279
 Урусов С. Д. 160
 Урусов С. Н. 273
 Урусова П. А. 343
 Устинов М. А. 385
 Устинов М. М. 45, 223, 353, 385
 Утин Д. С. 227
 Ушковой М. Г. насл. 385

Фелейзен К. К. 273
 Фальц-Фейн С. Б. 385
 Фальц-Фейн Ф. О. 73, 385

Филиппов И. В. 252
Филиппченко М. Е. 173, 290
Фирсов 281
Фованова А. Д. 58
Фортунов А. Ф. 133
Форштетер А. Л. 269
Фредерикс А. А. 273
Фредерикс Н. П. и В. Б. 271
Фридман М. И. 259, 260
Фридрих И. Ф. 251

Харизоменов С. А. 88
Харитоненко П. И. 149, 150, 179, 200,
213, 263, 267, 305, 385
Хвостов 54
Хижняков В. В. 54, 57, 60
Хитрово В. М. 273
Хомяков Н. А. 336, 353
Храповицкий А. С. 107
Хрептович-Бутенев К. А. 228, 386

Ценкер А. И. 269

Чаплин Н. Д. 35
Чацкий Ф. В. 271
Чаянов А. В. 40
Челинцев А. Н. 11, 187, 210
Челищев С. М. 386
Челюсткин Н. 122
Чермак Л. 40, 358
Чернышев З. И. 43
Чернышев-Кругликов И. И. 386
Чернышева-Безобразова С. И. 43
Чудновская М. 109
Чуйков Н. А. 125, 126, 127, 225

Шабуня К. И. 175
Шамшин А. И. 279
Шарапов С. Ф. 185
Шаталов И. И. 180, 197
Шаховской Д. Н. 273, 279
Шаховской К. М. 273
Швартц Е. Г. 386
Швахгейм Е. Е. 74, 171
Шембек И. А. 293
Шевич И. Е. 386
Шейдеман М. Е. 228, 233, 290
Шереметев А. Д. 60, 275, 286, 304—
306, 312, 386
Шереметев Б. С. 282, 303
Шереметев Д. С. 274
Шереметев С. Д. 30, 123, 124, 181, 183,
223, 225, 244, 245, 259, 260, 277, 286,
293, 300—302, 304, 315, 316, 350,
353, 386
Шереметева В. П. насл. 386
Шереметевы 31, 42, 245, 247, 259, 286
Шестаков А. В. 14, 15, 62, 79
Шидловский К. М. 273, 279
Шидловский М. В. 273

Шидловский С. И. 35
Шипов И. П. 336
Шихобалов 339
Шихобалов А. Н. 386
Шлиппе 227
Шмидт А. И. 181
Шоманский А. Г. 386
Шпилев С. А. 63
Штакельберг В. К., М. К. и В. Ф. 279
Штейнгель В. Р. 76, 165, 166, 281
Штейнгель И. Р. 271
Штейнгель Р. В. 165
Штейнгель С. Р. 76, 271
Шувалов П. А. 386
Шувалова А. И. 352
Шувалова Е. А. 30
Шувалова Е. В. 42
Шувалова Е. И. 353, 386
Шуваловы 31, 214
Шуваловы П. П. и С. Л. 386

Щагин Э. М. 16, 120, 121
Щербан А. Ф. 160
Щербатов А. Г. 184, 222, 281
Щербатов П. Б. 272
Щербатова М. Г. 174
Щербатовы 350, 353
Щербатовы Н. С. и Н. Б. 279
Щербатовы С. А. и А. А. 349
Щиллинг С. 279
Щютц 362

Эмме Н. 52
Энгельгардт А. Н. 179, 195
Энгельгардт В. П. 181
Энгельгардт К. П. 108, 109
Эссен Н. А. 176
Эттинген Э. Э. 279

Юрицын К. 386
Юрьевич С. Н. 106
Юрьевич Ф. С. 386
Юсупов (Сумароков-Эльстон) Ф. Ф. 30,
90, 166, 167, 281, 286, 287, 386
Юсупов Ф. Ф. младший 276, 313
Юсупова З. Н. 30, 386
Юсуповы 17, 90, 127, 166, 197, 220, 221,
245, 246, 249, 250, 268, 270, 276,
281, 286, 308, 309, 312—314, 337,
338, 350

Яблонский В. 269
Яковлева П. С. и С. С. насл. 46
Яковлевич Я. 55
Ярошевич А. И. 172
Ярошинский 207
Яцунский В. К. 21
Яцунский К. С. 253

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	(3
<i>Глава первая.</i>	ПОМЕЩИЧЬЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РОССИИ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА	22
<i>Глава вторая.</i>	МАТЕРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ БАЗА ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА	48
<i>Глава третья.</i>	ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И СИСТЕМА ВЕДЕНИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА	80
<i>Глава четвертая.</i>	ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И СИСТЕМА ВЕДЕНИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	135
<i>Глава пятая.</i>	СЕЛЬСКОЕ И ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОМЕЩИКОВ.	189
<i>Глава шестая.</i>	ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ПОМЕЩИКОВ	255
<i>Глава седьмая.</i>	НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ЭКОНОМИКИ КРУПНОГО ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА	289
<i>Глава восьмая.</i>	КРЕДИТ, ЗАЛОГ И МОБИЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ	317
<i>Глава девятая.</i>	НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРАРНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ В РОССИИ	360
	ПРИЛОЖЕНИЕ	382
	ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	387

Научно-вспомогательная подготовка книги
выполнена младшим научным сотрудником
Института истории СССР АН СССР *Н. А. Курашовой*

Андрей Матвеевич Анфимов

КРУПНОЕ ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР*

Редактор *К. Н. Тарновский*

Редактор издательства *Р. И. Коробейникова*

Технический редактор *Л. И. Куррянова*

Сдано в набор 4/II 1969 г. Подп. к печ. 22/V 1969 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага: № 2. Усл.-печ. л. 24,75.
Уч.-изд. л. 25,3. Тираж 1600. Т-06759. Тип. зак. 1778
Цена 1 р. 72 к.

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
62	16 св.	А. И. Шестаковым	А. В. Шестаковым
73	11 св.	90	900
318	7 св.	1813	1913
353	14 св.	С. Ф. Шереметева	С. Д. Шереметева
354	табл. 73	1917 г.	1915 г.
389	2 стб., 6 св.	Караваев А. А.	Караваев А. Л.

Анфимов А. М. «Крупное помещичье хозяйство...»